ББК 63.2
И91

Авторы:

О. Д. Берлев, А. А. Вигасин, Г. Г. Гиоргадзе, Р. А. Грибов, М. А. Дандамаев, Д. В. Деопик, И. С. Клочков, Г. А. Кошеленко, М. В. Крюков, В. И. Кузищин, Г. А. Меликишвили, С. С. Соловьева, И. Ш. Шифман

Рецензенты:

Отдел Древнего Востока Института востоковедения АН СССР (зав. отделом акад. *Б. Б. Пиотровский*); чл.-корр. АН Армянской ССР *Г. Х. Саркисян*

Источниковедение истории Древнего Востока: Учебник для студ. истфаков вузов/ Под ред. В. И. Кузищина. — М.: Высш. шк., 1984. — 392 с.
И91

В пер.: 1 р. 10 к.

В учебнике рассматриваются общие проблемы источниковедения — его цели и задачи, место в ряду других дисциплин, типы и виды источников. Обзор источников дается по региональному принципу: источники по истории Древнего Египта, Передней Азии, Ирана и Средней Азии, стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии в древности. Анализируются памятники материальной культуры, письменные документы, произведения устного творчества.

И $\frac{0504010000-224}{001(01)-84}$ 30—84

ББК 63.2
902.9

ПРЕДИСЛОВИЕ

В учебнике содержится обзор основных категорий (типов, родов и видов) исторических источников по истории стран Древнего Востока и излагаются методы их источниковедческой критики. Рассмотрены источники по истории Древнего Египта, наиболее крупиых государственных образованнй Месопотамни (Шумера и Аккада, Вавнлонского царства, Мари и Митанин, Ассирийского царства), Восточного Среднземноморья и Аравии, государств Малой Азии (Хеттского царства, Трои, Фригни и Лидии), Урарту и Закавказья, Ираиа и Средней Азии, древнеиндийских государств, Древнего Китая и государств Юго-Восточной Азии.

Материал расположен в хронологической последовательности в соответствия с принятой в современной историографии периодизацией. Подобный принцип изложения позволяет показать особенности источниковой базы для каждого этапа социальио-экономического, политического и культурного развития той или иной страны, того нли иного региона. В пределах каждой главы рассмотрены основные категории источников — письменные источники, данные эпиграфикн, археологнческие материалы, причем анализ каждой из этих категорий дан в соответствии с полнотой информация и значимостью данного типа, рода или вида источников для воссоздания исторической действительности каждого периода развития той или иной страны. Внутренняя структура каждой главы подчинена построению соответствующей главы учебника «История Древнего Востока» (М., Высшая школа, 1979), что в целом создает определеиное концептуальное единство всего учебного материала.

Неравномерность исторического развития стран Древнего Востока обусловила своеобразие хронологических рамок для разных регионов. В целом изложеиие материала для каждой страны или региона иачинается со времени возникновения первых классовых обществ и ранней государствеиности и завершается для региоиа Ближнего Востока завоеванием его войсками Александра Македонского в коице IV в. до н. э., поскольку последующий период рассматривается в курсе «Источниковедение Древней Греции эпохи эллинизма». Для Южной и Средней Азии, стран Древнего Дальиего Востока и Юго-Восточной Азии изложение завершается III—V вв. н. э., когда на смену древности приходит средневековье.

ВВЕДЕНИЕ

(НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА)

Изучение всемирно-исторического процесса, его отдельных сторон или этапов невозможно без источниковедческой работы: сбора, отбора и критики источников — фундамента исторического знания. Это правило обязательно для всех разделов всемирной истории, в том числе и истории стран Древнего Востока.

История стран Древнего Востока — относительно молодая отрасль историографии. Она детище XIX века — века дешифровки сложных систем древневосточной письменности, века блестящих археологических открытий многих центров древневосточной цивилизации.

Относительно недавнее включение древневосточных цивилизаций в мировую историографию, трудности дешифровки сложных систем письменности, резкое увеличение фактического материала источников при отсутствии традиции в его разработке породили известное отставание источниковедческого анализа древневосточных документов. Перед специалистами-востоковедами и в XIX и в XX вв. вставала прежде всего задача не столько исторической интерпретации источников, сколько правильного прочтения и понимания текстов, квалифицированной первичной публикации письменных источников, а в области археологического изучения материала — его описания. Громадные усилия были затрачены на дешифровку и комментирование текстов, их первичную обработку.

На развитие древневосточного источниковедения оказывали влияние и такие факторы, как тесная связь ближневосточной истории с авторитетом библейского повествования. Раскопки мест, упомянутых в Библии или каким-либо образом связанных с библейской историей, придавали неблагоприятный для развития науки налет сенсационности и ажиотажа вокруг многих категорий

источников. Это приводило к тому, что одни группы документов или те или иные археологические комплексы привлекали к себе нездоровое внимание, в то время как другие находились в забвении. Развитие источниковедческих штудий для истории стран Древнего Востока сдерживалось оторванностью национальных историографий от европейской исторической науки, мертвящим влиянием колониализма (как в Индии) или полуколониализма (как в Китае).

Переломным этапом в развитии исторической науки, в том числе и источниковедения истории Древнего Востока, стало открытие К. Марксом и Ф. Энгельсом исторического материализма, обогатившего науку не только решением общих аспектов исторического развития, но и новым подходом к материалу и исследованиям конкретных проблем всемирной истории. Постепенно материалистическое понимание истории стало оказывать большое воздействие на развитие источниковедения, а также на методы обработки источников и синтетическое использование разных их категорий.

В XX в. разрядилась атмосфера сенсационности и ажиотажа вокруг археологических работ, уменьшилось влияние библейских авторитетов. И хотя велика еще роль филологического исследования, а проблема публикации и обработки материала, хранимого в музеях, по-прежнему остается одной из важнейших, введенные в оборот источники сейчас подвергаются углубленному историческому анализу. Бесспорно этому способствовало общее развитие современного источниковедения в системе исторических дисциплин и прежде всего разработка теоретических основ источниковедения, что органически объединило разрозненные наблюдения эмпирического источниковедения, вскрыло глубокие связи между источниковедением и другими специальными историческими дисциплинами, исторической наукой в целом. Следует отметить плодотворное воздействие достижений современного источниковедения на изучение истории Древнего Востока.

Что же такое исторический источник в современном теоретическом источниковедении, каковы, с одной стороны, его связи с исторической реальностью, следствием которой он является, а с другой, какова роль его интерпретатора?

«Исторические источники — все непосредственно отражающее исторический процесс и дающее возможность изучать прошлое человеческого общества, т. е. все созданное

ранее человеческим обществом и дошедшее до наших дней в виде предметов материальной культуры, памятников письменности, идеологии, нравов, обычаев, языка» (Советская историческая энциклопедия, т. 6, Источниковедение). Исторический источник как след определенной реальности отражает или воплощает историческую действительность, обладает объективным содержанием и потому является надежным средством познания исторической действительности. Исторический источник бесчисленными отношениями связан с объективной реальностью и отражает ее в самых различных ракурсах и планах. Мастерство источниковеда, совершенствование методики исследования, общий прогресс науки открывают все новые и новые стороны этих отношений. В этом смысле источник неисчерпаем для исследования, каждое новое поколение историков получает новую информацию, видит в источниках новые грани, новые планы и срезы действительности, углубляя процесс познания прошлого. Вместе с тем любой источник является творением людей и как таковой заключает в себе субъективное начало.

Одна из центральных проблем современного источниковедения — роль субъективного начала в источнике и, следовательно, в более широком плане — проблема достоверности источника. Субъективизм в источнике проявляется во многих формах: конкретные образы, слова, действия создателя, свойственные только ему, его опыт, степень профессиональной подготовки, влияние среды. Особенно это заметно в авторских произведениях. Египетский логос Геродота можно легко отличить от истории Манефона или «Персидской истории» Ктесия Книдского, великое произведение Сыма Цяня — от хроники Бань Гу или сочинения Полибия и т. д. Исследование древневосточной литературы показывает слабое развитие жанра исторического повествования на Древнем Востоке (исключение — Древний Китай). Зачатки исторического повествования в Древнем Египте или Месопотамии в виде царских надписей с записями побед или пожертвований в храмы нарочито обрабатывались в традиционном стиле и, как правило, были лишены индивидуального авторства, однако и они несут в себе субъективное начало и легко можно отличить краткий перечень летописи Палермского камня от литературно обработанных «Анналов» Тутмоса III, где отточенный и энергичный стиль изложения сочетается с четко выраженной политической концепцией. Многочисленные царские надписи и списки ассирийских правителей написаны в тра-

диционной манере, насчитывающей тысячу — полторы тысячи лет, но в целом имеют индивидуальные особенности: от сухого перечня событий до пространных анналов, где конкретные указания на победы заполнены помпезными и многочисленными восхвалениями царствующего правителя, выполненными в стандартных формах и в ограниченной терминологии.

Иной объем субъективного начала зависит от типа источника и от того угла зрения, под которым данный источник отражает историческую реальность. В «Текстах Пирамид» или «Речении Ипусера», в «Эпосе о Гильгамеше» или «Законах Хаммурапи», в проповедях пророков или трактате о коневодстве он будет различным. Однако каким бы значительным ни было субъективное начало в историческом источнике, оно не может целиком вытеснить объективное ядро, которое является определяющим в источнике. Иначе говоря, не может существовать ненужных источников, якобы ничего не дающих для исторического исследования. Любой источник содержит информацию о той или иной исторической действительности, и главной задачей историка является умение его расшифровать, получить эту информацию. Прогресс исторической науки состоит в том, что наряду с возрастанием количества источников, открытием их новых типов совершенствуются техника реконструкции заложенной в источнике информации, методы источниковедческого анализа, углубляются и сами познавательные способности историка.

Сам исследователь, особенности его мировоззрения вносят свои элементы в проблему субъективного при работе с историческими источниками. От его профессиональной и философской подготовки, целей исследования зависит, какую информацию он получит. Особенно злободневна эта проблема в источниковедении истории древневосточных цивилизаций. Здесь играют роль и трудности интерпретации материала как текстов, так и других источников (прежде всего фрагментарность и неполнота источников) и концепция о принципиальной непонятности древневосточных цивилизаций и стиля мышления людей того времени (цивилизаций отживших и забытых, сейчас искусственно воскрешаемых под пером ученых). Бесспорно, такие суждения о невозможности адекватного познания исторической реальности и существа так называемых мертвых цивилизаций (хотя бы на примере их культуры и религии) есть недооценка познавательных возможностей современной науки, располагающей и солидным набором

источников, и довольно совершенными методами источниковедческого исследования.

В каждом источнике, таким образом, заложена определенная информация об исторической действительности. Причем эта информация может быть трех видов: 1) информация, которая заложена в источнике намеренно, сознательно; 2) информация, о которой не предполагает создатель; 3) элементы сознательного или ненамеренного искажения истинного положения, т. е., по существу, не информация, а дезинформация. Например, в знаменитом описании битвы при Кадеше, прииадлежащем придворному писцу Рамсеса II, можно выявить все три вида информации: тяжелое положение египетских войск, попавших в окружение, отчаянный прорыв фараона Рамсеса, вынужденного принять личное участие в самом сражении, умелую маскировку критической ситуации, в которой оказались египтяне, прославление фараона и бога Амуна, намеренная дезинформация в виде указания на гибель огромного количества врагов и победу фараона.

Показателен знаменитый манифест Кира о взятии Вавилона, в котором дана информация о внутреннем положении Вавилонии в середине VI в. до н. э., о позиции вавилонских жрецов и вместе с тем сугубо тенденциозная характеристика Набонида и его политики.

Важной целью источникового анализа является выделение в источниках (главным образом в нарративных) так называемого первоисточника и вторичного источника, определение их относительной достоверности. Первоисточник хронологически впервые по сравнению с вторичными источниками, независимо и самостоятельно отображает исторический факт или событие и потому является исходным пунктом любого исследования. Однако отсюда еще не следует, что первоисточник всегда и везде достовернее вторичных источников. Адекватность отображения исторической реальности зависит от многих причин, а не только от синхронности источника с отражаемой им действительностью. Тем не менее выделение различных хронологических пластов (и прежде всего первоначального) в любом источнике является одной из самых необходимых обязанностей исследователя. Для источниковедения Древнего Востока это имеет бо́льшее значение, чем, например, для античной историографии, где великие греческие и римские историки (Геродот, Фукидид, Полибий, Тит Ливий, Тацит) умело и творчески обрабатывали исходные материалы и часто давали более полную и более достовер-

ную картину, чем их разрозненные первоисточники. На Древнем Востоке при младенческом состоянии историографии, ее подчиненности задачам прославления царствующего правителя, как правило, в традиционных формулах и образах, роль первоисточников необычайно велика. Например, упоминания о Саргоне Аккадском в царских списках и других литературных текстах II—I тысячелетий до н. э. (вплоть до нововавилонского времени), основанные частично на легендарной традиции, частично на некоторых первоисточниках, очень важны для воссоздания истории его правления.

К настоящему времени в руках исследователя древневосточной истории имеется огромное количество самых разнообразных источников. Вот почему в теоретическом источниковедении важной является проблема научной классификации источников. В основе современной классификации источников лежат фундаментальные понятия содержания (т. е. заложенной в источнике информации) и формы (т. е. внутренние связи, которые организуют отображенные и воплощенные в источнике факты, события и явления). Исходя из этих критериев, все источники можно разделить на большие категории — **типы**. Типы исторических источников отличаются друг от друга основным принципом кодирования и хранения информации. Эта информация может быть передана, отображена знаками письменности, вещественными памятниками, словами устной речи, звуками и танцами, обрядами, данными языка и т. п., которые с разных сторон и различным образом отражают историческую реальность. Поэтому можно выделить следующие типы исторических источников: 1) письменные источники, 2) вещественные памятники, 3) этнографические источники, 4) памятники устного народного творчества (фольклор), 5) данные языка, 6) антропологические материалы, 7) изменения географической среды под влиянием производственной деятельности человека. Существуют и такие источники, которые могут совмещать признаки разных типов. Например, эпиграфические источники являются и письменными и вместе с тем вещественными памятниками, а эпиграфист должен знать методику работы как с письменными, так и с археологическими материалами. Деление источников на разные типы предполагает разработку специфических методик работы с каждым типом, которые существенно отличаются друг от друга и требуют специальной подготовки.

Нет необходимости особо оговаривать значение и роль в историческом исследовании письменных памятников и археологических источников, этих основ исторического знания. Но хотелось бы особо подчеркнуть важность для изучения истории Древнего Востока и других типов исторических источников.

Для обширных пространств Древнего Востока, населенных многочисленными этническими группами, племенами, народностями, принадлежащими к различным языковым семьям и расовым группам, характерен необычайно сложный этногенез, запутанная картина этнических контактов и причудливого по своим результатам их взаимодействия. Вот почему для воссоздания исторической действительности каждого древневосточного общества важное значение имеют данные языка: топонимика, ономастика и др. Сама форма письменных знаков, главным образом иероглифических, может дать интересный материал. Например, специфическая форма написания иероглифа, обозначающего дом в виде незамкнутого прямоугольника, а селения — в виде круга, передает вид реального дома и соответственно селения древнейшей эпохи египетской истории и подтверждается археологическими находками подлинных домов и селений того времени. Анализ начертания китайских иероглифов I тысячелетия до н. э. позволяет судить об особенностях орудий труда, оружия, домашней утвари, лучше понять социальные термины II тысячелетия до н. э.

Среди разных типов источников по истории Древнего Востока следует отметить произведения устного народного творчества, дошедшие до нас в записях и, следовательно, прошедшие строгое и многовековое редактирование. Для ведущих стран Древнего Востока характерно существование яркой, богатой эпической поэзии, многочисленных сказок, собраний поговорок и пословиц, разработанной мифологии. Серия сказок Древнего Египта, изобилие легенд, мифов, песен в Ветхом завете Библии, циклы эпических сказаний Древней Месопотамии, великие эпические поэмы Древней Индии «Махабхарата» и «Рамаяна», обширная древнекитайская традиция и многое другое являются богатейшим типом исторических источников. Их специфика в особом ракурсе отражения исторической действительности, предполагающего коллективизм видения многих безымянных авторов, передатчиков и редакторов, которое отличается от позиции индивидуального автора.

В произведениях народного творчества своя система организации материала, свои жанровые законы существования героев, которые необходимо учитывать: наличие многих временных пластов и их причудливое переплетение в одно условное время действия, сжатие событийного времени вплоть до того, что целая историческая эпоха сжимается в один эпизод, отсутствие четких границ между миром людей и богов, объединение событий и героев вокруг нескольких популярных персонажей, условный характер упоминаемых географических и временных указаний (например, использование чисел семь, три или девять и др.).

В связи с этим выявление собственно исторически достоверного ядра, установление более или менее определенных хронологических рубежей — дело необычайно трудное, требующее особой методики исследования памятников устного народного творчества.

Среди различных типов исторических источников по истории Древнего Востока имеют бо́льшее значение, чем для других разделов всемирной истории, следы вмешательства человека в природную среду и данные антропологии. Освоение человеком аллювиальных долин великих рек или оазисов в пустынях, активная земледельческая деятельность (системы каналов, дамбы, насыпи, каменоломни и др.) сначала приводили к изменениям природного окружения в пользу человека, а затем вели и к негативным последствиям (поднятие уровня рек Тигра и Евфрата, речные наносы в их устьях, подъем грунтовых вод и прогрессирующее засоление почвы, изменения русла Хуанхэ и катастрофические наводнения), были фактором не только природного, но и исторического развития, влияли на жизнь человеческого общества, вели к перемещениям его центров, являлись иногда причиной племенных передвижений.

Исследование географической среды древневосточных обществ стало давать богатые результаты после освоения методов археологической аэрофотосъемки, позволяющей картографировать огромные пространства, обнаруживать многочисленные объекты в их общей комплексности и делать интереснейшие исторические выводы, используя данные стационарных археологических раскопок и, естественно, письменных источников. Например, работы в 20—30-х годах XX в. французского ученого А. Пуадебара в сирийской пустыне и особенно по исследованию финикийских портов Тира и Сидона дали ценные сведения для воссо-

здания портовых сооружений и общего плана указанных городов, выявили сложную картину мелких и крупных поселений, дорожной сети и других объектов в сирийской пустыне. Планомерные изыскания Р. Адамса в 60-х годах XX в. в Южной Месопотамии с использованием аэрофотосъемки и картографирования всей совокупности мелких, крупных поселений и городов, системы каналов и русел рек, дорожной сети и даже следов древнего межевания полевых участков принесли уникальные данные об освоении долины Двуречья, возникновении и развитии древнейших городов.

Поскольку древневосточная история практически начинается с неолита и продолжается до середины I тысячелетия н. э., то для объяснения ее длительного развития в 4—5 тысяч лет важное значение имеют данные об интенсивных племенных передвижениях, сложном этногенезе и формировании народностей, в связи с чем антропологические исследования приобретают немаловажное значение. Например, введение в научный оборот таких данных для истории племен Древнего Дальнего Востока помогает прояснить направление этнических потоков, многие стороны формирования культур и их взаимодействия, государственности.

Типы исторических источников могут быть подразделены на разряды — **роды**. Например, письменные источники могут быть подразделены на два рода: повествовательные (царские списки, хроники, памфлеты, биографии, обращения к богам, трактаты, художественные произведения, религиозная литература и т. п.) и документальные (материалы хозяйственной отчетности, юридические распоряжения, частные письма, публичные объявления, административные инструкции и т. п.). Данное деление — не формальное удобство произвольной рубрикации, а отражение внутренних различий, присущих источникам. Оно связано с определением того, что преобладает в данном роде источников: отображение действительности, как в источниках повествовательных, или ее воплощение, как в источниках документальных. Правда, четкой грани между понятиями отображения действительности или ее воплощения нет. Так, любые царские надписи, например, ассирийских царей при всей традиционности и стандартности описания царских походов и их восхваления возникают в определенной исторической среде и являются подобным же воплощением жизни, как собственно документальные материалы. С другой стороны, можно назвать распростра-

ненные в странах Древнего Востока сборники законов, которые по своему внутреннему содержанию являются как документальными, так и повествовательными памятниками.

Огромный и все возрастающий материал вещественных источников может быть подразделен на несколько родов: памятники, структурообразующим стержнем которых является художественный образ, воплощенный, например, в скульптуре, живописи, архитектуре, городском ансамбле, мелкой пластике; к иному роду должны быть отнесены непосредственные остатки прошлой жизни, например утварь, керамика, орудия труда, и производственной деятельности — жилища, крепости и т. д.; третий род представляют памятники мировоззренческого порядка, в содержании которых преобладают идеологические элементы действительности, например храмы и святилища, могильники, предметы культа и т. д. Имеются и другие роды внутри типа вещественных памятников. Конечно, нельзя абсолютизировать различия между этими родами, поскольку в каждом заключены элементы и других родов. Например, парадная керамика — это не только остаток непосредственной жизни, но и художественное произведение, а культовая статуя Исиды, Мардука или бодхисаттвы, египетского фараона или ассирийского царя — не только художественное произведение, но и объект мировоззренческого порядка. Элементы общности свойственны всем родам памятников внутри каждого типа, тем не менее какая-то сторона получает преобладающее место, которое вызывает необходимость деления на роды.

Род как подразделение внутри типа в свою очередь включает довольно широкий круг источников, которые можно подразделить на более мелкие разряды — **виды**. Виды исторических источников различаются не содержанием, а характером заложенной в источнике информации (например, сочинение по медицине или историческая хроника), особой организацией поданного материала (вокруг художественного образа или религиозной идеи) и формой (объединенные в параграфы сборники законов или краткие записи на глиняных табличках о хозяйственной отчетности). Например, большой род повествовательных письменных источников может быть разделен на такие виды: исторические хроники (царские списки и близкие им труды), художественные произведения, религиозно-философские сочинения, научные трактаты (например, по медицине, астрономии) и т. д. Документальные материалы могут

иметь виды: юридические памятники, документы хозяйственной отчетности, письма, оракулы и прорицания. Художественные вещественные памятники можно разделить на такие виды, как скульптура и терракота, живопись, архитектурные ансамбли, градостроительные комплексы. Для определения различных видов источников большое значение имеет и их внешняя форма. Не говоря о вещественных памятниках, виды письменных источников имеют определенные внешние отличия, которые могут выражаться в сходной лексике, стандартных оборотах, приемах построения и др., хотя главным видовым отличием являются особенности организации информации об исторической действительности. Свои подразделения на роды и виды имеют и все другие типы исторических источников.

Поскольку разные типы, роды и виды источников по-разному отражают объективную историческую реальность, то каждый из этих разрядов имеет собственное соотношение субъективного и объективного, что, естественно, предполагает и неодинаковую методику исследования разных категорий источников. В источниковедении существуют свои методы анализа текстов, вещественных памятников, этнографических данных, фольклора, лингвистических и антропологических данных, изменений географической среды.

При характеристике различных типов, родов и видов исторических источников следует подчеркнуть их принципиальную равноправность как объектов, отражающих или воплощающих историческую реальность, и потому было бы неправомерным выделять одни разряды (или внутри них группы документов) как более важные и потому заслуживающие особого внимания, а другие как менее важные, которые якобы ничего не дают исследованию. Это конечно не означает, что все категории исторических источников одинаково важны для того или иного конкретного исследования. Вопрос этот решается индивидуально в каждом конкретном случае. В истории источниковедения Древнего Востока были случаи, когда одна небольшая надпись становилась ценнейшим источником. Например, находка двухстрочной надписи с именами первых царей Ура Месанни-пад-ды и А-анни-пад-ды имела выдающееся значение и заставила пересмотреть взгляды ученых на историчность древнейших частей царского шумерского списка. Довольно обстоятельное изложение событий при династии Инь в «Исторических записках» Сыма Цяня в конце XIX— начале XX в. считалось легендарным, но находка в 1914 г.

коротенькой надписи на кости с именем Ван Хая, а затем и других иньских правителей подтвердила достоверность сведений великого китайского историка и оказалась поворотным пунктом в изучении древнейшей истории Китая.

Таким образом, для понимания общего исторического процесса все исторические источники в принципе имеют одинаковое значение как документы прошлой жизни. Достоверную картину можно получить лишь используя все типы, роды и виды исторических источников. Это синтетическое комплексное использование источников особенно важно для древневосточной истории, растянутой по времени, с меньшей по объему источниковой базой, чем для других разделов всемирной истории, с трудностью интерпретации и чрезвычайной фрагментарностью.

Наряду с понятием классификации источников на типы, роды и виды в практическом источниковедении для организации и упорядочения огромного материала самых разнообразных источников применяют их систематизацию. Принципы систематизации отличаются от основных критериев классификации и носят более формальный, хотя и важный для конкретного изучения источников характер. Например, можно группировать источники таким образом: источники по античной истории и источники по истории Древнего Востока. Внутри этого обширного подразделения принята систематизация источников по региональиым и хронологическим признакам, например: источники по истории Древнего Египта, источники по истории Древней Месопотамии, по истории Средней Азии и Ирана, по истории Малой Азии и Закавказья, Древней Индии и Древнего Китая. Внутри этих регионов можно объединить источники по хронологическому признаку: источники по истории Древнего, Среднего, Нового царств в Египте и т. п. Таким образом, классификация и систематизация источников переплетаются друг с другом и взаимно дополняют друг друга.

Выделяется также группа источников, которые обозначаются как иноземные для той или иной страны, например: материалы ассирийских источников по истории Древнего Египта или сведения индийских документов по истории Древнего Китая. Особо выделяются группа источников из античного мира, произведения античных авторов: Геродота, Ксенофонта, Мегасфена, Страбона и других, которые имеют отличия от собственно древневосточных материалов.

Особенностью современной исторической науки является бурное развитие источниковедения, выражающееся как в возрастании объема и количества самых различных

источников, так и в появлении новых методов их обработки и выявлении заложенной в них информации, о которой ученые прежде и не подозревали. Особенно интенсивно идет накопление источников по истории стран Древнего Востока. Находки внушительного царского архива в Эбле, где обнаружено свыше 16 тыс. самых разнообразных документов, существенно расширяющих наши представления об истории Восточного Средиземноморья второй половины III тысячелетия до н. э.,— одно из последних и ярких тому свидетельств. Значительных результатов следует ожидать от дальнейшей работы по дешифровке таких систем письменности, как индская, протоэламская, протошумерская.

Плодотворное влияние на расширение источниковой базы и получение ценной информации о древневосточных цивилизациях имели новые приемы археологического обследования (исследование сплошных территорий, применение аэрофотосъемки, точная стратиграфия), новые методы обработки археологических материалов (современные способы датировки, применение методов естественных наук, металлография, спектральный анализ, методы математического и статистического анализа, применение ЭВМ и др.). В настоящее время с помощью этих методов заложенная в источниках информация используется и более точно, и более разнообразно. Информативность вещественного материала повышается в связи с использованием экспериментального метода, системного анализа, наконец, с усовершенствованием процедуры археологического исследования, которая позволяет отказаться от упрощенной схемы, господствовавшей в археологии ранее, когда исследователь памятника материальной культуры делал заключительные обобщения исторического характера (например, о социальных и политических институтах) из незатейливого описания археологических фактов, минуя стадию их критики и объяснения, игнорируя многоступенчатость рождения артефакта в реальной действительности, его кристаллизацию в вещественном памятнике, обнаружение, систематизацию и типизацию при обработке. Полнота и разнообразие получаемой в настоящее время информации из вещественных памятников такова, что история дописьменных периодов древневосточной истории исследуется с большей полнотой, чем ранее. Раскопки Л. Вулли в Уре и его методы работы с археологическим материалом позволили глубоко осветить историю Месопотамии IV тысячелетия до н. э. с характеристикой хозяйства, элементов социальной органи-

зации, политических учреждений, культуры и в динамическом развитии с выделением основных периодов. Современные исследования археологического материала позволяют воссоздать историю многих областей Передней Азии: долины Нила, Палестины, Западной Малой Азии и Северной Месопотамии с VIII тысячелетия до н. э. до начала письменной истории, а также объяснить столь раннее формирование первых человеческих цивилизаций именно в этом регионе земного шара.

В современном практическом источниковедении, т. е. при работе с конкретными типами, родами и видами источников, существуют многочисленные методики анализа: обработка повествовательных или документальных текстов, разных категорий вещественных памятников, фольклорных данных или остатков языка, этнографических материалов или данных антропологии,— что предполагает особую специализацию, целенаправленную и глубокую подготовку. Однако в самом общем виде конкретный аиализ любого типа источников предполагает три последовательные ступени, в наиболее полиом объеме реализуемые при анализе письменных памятников, но так или иначе свойственных и всем другим категориям источников.

Прежде всего можно выделить ступень внешней критики источников: сбор необходимых материалов для исследования той или иной проблемы, установление текста (точное прочтение текста), очищение его от вставок и фальсификаций, заполнение лакун, выявление редакторских дополнений, традиционных выражений, определение первоначального и вторичного текста, происхождение источника (время составления, авторство, место написания, цели и обстоятельства составления источника). Внешняя критика древневосточных источников очень трудоемка. Существуют и свои приемы внешней критики вещественного памятника: формальное описание, выявление связей в рамках комплекса, функциональное назначение и т. д.

Вторая ступень источниковедческого анализа — стадия внутренней критики источника: если это письменный источник, то это определение личности автора как представителя своей эпохи, его мировоззрения, политической направленности, классовой принадлежности, профессиональной подготовки, полноты сведений, их достоверности и точности, фальсификации фактов, подделки, наличие первоисточников и вторичных источников, определение различных хронологических слоев в источнике. Все это можно проиллюстрировать на материале такого интересного ис-

точника, как «Речение Ипусера». Классовая и профессиональная принадлежность автора этого документа не вызывает сомнений — это скорее всего один из жрецов, представитель верхушки господствующего класса, сторонник сильной власти фараона, страж привычного порядка. Большие трудности вызывает хронология этого документа, который одни исследователи относят к концу периода Среднего царства, другие — к первому переходному периоду. В советской литературе «Речение Ипусера» считается одним из важнейших источников, который в поэтической форме передает описание крупного народного восстания, разразившегося в Египте. Совершенно иным представляется содержание этого источника, если толковать его как литературный памятник, религиозную мистерию или произведение мессианистической литературы с абстрактными пророчествами, не связанными с реальной жизнью (как это считает, например, Б. А. Тураев). В процессе внутренней критики источника важно установить разного рода фальсификации и подделки. Речь идет не только об установлении современных подделок некоторых надписей, как, например, финикийских надписей в Америке, или знаменитой подделке рукописи пятой книги Второзакония, или о подделке знаменитой короны скифского царя Сайтафарна. Такие подделки довольно быстро раскрываются.

Специалисту, работающему с источником, приходится сталкиваться с подделками ряда документов, совершенными еще в древности, и их определить особенно трудно. Например, американский египтолог Вильбур, который скопировал одну из египетских надписей с трудночитаемым текстом, при расшифровке не мог понять ее содержание. Кропотливое исследование (ученому пришлось вновь ехать на место установки плиты и сверять еще раз копию надписи с оригиналом) позволило сделать вывод о том, что надпись, восходящая якобы к XVIII в. до н. э., оказалась подделкой жрецов местного храма, сфабрикованной во II в. до н. э. для обоснования прав на земельный участок. Установление таких подделок — образцы блестящей внутренней критики источника.

Внутренняя критика источников предполагает выявление разных редакций и хронологических слоев в документе, в частности в более или менее обширных повествовательных текстах, а результаты такой работы могут оказать важнейшее влияние на историческое исследование. В качестве примера можно привести анализ средневековых вьетнамских летописных сводов. В историографии доволь-

но долго считалось, что вьетнамские летописные своды до X в. копируют ранние китайские хроники не опираясь на собственную национальную традицию и не могут служить надежным источником по древней истории вьетнамских царств. Естественно, подобные выводы не только обедняли исследование древней истории Вьетнама, но и придавали ему определенную направленность.

Однако детальное исследование проблем вьетнамского летописания показало, что в средневековых вьетнамских сводах прослеживается несколько временных пластов, восходящих к древним временам, причем данные, относящиеся ко второй половине III в. до н. э., отличаются высокой степенью достоверности. Лишь в XIV—XV вв. вьетнамские летописные своды перерабатываются в неоконфуцианском духе, а влияние китайских хроник возрастает. Все это открывает новые возможности для изучения конкретной истории Древнего Вьетнама.

Последняя, заключительная стадия источниковедческого анализа — синтез внешней и внутренней критики: определение связей источников и их видов, сопоставлеиие источников по степени их достоверности, роли субъективиого начала и объективного ядра, выявление недостающих звеньев, установление всей суммы фактов, подбор других источников для определенной проблемы. Теперь сам источниковед или другой исследователь может использовать подготовленный материал для целей конкретных или общеисторических исследований, воссоздания исторической реальности, нашедшей свое отражение в сохранившихся до нашего времени источниках.

Раздел первый
ЕГИПЕТ

Глава I
ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ ДО КОНЦА СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

§ 1. Общие сведения

Египет не оставил собственной истории. Единственная дошедшая до нас, хотя и в отрывках, «Египетская история» Манефона написана на греческом языке. От более раннего периода сохранились помимо обломков летописи только списки царей, и все неполные. Историю приходится реконструировать по памятникам, среди которых главное место занимают памятники монументальные: изображения и надписи на скалах (особенно на границах страны), на стенах храмов и гробниц. Документы играют пока роль относительно второстепенную, хотя и немаловажную. Археологические методы реконструкции исторического процесса также до последнего времени были на втором плане.

Письменные источники по истории Египта написаны на древнеегипетском языке, составляющем особую ветвь афразийской, или семитохамитской языковой семьи и прошедшем за длительный период своего существования несколько этапов развития: староегипетский язык (XXX—XXII вв. до н. э.), среднеегипетский, или классический, язык (XXII—XVI вв. до н. э.), новоегипетский язык (XVI—VIII вв. до н. э.), позднеегипетский язык, в основном язык демотической письменности (VII в. до н. э.— V в. н. э.).

С III в. до н. э. в долине Нила большое значение приобретает греческий язык, язык греко-македонских завоевателей страны. Это значение он сохраняет вплоть до арабского завоевания.

С III в. н. э. появляется письменность и литература на разговорном языке той поры — коптском, который и теперь так или иначе сохраняется в среде египтян-христиан, коптов, в их богослужении, литературе и в повседневной жизни. С VII в. н. э. греческий и коптский стали вытесняться арабских языком.

В качестве писчего материала использовались камень, дерево (таблички), остраконы — глиняные черепки и осколки, а иногда и крупные плоские куски камня, реже кожа и металл. Но самым распространенным материалом для письма служил папирус, получивший широкое, даже международное распространение. Папирус хорошо сохранился в условиях сухого климата нильской долины. Писали обычно кисточкой, позднее пером из камыша. В качестве чернил использовались сажа и охра — сухие черная и красная краски (в воду обмакивали кисточку). Сохранились даже египетские письменные приборы: ступа с пестиком для растирания чернил и дощечка с углублениями для их хранения, сосуд для воды, кисточка в футляре.

Истоки египетской письменности следует искать в родившейся из рисунка в древнейшую эпоху пиктографии. От нее взяло свое начало иероглифическое письмо (термин употреблен Климентом Александрийским —II—III вв. н. э.) — основа египетской письменности,— возникшее на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. и просуществовавшее до IV в. н. э. От него произошли два других вида египетской письменности — иератика (курсивное письмо, скоропись, конец III тысячелетия до н. э.) и демотика (курсив в сочетании с принципами стенографии). Демотическое письмо возникло видимо в VII в. до н. э. и просуществовало до V в. н. э.

§ 2. Древнейший период и Раннее царство

Памятники материальной культуры, свидетельствующие о переходе от присваивающих форм хозяйства к производящим, характеризующие эпоху неолита в Нильской долине, встречаются в стране очень широко и датируются VI—V тысячелетиями до н. э. Это поселения в Фаюме, Меримде бени-Саляме (в Северном Египте), Бадари (в Среднем), Таса (в Южном Египте). Уже в это время закладываются прогрессивные методы ведения земледельческого хозяйства и скотоводства, навыки ремесла и начала обработки металла (меди).

Дальнейший прогресс в этом направлении наблюдается в последующую, так называемую додинастическую эпоху, охватывающую IV тысячелетие до н. э. и разделяющуюся на I додинастический период, или амратский (от совр. деревни Амра), или Негада I, и на II додинастический период, или герзейский (от совр. деревни Герзе), или Негада II.

К додинастической эпохе генетически тесно примыкает эпоха Раннего царства (ок. 3100 — ок. 2800 г. до н. э.).

Египетское царство двуедино по своему происхождению: Верхний и Нижний Египет, короны Верхнего и Нижнего Египта, государственные учреждения по Верхнему и Нижнему Египту отражают этот дуализм. Естественно было предположить, что когда-то эти части страны были самостоятельными царствами, так или иначе объединенными в целое, но сохранившими в рамках этого целого известную индивидуальность.

Около 100 лет назад эта гипотеза была особенно тщательно разработана немецким египтологом К. Зете. Согласно ей, центры обоих царств находились в городах Нехен и Энхаб (арабская точная передача: Эль-Каб) (Южное царство) и Пе и Деп, или Буто (Северное). Что касается южного центра, то археология подтверждает его древность, хотя мощные стены города Энхаб из кирпича-сырца относят уже ко времени I династии. Сенсационным было обнаружение в Энхабе дома времен I додинастического периода (периода Амра, или Негада I) — так называемого амратского дома — прямоугольного в плане, точного прообраза иероглифа «дом». Там же обнаружена знаменитая гробница вождя, единственное сооружение с росписью стен додинастического времени. Раскопки же предполагаемой нижнеегипетской столицы в Буто, проводившиеся американской археологической экспедицией, не дали результатов не только для додинастического времени, но и вообще для периодов ранее I тысячелетия до н. э.

Единственный письменный источник по истории нижнеегипетского и верхнеегипетского царств — верхняя строчка в своеобразной летописи времен Древнего царства. Сохранились крупный обломок этой летописи, так называемый Палермский камень и ряд мелких (музей города Палермо в Сицилии, Каирский музей и музей университетского колледжа, Лондон). Один из каирских фрагментов позволяет сделать заключение о том, что существовал не один список летописи и, следовательно, можно надеяться найти фрагменты, дополняющие утраченные в настоящий момент части. Правда, недавно были высказаны сомнения в подлинности всех фрагментов летописи, кроме Палермского. Относительно последнего немецкий ученый В. Хелк предположил, что это копия древнего оригинала, выполненная в эпоху владычества эфиопов в Египте при XXV династии.

На обломке в Палермо сохранились имена царей, поясненные фигуркой сидящего человека в нижнеегипетской короне. О списке верхнеегипетских царей можно строить только предположения. Поздняя (начиная с периода Нового царства) историческая традиция не сохранила никаких исторических сведений о додинастической эпохе.

В пользу существования двух первоначальных царств говорит изображение короны северного царства на сосуде эпохи Амра (Негада I). Упоминание нижнеегипетского царя в некоторых изречениях «Текстов пирамид» (см. § 3) было воспринято как указание на датировку их периодом двух царств.

Если и самое существование отдельных царств не выходит пока из области вероятного, то практически нет сведений об объединении царств в одно, т. е. о покорении одного царства другим. Представление о торжестве Юга над Севером может быть основано пока только на примате всего верхнеегипетского в титулатуре царя, в названии должностей, в привычке называть Юг перед Севером и т. п., но это лишь косвенные данные. Во всяком случае летопись времени Древнего царства (каирские фрагменты) в своей первой строке показывает ряд додинастических царей уже в коронах обоих царств.

В додинастический период происходит становление древнеегипетского иероглифического письма, знаки которого могут в какой-то мере характеризовать эпоху. Так, прямоугольный в плане дом обнаружен теперь уже в эпоху Амра. Напротив, город, селение в те времена должны были быть, судя по знакам, круглыми в плане, что вообще характерно для Африки, но древнейший известный нам египетский город Энхаб и абидосские форты в плане прямоугольны. Может быть, это и неудивительно в отношении фортов, поскольку они могли иметь специальное назначение, но прямоугольный план города пока не подтвержден археологией.

Древнейшие датированные (т. е. содержащие имя царя) письменные памятники — это булава царя, имя которого пишется знаком «скорпион», знаменитая палетка для растирания косметических мазей и ряд других памятников царя, имя которого принято читать Нар-мер (возможно означает «свирепый сом»). В 60-е годы XX в. проявляется интерес к деятельности этого крупнейшего из известных нам представителей додинастической эпохи за пределами Египта, в Южной Палестине, однако вполне достоверных памятников Нар-мера в этом регионе обнаружить не уда-

лось. Некоторые ученые склонны отождествлять Нармера с легендарным Меном (в греческой форме — Менес) поздних царских списков; другие отождествляют с Меном царя по имени Аха. Заметим, что в списках царей, составленных при I династии, Нармер не упоминается.

К концу IV тысячелетия до н. э. в северной части долины Нила складывается раннеклассовое общество и достаточно сильное государство. С царя по имени Аха начинается счет годам (летопись) и династиям. Под именем Мен он считался первым царем I династии, но основателем государства он не был. Известны цари, его предшественники Скорпион и Нармер, а до них целый ряд царей, правивших всем Египтом (их имена не сохранились), и несколько имен царей Нижнего Египта.

Примерно с 3100 г. до н. э. начинается Раннее царство, которое охватывает период, непосредственно предшествовавший I династии (иногда царей всего Египта, правивших до царя Аха, объединяют в «нулевую» династию, но термин этот всеобщего признания не получил), и время правления I и II династий.

Период ранних династий известен нам по некрополям царей этого времени в Абидосе (совр. эль-Араба эль-Мадфуна), Саккара и Хелуане, по некрополям столицы или столиц тех дней в Саккара и в Хелуане, по погребальному комплексу в Негада, по остаткам храма в Иераконполе (совр. Ком-эль-Ахмар), по городу Энхаб и т. д. Сведения об этом периоде находятся также в летописи времен Древнего царства, в списках царей времени Нового царства и в списке Манефона.

Письменные источники эпохи распадаются на две группы. Первая — это монументальные памятники, стелы, статуи, декоративные палетки и др. Они мало информативны как исторические источники и содержат лишь кратчайший текст, как правило, тесно связанный с изображением, композицией. Среди этих памятников выделяется группа царских манифестов типа палетки Нармера или булавы царя Скорпиона. Манифесты эти имеют целью отметить ту или иную веху в истории государства, то или иное событие царствования, но при этом используется минимум текста и максимум изобразительного материала. Возможно, форма манифеста зародилась в те времена, когда письменность только-только формировалась и сплошной текст был мало понятен и трудно осуществим. Возможно, оказывала влияние на эту форму и общая неграмотность: изобразительная композиция с небольшими пояснениями привлекала внима-

ние многих и легко могла быть растолкована человеком, имевшим хотя бы начальные навыки иероглифического письма. Эта форма манифеста сохраняется до времени Нового царства, когда она вытесняется письменным манифестом.

Вторая группа — оттиски (откаты) печатей и сами печати. Ими запечатывалось все ценное, поскольку в египетском доме не было замков и запоров и все ценности хранились в запечатанной таре: сосудах, ларцах, ящиках. Печати — ценнейший источник по истории эпохи. Как правило, на них указывалось имя правящего царя и название учреждения, ответственного за производство или сохранение той или иной вещи, того или иного продукта. Таким образом рисуется картина целой сети государственных учреждений, выявляется структура государственного аппарата, древнейшего в долине Нила. Печати наряду с монументальными памятниками дают возможность проследить и процесс постепенного усиления царской власти, находящий отражение в развитии царской титулатуры.

Датировка при первых двух династиях велась по примечательным событиям, случившимся в те или иные годы царствования. Сохранились таблички из слоновой кости с записями подобных событий. Позже такие записи по годам сводились воедино, давая четкое представление о продолжительности каждого царствования и об основных делах этого царствования. Появляется, таким образом, летопись, известная нам прежде всего по надписи на Палермском камне. Запись событий, видимо, начинается с царя Аха (в сохранившейся части — только с четвертого царя I династии) и доводится до царствования третьего царя V династии.

Раскопки некрополей времени I—II династий показывают все возрастающую степень обработки камня, которая стала возможной благодаря применению орудий из меди. Подготавливается эпоха строительства крупных и гигантских сооружений из камня. Памятники этого времени свидетельствуют о высоком искусстве египтян (рельеф и круглая скульптура), о формировании в эту пору принципов, определивших развитие египетского искусства на тысячелетия вперед.

От этой эпохи дошли монументальные постройки: так называемые форты в Абидосском некрополе и город Энхаб. Особенно мощны стены Энхаба, сложенные из кирпича-сырца. Энхаб — по традиции столица верхнеегипетского царства, но все обнаруженные в городе письменные памят-

ники относятся к периоду существования уже объединенного египетского государства. Тем не менее наличие в районе Энхаба единственного монументального сооружения от более древней эпохи — уже упоминавшейся гробницы вождя — показывает, что для существования традиции об Энхабе как столице древнейшего верхнеегипетского царства есть основание.

Столица царей первых династий, согласно традиции, находилась в Тине (район Абидоса), но точное местоположение этого города до сих пор не выяснено. Некрополь этих царей расположен к востоку от Абидоса, в пустынной местности, называемой Умм Эль-Гааб — «мать горшков» (из-за обилия сосудов, тысячелетиями приносившихся в эту долину с культовыми целями). Близость к некрополю фортов, единственных помимо Энхаба, так сказать, светских монументальных остатков эпохи ранних династий, позволяет ставить вопрос о них как об остатках древней столицы или о сооружениях, так или иначе связанных с ней.

Тем не менее центром страны должен был быть не маленький Тин, исчезнувший в наши дни бесследно, не район Абидоса, а несомненно район современного Каира — древнего Мемфиса, ибо именно в этой области обнаружены самые крупные некрополи.

Как же источники позволяют решать вопрос о столице? Видимо, район Тина — скорее культовый, чем административный центр Египта, некое священное место, в котором цари строили для себя пустые гробницы, кенотафы, тогда как все правление было сосредоточено в Мемфисе (точнее в городе, преемником которого стал более поздний Мемфис). Однако это лишь гипотеза. Дело в том, что царские гробницы обнаружены только в Абидосе; что же касается района Мемфиса, близ современной Саккара, то можно говорить лишь о наличии здесь гробницы одного царя II династии (Небра или Ранеба). В Саккара погребались высшие сановники государства. Гробницы их столь монументальны, что английский археолог В. Эмери, открывший так называемый архаический некрополь в Саккара, полагал что в большинстве это царские гробницы. Если так, то царские гробницы Абидоса, куда более скромные, чем саккарские, действительно должны быть кенотафами. Если же нет и гробницы принадлежат вельможам, то поражает абсолютная зависимость этих вельмож от царского хозяйства: печатями различных царских учреждений и ведомств запечатаны все пищевые запасы, помещенные в гробницу.

Неясен вопрос и о Хелуаие, достаточно удаленном от Мемфиса и, кроме того, расположенном на другом берегу Нила. Однако размеры раннединастического некрополя столь велики (он насчитывает более 10 тыс. гробниц), что никак не могут быть отнесены на счет какого-нибудь небольшого города. Это крупнейший некрополь эпохи (к сожалению, до сих пор не изданный полностью) и, стало быть, в этом месте должен был располагаться крупнейший город в Египте, которым могла быть только столица.

Имеются источники и о внешних контактах Египта в этот период. На скалах Восточной пустыни, богатой золотом, медью, драгоценными камнями, у современного Эдфу (или Идфу) была обнаружена надпись третьего царя I династии, а в Нубии, к югу от эль-Гиргави, чехословацкая экспедиция открыла надпись царя II династии, имя которого по Манефону Бинотрис, что свидетельствует о проникновении египтян в эти районы.

§ 3. Древнее царство (III—VI династии)

Археологический материал от эпохи Древнего царства не богат. Отметим находку поселения металлургов в Нубии и поселения строителей третьей пирамиды в Гизе, храма в Бубастисе, солнечных храмов V династии, архитектурных комплексов при пирамидах и т. п.

Основной материал для изучения эпохи дают изображения и надписи в монументальных гробницах частных лиц, как высокопоставленных вельмож и сановников, так и людей с достаточно скромным общественным положением. Изображения в гробнице делались с целью обеспечить ее хозяина всем необходимым для жизни: едой, питьем, одеждой. Для этого в гробнице всегда изображался весь цикл изготовления вещи: создание хлеба прослеживалось от посева, мясо — от рождения молодняка, готовая одежда — от посева льна и т. д. В итоге были увековечены весь процесс производства, люди, занятые в этом процессе, их имена, звания, профессии. Исследователь получает, таким образом, картину социально-экономической организации в долине Нила, сведения о структуре древнеегипетского общества в целом.

Наиболее богатый материал дают некрополи столичной области, от Абу Роаша на севере до Медума на юге, но особенно важны из них некрополи Гизе, Абусир и Саккара. Гизе, где находятся великие пирамиды царей IV династии Хуфу, Хафра, Менкаура, посвящено до полусотни томов

специальной литературы. Вместе с тем приходится учитывать, что результаты американской экспедиции, работавшей под руководством Дж. Рейзнера, изданы далеко не полностью. Саккара — самый большой некрополь эпохи Древнего царства, но издается он плохо. К тому же в 90-е годы прошлого века дирекция службы древностей в Египте вынуждена была пустить на распил и затем в продажу целый ряд гробниц, куски которых разошлись по всему миру. Абусир особенно интенсивно раскрывается в последнее десятилетие. Там найдены гробницы представителей царской семьи времени V династии.

Местные некрополи эпохи Древнего царства, разумеется, менее богаты, но отнюдь не менее важны. Наиболее крупные в Дешаше, Хемамийе, Каср-Саиде, Ахмиме, Дейр эль-Гебрави, Шейх-Саиде, Куббет эль-Хава. Эти некрополи содержат, как правило, гробницы начальников областей и членов их семейств.

Роль Абидоса как наиболее священного из всех древнеегипетских некрополей становится заметной только с конца Древнего царства, с периода VI династии. В Абидосе находилась гробница знаменитого «иачальника юга» Уны, столь важная для всякого изучающего социальный строй египетского общества, устройство египетской администрации.

Столицы эпохи Древнего царства не сохранились. Но облик царского дворца эпохи III династии можно проследить в комплексе строений при пирамиде Джосера, которые в результате нескольких десятилетий работы удалось восстановить французскому ученому Ж.-Ф. Лауэру.

Заупокойные храмы царей при пирамидах раскопаны только в небольшом числе случаев, причем почти все они сильно разрушены. Раскопаны два храма, которые строили цари V династии для почитания Солнца. От одного из них (построеи при царе Ниусерра) дошли значительные остатки, от другого (времени царя Усеркафа) — маловыразительные руины. Храмов богов от периода Древнего царства дошло всего два: один (фундамент) в Бубастисе (совр. Телль эль-Баста), другой в Фаюме.

Документальный материал от этой эпохи сохранился в относительно небольшом количестве, тем не менее он в высшей степени важен. Этот материал распадается на две группы: документы, высеченные на камне (это в большинстве своем декреты царей), и документы и письма на папирусе. Сохранились некоторые царские письма, но только в записи на камне.

Царские декреты были обнаружены впервые французским ученым Р. Вейлем в храме в Коптосе (совр. Куфт), где во времена Нового царства стелами, на которых были записаны эти декреты, вымостили двор храма. Коптос дал основную массу материала, без сомнения имевшегося во многих других местах Египта, но не сохранившегося. Отдельные декреты были найдены, впрочем, и в других местах, и они составляют уже внушительный корпус. Все они посвящены освобождению работников данного храма или святилища от привлечения на дополнительные работы помимо их непосредственных основных. Древнейший декрет издан царем IV династии Шепсескафом, последний — царями VII—VIII династий, которых относят уже ко времени I переходного периода.

Документы на папирусе в большинстве своем относятся к архиву пирамидного храма третьего царя V династии Нефериркара и принадлежат в основном последним царям этой династии. Это внушительный корпус папирусов, изданных Де Сенивалем и П. Криеже-Позенер и детально исследованных последней. Документы касаются инвентаризации храмового имущества, штатного расписания храма, выдач продуктов и вещей из храма и т. п.

Информативный папирусный архив дошел до нас от этой эпохи из района Элефантины. Все его документы относятся к концу Древнего царства, ко времени VI династии.

Небольшой, но важный для изучения социально-экономических отношений архив был обнаружен итальянскими археологами в Гебелейне. Обработку и издание этого материала осуществляет П. Криеже-Позенер.

Любопытным источником являются иератические надписи на сосудах, обнаруженные немецкой археологической экспедицией во главе с Э. Эделем. Таких текстов сотни, и хотя их назначение — назвать, какой продукт содержится в сосуде, они представляют интерес для исследователя, так как среди них немало записей ответственных лиц, указаний, чье это имущество, и т. д.

Еще более интересны пометы на каменных блоках пирамид и гробниц. Кладка строений, как правило, их скрывает, поэтому известно не так уже много подобных граффити. Между тем они содержат много важных сведений об организации занятой на строительстве рабочей силы, о ведомствах, связанных со строительством, и т. п. Чешской археологической экспедиции во главе с З. Жабой удалось обнаружить в Абусире свыше трехсот таких надписей.

Сохранилось довольно большое количество печатей цилиндрической формы и их откатов на глине. Они дают ценные данные как для реконструкции хозяйства Древнего царства, так и для корректировок хронологических построений. Корпус печатей этого времени, к сожалению, до сих пор не издан.

В гробницах царских подданных впервые появляется биографический текст, дающий сведения о хозяине гробницы. Он принимает форму автобиографии, вернее псевдоавтобиографии, поскольку трудно предположить, что написание таких текстов не поручалось специалистам. Одной из древнейших является надпись вельможи Мечена, жившего на рубеже III—IV династий. Наиболее информативная как исторический источник и наиболее совершенная по своим художественным достоинствам — это надпись правителя Верхнего Египта Уны, который жил при царях Пиопи I и Пиопи II. Важны также автобиографии Хуфхора, Пиопинахта.

От Древнего царства не сохранилось ни одной «книги» на папирусе, тем не менее традиция времен Среднего царства приписывала этой эпохе целый ряд литературных сочинений: дидактические трактаты Птаххотепа, Кагемни, царевича Дедефхора. Одно дидактическое сочинение некоего Мечечи дошло до нас высеченным на стене его гробницы. Обращает на себя внимание полное отсутствие произведений художественной литературы (сюжетных произведений).

Некоторые ученые к этому периоду относят знаменитый медицинский трактат по хирургии, так называемый папирус Смита. Весьма возможно, что математические достижения египтян датируются также этой эпохой, но они дошли в записях Среднего царства. Во всяком случае есть основание полагать, что проблема квадратуры круга была решена именно в это время.

Во времена Древнего царства записывается произведение, основное для египетской религии, — «Тексты пирамид». Впервые эти тексты появляются на стенах внутренних помещений пирамиды Униса (конец V династии) и записываются в продолжении всей VI династии и, возможно, позже, до конца VIII династии, от которой сохранилась лишь пирамида царя Иби. Всего известно восемь пирамид с текстами: шесть царских и две пирамиды цариц. Изречения, входящие в этот комплекс, были составлены в разное время (рождение некоторых из них датируется додинастической эпохой) и под влиянием различных религиозных сис-

тем (особенно выделяется гелиопольская), о чем свидетельствует анализ их содержания и языка. «Тексты пирамид» рассказывают о странствованиях фараона после смерти, их цель — обеспечить ему благополучную жизнь на том свете. Они являются главным источником для изучения религии египтян эпохи Раннего и Древнего царств.

Интереснейший религиозно-философский и политический трактат существует в записи на камне, выполненной при XXV династии, — так называемый «Мемфисский богословский трактат», который повествует о том, как бог Птах словом сотворил мир.

Освоение граничащих с Египтом земель в эпоху Древнего царства, как показывают источники, значительно продвинулось. Памятники этого времени обнаружены на Синайском полуострове, в Восточной пустыне (Хатнуб, Вади Хаммамат), в Нубии (Тошка и на скалах). Особенно много их найдено в финикийском городе Библе. Находки же единичных староегипетских памятников на Крите и в других местах Восточного Средиземноморья едва ли доказывают связь этих мест с Египтом в эпоху Древнего царства, так как они могли быть завезены туда и позже. Письменные и изобразительные источники эпохи Древнего царства описывают и изображают экспедиции к побережью Азии, в страну Пунт, вверх по Нилу. Вместе с тем примечательно, что Дельта, за исключением юго-восточного района (Гелиополь, Бубастис), совершенно лишена памятников Древнего царства. Танис не идет в счет: все староегипетское было свезено туда из других мест в поздиее время.

§ 4. Первый переходный период

Первый переходный период охватывает правление VII—X династий, но в нем выделяются два этапа: правление VII—VIII династий, непосредственных преемников Древнего царства, и правление IX—X династий, значительно контрастирующее с эпохой Древнего царства.

Весь период документируется почти исключительно эпиграфическим материалом, хорошо отразившим кризисный характер этого отрезка времени, но все еще малоинформативным для того, чтобы можно было проследить ход событий хотя бы с некоторыми подробностями; есть и памятники материальной культуры.

Наиболее важные результаты для характеристики эпохи получены при исследованиях в районе столиц той эпохи: Мемфиса (в те времена город назывался Джедисут), Гераклеополя, Фив.

Мемфис и в период запустения был величайшим городом Египта и притом не только центром администрации, но и средоточием военной силы страны. Десять тысяч воинов — таков военный потенциал города по словам гераклеопольского царя, автора поучения этой эпохи.

Примерно в тех же словах и, мы бы сказали, цифрах описывает столицу Египта Фивы и Гомер: «Град, в котором сто врат, из которых из каждых по двести ратных мужей на конях боевых выезжают»: 200×100=20 тыс. К сожалению, город до сих пор не раскопан. Известны гробницы царей ранней XI династии (скорее царьков), их вельмож и придворных, раскопанные около их резиденции — Фив.

Гераклеопольские некрополи раскапывались, но не дали результатов по истории Первого переходного периода. Тем интереснее было узнать сейчас об обнадеживающих результатах работы итальянских археологов, обнаруживших в районе Гераклеополя значительный некрополь эпохи IX—X династий.

Важные сведения по истории периода мы находим в гробницах XII и XIII номов Верхнего Египта (у нынешних Дейр эль-Гебрави и Асьюта) и в двух гробницах в Моалла.

От этого периода дошло замечательное политическое сочинение, написанное одним из царей IX—X династий для своего преемника Мерикара, дающее яркую картину бедственного состояния страны и мер, принимаемых царем для борьбы с разрухой, с вторжением внешних врагов, мятежами и т. п. Это первый случай царя-автора в египетской литературе; второй относится ко времени XII династии.

§ 5. Среднее царство и Второй переходный период

Среднее царство охватывает правление XI—XIII династий. Второй переходный период, как обычно считают, включает историю XIII—XVII династий, но династии XIII и XVII относят иногда и к Среднему и Новому царствам соответственно.

После падения гераклеопольской династии Египет был объединен под властью царя Ментухотепа I, первого царя XI династии. Жили новые цари во всеегипетской столице,

но погребались в своем родном городе Фивах, ставших одной из столиц страны.

Монументальные памятники этой эпохи сохранились в Фивах (гробницы двух царей), в Гебелейне; наскальные стелы — в Шатт эр-Ригал у южной границы; надписи у 1-го порога Нила, повествующие о походе в Нубию (страна Вават), — в Вади эль-Худи и Вади Хаммамат.

В Фивах обнаружено братское захоронение воинов, по-видимому, павших при осаде северной столицы, в результате захвата которой и произошло объединение страны. Правление XI династии было, однако, недолговечным, и через 2—3 десятилетия после объединения реальный правитель страны при Ментухотепе III — везир (по условной, принятой в науке терминологии) вступил на престол Египта под именем Аменемхета I и основал новую, XII династию.

При XII династии последствия Первого переходного периода были преодолены. Страна вступила в долгую (около 200 лет) пору мирного развития.

Археологические раскопки дали некоторый материал для характеристики Египта указанной эпохи. Исследованы поселение строителей пирамиды царя Сенусерта II, так называемый город Хутхотеп-Сенусерт, храм времени Аменемхета III и IV в Мединет Мади на юге Фаюма. Дворец эпохи XII династии обнаружен в Бубастисе.

Особое значение для изучения Среднего царства имеет некрополь Абидоса. Жители самых различных мест Египта старались построить для себя кенотаф в этом священнейшем месте страны, у храма Осириса, в некрополе, носившем имя «Захват дыхания» (от чувства благоговения перед святостью места). Некрополь дал около полутора тысяч стел, жертвенников, статуй, наосов, содержащих важные сведения по общественному и государственному устройству Египта той поры. К сожалению, некрополь был совершенно разграблен и буквально разнесен на куски в течение XIX в. В настоящее время предпринимаются попытки реконструкции этого важного для истории страны памятника.

Некрополи Среднего царства были связаны с кладбищем царей I и II династии в Умм эль-Гааб. Гробница второго царя I династии, возможно, уже в конце Среднего царства считалась гробницей Осириса и почиталась.

Интересными оказались археологические изыскания в Нубии, где удалось раскопать систему крепостей, а при некоторых из них — и поселения преданных Египту нубийцев

(нехсиу), защищаемых этими крепостями. На юге Египетской Нубии того времени (район 2-го порога) удалось выявить своеобразные оборонительные пограничные сооружения.

Сенсацией последних лет было обнаружение на берегу Красного моря единственного известного нам морского порта. О существовании города Гасуу на Красном море знали по упоминанию на стеле, которая была вывезена оттуда во второй половине прошлого века (сейчас в музее города Дарэм в Северной Англии), но точное его расположение было неизвестно. Теперь место порта обнаружено египетской археологической экспедицией эс-Сайеда. Интересно отметить находку морских якорей из камня, самых древних в Египте: якоря образуют пьедестал памятника, служа таким же украшением для монумента мореплавателя, как и теперь якоря у подножия памятников героям моря. Из порта Гасуу шли корабли в страну Пунт (возможно, название это живет в Опоне Птолемея) в Южном Красноморье и, не исключено, на Синайский полуостров к медным рудникам Серабит эль-Хадим и Вади Магара (или Магхара). От порта через Вади Хаммамат шла дорога к Коптосу.

В основном весь период документируется памятниками в гробницах: изображениями и надписями на стенах культовых помещений, на стелах, жертвенниках и статуях. В эпоху Среднего царства изображения и тексты содержат лишь небольшой элемент религиозной окраски и дают интересный и важный материал по социальной структуре страны, частного хозяйства и в особенности по организации государственного аппарата, жреческой иерархии.

Стелы и граффити на скалах в пустынях (в основном Синай, Вади Хаммамат, Вади эль-Худи), в местах разработок ценных пород камня и рудных ископаемых иной раз увековечивают настоящие документы (штатное расписание экспедиционного отряда, ведомости на довольствие и т. п.) и являются ценнейшими источниками по социально-экономической истории Египта.

Документы в прямом смысле слова (в это время только на папирусе), все еще сравнительно малочисленные, благодаря последним публикациям составляют внушительный корпус. Это прежде всего архив Хеканахта, заупокойного жреца верховного сановника (везира) времени XI династии; это папирусы Рейзнер, связанные со строительством в области Тина (VIII ном Верхнего Египта); документы храма и жителей города, строителей пирамиды Сенусерта II

(доходящие до первых царей XIII династии включительно); папирус Бруклинского музея, содержащий на лицевой стороне реестр фиванской тюрьмы, а на оборотной — список челяди (около 100 человек) одной жительницы Фив, а также три царских указа.

Литература Среднего царства послужила образцом для подражания всех последующих эпох. Сохранились такие шедевры, как «Сказка о потерпевшем кораблекрушение», «Речи красноречивого жителя оазиса», «История пастуха», волшебные «Сказки папируса Весткар».

От времени XIII династии известна первая библиотека. Обнаружена она в одной из гробниц Рамессея (Рамессеум) и содержит более двух десятков книг: художественная («История Синухе или Синухета», «Речи красноречивого жителя оазиса» и др.), дидактическая, научная и религиозная литература. Именно в ней был и единственный список первой в мире энциклопедии. К сожалению, экспедиции Квибелла, открывшей библиотеку, не удалось установить имя ее владельца. В календарных записях на обороте одной из книг проявляется совершенно не известный по другим документам из Египта принцип недели, т. е. семидиевной части месяца, вместо декады, обычной для египтян.

Главным же образом литературные шедевры периода Среднего царства дошли до нас в записях времени Нового царства. Это произведения традиционного для Египта жанра дидактической литературы — «Поучение Аменемхета I», «Поучение Ахтоя», или так называемая «Сатира на профессии». Грустью пронизаны строки «Беседы жреца Анху со своим сердцем», «Спора разочароваииого со своей душой». Любопытна так называемая «Песнь арфиста», где высказываются сомнения в существовании загробного мира; автор призывает радоваться жизни, стремиться к удовольствиям. В знаменитых «Речениях Ипусера» и «Пророчестве Неферти» ярко описано народное восстание, происшедшее, как полагают в настоящее время большинство исследователей, в Первый переходный период. Оба произведения отличаются прекрасной литературной формой, близкой к жанру пророческой или мессианской литературы, вследствие чего некоторые зарубежные авторы отрицают их значение как исторических памятников, свидетельствующих о жестокой классовой борьбе в Древнем Египте.

Заупокойная литература получила дальнейшее развитие в «Текстах саркофагов», названных так потому, что писали их на стенках деревянных саркофагов. Эти изречения гетерогенны и по времени, и по месту возникновения. Час-

тично они включают в себя и «Тексты пирамид», так как назначение у них одно — описывать тот новый мир, в котором должен пребывать теперь умерший, спасать его от всех превратностей этого мира, прежде всего обеспечить едой, питьем, освободить от «царских работ». Но «Тексты саркофагов» относятся не к царю Египта, а к его подданным, что свидетельствует о значительных изменениях в религиозных представлениях. Эпохой Среднего царства датируется и связанная с гермопольским учением «Книга двух путей». Богатая религиозная литература периода знакомит нас с ритуальной драмой.

О науке этого периода мы судим по двум математическим книгам, нескольким медицинским, а также по спискам созвездий на саркофагах эпохи XII династии.

От XII династии дошла древнейшая запись обмеров страны: ее площади и протяженности в длину. Последняя была использована в III в. до н. э. Эратосфеном при определении размера земного шара.

Говоря о связях Египта с другими странами в эпоху Среднего царства, следует отметить большое число египетских памятников, находимых в Палестине, Сирии, на Крите, в Италии. Италийские находки поздние (эпоха империи), но сиро-палестинские в значительной части синхронны эпохе и связаны с политическим и культурным влиянием Египта на мелкие государства этого региона. Особенно велика роль Библа, цари которого оставили надписи на египетском языке и считали себя простыми градоначальниками Библа на службе у великого царя Египта.

Связи Египта с Передней Азией нашли отражение в крупном кладе, обнаруженном в Тоде (к югу от Фив). В инвентаре клада — месопотамские печати, относящиеся, по заключению И. М. Дьяконова, к эпохе I династии Иссина (XXI—XVIII вв. до н. э.).

Долгое время уникально среднеегипетским (т. е. связанным с эпохой Среднего царства) явлением казались так называемые «Тексты проклятий», записывавшиеся на чашах или на фигурках (и то, и другое разбивалось). Однако практика подобных проклятий была обычной уже для Древнего царства и продолжала существовать и после Среднего царства. Тем не менее среднеегипетский материал — пока единственный с такой четкой направленностью на внешних врагов, хотя известны и инвективы против внутренних врагов. Издание этих текстов было начато немецким египтологом К. Зете и продолжено французским египтологом Ж. Позенером. Раскопки французского архео-

лога Ж. Веркуттера помимо новых серий документов этого рода обнаружили площадку, на которой совершалось ритуальное действие с этими текстами. Примечательно, что это происходило на одной из границ Египта. Тексты содержат длинные списки стран Азии и Африки, перечисляют имена владык и их родителей и представляют собой драгоценнейший источник по истории не только Египта, но и всего Ближнего Востока в целом. Тем не менее до сих пор весь этот богатый материал не дал каких бы то ни было синхронизмов, в которых так нуждается хронология Древнего Востока.

Глава II

ЕГИПЕТ ВРЕМЕНИ НОВОГО ЦАРСТВА И ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА

§ 1. XVII и XVIII династии

Изгнание гиксосов, приведшее к значительному укреплению царской власти в стране, открыло новую эпоху в истории Египта.

Необходимо сказать несколько слов о гиксосской проблеме. Распространенное в последние десятилетия представление о Танисе как о преемнике Авариса, столицы гиксосов, теперь оставлено. Аварис следует искать в том месте, где Рамсес II основал свою столицу, так называемый «Дом Рамсеса» (близ совр. селения Хатана), который в качестве особого района, квартала включил в себя древний Аварис. Раскопки в этом районе австрийской археологической экспедиции во главе с М. Битаком позволили уточнить направление русл Нила и каналов в Восточной Дельте в начале Нового царства и дали более четкое представление о культуре гиксосов, в частности об их вооружении. К сожалению, многотомное издание материалов по гиксосам только начато. Тем не менее уже сейчас австрийские археологи делают вывод о том, что раны, от которых скончался царь XVII династии Секененра, нанесены гиксосским оружием. Таким образом, поздняя традиция о конфликте Секененра с гиксосами находит подтверждение.

Распространенное мнение, приписывающее гиксосам некую, культуртрегерскую роль, сильно поколеблено. Действительно, введение в долину Нила лошади, колеса, усовершенствование многих орудий и т. п. совпадает по времени с их владычеством либо непосредственно следует за ним. Однако никаких подтверждений тому, что именно гиксосы

были переносчиками культурного влияния Азии на Египет, пока нет.

Изгнание гиксосов и борьба с ними запечатлены в надписях на стелах царя Камоса и в надписи участника этой борьбы, начальника гребцов Яхмоса, сына Ибен.

Правление XVIII династии — это время строительства храмов с преобладанием традиционно малых форм от Средиземного моря до IV порога Нила. Лишь главное святилище Амона в Фивах, храм Хатшепсут и храм Амона в Бухене составляют исключение. «Гигантомания» начинается в самом конце династии, при Аменхотепе III: постройки в Луксоре, Карнаке, Солебе (Сульбе) и др.

Археологический материал по истории XVIII династии невелик и регистрируется по ряду раскопок как побочный, сопутствующий. В основном это находки гробниц и в гробницах. Следует отметить особо раскопки тайной гробницы Сененмута, строителя храма царицы Хатшепсут, откуда дошли важные документальные материалы; раскопки храма Тутмоса III в Дейр эль-Бахри, давшие также немало интересных документов; раскопки дворца Аменхотепа III в Мальгате (на западном берегу Фив), открывшие один из первых царских дворцов, который так или иначе дошел до наших дней.

В основном материал для характеристики XVIII династии от Яхмоса I до Аменхотепа III исключительно традиционный: памятники (особенно богат ими некрополь Фив) и документы. Последние не только на папирусе, но и на осколках камня и черепках. Из наиболее монументальных письменных памятников следует назвать Анналы Тутмоса III, часть которых сохранилась на стенах Карнакского храма. Наряду с обычным для этого вида источников перечислением походов царя по годам с обозначением полученной дани в Анналах имеется своеобразный гимн Тутмосу III; начало и конец гимна составлены в поэтической форме. Гимн был сочинен столь удачно, что Сети I и Рамсес II приказали воспроизвести его на своих памятниках для прославления собственных деяний.

Царь Аменхотеп IV отверг почитание Амона, на шестом году своего царствования покинул Фивы и основал новую столицу страны — город Ахетатон (возле совр. деревни Телль эль-Амарна). Раскопки его открыли с достаточной полнотой единственный сохранившийся город Египта эпохи XVIII династии. Материал Ахетатона чрезвычайно богат и исключительно важен, так как знакомит нас с повседневной жизнью египтян, их бытом, обычаями и т. д.

Тексты этого времени из Ахетатона (например, знаменитый гимн Атону), Фив и других мест раскрывают картину своеобразного солнцепоклоннического переворота Аменхотепа IV, Эхнатона, знакомят с его развитием в течение более 20 лет и, наконец, с полным отказом от идей Эхнатона.

В Ахетатоне обнаружен древнейший в истории Египта дипломатический архив, содержавший более 350 клинописных табличек с письмами на аккадском языке, ставшем в середине II тысячелетия до н. э. международным на Ближнем Востоке. Письма ярко и полно обрисовывают отношения Египта с соседними государствами, как крупными (Митанни, Хеттское царство, Вавилон), так и мелкими (Тунип, Библ, Катна и др.). Публикации архива осуществлялись Г. Винклером, И. А. Кнудцоном, С. Мерсером. Не попавшие в основной корпус документы собраны Райни, и эта часть корпуса теперь переиздана. Заметим, что письма египетских фараонов, членов царского дома обнаружены и за пределами Египта, например в хеттском Богазкёйском архиве. В 1969 г. две глиняные таблички и фрагменты с письмами Аменхотепа III к сирийским правителям были обнаружены археологами из ФРГ при раскопках древнего города Кумиди (совр. холм Камид эль-Лоз) на территории Ливана.

Из научных достижений времени XVIII династии нужно указать на то, что при Яхмосе I (точнее при его современнике — гиксосском царе Апопи) была переписана математическая книга времен Аменемхета I. Известны и едва ли не первые в истории науки имена ученых: математика Яхмоса и физика Аменемхета, изобретателя водяных часов (клепсидры). От этого времени сохранилась клепсидра Карнакского храма.

Из памятников за пределами Египта важна для этого периода Керма — своеобразное образование на территории древнего Судана, южнее III порога, современное правлению XVII — ранней XVIII династии. Помимо монументальных построек, некрополя местных правителей и т. д. Керма интересна множеством найденных здесь египетских памятников Древнего и Среднего царств, увезенных туда из Египта при неизвестных обстоятельствах.

§ 2. XIX—XX династии

Для так называемого послеамарнского периода богатый археологический и документальный материал дает селение

строителей царских гробниц в Дейр эль-Медина (на западе Фив).

Очень важен также и некрополь Мемфиса. Раскапывается и город, но раскопки пока не дали сколько-нибудь значительного материала. Исключительных результатов для характеристики периода XIX—XX династий можно было бы ждать от раскопок столицы Египта в Восточной Дельте, так называемого Пер-Рамсеса (Дом Рамсеса), однако город этот был растащен буквально на куски при XXI—XXIII династиях для украшения новой столицы страны — Таниса.

Время XIX—XX династий отличается строительством крупных храмов (в Фивах, в Абидосе, в Нубии), содержащих тексты и изображения, исключительно важные для реконструкции истории страны (война с хеттами, первый в истории Египта договор с иностранной державой и т. д.).

Дипломатическая переписка этого времени в Египте не сохранилась, но многое удается отыскать в государственном архиве хеттских царей в Богазкее. Любопытно, например, письмо Рамсеса II к хеттскому царю, обратившемуся к фараону с просьбой прислать врача для своей больной сестры. «Сколько же ей может быть лет? — спрашивает Рамсес II. — Ей уже должно быть более пятидесяти; нет, скорее все шестьдесят. — Ну, так никакие врачи ей не помогут. Пусть молится богам!» Правда, после Рамсеса II документы, связанные с Египтом, исчезают.

Следует отметить важные памятники царей XIX—XX династий за пределами Египта. Прежде всего это знаменитые стелы Рамсеса II на скалах у Нахр эль-Кальб в Ливане, рядом с которыми ассирийский царь Асархаддон высек свою стелу, увековечивавшую его победу над царем Египта и Куша Тахаркой. Египетская стела первоначально была защищена от непогоды ставнями (сохранились углубления для их креплений в скале). Своеобразными памятниками египетского господства в Палестине являются египетские храмы в городах, например храм Сети I в Бет-шеане. Бесспорный интерес представляет находка разрабатывавшихся египтянами медных рудников в стране Атек (Палестина), откуда медь вывозилась по суше в долину Нила.

Все же основной зарубежный археологический материал Нового царства дает Северная Нубия, область между I и II порогами. Раскопки в Нубии раскрыли остатки города в Аниба — административном центре Нубии, некрополи нубийских княжеств в Тошка, Дебейра и Серра. Скалы Нубии изобилуют надписями, оставленными представителями местной администрации и лицами, посланными в

Нубию с тем или иным поручением. Монументальные храмы Нубии (Абу-Симбел, Бейт эль-Вали, Акша) содержат важные надписи и изображения.

Египетское владычество не останавливается теперь на линии II порога, но проникает далеко на юг до IV порога. У IV порога закладывается ядро города Напата, которому суждено было стать столицей Эфиопского царства.

В районе III порога, в Наури, находится один из величайших эпиграфических памятников Египта, сравнимый с Бехистунской надписью Дария I и Анкирской надписью Августа. Это декрет Сети I, дарующий особые привилегии храму этого царя в Абидосе.

От периода XX династии сохранился статистический документ, характеризующий с необыкновенной полнотой всего лишь один аспект социально-экономической структуры страны. Это знаменитый папирус Харрис, записанный при Рамсесе IV и суммирующий все дарения храмам, которые сделал его отец, Рамсес III, — землей, людьми, скотом и прочими ценностями.

От времени царствования Рамсеса V сохранился не менее ценный папирус Вильбур, подробно знакомящий с храмовым землевладением на севере Верхнего Египта.

Несомненно важны юридические документы этой эпохи. Таковы, например, документы «гаремного заговора» при Рамсесе III — иератический текст на Туринском папирусе, содержащий речь царя к судьям, списки осужденных, протоколы допросов виновных в заговоре против фараона, приговоры судей; протоколы допросов, показаний, перечни обвиняемых по делу об ограблениях царских гробниц, сокровищниц храмов времени последних Рамессидов; документы секретного следствия со смертными приговорами государственным преступникам (иератические папирусы Берлинского музея) и др. Они содержат ясные свидетельства упадка авторитета государственной власти в Египте конца Нового царства.

Другой показатель этого процесса — тайное захоронение царских мумий в тайнике в Дейр эль-Бахри (на западе Фив) при царе XXI династии Сиамуне. Находка тайника имеет большое значение для истории Нового царства (по мумиям устанавливается возраст царей, что существенно для уточнения хронологии).

На смену «Текстам саркофагов» в заупокойной литературе Нового царства приходит «Книга мертвых». Это условное название текстов на папирусе или коже, которые помещались в саркофаги. Назначение их — дать умершему

знание магических изречений, позволяющих ему благополучно пройти суд Осириса и счастливо устроиться на том свете. Количество «глав» в разных списках «Книги» неодинаково; частично они заимствованы из «Текстов пирамид» и «Текстов саркофагов». Особенно интересна глава 125, так называемая отрицательная исповедь, в которой покойный перечисляет разные грехи, повторяя, что он их не совершал. «Книга мертвых» богато иллюстрирована сценами суда Осириса и потустороннего мира. Кроме «Книги мертвых» известны и другие произведения заупокойной литературы, возникшие в это время: «Книга Амдуат», «Книга врат», «Книга дня», «Книга ночи» (они сохранились на стенах скальных гробниц фараонов XVIII—XIX династий).

Многожанровую литературу периода Нового царства характеризуют «Сказка о двух братьях», «Спор Хора с Сетом», «Правда и Кривда», «Поучения Аменемопе», «Путешествие Унамуна в Библ» и др. Драгоценным источником по истории страны во вторую половину Нового царства является и так называемая новоегипетская смесь — письма, гимны, поучения времен XIX и XX династий, дошедшие до нас в ряде папирусов Анастази, Саллье, Честер-Битти и других и с необыкновенной живостью рисующие быт и нравы египтян. Из произведений лирической поэзии известно так называемое «Прославление писцов», проникнутое идеями о бессмертии писаний мудрецов.

О науке мы можем судить лишь по математической задаче в папирусе Анастази I, по ряду медицинских папирусов и по энциклопедии Аменемопе, дошедшей до нас в ряде списков.

Астрономические знания эпохи характеризуют специальные астрономические композиции, собранные и изученные О. Нейгебауэром и К. Паркером.

§ 3. Поздний период

I тысячелетие до н. э. (Поздний период) делится традиционно на переходные династии (XXI династия и ливийские) — III переходный период, эфиопско-саисский (XXV и XXVI династии) и персидский (XXVII династия) периоды. Последний заканчивается временем XXVIII—XXX династий. С гибелью XXX династии(в 343 г. до н. э.) Египет утрачивает свою самостоятельность.

Археологически интересные результаты дают раскопки Таниса (совр. Сан эль-Хагар), столицы Египта в начале I тысячелетия до н. э., построенной большей частью из эле-

ментов зданий города «Дом Рамсеса». Это единственный город Дельты, сохранившийся с такой полнотой, что может быть превращен в музей под открытым небом. В Танисе же обнаружен и некрополь царей XXI—XXII династий, давщий ценные результаты по истории этого времени. Гробницы царей (Псусеннеса, Такелота II, одного из Шешонков и др.) и царевичей (Хорнахта и др.) представляют собой состоящие из нескольких камер склепы, содержащие саркофаги с мумиями, богатейший и великолепнейший погребальный инвентарь, украшения, статуи и пр.

К первой половине I тысячелетия до н. э. относится расцвет городов Нижнего Египта, Дельты, но кроме Таниса они все еще изучены слабо. Даже Саис — столица Египта при XXVI династии — еще не раскапывался. В последние годы найдены памятники ливийского и персидского времени при раскопках Буто (совр. Телль эль-Фараин — «холм фараонов»).

Раскапывались также Бубастис и Атрибис, где найдены храмы, погребения позднего времени. Среди монументальных построек выделяются храмы Таниса, постройки в Карнаке, храмы в Гем-Атоне, храм Амуна в Большом оазисе времен Дария I.

Изучались города Теуджой на севере Верхнего Египта и Элефантина на юге Египта. С Теуджой связан важный архив жреческой и чиновной семьи, типичной для знати XXVI династии, по которому можно проследить историю этой семьи с царствования Псамметиха I до царствования Дария I включительно, быта египтян, экономических отношений, администрации при саисской династии и при персах. Интересно отношение к Верхнему Египту как окраине страны, своего рода провинции Дельты и области Мемфиса.

Архив арамейских документов из Элефантины, где стоял иудейский гарнизон, охранявший южную границу Египта как персидской сатрапии, связан с жизнью этой этнической группы на территории Египта и относится к персидскому времени. Архив важен для египтолога, поскольку характеризует жизнь города, отчасти сохранившегося до наших дней. Возможна даже увязка топонимики документов с археологическим планом Элефантины. Ценен близкий к элефантинскому архив персидского сатрапа Аршамы, характеризующий деятельность крупного частного хозяйства этой эпохи, в котором были заняты египтяне.

Среди документов I тысячелетия до н. э. впервые в поле зрения египтологии попали в достаточно широком объеме

документы частного права: брачные свидетельства, купчие, контракты о найме, договоры об аренде, дарственные. К сожалению, документы эти не столь многочисленны, но тем не менее многие аспекты египетской действительности обрисовываются ими с достаточной полнотой. Особый интерес представляют среди них брачные свидетельства и отпускные (развод) письма, фиксирующие имущественные отношения в семье, договоры о самопродаже в рабство, купчие на рабов и недвижимость (землю, придомный участок) и т. п.

Заметное явление в социально-экономической жизни Египта Позднего периода — дарение земли храмам, известное и в эпоху Нового царства, но оставившее в то время неизмеримо меньше документальных свидетельств. Земля дарится в большинстве случаев царем, а также (в условиях политической раздробленности страны) ливийскими князьями, номархами как представителями царя; нередки и дарители более скромные по своему социальному положению. Земля передается в тех случаях, где имеются прямые указания на этот счет, «в руки» (букв. «в руку») либо жреца того или иного храма, либо какого-нибудь должностного лица, либо служащего этого храма. Интересно отметить, что правовой статут даримого поля обыкновенно не оговаривается особо, как само собой разумеющееся. В тех случаях, где такие указания делаются, употребляется термин «земля свободных», т. е., как некоторые полагают, «частная», «очищенная» (от каких-либо обязательств и претензий), т. е. права дарителя на которую бесспорны. Известен случай, когда подданным, а не царем дарились «поля фараона». «Частная» же земля в некоторых документах явно находится в зависимости от храма.

О наступлении «железного века» в Египте I тысячелетия до н. э. мы узнаём сначала из текстов и лишь для времени эфиопского владычества — по результатам археологических раскопок (Фивы).

В пору персидского владычества в экспедиции, работающие в Вади Хаммамат, включаются мастера, ведающие орудиями из железа. Переход к железным орудиям обеспечил саисско-персидским мастерам возможность обработки твердых пород камня. Есть основания полагать, что при персах работающие по камню мастера вывозились в Персию и там создавали произведения с несомненным египетским характером.

Для истории эфиопского владычества в Египте исключительно важен храмовый комплекс в древнем Гем-Атоне

(совр. Кава), сохранивший для нас десятки ценнейших надписей, многие из которых относятся ко времени правления XXV династии в Египте. Они написаны на прекрасном среднеегипетском языке и превосходно изданы английским ученым М. Лэйминг-Макадамом. Среди многочисленных эпиграфических памятииков эфиопского периода выделим недавно опубликованную стелу царя Тахарки, сообщающую о создании в Дашуре, под Мемфисом, стадиона для упражнения воинов в беге и о супермарафоне по приказу царя. Начав бег в 3 часа ночи, воины уже на рассвете достигли Фаюма и без отдыха побежали обратно, в Мемфис (около 50 км в один конец). Интересно и содержание текста «Стелы сна» Танутамона, дающее официальную версию истории прихода этого царя к власти.

Мемфисский Серапеум, некрополь священных быков Аписов (в греческий период украшеный статуями Гомера, Пиндара, Платона и др., поскольку Апис — это Осирис, а Осирис — это Дионис, покровитель поэзии и поэтов), дал огромный эпиграфический материал еще более 100 лет иазад во время раскопок О. Мариэтта. Предварительное издание этого материала, накопившегося в Серапеуме за века, было выполнено французским ученым Э. Шасина. Недавио вышел первый том полного издания корпуса стел из Серапеума. Стелы Аписов дают богатый материал не только по религии, но и для восстаиовления египетской хронологии Позднего периода.

О науке доптолемеевского Египта трудно говорить без учета документов греко-римского времени, достаточно полно характеризующих развитие математических, географических, медицинских знаний древних египтян; трудно также отделить более позднее, свойственное греко-римскому Египту, от того, что относится к более раннему периоду (до середины I тысячелетия до н. э.).

Замечательным историческим сочинением из раннептолемеевских источников, связанным с предыдущей эпохой, является так называемая «Демотическая хроника», в которой не только коротко изложена история последних династий, но (и это ново) произносится суд над каждым отдельным царствованием. Причины успеха и неуспеха определялись отношением того или иного царя к богам и храмам.

Известна богатая литература, относящаяся к I тысячелетию до н. э. Сохранился первый известный нам литературный перевод с чужеземного языка — знаменитая повесть об Ахикаре Премудром, родившаяся в Ассирии и очень

популярная на всем древнем и средневековом Ближнем Востоке и на Руси.

Сохранилась оригинальная литература Позднего периода, как традиционно дидактическая («Поучение Анх-Шешонка» с интересной фабулой — рамкой для длинной вереницы наставлений), так и развлекательная («История о путешествии в иной мир врача фараона», «История о фараоне-пьянчужке Амасисе»). Дидактическая литература Древнего Египта имела уже полуторатысячелетнюю историю и, как полагают ученые, оказала влияние на соответствующую литературу Ближнего Востока и Греции. К этому времени относится так называемый «Круг сказаний о царе Петубастисе» — история борьбы за сокровища бога Амуна, спора за панцирь царя Инароса, которую В. В. Струве сравнивал с «Илиадой». Поэма верно передает дух эпохи, отражает тяжелые междоусобицы и напряженное внутреннее положение страны. Записана она была, вероятно, в персидское или даже эллинистическое время. Возможно, еще к доптолемеевскому периоду принадлежит и круг сказаний о царевиче-волшебнике Сатни-Хемуасе, верховном жреце бога Птаха, хотя древнейший список одного из сказаний датирован царствованием Птолемея II Филадельфа. Некоторые сюжеты этого цикла, например нисхождение Сатни-Хемуаса и его сына Са-Осириса в преисподнюю, встречаются в греческой и новозаветной мифологии, а состязание чародеев — в ветхозаветном фольклоре.

Продолжает развиваться и заупокойная литература. Кроме «Книги мертвых», количество и порядок глав которой канонизируются в саисскую эпоху, появляются «Книга дыхания», «Вторая книга дыхания» («Да процветает имя мое»), «Книга прохождения вечности» и др.

Глава III
ВОСТОЧНЫЕ И АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

§ 1. Клинописные, крито-микенские и другие чужеземные надписи и документы. Библия как источник по истории Египта

Для эпохи Древнего и Среднего царств нет прямых сведений о контактах между Египтом и государствами Месопотамии. Даже косвенные связи между этими странами представлены пока единственным «синхронизмом Олбрай-

та» (первая половина XVIII в. до н. э.). Многого ждут от архивов Эблы, когда они будут изданы и изучены.

Клинописные источники по истории Египта (с эпохи Нового царства) имеются двух родов: 1) клинописный архив (дипломатический) в Египте (Телль эль-Амарна) и клинописные письма царя Египта, членов царской семьи и сановников в хеттском архиве в Богазкёе; 2) клинописные тексты хеттов, вавилонян, ассирийцев, персов, так или иначе связанные с историей Египта.

О дипломатических архивах Телль эль-Амарны и Богазкёя уже говорилось. К этому можно добавить, что в амарнском архиве найдены, например, вавилонские тексты: фрагменты мифологического эпоса об Адапе и южном ветре, о владычице подземного мира Эрешкигаль и ее супруге — боге Нергале. На этих фрагментах имеются пометки египетских писцов, изучавших по ним клинопись. При раскопках частного дома в Телль эль-Амарне был найден ассирийско-египетский словарик, принадлежавший, видимо, жившему в Египте и изучавшему египетский язык ассирийцу.

Что же касается клинописных источников второго рода, то особенно ценные сведения для истории Египта мы находим в архиве хеттских царей, освещающих политическую обстановку в Северной Сирии, где сталкивались интересы Египта и хеттов в конце XVIII — начале XIX династий. Эти сведения тем более ценны, что египетские источники конца XVIII династии содержат лишь упоминания о действиях в Азии, изображение толп пленных, уводимых в Египет, и т. п.

Только из хеттских источников мы узнаем о таком интересном моменте в истории Египта, как политический кризис, возникший в связи с кончиной царя Бибхурурия, не имевшего мужских наследников (дело о хеттском претенденте на египетский престол). До сих пор идут споры о том, кто такой Бибхурурия: Эхнатон (его солнечное имя в условном чтении Нефер-хепру-ра, в действительности Нафхупрурúа или Нифхупрурúа) или Тутанхамон (его солнечное имя в условном чтении — Неб-хепру-ра, в действительности — Нибхупрурúа).

Первые ассирийские документы, свидетельствующие о контактах Ассирии с Египтом, содержатся в Телль-Амарнском архиве. Падение международного престижа Египта в конце Нового царства ощущается уже в надписях Тиглатпаласара I (XII в. до н. э.). Конфликты Египта и Куша с Ассирией в первой половине I тысячелетия до н. э. нашли

отраженне в летописях ассирийских царей IX—VII вв. до н. э. Салманасара III, Тиглатпаласара III, Саргона II, Синаххериба, Асархаддона и Ашшурбанапала. В них повествуется о начавшихся в Сирии и Палестине столкновениях между ними, а затем о вторжении ассирийцев в Египет и установлении над ним ассирийского господства. Следующий этап взаимоотношений Ассирии с Египтом, а именно приход последиего на помощь ей во время вавилоно-мидийской войны против Ассирии, нашел отражение уже в нововавилонских документах: «Вавилонской хронике», письме царевича Навуходоносора.

Ценными историческими источниками, освещающими такие страницы египетской истории, как время кушитского, или эфиопского, завоевания страны и правления в нем царей XXV эфиопской династии, являются иероглифическая надпись Пианхи, стелы Тахарки, так называемая «Стела сна» Танутамона, найденные в Напате, Гем-Атоне и других кушитских политических и религиозных центрах.

О завоевании Египта персами и его положении в качестве персидской сатрапии повествуют надписи персидских царей, в первую очередь Дария I (VI—V вв. до н. э.). Среди них интересны его Суэцкие надписи, повествующие о проведении канала от реки Нил до Красного моря, что было продолжением работ, начатых еще египетским фараоном Нехо II. Важны также наскальные надписи Дария I — Накш-и-Рустамская и Бехистунская, рисующие грандиозную картину масштаба и величия Персидской державы, значительное место в которой занимал Египет. Интересны Телль-эль-Масхутская надпись Дария I и надписи на найденной в 1972 г. в Сузах его статуе, где персидский царь выступает с традиционной титулатурой египетских фараонов как их наследник, причем если надписи первых персидских царей выполнялись клинописью обычно на трех языках: персидском, эламском и аккадском, — то на этой статуе имеется большая иероглифическая надпись на древнеегипетском языке.

Из других источников помимо клинописных египтологи могли бы ждать многого от крито-микенских архивов, современных Новому царству, но данных о связях с Египтом до сих пор удалось обнаружить очень немного. Интересно отметить появление этнонима «египтянин» (айгуптиос) в этих материалах. Кое-какие данные о пребывании египтян на чужбине содержатся в хеттских источниках (клинописная табличка из Богазкёя с упоминанием египетских врачей у хеттов), в ассирийских (список врачей, магов и жре-

цов с упоминанием египетских писцов из библиотеки Ашшурбанапала), в вавилоиских хозяйственных и юридических документах VI—IV вв. до н. э.

Надписи царей Сирии (например, Закара — царя Хамата и Луаша, Киламувы и Барракиба — царей Самала и др.) и Финикии (надписи на саркофагах царей Библа, Сидона), даже если они и не содержат прямых упоминаний Египта, все равно должны учитываться каждым, кто изучает внешнюю политику страны в этот период (первая половииа I тысячелетия до н. э.).

Ценным источником являются довольно многочисленные древнееврейские остраконы (найдены на территории Палестины), в том числе с цифрами и рядом обозиачений, выполненных египетским иератическим письмом (например, остракон VII в. до н. э. из Телль-Арада). Арамейские документы (в основном персидского времени) в Египте все увеличиваются в числе и представляют теперь значительный корпус источников, далеко не ограниченный, как прежде, одной элефантинской колонией.

Следует упомянуть также о чужеземных надписях в Египте и Нубии, равно как и о граффити на Синае, в Вади Хаммамат, Абу-Симбеле и др. Из граффити важны так называемые протосинайские иероглифические надписи (эпоха Нового царства), которые необходимы для решения вопроса о происхождении и родственных связях ряда древних ближневосточных алфавитов.

Греками и карийцами, воинами-наемниками, торговцами и ремесленниками, осевшими в Египте, оставлены надписи на изделиях ремесла, произведениях искусства, предметах религиозного культа и т. д. Особенно интересна греческая напись VI в. до н. э. на левой ноге колосса Рамсеса II в Абу-Симбеле, которая оставлена наемниками Псамметиха II, совершавшими по его приказу поход в далекую Нубию.

Библия — чрезвычайно разноплановый источник по истории Египта. Однороднее других материал хроник (книги Царств, Паралипоменон) и книг пророков, повествующий об отношениях царств Израиля и Иудеи с Египтом и Эфиопией: мирные сношения, войны, отдельные события и т. п. В книге Псалмов и у пророков содержится упоминание о пребывании евреев в Египте. Но всего подробнее плен описывается в книге «Исход», посвященной чуть ли не целиком Египту. Для историка Египта ценны заключительные главы «Книги бытия», так называемая «История Иосифа», в которой обрисовывается социальная структура Египта, объяс-

няемая автором как результат стихийного бедствия, голода, позволившего администрации фараонов экспроприировать у египетского народа все серебро, скот и землю. Народ предлагает и себя самого в рабство. Исключение из общего правила — жрецы.

Интересен для египтолога «Каталог народов» (генеалогия потомства Ноя), в котором Египет, Куш (Эфиопия) и Пут (Ливия) объединены будто бы общим происхождением. Упоминание народа Пут позволяет отнести каталог к периоду ливийского владычества в Египте, скорее всего к концу его, когда народы Пут и Куш овладели Египтом и вышли, таким образом, в Азию.

Исследователями давно отмечено родство некоторых сюжетов библейских и древнеегипетских произведений (например, «Притчи царя Соломона» и «Поучения Аменемопе»), наличие египетских заимствований в древнееврейском языке и другое, что свидетельствует о долговременных контактах Египта и Палестины.

§ 2. Античные авторы

О Египте писали Геродот (V в. до н. э.), Диодор (I в. до н. э.), Страбон (I в. до н. э. — I в. н. э.) и Плутарх (I—II вв. н. э.). Вторая книга (Евтерпа) Геродота, первая в «Исторической библиотеке» Диодора и семнадцатая книга Страбона посвящены Египту специально. С описанием этой страны тесно связана третья книга Геродота и вторая Диодора, посвященная южным соседям Египта — эфиопам. Плутарх написал специальный трактат «Об Исиде и Осирисе».

Особую ценность имеет, разумеется, труд Геродота, единственного греческого автора, описывавшего фараоновский и персидский Египет на основе собственных впечатлений и непосредственных контактов с египтянами или натурализовавшимися в Египте греками; он использовал также впечатления и наблюдения других лиц. Описание охватывает природу страны, быт и нравы египтян, их историю, религию и в значительной мере расходится с данными памятников, что дало повод к суровой критике автора. Однако это расхождение сплошь и рядом кажущееся. Даже там, где оно наличествует, оно объясняется разными взглядами на египетскую действительность. По образному выражению Г. Масперо, египетские надписи знакомят с тем, что говорили во дворцах и храмах, тогда как Геродот сообщает то,

что говорили на улицах египетских городов. Многие «нелепости» Геродота оказались точным изложением древнеегипетских взглядов (например, описание им нильских истоков). В египтологии выработалась традиция писания египтологических маргиналий (заметки на полях) на вторую книгу Геродота. Замечательный труд А. Видемана (*A. Wiedeman.* Herodots zweites Buch) уже устарел. В настоящее время ведется издание Ллойда.

Огромную ценность представляет труд Диодора, возможно, основывавшийся на сочинении Гекатея Абдерского. Диодор располагал материалами о Египте времен последней, XXX династии, которые, видимо, использовались македонской администрацией в Египте конца IV в. до н. э. Египтологические маргиналии к первой книге Диодора издала А. Бертон.

Страбон в своей «Географии» очень много места отвел описанию природы Египта и хозяйственным занятиям населения нильской долины. Его труд позволяет сопоставить жизнь и быт египтян с жизнью и бытом живших с ними бок о бок других народов Африки. Он упоминает наиболее выдающиеся города Египта и монументальные древние памятники, показывает контакты египтян с античным миром. Встречаются у Страбона и упоминания о ряде исторических событий, особенно относящихся к Позднему периоду истории страны.

Трактат Плутарха «Об Исиде и Осирисе» неоднократно издавался (с египтологической точки зрения наиболее интересны издания и комментарии Г. Партая, Т. Хопфнера, Дж. Гриффиса). То, что египетские тексты дают частями, частностями, сводится Плутархом в единую впечатляющую картину.

В сочинеиях Фукидида, Исократа, Платона, Аристотеля, Аристофана и других греческих авторов (в данном случае только греческих) есть сведения о современных для них событиях в Египте. Это ценнейшие источники, так как многие события этого периода в истории страны не нашли отражения в сохранившихся до наших дней египетских источниках.

Латинские авторы выступают как эпигоны греческих. Среди них следует упомянуть Плиния Старшего (I в. н. э.), который в своем труде «Естественная история» дал сведения о природе и экономике Египта. В исторических сочинениях знаменитого Тацита (I—II вв. н. э.) встречаются упоминания о некоторых памятниках Древнего Египта, например руинах Фив и древних надписях на стенах египет-

ских храмов. Рассуждает он и о завоевательных походах царей Египта. Интересные сведения о древнеегипетской религии, в частности о культе Исиды, сохранились в «Метаморфозах» или «Золотом осле» уроженца Римской Африки Луция Апулея (II в. н. э.). Описание развалин Фив, древнеегипетских надписей и некоторые сведения о египетском культурном наследии содержатся в «Деяниях», или «Истории», позднего римского историка Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.). Он же сохранил единственный в античной литературе перевод древнеегипетского текста (надписи на обелиске Рамсеса II) на греческий язык.

От специального сочинения о Египте Эратосфена (III—II вв. до н. э.) сохранился только список египетских царей.

Ряд сочинений о Египте до нас не дошел: это работы Гекатея Милетского (VI в. н. э.) и Гекатея Абдерского (IV в. до н. э.). Полагают, что первое из этих двух сочинений легло в основу описания Геродота (Гекатей Милетский — первый античный автор, заинтересовавшийся Египтом), а второе определило характер описания Диодора. Следует, однако, иметь в виду, что вопрос о влиянии одного автора на другого в тех случаях, когда из двух сравниваемых работ сохранилась только одна, принадлежит к числу самых спорных в науке.

Разного рода сведения по Древнему Египту могут быть вплетены в изложение тем, не связанных с Египтом. Следует также иметь в виду, что античные источники имеют многочисленные заимствования у предшественников и современников, во всех этих сочинениях содержатся сведения из сочинений, ныне утраченных. Поэтому важное значение приобретает хорошо разработанный у специалистов по классической филологии метод, а именно систематическое собирание всех сведений по тому или иному вопросу из трудов греческих и латинских авторов, раннехристианских писателей и патристики. На египетском материале такая работа написана только одна — замечательный свод данных по древнеегипетской религии Т. Хопфнера. Характер свода имеет и работа того же автора по культу животных.

Особое место среди античных авторов занимают, конечно, египтяне, писавшие по-гречески. Среди них выделяются два — Манефон и Птолемей Мендесский. Оба — авторы истории Египта, но Манефон жил несколько раньше (IV—III вв. до н. э.). Птолемей Мендесский известен только в цитатах у Татиана («Против греков»), но даже это немногое позволяет сделать вывод о большой исторической важ-

ности его труда, который назывался «Времена». Так, в истории гиксосов Манефон был введен в заблуждение традицией, тогда как Птолемей основывался в этом вопросе на фактах.

От «Египетской истории» Манефона также дошло немногое. Из повествовательной части работы сохранились только куски, переписанные или пересказанные Иосифом Флавием (I в. н. э.), который связал их с приходом евреев в Египет и их исходом из этой страны. Полагают, что труд этот в единственном экземпляре хранился в Александрийской библиотеке, никогда не переписывался и в конце концов погиб. Иосиф Флавий так или иначе имел извлечения (эксцерпты) из него, и затем у крупнейших хронографов начала IV в. н. э. (Секста Юлия Африкана и Евсевия Памфила) оказались достаточно полные списки царей Египта. Судя по ним, Манефон расчленил историю страны на 30 периодов, династий, сгруппировав их, в свою очередь, в три более крупных отрезка времени. Им соответствовали три тома его «Египетской истории»: первый том содержал историю первых двенадцати династий, второй — историю следующих семи, третий — историю одиннадцати династий. Невозможно по этим спискам реконструировать подлинный. Трудно даже сказать, вел ли сам Манефои счет династиям (он мог ограничиваться ссылками на их происхождение: «Мемфисская», «Элефантинская» и т. п.) или их пронумеровали его эксцерптаторы, пытавшиеся согласовать его хронологию с хроиологической каивой Библии и историей греко-римского мира.

Вне средневековой рукописной традиции оказываются только две папирусные находки: список царей XXVII (персидской) династии на папирусном обрывке (P. Bilabel) и, возможно (хотя все-таки и очень спорно), фрагмент повествования, связываемый Флавием с исходом (но иной текст, чем у Флавия), на папирусном обрывке из Оксиринха.

Документы, которыми располагал египетский историк в начале III в. до н. э., настолько достоверны, что труд Манефона оказывается ценнейшим историческим источником по истории династического Египта с начала III тысячелетия до н. э. до конца I тысячелетия до н. э. Разумеется, Манефон отличается от современного историка: его позиция определяется и характером его рабочего материала, и оценкой его достоверности и т. п. Поэтому расхождения Манефона с историей Египта, установленной по памятникам, значительны, особенно в цифровом материале, в под-

счете хронологических сумм. Непреходящее значение этого труда Манефона (им написаны и многие другие) состоит в том, что он дал историкам IV в. надежное основание для построения всемирной истории или, вернее, первого шага на этом пути — создания всемирной хронологии, разумеется, в рамках историко-географического кругозора Римской империи.

Из египтян, сочинения которых дошли до нас, следует назвать и Гораполлона (возможно, IV или V в. н. э.), написавшего на коптском языке толкования иероглифов. Его труд «Иероглифика» был переведен на греческий язык и в этом виде дошел до нас. Этот замечательный по своей осведомленности автор ввел в заблуждение предшественников Ж. Ф. Шампольона и сыграл отрицательную роль в дешифровке иероглифического письма, создав впечатление о чисто идеографическом характере этого письма.

Глава IV

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ИСТОЧНИКОВ

§ 1. Работа над созданием коллекций древнеегипетских памятников

Работа по созданию коллекций древнеегипетских памятников началась задолго до расшифровки иероглифов Ж. Ф. Шампольоном. Находки XVI—XVII вв. в Италии, главным образом в Риме, привоз вещей с Востока сосредоточивают в итальянских коллекциях значительное число важных древнеегипетских памятников, большинство которых в первые годы XVIII в. усилиями М. Монфокона становятся доступными для изучения.

С французской экспедиции 1798 г. начинается археологическое обследование Египта, поиск и коллекционирование памятников. Предпринимаются не систематические раскопки отдельных мест, а скорее зондажи в поисках гробниц, входов в пирамиды, в катакомбы, крипты, расчистка сфинкса и т. п.

В самом начале XIX в., особенно после наполеоновских войн, формируются крупные частные коллекции Эббота, Анастази, Дроветти, Минутолли, Кастильоне и др. Они легли в основу крупнейших собраний египетских древностей в Европе и Америке. Коллекция Кастильоне была в 1825 г. приобретена для Эрмитажа.

Из первых русских собирателей древностей следует назвать И. П. Бларамберга, основателя и директора музея в Одессе. Коллекция его, переданная в дар музею в 1825—1826 гг., невелика, но интересна. Дополненная памятниками из коллекции врача А. Рафаловича, она стала третьим по величине собранием египетских древностей в СССР, которое содержит саркофаги и мумии времени XXI—XXII династий, канопы и амулеты, бронзовые статуэтки божеств Позднего периода и др.

Более поздней является коллекция А. С. Норова, посетившего Египет в 1834—1835 гг.; она была передана частично им самим, частично его наследниками в Академию наук и в Румянцевский музей. В настоящее время эти памятники хранятся в ГМИИ и Эрмитаже.

Заметим, что фабрикация подделок под древности начинается одновременно с увлечением коллекционированием. Жертвой обмана, как теперь в этом убеждаются хранители музея Метрополитэн в Нью-Йорке, был уже Эббот.

В 1799 г. начинается пора экспедиций в Египет и публикация археологических и эпиграфических результатов в монументальных атласах. Первая экспедиция такого рода, проведенная одним из отрядов генерала Бонапарта, завершилась изданием «Описания Египта» (24 тома текста и 24 тома таблиц). Следующую экспедицию организовал Ж. Ф. Шампольон. Результаты этой экспедиции — многотомное издание «Памятники Египта и Нубии» было завершено десятилетия спустя после его кончины.

Экспедиция Шампольона была организована Францией и Тосканой. Последняя была представлена сподвижником Шампольона И. Розеллини, издавшим в 1832—1838 гг. превосходный атлас — «Памятники Египта и Нубии».

Все эти атласы, в том числе и атлас Шампольона, затмевает труд прусской экспедиции во главе с К. Р. Лепсиусом, работавшей в начале 40-х годов XIX в. В многотомном издании «Памятники из Египта и Эфиопии» охвачены весь Египет, Нубия и Северный Судан, все известные в то время места сосредоточения эпиграфического материала на Синае, в Восточной (Аравийской) пустыне. Нельзя не поражаться изумительным способностям Лепсиуса, контролировавшего работу многих копировальщиков и художников. Ведь он возглавлял крупнейшее предприятие в области египетской эпиграфики, когда со дня догадки Шампольона, положившей начало дешифровке, едва прошло 20 лет!

Шампольон, видимо, был первым эпиграфистом и археологом, представлявшим определенный музей. Однако

коллекционирование до 50-х годов XIX в. было все-таки более делом частных лиц. Особо следует отметить замечательную коллекцию папирусов, собранную англичанином Харрисом. Среди них и важнейший источник по истории Нового царства, так называемый Большой папирус Харрис.

В конце 50-х годов начинается деятельность в Египте О. Мариэтта, основавшего музей древностей в Каире и египетскую национальную службу древностей. Он — инициатор первых крупных археологических раскопок в Египте и издатель результатов ряда археологических и эпиграфических экспедиций. Служба древностей в какой-то мере ограничивала частное коллекционирование. Все же оно шло полным ходом.

В 1881 г. был основан Французский археологический институт в Каире, существующий уже более столетия.

С 80-х годов XIX в. с французами начинают соперничать англичане. Создается «Фонд египетских исследований», преобразованный затем в «Общество исследования Египта». Общество это начинает систематически обследовать весь Египет, всю Нубию и Северный Судан, публикуя с изумительной быстротой результаты работы в ряде серий. Всего вышло около сотни томов, содержащих перворазрядный исторический, археологический и эпиграфический материал. Эта археолого-эпиграфическая библиотека — уникальный памятник британской египтологии конца XIX — начала XX в.

С 1870 г. начинает собирать коллекцию В. С. Голенищев, первый русский египтолог, первый хранитель-египтолог коллекции египетских древностей Эрмитажа.

Постепенно его коллекция, которую он начал собирать еще подростком, вырастает в настоящий музей, соперничающий с соответствующим отделом Эрмитажа. Обоим музеям удивительно «везет»: они хранят золотой фонд египетской литературы, шедевры эпохи Среднего и Нового царств. В. С. Голенищев первый развернул, прочитал и издал эрмитажные папирусы (например, «Сказку о потерпевшем кораблекрушение»). Он по кускам собрал в Египте «Отчет Ун-амуна о поездке в Библ». Теперь коллекция Голенищева хранится в ГМИИ.

К началу XX в. относится создание важной (но менее крупной) коллекции Б. А. Тураева.

Советские ученые впервые приняли участие в эпиграфико-археологическом изучении Египта в 1960—1963 гг., когда в Нубии работала советская экспедиция под руководст-

вом акад. Б. Б. Пиотровского. Среди результатов работы особо следует отметить находку дублета знаменитой Кубанской надписи Рамсеса II, которая не только дополняет основную надпись, но и указывает местоположение колодца, вырытого на пути к золотоносным рудникам (о чем именно и говорится в надписи на стеле), и дает его название. Результаты работ опубликованы в сборнике «Древняя Нубия» (М.— Л., 1964).

После первой мировой войны успешно работают английские и американские археологи: сенсационные открытия в Долине царей (особенно гробницы Тутанхамона), Керма, Лишт, Гизе, изучение некрополя Фив. Они ведут большую эпиграфическую работу во многих районах Египта. Непревзойденным эпиграфистом тех лет является англичанин Н. де Гаррис Дэвис, который вместе со своей женой, Ниной Дэвис, образцово издал материал по целому ряду гробниц Среднего и Нового царств (например, гробницы Телль эль-Амарна, гробницу везиря Рехмира в Фивах, и др.). Еще большей точности в изданиях удалось достигнуть только с помощью специальной техники (экспедиция Чикагского университета в Фивах).

В период после второй мировой войны в изучение памятников Египта, Нубии и Судана включились ученые социалистических стран: Чехословакии, Польши и ГДР. Особо следует отметить находку и издание важнейших исторических надписей Северной и Центральной Нубии (чехословацкие ученые З. Жаба, М. Вернер и др.), эпиграфическую работу ученых ГДР Ф. Хинце и В. Ф. Рейнеке в районе 2-го порога, работы в Мероэ (археология, эпиграфика, лигвистика) Хинце, К.觉Призе, Ст. Венига и других, изучавших «Львиный храм» в Мусавварат эс-Суфра, храмы в Нагаа, мероитские надписи и граффити; открытия польских ученых в Фивах, в Нубии (древнеегипетские святилища, христианские церкви и часовни в Фарасе, уникальные фрески и др.).

§ 2. Египетские источники и проблемы хронологии

До сих пор в отношении проблемы египетской хронологии сохраняется та обеспеченность источниками, которая сложилась к началу века: ни раскопки, ни публикации музейных коллекций не дали нового материала, способного существенно изменить, уточнить или исправить ту хронологическую систему, которая была впервые построена немецким египтологом Л. Борхардтом.

В городе строителей пирамиды одного из царей XII династии экспедиция во главе с Борхардтом обнаружила архив документов, большей частью так или иначе связанный с городом и храмом пирамиды царя. В одном из них (циркуляр, по-видимому) сообщалась дата праздника «Выход (восход) (звезды) Сириус», который должен был совпадать с египетским новым годом. В силу того что египетский год до царствования Птолемея III Эвергета I не знал високоса (надо сказать, что и после реформы 238 г. до н. э., утвержденной Птолемеем, нововведением не пользовались), египетский год каждые четыре года на один день опережал астрономический, совершая полный цикл последовательных смещений новогоднего дня за 1460 лет.

По документу, обнаруженному Борхардтом, нетрудно было вычислить, опираясь на дату начала таких циклов (139 г. н. э., так называемая «дата Цензорина»), в какой из циклов попадает дата Борхардта. По месту находки ее принято называть иллахунской или кахунской («Кахун» вместо «Иллахун» — ошибка английского египтолога В. М. Фл. Питри; тем не менее ошибка эта получила распространение в литературе).

Зная время, которым датирован документ, можно установить соответствие хронологической системы, основанной на подсчете лет царствований отдельных царей и династий, и абсолютной хронологии. Иллахунский папирус датирован годом 7 (т. е. седьмым годом царствования) неназванного царя. В силу ряда оснований полагают, что этим царем был пятый царь XII династии. Если так, то иллахунская дата позволяет определить начало династии временем около 2000 г. до н. э.

Эту датировку можно дополнить тщательным исследованием данных о ново- и полнолуньях. Исследование, проведенное американским ученым Р. А. Паркером, в целом подтверждает правильность иллахунской даты. Также и метод датировки с использованием радиоуглерода согласуется с этой датой. И все же таких дат пока единицы: вторая — «дата Эберса» (по папирусу Эберс), третья — карнакская. Эта последняя еще менее точна: известно имя царя, на царствование которого эта дата падает, но соответствующий год этого исключительно долгого царствования приходится так или иначе определять (помогают даты новолуний).

Первая же династия вычисляется с помощью иллахунской даты только по египетским источникам (на основании прежде всего данных Туринского списка царей, согласно

которому сумма лет правления царей I—VIII династий равна почти тысячелетию: «Туринская сумма»). По таким вычислениям начало первой династии совпадает с началом III тысячелетия. Результат радиоуглеродного анализа как будто при данной его разработанности этому выводу не противоречит.

Столь прочную опору хронологических построений, как солнечное затмение, удается привлечь на помощь лишь для I тысячелетия (царствование Нехо II — 30 сентября 610 г до н. э.), когда египетская хронология и так становится на надежную почву синхронизмов.

Отметим, что единственный синхронизм древнее половины II тысячелетия до н. э. обнаружен американским ученым В. Олбрайтом — «синхронизм Олбрайта». Он синхронизирует Неферхотепа I (XVIII династия), зависимого от Египта царька Библа Йантина (Йиантин-амму), и царей Мари — Зимрилима, и Вавилона — Хаммурапи. Этот синхронизм опять-таки согласуют с иллахунской датой, но приходится принимать во внимание, что он единственный для столь ранней поры.

Заметку о первой Олимпиаде, пришедшейся будто бы на царствование царя XXIII династии Петубастиса, в отрывке из III тома «Египетской истории» считают не принадлежащей Манефону, но рассматривают ее как вставку хронографов более позднего времени, к тому же неточную.

Раздел второй
ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ

Глава V
МЕСОПОТАМИЯ В ДРЕВНЕЙШУЮ ЭПОХУ. ШУМЕР И АККАД

§ 1. Месопотамия в древнейшую эпоху (до рубежа IV—III тысячелетий до н. э.)

Древнейший период истории Месопотамии — от палеолита и до начала III тысячелетия до н. э. — может быть изучен только на основе памятников материальной культуры, поскольку письменные источники появляются лишь в самом конце этой эпохи.

Древнейшие памятники эпохи палеолита — это стойбища охотников (Барда-Балка, Шанидар) на территории современного Курдистаиа.

Эпоха мезолита (XI—VIII тысячелетия до н. э.) изучена по раскопкам поселений Зави-Чеми-Шанидар, Млефаат, Карим-Шахир, где представлены новые формы обитаиия людей; зимние стоянки в пещерах и летние по берегам рек; зарождение производящей экономики — земледелия (находки зерен ячменя, пшеницы, зернотерок, кремневых вкладышей серпов, пестов и ступок) и скотоводства (кости одомашненной овцы).

Эпоха неолита (VII—V тысячелетия до и. э.) представлена в Месопотамии несколькими археологическими культурами, из них важнейшие — Джармо (VII—VI тысячелетия до н. э.), Хассуна (VI тысячелетие до н. э.), Телль-Халаф (V тысячелетие до н. э.). Основные материалы по изучению этой эпохи дают поселения и погребения, из которых и происходят важнейшие группы памятников.

Уже само географическое расположение поселений показывает, что в VII тысячелетии до н. э. начинается постепенное, с востока на запад, заселение долины Междуречья горными племенами, спустившимися с Загроса.

Раскопки поселений дают не только данные о формах хозяйства этого времени, но и об эволюции этих форм. Находки зерен культурных растений позволяют проследить освоение человеком их новых видов и сортов, иаходки орудий труда — прогресс в обработке почвы и технике сбора урожая, наличие разных типов зернохранилищ свидетель-

ствует об увеличении урожая и улучшении способов его хранения. Находки остатков дамб и следов каналов свидетельствуют о зарождении искусственного орошения уже в хассунский период.

От Джармо до Халафа по костям одомашненных животных прослеживается по стадиям процесс развития скотоводства.

Находки ремесленных изделий свидетельствуют о развитии гончарного дела, ткачества, ювелирного и камнерезного ремесел. При этом особенно многочисленны материалы, говорящие о развитии керамического производства: от простой, изготовленной без гончарного круга керамики Джармо до лепных и фигурных сосудов, применения полихромной росписи и техники глазури в халафский период. На прогресс в развитии ремесел указывают находки металлических изделий. Для периода Джармо это две медные бусины и печать, найденные при раскопках Телль-Сотто, для периода Хассуна — медные бусины и нож, а также свинцовый браслет из Ярым-тепе I, для Халафа — кинжалы и долота из меди.

Находки керамики свидетельствуют об экономических контактах Месопотамии с Малой Азией, Сирией, Ираном, Кавказом и Закавказьем.

Остатки жилых, хозяйственных и культурных построек, фрагментов вымостки улиц и дорог позволяют судить о формах архитектуры, технике строительства и использовавшихся в то время строительных материалах. Изучение погребений позволяет сделать выводы о возможном наличии различных этносов в Месопотамии, о зарождении социальной дифференциации в месопотамском обществе, о древнейших религиозных верованиях и особенно об эволюции заупокойного культа.

Как в поселениях, так и в погребениях находят предметы быта — украшения (бусы, браслеты, подвески и др.), печати, игральные фишки,— что позволяет более живо представить облик людей и образ их жизни в те далекие времена.

Итак, благодаря перечисленным видам памятников материальной культуры вырисовывается картина жизни и исторического развития Месопотамии в период VII—V тысячелетий до н. э., в эпоху неолита.

Памятники материальной культуры — главный источник также и для истории Месопотамии в период последней трети V — начала III тысячелетия до н. э., т. е. в эпоху энеолита, представленную последовательно развивавшими-

ся археологическими культурами Эреду, Эль-Убейд, Урук и Джемдет-Наср.

Географическое расположение вышеперечисленных поселений на юге Месопотамии говорит о дальнейшем передвижении племен на юг, в глубь региона.

Земледельческое хозяйство переживает расцвет за счет создания системы искусственного орошения. Есть данные о развитии ремесел. В керамическом производстве в эпоху Эль-Убейд наблюдается появление гончарного круга, стандартных форм, геометрической росписи, в период Урука — появление быстро вращающегося гончарного круга, гончарных мастерских и массового производства серой и красной керамики. Изобилие каменных сосудов, украшенных скульптурами и барельефами, печатей из полудрагоценных камней с изображением мифологических, военных, бытовых сцен и орнаментов, монументальных фигур животных говорит об успехах камнерезного ремесла. Но особенно показательно развитие металлообработки: наличие большого набора орудий из меди, освоение техники литья (Эль-Убейд), развитие ювелирного производства на базе обработки драгоценных металлов (период Урук), изобилие медных орудий труда и оружия и появление изделий из бронзы (Джемдет-Наср). Дошли изображения и глиняные модели лодок и повозок — важнейших транспортных средств этого периода.

Для эпохи Эль-Убейд характерно как наличие мелких, так и появление крупных поселений площадью до 10 га. В период Урук появляются ранние города — средоточия ремесел и торговли. Встречаются разные типы жилищ: хижины, многокомнатные дома, построенные из обожженного кирпича, даже дворцовые сооружения с толстыми и мощными стенами (например, в Телль-Укайре). Все более возрастает роль храма: если в первой половине IV тысячелетия до н. э. их возводят на искусственных платформах, то в период Урук уже создаются целые храмовые комплексы, украшенные фресками, колоннами, мозаикой, а на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. возводятся великолепные храмы в различных центрах: «Белый храм» бога Ана в Уруке, три храма в Тепе-Гавра, храм «священного ока» в Телль-Браке. Становится очевидной роль храмов как административно-хозяйственных, политических и идеологических центров. Появляются элементы фортификации, что говорит о нестабильной внутри- и внешнеполитической обстановке.

Социальная дифференциация определяется на основе изучения погребений: бедных ямных и гробниц, сложенных

из каменных плит или сырцового кирпича, наличия печатей — знаков собственности, изображений на рельефах и печатях жрецов-правителей по сравнению с фигурами их подданных в гораздо большем размере, а также изображений скованных, связанных людей.

В конце IV тысячелетия до н. э. в урукский период появляются первые памятники письменности, записанные на глиняных табличках рисуночным (пиктографическим) письмом, получившим название протошумерского. Число знаков в нем, обозначающих целые понятия, насчитывается предположительно около 2000. По своему характеру это документы хозяйственной отчетности: обмер полей, учет выдачи и поступления продуктов, инструментов, списки профессий, названия местностей и др. Наиболее ранние хозяйственные архивы, главным образом храмовые, дошли из Урука и Джемдет-Насра. В ряде хозяйственных документов встречается упоминание «мужчин (женщин) горной страны», что истолковывается как обозначение плеиников, рабов. Если в более ранних текстах их число выражается в десятках, то в более поздних оно доходит до 700. Протошумерское письмо еще до конца не дешифровано.

Как явствует из анализа памятников материальной культуры и отчасти письменности древнейшего периода истории Месопотамии, на их основе вполне возможно восстановление исторически верной картины процесса разложения первобытно-общинного строя и возникновения раннеклассового общества в Двуречье — одном из древнейших очагов цивилизации.

§ 2. Общие сведения о древнемесопотамских источниках III тысячелетия до н. э.

Используемая современными историками сетка столетий и тысячелетий весьма условна: границы этих хронологических единиц часто не совпадают с началом и концом реальных исторических этапов. В истории Месопотамии, однако, III тысячелетие до н. э. можно рассматривать как вполне законченный самостоятельный период. Начало его ознаменовано возникновением на юге Двуречья нескольких шумерских городов-государств, а конец — гибелью царства III династии Ура (2003 г. до н. э.).

В целом III тысячелетие до н.э. в истории Месопотамии представляется временем преобладания шумерской культуры, хотя в формирование месопотамской цивилизации внес-

ли крупный вклад и другие народы, прежде всего дошумерское население Двуречья и семиты-аккадцы.

Картину жизни месопотамского общества III тысячелетия до н.э. восстанавливают на основании изучения памятников древневосточной письменности (письменных источников) и вещественных остатков и следов деятельности людей той эпохи (археологических источников). Интересные наблюдения были сделаны в ходе исследования древних языков. Так, лингвистический анализ ряда шумерских слов, обозначающих, в частности, такие понятия, как плуг, кузнец, ткач и др., показал, что эти термины были заимствованы шумерским языком от дошумерского населения Двуречья. Это позволило прийти к важным историческим выводам относительно роли дошумерского этноса в создании основ древнемесопотамской цивилизации.

Почти все письменные источники, проливающие свет на месопотамскую цивилизацию III тысячелетия до н.э., месопотамского происхождения и написаны на шумерском или аккадском языке. Исключение составляют несколько эламских и аккадских надписей из Элама и довольно многочисленные шумерские и древнеханаанейские тексты из Эблы (Западная Сирия), которые, однако, только начинают поступать в научный оборот. Другие древневосточные письменные памятники этого времени либо не упоминают о Месопотамии (египетские), либо пока не поддаются прочтению (индские). Античные авторы, свидетельства которых имеют большую ценность для изучения поздних периодов месопотамской истории, о древнейшей эпохе ничего не сообщают. Лишь у Иосифа Флавия и Евсевия сохранились легендарные сведения о ранних шумерских царях, почерпнутые ими из сделанных Александром Полигистором и Абиденом пересказов утраченного исторического сочинения, написанного по-гречески вавилонским жрецом Беросом в III в. до н.э.

Общее количество письменных памятников, содержащих информацию о месопотамской цивилизации III тысячелетия до н.э., невозможно подсчитать сколько-нибудь точно, но оно несомненно исчисляется многими десятками тысяч и постоянно продолжает расти. Опубликована сравнительно небольшая часть этих текстов; большинство хранится в фондах музеев, причем далеко не все они идентифицированы и внесены в каталоги. Открытия новых важных клинописных источников в музейных хранилищах бывают почти столь же часто, как и в ходе археологических раскопок.

Вся эта масса клинописных текстов не представляет собой однородного материала; напротив, источники резко от-

личаются друг от друга по тематике, по широте охвата отображенной в них действительности (сравните, например, царскую надпись, повествующую о военных походах, и табличку из храмового архива, регистрирующую выдачу зерна работнику) и по степени надежности сообщаемых ими сведений. Ценность того или иного вида источников зависит от конкретной научной задачи, которую ставит перед собой исследователь.

Единой теоретически обоснованной системы классификации клинописных источников до сих пор нет. Тексты разделяют на группы по таким признакам, как язык, тематика, время записи, место находки и т. д. Несмотря на свое несовершенство, эта классификация в общем пока отвечает практическим потребностям, позволяя ориентироваться в необозримом море источников при поиске нужного материала.

При работе над клинописными источниками исследователи встречаются с многочисленными и порой непреодолимыми трудностями. Трудности прежде всего языковые: отнюдь не всегда удается добиться однозначного понимания текста; особую сложность представляет древняя терминология. Трудноразрешимой проблемой является и датировка текстов, так как многие из них сохранились только в поздних копиях. Палеография помогает определить время создания списка, но часто нельзя установить, запись ли это текста, ранее передававшегося изустно, список ли с более древнего оригинала или же оригинальный текст. Внутренние свидетельства (указания на какие-либо события, реалии и пр.) также нередко недостаточны для датировки источника.

Многие тексты дошли до нас не полностью, с большими лакунами, которые затрудняют понимание их содержания и общей направленности. Даже тексты (чаще всего литературные), сохранившиеся во многих фрагментарных списках, не всегда могут быть восстановлены полностью. Нередко случается так, что фрагменты одной таблички попадают в разные музеи; опознать их и собрать текст целиком бывает невероятно трудно.

Таковы некоторые общие проблемы, с которыми сталкиваются исследователи древнемесопотамских письменных памятников. Перейдем теперь к разбору отдельных категорий источников.

3—2091

§ 3. Письменные источники

К числу наиболее информативных месопотамских письменных источников III тысячелетия до н.э. относятся так называемые царские надписи, т. е. тексты, составлявшиеся по различным поводам от имени царей или правителей городов-государств. Такие источники отличаются широтой отображения исторической действительности и содержат немало сведений о важных, с точки зрения их составителей, событиях в жизни города или страны. «Царские надписи» могут быть разделены на две группы: тексты, обращенные к современникам,— письма, указы, судебники, договоры, и тексты, адресованные богам и далеким потомкам, — закладные, строительные, вотивные (посвятительные), а также памятные надписи на стелах и пр., увековечивающие деяния и подвиги царей.

Древнейшие вотивные и закладные надписи датируются XXVII—XXV веками до н.э., т. е. восходят ко II и III раннединастическим периодам. Это краткие надписи на ценных предметах, которые цари посвящали божествам (дарили храмам). Самая древняя из известных вотивных надписей была обнаружена немецким ученым Д. О. Эдцардом в Багдадском музее на обломке какой-то поделки из алебастра: «Мебарагеси, царь Киша»; вероятно, речь идет о двадцать втором царе I династии Киша Энмебарагеси (конец XXVII в. до н.э.). Закладные надписи выполнялись на медных статуэтках, каменных табличках в виде небольшого плосковыпуклого кирпичика, на глиняных конусах и обожженных кирпичах, которые замуровывались в фундамент возводившихся храмов, дворцов и т. п. При раскопках развалин древних шумерских городов — Эреду, Ура, Урука, Лагаша, Гирсу и др.— были найдены сотни таких закладных надписей; они позволяют определить, при каком правителе происходила постройка или перестройка раскапываемого здания, а также его название и назначение.

Ранние вотивные и закладные надписи очень немногословны и строятся по схеме — такой-то царь богу такому-то то-то и то-то посвятил (построил): «Шаркалишарри, царь Аккада, богу Шамашу в Сиппаре [это] подарил». Эта схема сохраняется и в дальнейшем, вплоть до нововавилонского периода, однако с течением времени в нее включаются все новые и новые подробности. Надписи неимоверно разрастаются — от десятка клинописных значков на стеатитовой или известняковой табличке до пространных текстов в несколько сот строк на больших глиняных конусах и цилиндрах. Обращение к божеству превращается в торжественный

гимн в его честь, изобилующий мифологическими намеками; появляется родословная и пышная титулатура царя, перечисляются его добродетели, благочестивые дела и воинские подвиги; подробно описывается процесс строительства и украшения храма или иного сооружения (дворца, оборонительной стены, канала).

Порой закладные и строительные надписи содержат самую неожиданную информацию, казалось бы, совершенно не связанную со строительной деятельностью царя. В 1878 г. при раскопках Телло (древний Гирсу, ранее отождествлявшийся с соседним Лагашем) были найдены три глиняных конуса правителя города Уруинимгины (ок. 2318—2312 гг. до н.э.) с почти идентичными строительными надписями о проведении канала. Бо́льшую часть текста, однако, составляет отчет о проведенных Уруинимгиной реформах,— смягчении налогового бремени, отмене некоторых повинностей, ограничении самоуправства чиновников. Текст тщательно перечисляет поборы и злоупотребления, существовавшие до проведения реформ, а затем сообщает, как изменилось положение после вмешательства благочестивого царя. Таким образом, строительная надпись дает ценнейшую информацию о социально-экономической жизни шумерского города-государства.

В пространных строительных надписях царя II династии Лагаша Гудеа (конец XXII в. до н.э.) содержится немало сведений о связях с далекими странами, откуда доставлялись строительные материалы, о привлечении населения к работам и т. д. Особенно интересны два цилиндра Гудеа, найденные Э. де Сарзеком в Телло в конце XIX в. В надписях на этих цилиндрах Гудеа рассказывает о полученном во сне повелении богов построить храм богу Нингирсу, о ритуалах и церемониях, сопровождавших строительство, о знамениях, получаемых им от богов, и о молитвах, с которыми он к ним обращался.

Важную историческую информацию можно почерпнуть даже из кратких стандартных надписей. Так, найденная в Сузах короткая закладная надпись Шульги (2093—2046 гг. до н.э.) сообщает о постройке этим царем III династии Ура храма богу Иншушинаку; сам факт обнаружения такой надписи в Сузах проливает свет на характер взаимоотношений между царством «Шумера и Аккада» и Эламом в первой половине XXI в. до н.э. Родословная и титулатура царей, нередко встречающиеся в надписях подобного рода, позволяют устанавливать последовательность правлений царей и границы их владений, а также догадываться об от-

дельных крупных политических событиях, происшедших в их правление.

При интерпретации свидетельств подобных надписей надо, однако, иметь в виду следующие особенности: прежде всего им присуща устойчивость фразеологии и формулировок. Раз возникнув, определенная титулатура принимается и сохраняется последующими царями той же династии, хотя бы они уже потеряли на нее основания. Более того, титулатура прославленных царей древности служила образцом для подражания в течение многих столетий в разных городах и районах Месопотамии. Так, титул царей первой «послепотопной» династии — «царь Киша» не только использовался позднейшими шумерскими царями (Месанепадой и др.), но и дожил до ассирийских времен, получив значение «царь Вселенной». Заявления о благочестии царя, его заботах о храмах и справедливости, о защите им «бедных от сильных», истреблении врагов и т. п. весьма рано превратились в застывшие формулы.

Вотивные, закладные и строительные надписи предназначались для богов и потомков, которые будут когда-нибудь перестраивать воздвигнутые царем сооружения; неудивительно, что в них рисуется героизированный и идеализированный образ правителя — победоносного воина, богобоязненного попечителя храмов и защитника справедливости. Цель таких надписей — представить правителя в самом выгодном, с точки зрения существовавших норм и понятий, свете, и все, что не отвечало этому идеальному образу, не находило в них отражения. Работая над подобными источниками, исследователю приходится тщательно взвешивать, что в них более или менее верно отображает реальность, что искажено, о чем умолчали, а что представляет собой окостеневшую фразеологию, набор принятых условностей и словесных штампов.

Все сказанное может быть отнесено и к коммеморативным (памятным) надписям, которые вырезались на каменных стелах и плитах, украшенных барельефами, или высекались на скалах. Если первые три вида надписей не предназначались для обычного чтения и как правило были скрыты от человеческих глаз, то памятные надписи часто (но далеко не всегда) помещались так, чтобы люди могли их прочитать. Такие стелы устанавливались на местах победоносных сражений, на границах или в пунктах крайнего продвижения армии того или иного царя. В торжественном тоне эти надписи повествуют об обстоятельствах (иногда и о предыстории) победоносного сражения или похода и их

результатах — покорении страны или области, наложении дани, установлении границы или заключении мира. В конце текста часто содержатся проклятия тому, кто попытается уничтожить или повредить стелу или надпись.

К числу наиболее замечательных памятников этого рода следует отнести так называемую «Стелу коршунов» правителя Лагаша Эаннатума (ок. 2400 г. до н.э.), найденную Э. де Сарзеком в Телло в конце XIX в. На одной стороне двухметровой стелы изображен бог Нингирсу, держащий в руках боевую сеть с барахтающимися в ней врагами, на другой — несколько сцен из похода Эаннатума; верхняя сцена представляет поле битвы, на котором коршуны терзают трупы вражеских воинов. Стела, как это явствует из надписи на ней, была сооружена в честь победы лагашитов над войском города Уммы. Столкновение произошло из-за спорного пограничного поля Гуэден, которое и прежде, и позднее не раз являлось причиной военных конфликтов между двумя соседними городами. На границе неоднократно ставились и уничтожались пограничные стелы. Об истории этих столкновений мы узнаем из надписи на двух глиняных цилиндрах, составленной при Энтемене (2360—2340 гг. до н.э.). Один из цилиндров, содержащих идентичные надписи, был найден в 1895 г. в окрестностях Лагаша; место находки другого неизвестно. Вероятно, и тот и другой были замурованы в основание каких-то пограничных сооружений.

Выдающимся памятником искусства аккадской эпохи является победная стела Нарам-Суэна (2236—2200 гг. до н.э.), надпись на которой повествует о походе аккадцев в горы Загра и разгроме племен луллубеев. Интересны также памятные надписи других аккадских царей — Римуша и Саргона. Сохранились старовавилонские копии победных надписей Саргона и Нарам-Суэна о походах иа Запад, в которых упоминается и о разгроме Эблы.

Целью коммеморативной царской надписи было служить будущей памяти о прошлом, прославить для грядущих поколений воинские доблести и удачи царя. Составители надписей не скупились на похвалы и не стеснялись искажать истину, выдавая, например, сражения с сомнительным исходом за блистательную победу. Любопытно отметить, что Нарам-Суэн в своей надписи о походе на Запад говорит: «Никогда от сотворения человека ни один царь не разорял страны Арманум и Эблу», хотя лет за 80 до того его дед, Саргон, тоже писал о покорении Мари, Ярмути и Эблы до Кедрового леса и Серебряных гор. Весьма осторожно сле-

дует подходить к цифровым данным, встречающимся в царских надписях, в особенности когда это «круглые», т. е. кратные 60, числа. Если, например, Энтемена говорит о том, что бог «избрал его из 3600 мужей», Уруинимгина — «из 36 000», а Гудеа — «из 216 000 (3600×60)», то это конечно не статистические данные, которые можно использовать для различных расчетов, а просто образное выражение, означающее великое множество людей.

До сих пор речь шла о надписях сакрального характера, предназначенных главным образом для богов и потомков. Перейдем теперь к рассмотрению царских надписей, создававшихся для текущих нужд, — официальных писем, дипломатических документов и т. п.

Царских писем III тысячелетия до н.э. сохранилось мало, причем дошли они в копиях старовавилонского времени и их подлинность не бесспорна. Пожалуй, наиболее выдающимися памятниками этого рода следует считать письма последнего царя III династии Ура, Ибби-Суэна (2027—2003 г. до н. э.), и его военачальника Ишби-Эрры, в которых отразились драматические события, предшествовавшие падению «царства Шумера и Аккада». Царь послал своего полководца закупить большое количество зерна в Иссине и доставить его в Ур. Ишби-Эрра сообщает царю о невозможности исполнить поручение из-за того, что вторгшиеся амореи перерезали все пути на юг, и просит царя доверить ему защиту Иссина и Ниппура от кочевников. В ответ Ибби-Суэн предложил Ишби-Эрре обратиться за помощью к правителям северных городов и назначил его начальником обороны Ниппура и Иссина, чем тот вскоре воспользовался, объявив себя царем в Иссине.

Во II тысячелетии до н.э. месопотамские писцы переписывали попадавшиеся им подлинные царские письма, а также составляли от имени царей древности вымышленные послания. Хотя такие послания нередко основывались на сравнительно достоверной традиции, они все же не могут считаться первоисточниками и их следует рассматривать как литературные произведения.

От III тысячелетия до н.э. дошло несколько международных договоров. Условия ряда пограничных соглашений между Лагашем и Уммой были включены в текст двух закладных (?) цилиндров, излагавших историю борьбы этих городов за поле Гуэден.

При раскопках храма бога Иншушинака в Сузах была обнаружена поврежденная глиняная табличка с эламским текстом договора о союзе, который заключили между собой

Нарам-Суэн и какой-то эламский царь, вероятно Хита. Договор начинается призывом к эламским и аккадским богам быть свидетелями принесенных клятв. Далее в документе сообщается, что Нарам-Суэн, царь Аккада, направил в Сузы посла с дарами. Царь Элама дал Нарам-Суэну вспомогательное войско под командованием доверенного военачальника, который совместно с представителями аккадского царя разработал в деталях договор о союзе между двумя странами. В тексте договора читаем: «Пусть здесь царит единодушие... Опасному раздору пусть наступит конец!.. Враг Нарам-Суэна — и мой враг, друг Нарам-Суэна — и мой друг!..» Вероятно, договор нельзя назвать равноправным, однако он показывает, что могущественному аккадскому царю приходилось все же серьезно считаться со своим восточным соседом. До находки эблского архива этот договор признавали самым древним письменно засвидетельствованным международным договором.

В 1952 г. американский ученый С. Н. Крамер обнаружил в фондах Стамбульского музея древнейший в мире свод законов — Судебник Ур-Намму (ок. 2112—2094 гг. до н.э.) основателя III династии Ура. Сильно поврежденная глиняная табличка из Ниппура содержит пространное вступление, несколько напоминающее надпись на конусах Уруинимгины, и текст самих законов. Позже были найдены и другие фрагменты судебника. Всего сохранилось около тридцати статей: в них регулируются брачные отношения, устанавливается вознаграждение за поимку и возвращение хозяину беглого раба, определяются размеры штрафов за нанесение увечий, за лжесвидетельство и причинение финансового ущерба. Можно предположить, что если не в общих принципах, то в отдельных положениях судебник Ур-Намму, по всей вероятности, выходил за рамки норм, установленных существовавшими обычаями, и являлся плодом творчества царя или его ближайшего окружения.

§ 4. «Царские списки» и другие тексты исторического содержания

Исключительную ценность для изучения древнейшей истории Месопотамии имеют «царские списки». Самый ранний из них, так называемый «Шумерский царский список», представляет собой перечень царей, правивших в разных городах Месопотамии с момента, «когда царственность низошла с небес», до эпохи III династии Ура, когда «Список», вероятно, и был создан. Позднее он был продолжен и стал

включать также царей начала II тысячелетия до н.э. В подражание «Шумерскому царскому списку» создавались списки ассирийских и вавилонских царей вплоть до эпохи Селевкидов; отголоски этой традиции можно найти и у писавшего по-гречески вавилонского жреца Бероса (III в до н.э.).

«Шумерский царский список» дошел до нас в многочисленных фрагментарных копиях позднего времени, восходящих к нескольким заметно отличающимся друг от друга редакциям. «Список» открывается именами 8—10 царей, последовательно царствовавших в Эреду, Бад-тибире, Лараке, Сиппаре и Шуруппаке «до потопа». Затем перечисляются цари «послепотопных» династий, начиная с царей I династии Киша. Назвав всех царей какого-либо города и указав продолжительность правления каждого, составитель «Списка» подводит итог продолжительности правления данной «династии». Далее следует стереотипная формула: «Город такой-то был поражен оружием; его царственность была перенесена в город такой-то». Таким образом, многие династии, правившие в различных городах одновременно, представлены в «Списке» как последовательно сменявшие друг друга. Возможно, это объясняется политической тенденцией: в эпоху III династии Ура в противовес сепаратистским чаяниям некогда независимых городов выдвигается новая, «имперская» идея извечной единой «царственности», переходившей по очереди от города к городу. Политическая тенденциозность «Шумерского царского списка» видна и в том, что в некоторых редакциях «Списка» опущены династии враждебных городов. «Допотопным» царям и царям первых «послепотопных» династий приписываются фантастические (по много тысяч лет) сроки правления, что, очевидно, надо объяснить спецификой месопотамского понимания времени: в древности, мол, и годы, и люди были иные. «Допотопных» и первых 20 царей I династии Киша исследователи считают мифологическими персонажами; высказывалось мнение, что начальная часть «Списка» была прибавлена в более позднюю эпоху. При всем этом «Шумерский царский список» остается ценным источником не только для изучения представлений древних обитателей Месопотамии о своем прошлом. Цепочка царских имен, сохраненная в «Списке»,— это порой все, что известно о целом периоде в истории того или иного города, и все новые данные, получаемые из других источников, исследователи обязательно сопоставляют со свидетельствами «Списка».

Для правильной интерпретации «Шумерского царского списка» и изучения раннего периода истории Месопотамии большое значение имела «Надпись из Туммаля», изданная в 1914 г. А. Пёбелем (недостающую часть таблички в 1955 г. нашел в музее Иенского университета С. Н. Крамер). На рубеже III—II тысячелетий до н.э. основатель I династии Иссина Ишби-Эрра решил составить перечень многократных перестроек храмового комплекса богини Нинлиль в Туммале (район Ниппура). Порядок, в котором следуют имена царей-реставраторов храма, позволил прийти к заключению, что три первые «послепотопные» династии были практически одновременны.

К «царским спискам» примыкают хроники, возникшие, вероятно, не без влияния первых. Три из них — «Династическая хроника», «Хроника ранних царей» и «Хроника Вайднера» — содержат некоторые сведения о политической истории III тысячелетия до н.э. «Династическая хроника» называет месопотамских правителей «от дней до потопа» вплоть до Эриба-Мардука (VIII в. до н.э.), во многих случаях отмечая места погребения поздних царей. Она дошла в единственном списке, на фрагментированной табличке из библиотеки Ашшурбанапала в Ниневии. Две другие хроники также сохранились только в новоассирийских и нововавилонских копиях. В «Хронике Вайднера» главное внимание уделяется тому, как тот или иной царь относился к храму Мардука в Вавилоне. Составители старались показать, что щедрые жертвоприношения обеспечивали успех и длительное царствование, а пренебрежение, проявленное к храму, имело следствием неудачи и гибель. «Хроника ранних царей» менее тенденциозна и отображает некоторые важные события, происходившие в Месопотамии в период от воцарения Саргона до Агума III (после 1450 г. до н. э).

Своеобразным дополнением к «царским спискам» и хроникам являются списки датировочных формул. В Месопотамии до прихода эллинов (IV в. до н.э.) не существовало единой системы летосчисления: в Ассирии счет лет велся по эпонимам, а на юге, в Вавилонии, начиная с касситского периода — по годам правления царей («1-й год царя такого-то», «2-й ...» и т. д.). В более ранний период в государствах и независимых городах Месопотамии каждый год получал название по какому-либо знаменательному событию в местной жизни («Год, когда такой-то стал царем», «Год, когда было разбито войско Элама», «Год, когда был прорыт канал такой-то» и т. п.). Списки датировочных формул (неплохо сохранились списки времени III династии Ура), та-

ким образом, помогают наполнить реальным содержанием хронологическую канву, которую дают «царские списки».

Датировочные формулы встречаются на многочисленных деловых документах. Исследователи изучают их и сами составляют подобные списки, стараясь расположить датировочные формулы в хронологической последовательности.

§ 5. Хозяйственные докумеиты

Хозяйственные и деловые документы численно во много раз превосходят все остальные группы клинописных источников. Большинство их происходит из храмовых и дворцовых архивов, но сохранилось и много документов частных лиц. Древнейшие хозяйственные архивы найдены в Уруке и Джемдет-Насре. Эти таблички содержат хозяйственные отчеты, написанные архаическими знаками, и плохо поддаются дешифровке. Крупные архивы хозяйственных документов досаргоновского времени были обнаружены при раскопках Лагаша, Гирсу, Шуруппака, Ура, Адаба. От аккадской эпохи сохранился огромный царский архив из Эблы (тысячи хозяйственных и деловых документов) и небольшой архив из Гасура. Период III династии Ура представлен десятками тысяч хозяйственных текстов из разных городов Двуречья.

Документы хозяйственной отчетности из храмовых и дворцовых архивов — это главным образом расписки, регистрирующие поступление или выдачу продуктов и товаров, материалов, инструмента, скота и рабов, деловые письма, хозяйственные распоряжения администрации и отчеты об их исполнении. Иногда хозяйственный документ неожиданно проливает свет на важные политические события. Так, табличка из дворцового архива, отмечающая выдачу нескольких баранов послу из Элама, сообщает нам о посольстве Гирнамме к царю Ура Шу-Суэну. Но не отдельные сообщения подобного рода заставляют относиться к хозяйственным документам как к ценнейшему разряду источников. Ученых привлекает массовый характер этого вида источников и надежность содержащихся в них данных. Сам по себе каждый документ содержит весьма ограниченную и узкоспециальную информацию, однако изучение целого комплекса таких документов позволяет понять действие сложного механизма храмового или дворцового хозяйства и увидеть отношения, которыми различные группы населения были с ними связаны. Без широкого использования этого на первый взгляд однообразного материала невозможно ис-

следование экономики и социально-экономических отношений в Древней Месопотамии. Следует, однако, помнить, что картину, получаемую на основе документов из храмовых и дворцовых архивов, нельзя абсолютизировать: в хозяйственной жизни страны могли существовать секторы, деятельность которых почти или даже совсем не нашла отражения в этих документах.

Документы частных лиц — различные контракты, купчие, долговые расписки, письма дают возможность проникнуть в мир рядового человека древнего Двуречья, понять проблемы, с которыми он сталкивался, его интересы, заботы и радости. Деловые документы в установленной форме коротко и точно оговаривают характер и условия сделок; несравненно большую трудность для интерпретации представляют письма, так как в них речь часто идет о вещах и обстоятельствах, известных только адресату и отправителю.

Говоря о хозяйственных документах в целом, отметим, что для исследователя драгоценным оказывается иногда не столько их содержание, сколько какая-либо внешне незначительная подробность — датировка, имя писца или список свидетелей. Приведем такой пример. По тому, как в разных городах отказывались от принятой в Уре системы датировки документов (в Эшнунне — на второй год правления Ибби-Суэна, в Сузах — на третий, в Лагаше — на пятый, в Умме — на шестой, в Ниппуре — на седьмой), можно проследить историю крушения царства III династии Ура.

В клинописных документах обычно указывалось не только имя покупателя, продавца, свидетелей сделки и т. п., но и их профессия или должность либо имена предков. Располагая большим количеством документов одной эпохи, происходящих из одного места, в которых одни и те же лица выступают то в одном, то в другом качестве (заимодавца, наследника и т. д.), можно установить не только генеалогию многих из этих лиц, но и их матримониальные и деловые связи, степень зажиточности, преемственность в передаче профессии или ее отсутствие. Большую помощь в этих просопографических исследованиях оказывают многочисленные цилиндрические печати, на которых вырезались имя владельца и его должность, имена предков и пр., а также оттиски таких печатей на глиняных табличках.

Имена как признак этнической принадлежности — особый вопрос: само по себе аккадское или шумерское имя еще не означает, что его носитель был аккадцем или шумером. Часто шумерские имена давались детям родителями с аккадскими именами, и наоборот. Так, шумерская царица

Ку-Баба дает своему сыну аккадское имя — Пузур-Син, а тот своего сына называет шумерским именем Ур-Забаба. В Месопотамии, судя по документам более позднего времени, новые местные имена нередко получали рабы-иноземцы.

§ 6. Юридические документы

Из Месопотамии III тысячелетия до н.э. дошло много юридических документов — судебных решений и приговоров по гражданским и уголовным делам, протоколов судебных разбирательств и пр. В 1894 г. при раскопках в Телло на «Холме табличек» был найден обширный архив судебных документов эпохи III династии Ура. Бóльшую часть архива составляют таблички с судебными решениями (дитилла) по бракоразводным процессам, искам о нарушении условий брачных контрактов, делам о наследстве, заявлениям рабов о том, что они не являются таковыми. (Среди последних особенно интересны два документа времени Амар-Суэна и Шу-Суэна по делу некоего Ахумы, на протяжении 15 лет неоднократно пытавшегося оспаривать перед судом то, что он раб.) Есть в этом архиве и таблички с делами о кражах, убийствах и т. д.

Юридические документы III тысячелетия до н.э. дают богатый материал для изучения семейных отношений, отношений между отдельными людьми и между различными социальными группами, а также позволяют хотя отчасти реконструировать правовые нормы и судебный процесс. Их значение невозможно переоценить: если законы представляют собой в известном смысле идеальную схему, о степени реализации которой в действительности бывает трудно судить, то судебные документы отображают живую реальность, положение, существовавшее на практике.

§ 7. Памятники шумеро-аккадской словесности

Почти все памятники шумеро-аккадской словесности III тысячелетия до н. э. сохранились в копиях более позднего времени. Свыше 2000 табличек с текстами мифологического содержания, записями эпических песен, гимнов, плачей о разрушениях храмов и городов, сборниками пословиц и поучений было найдено экспедицией Пенсильванского университета в ходе многолетних (1889—1900) раскопок Ниппура. Среди ниппурских табличек был обнаружен древнейший список литературных текстов, составленный около 2000 г.

до н.э.; в нем перечислено более двух десятков царских гимнов, гимнов богам, эпических песен и плачей о разрушении городов. Из других важных находок литературных текстов надо указать на 300 фрагментов из Киша (изданы Женуяком в 1924 г.), примерно 400 табличек из Ура (хранятся в Британском музее) и несколько сот табличек, купленных Берлинским музеем и Лувром у антикваров. Сами таблички датируются серединой XVIII в. до н.э., но записанные на них сочинения восходят ко второй половине III тысячелетия до н.э.

Наиболее тесную связь с историческими событиями имеют плачи о разрушении городов и царские гимны. Плачи представляют собой поэтические произведения, сочинявшиеся в память о разрушениях городов и храмов. Известны плачи о разрушении Лагаша правителем Уммы Лугальзагеси, плачи о разорении Ура и Ниппура, плачи о бедствиях города Аккада и гибели Шумера. В них рисуется впечатляющая, хотя и несколько общая, картина разорения и запустения некогда славных городов и областей.

Гимны, составлявшиеся для царей III династии Ура и I династии Иссина, как и гимны богам и храмам, по форме часто представляли собой пышные и пространные самовосхваления. Несмотря на свойственные всем гимнам преувеличения и склонность к риторике, в них встречаются любопытные подробности, намекающие на важные исторические события или характеризующие обстановку в стране: «Идущий по дороге идти может и ночью И чувствовать себя как в укрепленном граде» (из гимна Шульги).

В шумерских эпических поэмах, таких, как «Энмеркар и верховный жрец Аратты» или «Гильгамеш и Ага», дается картина жизни месопотамского общества в раннединастическую эпоху, изображаются конфликты между городами-государствами и внутри них. Необходимо, однако, учитывать, что в героико-эпических текстах историческая реальность предстает в причудливо преломленном свете — изображение событий подчиняется внутренним структурным законам фольклорных жанров. Для таких текстов характерны: анахронизмы (переплетение реалий событийного времени, времени, предшествовавшего описываемым событиям, времени создания и времени записи повествования); сжатие событийного времени (целая эпоха порой конденсируется в один эпизод); введение в повествование наряду с историческими персонажами вымышленных лиц или героев, живших в иную эпоху; тенденция фольклорных повествований к циклизации вокруг популярных персонажей; услов-

ный, формульный характер географических и хронологических указаний («семь гор», «девять дней» и т. д.).

Сказанное выше в полной мере относится и к сочинениям более позднего времени об излюбленных героях-царях III тысячелетия до н.э.— Саргоне и Нарам-Суэне. Поздний рассказ о борьбе Нарам-Суэна с нашествием луллубеев и других врагов, записанный на стеле и получивший у ассириологов название «Кутийской легенды о Нарам-Суэне», представляет собой смесь фактов и вымысла, требующую тщательного и осторожного анализа. О подвигах Саргона повествует поэма «Царь битв», а новоассирийский текст VIII в. до н.э. описывает чудесное рождение и детство этого великого царя, используя ряд распространенных фольклорных мотивов.

Многочисленные тексты мифологического содержания проливают свет на представления обитателей Месопотамии о мире богов, происхождении цивилизации и своем древнейшем прошлом. При интерпретации этих мифов следует избегать прямолинейного подхода, трактующего их как прямое отражение происходящего на земле: связь между реальностью и мифом гораздо более сложна и трудноуловима. Значительное число шумерских мифов было изучено и издано в английском переводе С. Н. Крамером в книге «Шумерская мифология».

В начале II тысячелетия до н.э. в Месопотамии создаются большие сборники шумерских и аккадских пословиц и поговорок. Хотя датировать содержащиеся в них паремии невозможно, есть основания полагать, что почти все они были в ходу уже в III тысячелетии до н.э. К этим сборникам примыкают приписывавшиеся «допотопному» царю Шуруппаку поучения и наставления, представляющие собой собрания сентенций по различным вопросам. Древнейшая версия «Наставлений Шуруппака» была найдена в Абу Салабихе и датируется серединой III тысячелетия до н.э.; позже она была значительно расширена и дополнена.

Изучение пословиц и поучений позволяет узнать немало интересного о психологии древних, об отношениях в семье и обществе, о моральных ценностях и вкусах шумеров и аккадцев. «Мудрость (дословно — «дар слов») — что звезды небесные»,— гласит одна из сентенций абу-салабихской версии «Наставлений Шуруппака». И там же: «С хорошо установленным имуществом, сынок, ничто не сравнится!» Наряду с такими общими высказываниями встречаются и чисто практические советы, например совет покупать чужеземных рабов, а не соплеменников или рабов, «рожденных в

доме». Изучением шумерских пословиц занимался Э. Гордон, выпустивший обширное собрание древнемесопотамских поговорок, пословиц и притч.

§ 8. Научные тексты

К научным текстам принято относить древнемесопотамские силлабарии (списки идеограмм с указанием, как их читать), словари, списки богов, должностных лиц, названий профессий, топонимов, названий растений, минералов, рыб, птиц и животных, а также сборники медицинских предписаний.

Древнейшие научные тексты происходят из Абу Салабиха, Фары и Телль Мардиха (Эбла) и датируются XXVII—XXIII веками до н.э. Назначение подобных списков не всегда ясно; возможно, что они, как и силлабарии, создавались в учебных целях. Наибольшую ценность представляют найденные на Телль-Мардихе древнейшие в мире двуязычные (шумеро-эблаитские) словари, включавшие около 3000 слов. Интересны также списки богов из Эблы, в которых шумерские божества отождествляются с местными: «Уту — это Сипиш; Нергал — это Рашап» и т. д. Один из эблских списков перечисляет названия 63 должностных лиц, по-видимому, в иерархическом порядке. Списки топонимов помогают восстановлению исторической географии и дают представление о географических горизонтах эпохи.

У историков медицины большой интерес вызвала изученная С. Н. Крамером табличка из Ниппура времени III династии Ура с текстом медицинских предписаний. В ней приводится большое количество рецептов, сложных смесей органических и неорганических компонентов, применявшихся месопотамскими лекарями. Судить о действенности рекомендуемых средств трудно, так как не указаны болезни, против которых их следовало применять.

§ 9. Археологические источники

Значение археологических источников для реконструкции картины прошлого Месопотамии III тысячелетия до н.э. весьма велико. Несмотря на то, что из Месопотамии III тысячелетия до н.э. дошло огромное число письменных памятников, археологические источники не превратились в не имеющий самостоятельного значения «иллюстративный» материал. Да и сами письменные источники поступают в распоряжение филологов лишь благодаря работе археологов;

клинописные таблички в известном смысле — такие же археологические находки, как и прочие артефакты, и проходят такую же археологическую обработку, регистрацию и консервацию.

Археологические исследования ведутся на территории Месопотамии уже 140 лет; назовем здесь лишь несколько крупнейших экспедиций, результаты работы которых имели большое значение для изучения месопотамской цивилизации III тысячелетия до н.э. С 1877 по 1900 г. французская экспедиция под руководством Э. де Сарзека провела 11 раскопочных сезонов в Телло (Гирсу). Археологи нашли много надписей шумерских правителей (см. выше) и десятки тысяч клинописных документов; около 30 000 табличек было расхищено и продано антикварам местными кладоискателями. В 1899—1900 гг. экспедиция Пенсильванского университета работала в Нуффаре (Ниппур), где Г. Гильпрехту посчастливилось найти храмовую библиотеку (около 20 000 табличек). В 1902—1903 гг. экспедиция Немецкого восточного общества вела успешные раскопки Фары (Шуруппак), давшие разнообразный материал. Наибольшую известность получили раскопки Мукаяра (Ур), проводившиеся в 1922—1934 гг. объединенной экспедицией Британского музея и Музея Пенсильванского университета под руководством Л. Вулли. Археологи открыли некрополь с царскими могилами раннединастического времени, погребальный инвентарь которых включал многочисленные предметы искусства и драгоценную утварь. Одновременно в Эль-Охеймире (Киш) работала экспедиция С. Лэнгдона (1923—1933), а Немецкое исследовательское общество до начала второй мировой войны (1928—1939) вело интенсивные раскопки в Варке (Урук). Из послевоенных исследований отметим раскопки датчан на острове Бахрейн (Дильмун) в 1953—1969 гг. и работы итальянских археологов на Телль-Мардихе (Эбла) с 1963 г.

Руины древних городов Месопотамии представляют собой гигантские телли (холмы) высотой 10—30 м и площадью от нескольких десятков до сотен гектаров (Вавилон — 1000 га, Урук — 440 га, Ашшур — 60 га). Раскопки даже на сравнительно небольшой площади слоев IV—III тысячелетий до н. э., перекрытых многометровыми отложениями более поздних эпох, требуют огромных затрат средств и времени. Поэтому археологи обычно стремятся раскапывать наиболее перспективные участки — территории храмов и дворцов, где вероятность обнаружить тексты или памятники искусства намного выше, чем при проведении раско-

пок такого же масштаба на территории жилых кварталов. Этим несомненно отчасти объясняется то, что количество документов из храмовых и дворцовых архивов превышает число частных документов.

В XIX в. создание богатых коллекций переднеазиатских древностей считалось в европейских странах делом национального престижа. Археологические экспедиции стремились найти для своего музея как можно больше памятников искусства и клинописных текстов. Рост интереса к рядовому археологическому материалу (керамике, орудиям труда и т. п.) и осознание важности содержащейся в нем информации происходили медленно. С 20-х годов XX в. археологи в Месопотамии при выборе объектов исследования руководствуются не столько надеждами на «богатую добычу», сколько необходимостью решения тех или иных конкретиых научиых задач.

Превращению «археологии вещей» в «археологию проблем» после второй мировой войны способствовал введенный повсеместно на Ближнем Востоке запрет на вывоз древностей за пределы страны. Вместе с тем расширение источниковедческой базы в результате новых открытий (и не только на территории Месопотамии), совершенствование методики полевых исследований и применение новых методов в археологии необычайио повысили информативную ценность археологических источников. Находки иа юге Двуречья и Бахрейне индских печатей в слоях III тысячелетия до н.э. и месопотамских печатей в городах иидской цивилизации проливают свет на проблему связи между Шумером и долиной Инда в древности. Химический анализ металлических предметов или поделок из редких минералов дает возможность устанавливать местность, откуда оии происходят, и таким образом выявлять направление торговых и культурных контактов. Палеоботаника и палеозоология помогают не только представить древнюю флору и фауну, но даже определить примерный рацион питания жителей разных кварталов того или иного поселения.

Особую важность приобрела аэрофотосъемка, позволяющая быстро и точно определять планировку городов, учитывать и картографировать мелкие древние поселения, каналы и русла рек, следы дорог и полей древнего земледелия. Ряд исследовательских проектов, осуществленных в 60-х годах под руководством Роберта М. Адамса, позволил собрать ценнейшие данные об освоении долин Тигра и Евфрата и возникновении древнейших городов.

Весьма плодотворным оказывается сопоставление данных письменных и археологических источников. Так, из хозяйственных текстов известны некоторые производственные нормы, существовавшие в Шумере (например, норма выработки и транспортировки кирпичей); определив объем раскопанного сооружения, можно вычислить количество затраченного на строительство времени и рабочей силы. Интересны также работы финского ассириолога А. Салонена, в которых собранные упоминания клинописных текстов о повозках, лодках, мебели, утвари сравниваются с имеющимися археологическими материалами. Такие исследования способствуют лучшему пониманию древних текстов и более глубокому знанию древнемесопотамских реалий.

Глава VI
АМОРЕЙСКИЙ И КАССИТСКИЙ ВАВИЛОН

§ 1. Общие сведения

После крушения «бюрократической империи» III династии Ура Месопотамия распалась на несколько областей, каждая из которых отличалась значительным культурно-историческим и этническим своеобразием. Юг страны в начале II тысячелетия до н.э. захлестывает волна аморейских племен, пришедших с запада. Один из аморейских князьков, обосновавшись в незначительном до того времени городе Вавилоне, стал родоначальником I вавилонской династии, на короткий срок объединившей всю Месопотамию. Примерно с середины XVIII в. до н.э. начинается проникновение в Междуречье горных племен с востока, касситов. С 1595 по 1157 г. до н.э. в южной части Месопотамии — Вавилонии — правит касситская династия. Именно в этот период, по-видимому, происходит и закрепляется в сознании обитателей Месопотамии разделение страны на Вавилонию и Ассирию. Конец касситской династии положили набеги эламитов с востока и вторжения арамеев из-за Евфрата.

Реальная языковая ситуация в Вавилонии II тысячелетия до н.э. была весьма сложной, однако местные письменные памятники по-прежнему создавались лишь на двух языках — шумерском и аккадском (старовавилонский и средневавилонский диалекты). Соотношение между количеством текстов на том и другом языках было различным в разных группах источников. В качестве общей тенденции можно отметить постепенный рост количества аккадоязычных тек-

стов. Правда, в силу традиции при составлении некоторых видов текстов вавилоняне продолжали пользоваться преимущественно шумерским языком; например, царские строительные и посвятительные надписи на аккадском языке стали численно преобладать над шумероязычными только в самом конце II тысячелетия до н.э.

Наблюдения над различными языковыми фактами, засвидетельствованными в клинописных текстах, позволили прийти к ряду интересных исторических выводов. На основе данных ономастики и топонимики удается иногда определять этническую принадлежность тех или иных групп населения, обитавших или вторгавшихся и осевших в пределах Месопотамии (амореев, хурритов и пр.). Изучая ономастику текстов касситского периода, некоторые исследователи предполагают присутствие индоевропейского элемента в массе вторгшихся в Месопотамию касситов.

Для освещения исторического процесса, протекавшего в Вавилонии II тысячелетия до н.э., привлекаются многочисленные иноземные источники, в первую очередь ассирийские, а также эламские и хеттские; несколько важных писем вавилонских и ассирийских царей сохранилось в амарнском архиве в Египте. Кроме того, ценные данные, касающиеся вавилонской истории рассматриваемого периода, содержатся в более поздних вавилонских и ассирийских источниках.

§ 2. Юридические тексты

К числу наиболее ценных источников, дающих широкую картину жизни древнемесопотамского общества II тысячелетия до н.э., относятся своды законов. Сохранилось несколько таких древних судебников: законы Эшнунны, законы царя города Иссина Липит-Иштара и широкоизвестные законы Хаммурапи.

Во время раскопок 1945—1949 гг. на холме Абу Хармал (древний Шадуппум) иракские археологи нашли две фрагментированные таблички, содержавшие текст законов Эшнунны, небольшого царства, существовавшего в начале II тысячелетия до н.э. в бассейне реки Диялы и по течению Тигра. По некоторым косвенным признакам судебник должен быть датирован XX веком до н.э., но точно установить, при каком царе были созданы эти законы, пока не удалось.

А. Гётце, изучавший и издавший текст судебника, разделил его на 60 статей. Судебник открывается шкалой цен

на основные продукты: ячмень, масло, шерсть, медь и пр. Далее, по-видимому, с учетом данной системы цен устанавливаются наемная плата некоторых категорий работников (лодочников, жнецов, погонщиков), арендная плата за пользование лодками, повозками и т. п., размеры штрафов за различные правонарушения и преступления. В качестве всеобщего эквивалента, согласно судебнику, выступают серебро и ячмень.

Ряд статей судебника регулирует внутрисемейные имущественные отношения, в других обеспечиваются права владельцев рабов, за кражу и укрывательство которых предусматривались крупные штрафы. В целом законы Эшнунны представляют собой исключительной важности источник для изучения хозяйственной жизни Южной Месопотамии в начале II тысячелетия до н.э. Сопоставление данных судебника с «ценниками» и данными хозяйственных текстов других периодов позволяет представить динамику цен и судить о скрывающихся за этим изменениях в экономике страны.

В отличие от аккадоязычных законов Эшнунны судебник пятого царя I династии Иссина Липит-Иштара написан на шумерском языке. Законы Липит-Иштара (1934—1924 гг. до н.э.) дошли до нас на четырех табличках из Ниппура; таблички эти были найдены в начале нынешнего столетия, но идентифицированы и изучены Ф. Стилом только в 1947 г. Как и таблички из Абу Хармала, ниппурские таблички с текстом судебника едва ли являлись теми официальными списками-копиями, которыми пользовались древние судейские чиновники. Пока удалось восстановить и прочитать 25—26 статей судебника, в котором, по расчетам исследователей, должно было быть приблизительно 100 статей. Судя по сохранившейся части судебника, законы Липит-Иштара очень близки законам Хаммурапи; отдельные статьи судебника Липит-Иштара сходны с законами Эшнунны.

В 1901 г. французская археологическая экспедиция Ж. де Моргана, работавшая в Сузах, обнаружила двухметровую базальтовую стелу, на которой были начертаны законы вавилонского царя Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.). Эламский царь Шутрук-Наххунте (1185—1155 гг. до н. э.), отличавшийся страстью к собиранию подобных памятников, после успешного военного похода на Вавилонию увез в свою столицу эту стелу Хаммурапи; ранее она, вероятно, находилась в городе Сиппаре.

Текст кодекса Хаммурапи состоит из трех частей: пространного введения, собственно законов и заключения. За-

конодательная деятельность Хаммурапи началась, очевидно, вскоре после воцарения; датировочная формула второго года его правления гласит: «Год, когда Хаммурапи установил справедливость в стране». Однако сама знаменитая стела, судя по содержанию преамбулы, была изготовлена не ранее 31-го года его царствования. Таким образом, найденный в Сузах памятник не является editio princeps; вероятно, подобные стелы стояли во многих городах. В заключительной части кодекса от лица Хаммурапи говорится: «Угнетенный человек, имеющий судебное дело, пусть подойдет к моему, царя справедливости, изображению, пусть заставит прочитать надпись на моем памятнике, пусть он услышит мои драгоценные слова, и пусть мой памятник покажет ему его дело, пусть он увидит свое решение...»

В кодексе Хаммурапи современные исследователи насчитывают 282 статьи, но на стеле из Суз сохранилось только 247; пять колонок клинописи на лицевой стороне памятника были стесаны, по-видимому для того, чтобы поместить на этом месте победную надпись эламского царя. Лакуна частично восстанавливается на основе фрагментов глиняных табличек, найденных в библиотеке Ашшурбанапала в Ниневии и в некоторых других городах. Законы дают богатейший материал, позволяющий увидеть повседневную жизнь вавилонского общества во всей ее полноте. Хаммурапи, очевидно, считал свои законы абсолютно всеобъемлющими, исчерпывающими все возможные в настоящем и будущем конфликтные ситуации: «На будущие дни, навсегда царь, который будет в стране, пусть хранит справедливые слова, которые я начертал на своей стеле; пусть не изменит законов страны, которые я установил, решения страиы, которые я принял; пусть не отвергнет моих указов».

Первые пять статей кодекса устанавливают ответственность истца, свидетелей и судей, т. е. посвящены вопросам, связанным с ведением судебного процесса. Суровые наказания, предусмотренные за ложные обвинения, лжесвидетельство и изменение принятых приговоров, должны были обеспечить точное исполнение закона и отбить охоту к сутяжничеству и возбуждению необоснованных исков. Далее (статьи 6—25) законодатель переходит к рассмотрению различных случаев хищения собственности, за которые полагалась смертная казнь. Следующие (§ 26—41) статьи определяют положение, права и обязанности воинов; затем идут статьи, касающиеся земельного и торгового права, статьи, регламентирующие отношения между должником и кредитором, правила приема и хранения залога. Статьи 127—194

отведены семейному праву, включая законы о наследовании имущества и усыновлении; статьи 195—214 говорят о наказаниях за членовредительство, побои и бесчестье. Ряд статей (215—277) определяет меру ответственности лекарей, ветеринаров, строителей и корабельных мастеров, а также устанавливает размеры причитающихся им вознаграждений; здесь же устанавливается наемная плата пахарей, мастеровых и т. д. Последние пять статей посвящены правилам покупки и обращения с рабами. В целом нужно отметить своеобразную логику построения кодекса, в котором каждая статья и каждый раздел поставлены в строго продуманном порядке, естественно следуя из предшествующих.

Среди историков и юристов долгое время велись споры о природе и характере законов Хаммурапи: считать ли их плодом творчества царя-законодателя и его ученых, пользовавшихся в своей работе сборниками «царских решений», т. е. приговоров, вынесенных по различным делам прежними царями, или же это кодификация обычного права, т. е. запись и систематизация издавна существовавших в Месопотамии обычаев. Другой вопрос, вызывающий расхождения во мнениях среди ученых, касается действенности кодекса — насколько обязательным было следовать букве и духу этих законов. Многочисленные деловые и судебные документы старовавилонской эпохи дают немало примеров отступлений от соответствующих статей кодекса при решении дел и заключении сделок. По-видимому, в реальной жизни законы Хаммурапи представляли собой собрание настоятельно рекомендуемых «идеальных» решений, во многих случаях не обладавших силой некоего категорического императива и допускавших существенные отклонения. Так или иначе, но кодекс Хаммурапи на протяжении столетий служил авторитетнейшим руководством в судебной практике вавилонян.

§ 3. Официальные надписи и дипломатические документы

Важную информацию можно извлечь из старовавилонских датировочных формул. Датировочные формулы времени Хаммурапи были особенно пространны и отмечали многие исторические события. Вот, например, датировочная формула 32-го года царствования Хаммурапи: «Когда Мари и Мальгум он победил в сражении и обязал Мари и [...], а также города Субарту повиноваться его повелениям».

Древние списки датировочных формул предстают перед нами, таким образом, как своеобразный «конспект» по истории Вавилонии, позволяющий в общих чертах воссоздать ход политических событий.

Довольно многочисленные официальные вавилонские надписи старовавилонского и касситского периодов редко содержат прямые указания на какие-либо военные предприятия, что резко отличает их от ассирийских царских надписей. Это главным образом благочестивые посвятительные и закладные надписи, повествующие о перестройках и украшении храмов, укреплении городов, проведении новых каналов и т. п. Из этого разряда источников, пожалуй, наиболее информативными оказываются так называемые «эдикты о провозглашении справедливости», или акты-«мишарум». По-видимому, почти все древнемесопотамские правители вскоре после вступления на трон объявляли «мишарум», что дословно переводится как «справедливость», а на деле означает отмену некоторых долговых обязательств и установление цен на основные продукты. Такими актами правители пытались регулировать хозяйственную жизнь страны и не допускать закабаления беднейших слоев общества, «чтобы сильный не угнетал слабого». Все рассмотренные выше судебники стоят, вероятно, в определенной связи с практикой объявления «мишарум». Древнейшим из известных примеров «провозглашения справедливости» считают реформы Уруинимгины (см. гл. V, § 3); от старовавилонской эпохи дошел подобный эдикт вавилонского царя Аммицадуки (1646—1626 гг. до н.э.).

В касситский период появляется новый тип официальных надписей — надписи на межевых камнях «кудурру». «Кудурру» — это каменный столб большей или меньшей высоты, обычно украшенный рельефными изображениями символов божеств. Надпись на нем представляет собой запись дарственной на участок земли, которым царь награждал своего военачальника или чиновника; часто это пожалование или подтверждение особых прав на землю какого-либо «дома», т. е. рода, племени или общины. В дарственной указывались точные границы пожалованного участка, оговаривались условия пожалования (освобождение от налогов, от выполнения общественных работ или государственных повинностей и пр.), часто отмечалось, за что оно было дано. Надел обычно объявлялся находящимся под защитой тех или иных богов, а в конце надписи содержались проклятья по адресу того, кто осмелится нарушить условия пожалования. Первоначально «кудурру» устанавливались на грани-

цах владений; позднее их помещали в домах владельцев или в храмах. Для изучения сравнительно скудно обеспеченного источниками касситского периода надписи на «кудурру» имеют большое значение; они проливают свет на социально-политические отношения в касситской Вавилонии и подчас содержат ценную историческую информацию. Так, из надписи на одном из послекасситских «кудурру» мы во всех подробностях узнаем о том, как проходил поход Навуходоносора I на Элам; за воинские заслуги в описываемом походе командир отряда колесниц Шитти(?)-Мардук и получил эту «иммунитетную грамоту».

Для изучения политической истории Месопотамии времени Хаммурапи и той долгой и трудной борьбы, которую вел этот энергичный царь, создавая свою державу, первостепенное значение имеют дипломатические документы из царского архива города Мари. Найденные здесь письма месопотамских царей и правителей — современников, союзников и противников Хаммурапи, а также донесения марийских послов и различных агентов проливают яркий свет на сложную военно-политическую ситуацию в Месопотамии накануне подчинения всей страны господству Вавилона (подробнее см. гл. VII).

О внешнеполитической ситуации на Ближнем Востоке и отношениях между Египтом, Вавилонией, Ассирией, Митании и Хеттской державой в XIV в. до н.э. мы осведомлены благодаря находке в Египте Телль-Амарнского архива (см. гл. III, § 1). Среди документов есть копия письма фараона Аменхотепа III вавилонскому царю Кадашман-Эллилю (начало XIV в. до н.э.) и адресованные Эхнатону письма царя касситской Вавилонии Бурна-Буриаша II (1363—1335 гг. до н.э.). Цари-«братья», как они называли друг друга, постоянно обменивались подарками: из Вавилона присылали лошадей, лазурит и драгоценные камни; фараоны слали слоновую кость, эбеновое дерево и золото. Египетские фараоны брали в жены вавилонских принцесс. Отношения между двумя дворами не были, однако, безоблачными: Бурна-Буриаш то протестует против приема фараоном послов и подарков от ассирийцев, которых он считал своими подданными, то жалуется на задержку послов и обиды, чинимые его купцам, то сетует на недостаточность ответных даров. Просьбы касситского правителя о присылке золота производят порой впечатление бесстыдного попрошайничества: «...брат мой две мины золота в подарок мне прислал. Теперь, если золота много, столько же, сколько твой отец, пришли мне. А если золота недостаточно, [хоть] половину

того, что отец [присылал], пришли мне. Почему ты прислал только две мины золота?».

Отчаянное старание касситских царей держаться ро́вней с египетскими фараонами выглядит весьма жалко: они то и дело сбиваются с «братского» тона на заискивающий, и, надо полагать, в Египте, да и в других сопредельных странах эти их притязания не принимались всерьез. Судя по документам Амарнского архива, соседи зорко следили друг за другом, были в курсе всех внутри- и внешнеполитических изменений и хорошо знали истинную силу и цену каждой стороны. В целом данный архив — сложный комплекс ценнейших источников, дающий среди прочего редкую возможность увидеть взаимную оценку внешнеполитического престижа древними ближневосточными державами.

О войнах, которые вела Вавилония во второй половине II тысячелетия до н.э., мы узнаем и из иноземных источников. Столкновения с Вавилонией в современных эламских, хеттских и ассирийских официальных надписях почти никогда не упоминаются (исключение составляют царские надписи Эллиль-нерари, 1329—1320 гг. до н. э., и Тукульти-Нинурты I, 1244—1208 гг. до н.э.), однако важную информацию несут более поздние тексты исторического содержания. Здесь следует отметить уникальный памятник, так называемую «Синхронистическую историю», дошедшую в трех фрагментарных списках из библиотеки Ашшурбанапала. «Синхронистическая история» представляет собой краткий рассказ об отношениях между Ассирией и Вавилонией начиная со времени правления Пузур-Ашшура III (конец XVI — начало XV в. до н.э.) и до Адад-нерари III (810—783 гг. до н.э.). Текст памятника разделен горизонтальными линиями на множество разделов, в каждом из которых идет речь об одном из ассирийских царей и его вавилонском современнике (или современниках), например: «Пузур-Ашшур, царь Ассирии, и Бурна-Буриаш, царь Кардуньяша (Вавилонии), поклялись и границу установили» и т. п. В документ включены только те ассирийские цари, которые так или иначе вступали в сношения с Вавилонией. «Синхронистическая история» была создана на основе ассирийских документов и отличается ярко выраженной проассирийской направленностью: целью составителя было показать, что всякий раз, когда вавилоняне нарушали установленную границу, их ожидало тяжкое поражение. Тенденциозность освещения событий «Синхронистической историей» видна из сравнения ее с вавилонской «Хроникой Р», рассказывающей о событиях касситского периода. Небольшой отрывок

этой хроники сохранился на поздневавилонской табличке. Автор хроники был вавилонянином, что, однако, не помешало ему отметить четыре поражения вавилонян (два из них — от ассирийцев), тогда как составитель «Синхронистической истории» ни разу не упоминает о каких-либо военных неудачах ассирийцев. Это заставляет исследователей считать «Хронику Р» более объективной, чем «Синхронистическую историю».

Некоторые сведения по истории Вавилонии II тысячелетия до н.э. имеются также в уже упомянутой выше «Хронике ранних царей».

§ 4. Деловые документы и памятники специальной литературы

Современные исследователи располагают большим количеством (не менее 40 000) старовавилонских деловых, судебных, хозяйственных, административных и частных документов и писем, происходящих из разных городов Месопотамии, главным образом из Мари, Ларсы, Сиппара, Ниппура, Ура и др. Изучение этих текстов позволяет отвечать на многие вопросы, связанные с социальной структурой вавилонского общества рассматриваемого периода, деловой и хозяйственной жизнью страны и частной жизнью рядовых обитателей месопотамских городов. Весьма любопытны документы из Ларсы: в некоторых из них мы находим сведения о продаже домочадцев и самопродаже во временное рабство. От касситского времени источников этого типа дошло меньше, и они только сравнительно недавно стали объектом широких исследований.

Среди вавилонских научных текстов II тысячелетия до н.э., по-видимому, самое почетное место занимали такие тексты, которые в наши дни не только не относят к научным, но противопоставляют им,— сборники предсказаний. В древности отношение к этому предмету было иное: различные сборники предсказаний и примет тщательно переписывались не только по всей Месопотамии, но и в Эламе, в Сирии и Палестине, у хеттов. Известны даже переводы таких сборников на хеттский и эламский языки.

Литература предсказаний огромна; каждый вид предсказаний (по внутренностям жертвенных животных, по форме масляных пятен на воде, по разного рода знамениям, по движению небесных тел и т. д.) порождал большие сборники, включавшие иногда десятки клинописных табличек. Бо́льшая часть подобных предсказаний строилась по одно-

му образцу: в первой части отмечается наблюдаемое знамение («Если случится то-то и то-то»), во второй указываются ожидаемые последствия («то произойдет то-то и то-то», например умрет царь, наступит голод и т. п.). Как писал А. Л. Оппенхейм, «предсказание... считается только предупреждением, что в точности соответствует значению латинского слова *«omen»*; с помощью нужных ритуалов дурные последствия можно было предотвратить».

Фразеология и структура вавилонских предсказаний повлияла на форму и стиль некоторых медицинских, исторических и литературных месопотамских текстов. Сборники предсказаний иногда использовались составителями хроник; в позднейшей литературе встречаются упоминания о случаях предсказания древними жрецами конкретных исторических событий. Но в целом их трудно назвать источниками, содержащими обильную историческую информацию.

Очень близко к литературе предсказаний стоят медицинские тексты. По существу, они также представляют собой сборники предсказаний исхода болезни по симптомам или по знамениям, не имеющим отношения к заболеваниям. В некоторых медицинских «сериях» после описания симптомов следуют детальные инструкции врачу, как лечить больного. Имеются таблички, в которых ставится диагноз болезни, но чаще указывается причина заболевания — главным образом вредоносная магия и прегрешения больного. Огромный корпус медицинских текстов заставляет предполагать, что среди древних медиков, как и среди предсказателей, существовало разделение на различные направления и специальности: одни лечили преимущественно заговорами и магическими средствами, другие придерживались более позитивного метода, используя травы, минералы и т. п. Впрочем, нередко они объединяли свои усилия, взаимно дополняя друг друга.

Месопотамия славилась во всем древнем мире своими астрологами. Хотя наивысшего развития астрология достигла в более поздний период, от II тысячелетия до н. э. также дошли астрологические тексты. Интересно, что обнаружены они в основном вне Месопотамии — в Малой Азии, Катне, Мари и Сузах. Помимо астрологических предсказаний довольно примитивного типа в старовавилонскую эпоху создавались тексты, отмечающие наблюдения за небесными светилами. С какой бы целью эти наблюдения ни делались, значение таких текстов для современных исследователей исключительно велико. Достаточно сказать, что запись наблюдений за планетой Венера, сделанных в царствование вави-

лонского царя Амми-цадуки, послужила основанием для расчетов, на которых покоится вся современная хронология раннего периода месопотамской истории (до второй половины II тысячелетия до н. э.).

§ 5. Литературные тексты

Старовавилонский и касситский периоды — время становления и формирования аккадской литературы. Впрочем, в ученых кругах продолжали создавать произведения и на шумерском языке, подобно тому как в средневековой Европе продолжали пользоваться латынью для литературных целей. В этой связи следует отметить новую, расширенную старовавилонскую версию «Наставлений Шуруппака» (см. выше).

Старовавилонский «Эпос об Атрахасисе» (около 1200 строк) рассказывает о начале мира, сотворении человека и потопе, который пережил лишь один благочестивый человек, Атрахасис. Любопытно, что в этом тексте, повествующем о событиях, очень далеких от повседневной жизни вавилонян, есть эпизод, дающий наглядное представление о том, как происходили народные возмущения в Древней Месопотамии. В начале мира, «когда боги, как люди, свершали труд, влачили бремя... семь Ануннаков великих труд свершать заставляли Игигов». Долгие годы боги-Игиги проводили реки и каналы и, наконец, взбунтовались, «в огонь орудия свои побросали, сожгли лопаты, спалили корзины» и отправились к Энлилю требовать облегчения своей участи. Толпа Игигов окружила ночью храм Энлиля. Встревоженный Энлиль велел запереть ворота, вооружиться, созвать остальных Ануннаков, а затем вступил в переговоры с бунтовщиками. Едва ли можно усомниться в том, что, изображая бунт богов, поэт имел перед глазами знакомую всем картину вполне земного мятежа.

К старовавилонской эпохе относится поэма «Нисхождение Иштар в преисподнюю», дошедшая фрагментарно в списках I тысячелетия до н. э. Из нее мы узнаем, как вавилоняне представляли себе загробный мир. На основе цикла шумерских эпических поэм в старовавилонскую эпоху складывается классический аккадский «Эпос о Гильгамеше». В конце касситского периода «Эпос о Гильгамеше» получил новую редакцию, которую традиция связывает с именем жреца-заклинателя Син-лики-уннинни.

По-видимому, в это же время (или чуть позднее) возник и «Эпос о сотворении мира» («Энума элиш» — «Когда вер-

ху»). В этом тяжеловесном поэтическом произведеиии дается генеалогия богов и рассказывается об обстоятельствах, приведших к возвышению бога Мардука. В отличие от «Эпоса о Гильгамеше» «Энума элиш» — произведение культовое; в позднюю эпоху чтение его в храме Мардука входило в новогодний ритуал. Теологические и иные концепции, содержащиеся во внекультовых произведениях, по мнению некоторых исследователей, вовсе иеобязательно должиы были иметь широкое распространение, но произведение, читавшееся важнейшему божеству в главном храме Вавилона, конечно, занимало особое положение. Это уже то, что можно назвать официальной идеологией, вне зависимости от того, многими ли она принималась и разделялась.

К касситскому времени относится и небольшая поэма «Ниппурский бедняк», представляющая собой литературно обработанную запись народной сказки. Сюжет ее (№ 1538 по указателю сказочных сюжетов С. Томпсона) сохранился до наших дней; известно немало аналогичных сказок, в том числе и русская.

В касситский период интеисивно записываются художественные тексты, передававшиеся ранее изустно, что, вероятно, связано с нарушением многих древних традиций и желанием спасти наследие прошлых веков. Первостепенную роль в сохранении корпуса древних произведений сыграла вавилонская «школа-академия» (эдубба — «дом табличек»), обучение в которой строилось на копировании текстов самого различного рода. Ряд литературиых текстов (в частности «Эпос о Гильгамеше») был обнаружен далеко за пределами Месопотамии, в Богазкёе, в Амарне, в городах Сирии и Палестииы, где писцы, обучавшиеся аккадскому языку, так же копировали литературные тексты, как и их вавилонские коллеги.

Наряду с дальнейшим развитием и записью фольклорных текстов в Месопотамии II тысячелетия до н. э. появляется все больше произведений, являющихся плодом индивидуального творчества. Это главным образом дидактические сочинения (поэмы «О невинном страдальце»), но можно указать и на попытки создать эпические поэмы («Эпос об Эрре», приписываемый Кабти-илани-Мардуку и связанный, по всей вероятности, с разграблением Вавилона эламитами при Шутрук-Наххунте). Плодом индивидуального творчества были многие молитвы и заклинания. Отнесеиие подобиых текстов, имевших совершенно внелитературную «сверхзадачу», к литературе может показаться несколько странным, но границу между литературой и нелитературой

вообще трудно провести. Когда же речь идет о древних письменных памятниках, нужно руководствоваться при проведении такого разграничения не столько соображениями о функциональном назначении того или иного вида текстов, сколько формально-поэтическими признаками — наличием или отсутствием в них каких-либо художественных приемов. К словесности, таким образом, может быть отнесена и строительная надпись, и письмо, и рассказ о военной кампании в царской надписи.

Как памятники «фольклорного» типа, так и произведения, созданные индивидуальными творцами, почти не содержат прямой исторической информации. Но они важны для изучения истории литературы, для понимания психологии древних обитателей Месопотамии, а подчас в них содержатся и ценные сведения об отдельных сторонах жизни вавилонян.

§ 6. Археологические источники

В археологическом отношении Вавилония II тысячелетия до н. э. изучена еще недостаточно хорошо. Такие важные центры, как Иссин и Ларса, остаются почти неисследованными. В самом Вавилоне экспедиции Немецкого восточного общества за 18 лет работы (1899—1917) не удалось добраться до слоев, которые были бы намного древнее слоев нововавилонского времени (VII—VI вв. до н. э.): поднявшиеся грунтовые воды делают невозможным проведение раскопочных работ на значительной глубине от поверхности. Памятники старовавилонского периода лучше всего исследованы в Мари экспедицией А. Парро (1933—1938) и в Уре экспедицией Л. Вулли (1922—1934). Интересные результаты дали также раскопки Эшнунны (совр. Телль-Асмар), которые велись в 1930—1936 гг. Чикагским восточным институтом. Из археологических исследований памятников касситской эпохи следует назвать раскопки города Дур-Куригальзу, проведенные в 1942—1945 гг. иракскими археологами под руководством Тахи Бакира и Сэтона Ллойда.

В Эшнунне были найдены крупные сооружения начала II тысячелетия до н. э. — храм, посвященный обожествленному царю III династии Ура Шу-Суэну, и пристроенный к храму дворец основателя местиой династии Илшу-илии. Этот комплекс сооружений представляет большой интерес для истории архитектуры; в руинах дворца был обнаружен архив. Здания подвергались неоднократным перестройкам, для которых использовались кирпичи с оттиснутыми на них

трафаретами именами правителей. Благодаря этому обстоятельству удалось полностью восстановить генеалогию местных правителей.

Особый интерес представляют результаты раскопок слоев старовавилонского периода в Уре. Здесь на весьма обширной площади были раскопаны жилые кварталы рядовых горожан. Это позволило воссоздать облик старовавилонского города и внешний вид жилищ обычных вавилонян. Взорам исследователей открылась следующая картина: сеть узеньких улочек, разбегающихся от более широких улиц, на пересечении которых стоят маленькие святилища. Дома из сырцового кирпича лепятся вплотную друг к другу, выходя на улицы слепыми стенами без окон. Постройки нередко двухэтажные, с внутренним открытым двориком, вдоль одной из сторон которого часто идет открытая галерея. Обитателей дома хоронили тут же, прямо под полом нижнего этажа или во дворе.

Тщательно проведенные раскопки позволили не только снять планировку жилых домов и кварталов старовавилонского города, но и сделать определенные заключения об уровне грамотности его населения. Все находки клинописных текстов картографировались, и в ряде случаев оказалось возможным установить имена и профессию обитателей раскопанных домов, что в свою очередь дало осиоваиия для сравнения условий жизни различных социальных групп населения. Долговые расписки, купчие и другие деловые документы в большем или меньшем количестве встречаются в очень многих домах, как зажиточных, так и бедных. Находка таких документов не может, однако, свидетельствовать о грамотности хозяев дома: вступать в сделки и хранить расписки должны были и неграмотные люди. Иное дело обнаружение литературных текстов: едва ли в доме стали бы хранить таблички с записью поэмы или даже заговора, если бы никто в нем не умел читать. Раскопки в Уре показали, что в богатых домах и домах людей средиего достатка, принадлежавших жрецам и служащим храмов, торговцам и ростовщикам и т. п., часто встречаются одна-две, а то и несколько литературных табличек. По-видимому, в старовавилонский период грамотность в Вавилонии не была уделом лишь узкого круга избранных.

Раскопки Дур-Куригальзу (совр. Акаркуф), крупного города, основанного касситами, показали, что пришельцы почти во всем следовали прежним вавилонским образцам. Несколько необычной была лишь планировка дворцов, в которых центральный двор окружали длинные галереи.

Вполне вероятно, что некоторые новые технические приемы в строительном деле касситы принесли с собой с Востока: некоторые исследователи видят тут эламское влияние.

До нас дошло сравнительно немного произведений искусства старовавилонского периода, главным образом скульптура. Наиболее интересны статуи правителей Мари — Иштуп-илума, Или-илума и Пузур-Иштара (последняя была найдена в «дворцовом музее древностей» одного из поздних вавилонских царей). Две статуи правителей Лагаша археологи обнаружили в Сузах. Названные скульптуры отличаются высоким мастерством исполнения и намного превосходят другие известные образцы скульптуры этого времени.

Каменных барельефов старовавилонского периода почти не найдено, если не считать изображения Хаммурапи перед божеством, высеченного на стеле с законами. Но в это время значительное распространение получают небольшие терракотовые барельефы, которые археологи находят при раскопках частных домов. Большинство из них, по всей вероятности, имело культовое назначение, представляя собой своего рода образки, амулеты-обереги с изображением божеств и демонов, ритуальных сцен и т. п. По этим барельефам можно составить некоторое представление о вавилонской демонологии и характере частной, домашней религиозной практики.

Круглая терракотовая скульптура достигает расцвета в касситский период; это, как правило, мелкие, тщательно проработанные фигурки или головки людей и зверей. В касситское время заметно изменяется характер изображений на цилиндрических печатях. Вместо традиционных культовых сцен это в основном фантастические крылатые животные в сочетании с мотивом креста. Печати и многочисленные ювелирные изделия интересны не только для историков искусства; изучение того, как они были изготовлены, позволяет сделать определенные выводы об уровне развития технических знаний и изменениях в навыках обработки камня и металлов.

Глава VII
ГОСУДАРСТВА МАРИ И МИТАННИ

§ 1. Мари

По сообщениям клинописных источников, город-государство Мари входил в первую десятку древнейших городов Месопотамии. Важное стратегическое положение на тор-

говых и военных путях между Месопотамией, Средиземноморьем и Малой Азией обеспечило городу процветание на многие сотни лет. В то же время Мари на протяжении всей своей истории являлся объектом захватиических устремлений со стороны более крупных государств, пока около 1757 г. до н. э. он ие был захвачен и разрушен вавилонским царем Хаммурапи.

Развалины Мари находятся на холме Харири, в 2,5 км к западу от Евфрата, недалеко от сирийско-иракской границы. Регулярные археологические раскопки ведутся здесь французскими экспедициями с 1933 г. Исследуются главным образом северо-западная (храмы Иштар, Дагана, Нинхурсаг, зиккурат) и северная (дворец) части холма.

Стратиграфическая характеристика раскопанных объектов в отчетах о раскопках не всегда представлена четко, но на основании архитектурных особенностей помещений, техники изготовления керамики, по изображениям на цилиндрических печатях, надписям и т. п. можно выделить 8 культурных напластований, относящихся к периодам Джемдет-Насра (ок. XXX в. до н. э.), раннединастическому (XXVIII—XXIV вв. до н. э.), династии Аккада (XXIV—XXII вв. до н. э.), III династии Ура (XXII—XXI вв. до н. э.), I вавилонской династии (XIX—XVIII вв. до н. э.), касситскому (XVIII—XVI вв. до н. э.), вавилоно-ассирийскому (XVI—XIII вв. до н. э.) и парфянскому (III в. н. э.).

Памятники материальной культуры. Культура Мари эпохи Джемдет-Насра и раннединастического периода наиболее полно представлена в храме богини Иштар. За время своего существования он перестраивался не менее 4 раз. К самому раннему археологическому слою относятся постройки из обожженного кирпича характериого для Джемдет-Насра типа. Три последующих слоя датируются XXVIII—XXIV веками до н. э. Храм в том виде, в котором он дошел до нас, делится на две части. Западная часть состоит из помещений культового назиачения, алтаря, жертвенника и водоема для омовений. В восточной части находились комнаты для жрецов и подсобные помещения.

При династии Аккада и III династии Ура в Мари строятся храмы бога Дагана, богини Нинхурсаг и зиккурат.

Подавляющее число находок относится ко времени I вавилонской династии. Последнее обстоятельство является наиболее важиым, так как один город Мари дал больше вещественных памятников, чем вся Месопотамия XIX—XVII вв. до н. э. Наиболее интересные находки сделаны иа территории царского дворца, они зиакомят исследователя со

строительной техникой, планировкой и архитектурой помещений, уровнем развития ремесел, скульптурой, настенной росписью и т. д.

Дворец Мари считается «сокровищницей древневосточной архитектуры». Прежде всего он поражает своей грандиозностью: в плане дворец имеет форму трапеции, занимает площадь 4 га и состоит из более 300 помещений, дворов и коридоров. Это единый архитектурный комплекс, отделенный от внешнего мира сплошной крепостной стеной высотой от 2 до 10 м. Попасть во дворец можно было через единственный вход шириной около 6 м в северной части стены. Таким образом создавалась возможность наилучшим способом обороняться от врагов.

При сооружении фундамента дворца использовался камень, который добывался в расположенных поблизости каменоломнях. При строительстве стен применялся крупный кирпич-сырец, непрочность которого заставляла строителей доводить толщину стен до 3—4 м. Стены достигают высоты 5 м в одноэтажных помещениях и почти 10 м — в двухэтажных. Потолочные перекрытия, опорные балки, террасы и галереи делались из дерева. Пол, как правило, вымощен обожженным кирпичом или плитками из битума. Окон не было, свет проникал в комнаты через широкие двери, выходившие во двор. При строительстве дворца древние архитекторы использовали известный прием размещения комнат вокруг открытого двора (таких дворов обнаружено более 20).

Официальная жизнь дворца протекала в его северной части. Сразу же за входом с вестибюлем начинался «Передний двор» площадью около 300 кв. м. К северо-востоку от него находилась «Гостиница» с комнатами для посетителей, кухней и банями, а к северо-западу — царские покои с мозаикой и панно из морских раковин на стенах. Центр дворца занимал «Большой двор» площадью 1500 кв. м, вокруг которого группировались важнейшие помещения: зал для аудиенций с царским троном на каменном цоколе, несколько небольших святилищ, царские апартаменты, канцелярии. К западу от «Большого двора» находились помещения «школы» с рядами скамеек на 1, 2 и 4 человек. Тут же найдены глиняные чернильницы и глиняные таблички для записи школьных упражнений. Под хозяйственные нужды отводилась южная часть дворца, где обнаружены комнаты для слуг, мастерские, склады, погреба. Особый квартал занимали лавки. Хорошо налаженная коммуникационная система (наличие связанных между собой широких коридоров и

дворов) позволяла использовать внутри дворца транспорт. Если добавить, что дворец имел автономную канализацию и был отгорожен от остальной части города стеной, то можно согласиться с мнением ученых, называющих его «городом в миниатюре».

Важное значение для истории материальной культуры имеют многочисленные предметы быта, найденные на территории дворца. Все орудия труда, главным образом топоры, тёсла, швейные иглы, рыболовные крючки, сделаны из бронзы. Керамическая посуда изготовлена на гончарном круге, подвергнута обжигу и отличается разнообразием и изяществом форм. Часто она украшена геометрическим орнаментом или стилизованными изображениями животных. О достижениях в области прикладного искусства говорят находки ювелирных изделий из золота, серебра и ценных пород камня. Для истории искусства интересны вотивные статуэтки из базальта, стеатита, белого и розового известняка, гипса и терракоты, а также настенная мозаика. Особый интерес вызвала настенная живопись — сцены «посвящения царя Мари» и т. д. Значительную ценность представляет коллекция стилистически разнообразных цилиндрических печатей с мифологическими сюжетами.

В целом находки на Телль-Харири свидетельствуют в пользу несомненного шумеро-аккадского влияния на культуру Мари. В то же время многие факты, например изображения мужчин и женщин с тюрбанами на голове, портрет мужчины негроидного типа, отдельные образцы керамики и глиптики, заставляют рассматривать культуру Мари как синтез более разнородных культурных элементов.

Итак, около 1757 г. до н. э. город Мари прекратил свое существование. В касситский период на этом месте находились мелкие поселения; к XVI—XIII вв. до н. э. относятся захоронения с предметами вавилонского и ассирийского происхождения; в XIII в., согласно ассирийским надписям, на месте Мари долгое время стоял ассирийский гарнизон; парфянский период представлен несколькими могилами в центре холма.

Памятники письменности. За время раскопок археологам удалось найти уже более 30 000 глиняных клинописных текстов. Государственный архив Мари занял почетное место в ряду таких крупных клинописных собраний, как архивы из Лагаша, Ура, Ниппура, Эблы и Ниневии. С 1941 г. французские и бельгийские ассириологи начали издание текстов в прорисовках, транслитерации и переводах. Тексты публикуются отдельными изданиями под общим названием

«Царский архив Мари». После выхода в свет первых пяти томов к ним был составлен специальный том со списком клинописных знаков, идеограмм, имен собственных, географических названий, силлабарием и словарем. Все последующие тома снабжаются справками технического порядка (относительно календаря и датировок, мер веса и длины, терминологические разъяснения).

Хронологически изданные тексты охватывают разные периоды. Раннединастический период представлен единичными хозяйственными текстами. От династии Аккада сохранилась небольшая коллекция глиняных моделей печени животного с записями гаданий, где упоминаются имена видных аккадских царей. Более 500 текстов датируется временем III династии Ура. Большая часть текстов относится ко времени ассирийского царя Шамши-Адада I (1813—1781 гг. до н. э.), когда Мари входил в состав Ассирии, и Зимрилима (1780—1757 гг. до н.э.), последнего царя Мари.

Этот обильный документальный материал включает в себя краткие исторические и строительные надписи, памятники литературы на шумерском, аккадском и хурритском языках, юридические документы, но основную массу текстов принято делить на две большие группы: письма и хозяйственные тексты.

Формат писем весьма разнообразен. Сохранились письма, написанные на небольших квадратных табличках с длиной стороны квадрата до 3 см. Большинство писем начертано на прямоугольных табличках размером 15×20 см. Составлены они на местном диалекте аккадского языка и, как правило, не датированы. Авторами и адресатами писем являются цари и члены их семей, высшие военные и административные чины.

Письма содержат богатейший материал о политической, хозяйственной, общественной и культурной жизни того времени. Упоминания десятков городов и государств (от Мари до Каниша в Малой Азии, Крита и средиземноморских городов на западе, Аррапхи и Нузы на востоке, берега Персидского залива на юге) позволяют воссоздать историческую географию Передней Азии XIX—XVIII вв. до н. э. Для политической истории несомненную ценность представляют многочисленные сообщения о военных союзах и столкновениях, торговле и дипломатических связях между различными государствами. Очень существенны сведения об организации царского хозяйства и хозяйств вельмож, общественных отношениях, о структуре государственного аппарата и

армии, религии, достижениях в области медицины, фармакологии, парфюмерии и т. д.

Формат хозяйственных текстов также различен — от маленьких квадратных табличек с длиной стороны квадрата в 1 см до большой прямоугольной таблицы 25×20 см. Между этими крайностями имеется большое число промежуточных размеров. Хозяйственные тексты написаны на шумерском или аккадском языке, датируются они по годам правления царя (эпоха Зимрилима), или по специальным чиновникам-эпонимам (эпоха Шамши-Адада I), или по дню и месяцу составления документа (эпоха III династии Ура), иногда вообще не имеют даты.

Хозяйственные тексты по своей структуре и содержанию аналогичны документам хозяйственной отчетности III династии Ура. Поименные списки персонала царского хозяйства, отчеты об операциях с рабочей силой, перечни натуральных и денежных поступлений в царские кладовые, расписки о выдаче довольствия различным лицам и т. д. дают возможность определить роль и значение царского сектора экономики в городе-государстве Мари.

Город Терка — один из центров государства Мари. Древний город Терка (совр. Телль-Ашара на западном берегу Евфрата, в 60 км от сирийско-иракской границы) был основан в первой половине III тысячелетия до н. э. и просуществовал до начала I тысячелетия до н. э. Все это время он играл важную роль в ближневосточной торговле. Здесь начинались караванные пути из Месопотамии на запад, в Египет и Малую Азию. Город был также главным культовым центром бога Дагана, почитавшегося в Северной Месопотамии и Сирии. Название города эпизодически упоминается в клинописных источниках с XXII в. до н. э. (архивы Ура, Эблы). В конце XIX — первой половине XVIII в. до н. э. город входил в состав государства Мари. Тексты из Мари содержат богатейший материал по социально-экономической и политической истории Терки указанного периода. После разрушения Мари царем Хаммурапи город попал к касситам; в XIV—XIII вв. до н. э. на него претендовали хетты и Митанни; в IX в. до н. э. вошел в состав Ассирии. В последний раз Терка (в ассирийской транскрипции Сирку) упоминается в надписях Адад-нерари III.

Открытие города связано с раскопками в 1910 г. известного немецкого археолога Э. Херцфельда. Среди найденных им мелких вещей оказалась глиняная табличка с названием города. Так удалось идентифицировать Телль-Ашару с Теркой. Регулярные раскопки ведутся с 1975 г. американскими

экспедициями. Исследуются в основном края холма, так как его центр занимает небольшая деревня. Общий план города еще не определен. Древнейший археологический слой, датируемый временем династии Аккада (XXIV—XXII вв. до н. э.) представлен обожженной керамикой, металлическими и глиняными фигурками животных, захоронениями с бедным погребальным инвентарем. К XVIII—XV вв. до н. э. относятся остатки крепостных стен и частных домов из кирпича-сырца. В 1980 г. обнаружен храм богини Нинкаррак (аналог шумерской богини врачевания Гулы), состоящий из алтаря и помещений для храмового персонала. В Терке найдены также изготовленные из привозных полудрагоценных пород камня бусы, египетские скарабеи, хеттская печать, свидетельствующие о том, что Терка не терял своего значения в торговле на протяжении многих веков.

§ 2. Митанни

Государство Митанни возникло в XVII в. до н. э. в северо-западной части Месопотамии на месте небольших древнехурритских государственных образований: Кумме, Алзи, Уркиш и др. Основным этническим компонентом населения Митанни были древние обитатели Северной Месопотамии — хурриты, которые смешались также с семитоязычными амореями и отчасти с индоевропейским этносом. Государство Митанни распалось и перестало существовать под ударами более сильных соседей (Хеттского царства, Ассирии) в XIII в. до н. э.

История этого интересного и игравшего немаловажную роль в истории региона Месопотамии и в системе международных отношений II тысячелетия до н.э. государства освещена источниками явно недостаточно и неравномерно. Обращает на себя внимание небольшое количество раскопанных к настоящему времени археологических комплексов, а следовательно, памятников материальной культуры Митанни. Документы хозяйственного и социально-экономического характера происходят в основном из восточных, периферийных районов Митаннийского государства, в частности из Аррапхи, которая некоторое время была самостоятельным хурритским государством, лишь позднее вошедшим в состав Митанни. Политические документы характеризуют в основном внешнеполитическую историю Митанни и происходят главным образом из иноземных дипломатических архивов: египетского Телль-Амарнского и хеттского Богазкёйского. Более того, преобладающими являются документы

на аккадском, хеттском и египетском языках, письменные же памятники на языке основного этнического контингента Митанни — хурритском — очень немногочисленны.

Памятники материальной культуры. По сравнению с другими древневосточными странами памятники материальной культуры Митанни немногочисленны. Не раскопана и даже не обнаружена еще столица Митаннийского царства — неоднократно упоминаемый в письменных источниках город Вашшуганни, хотя высказывается предположение, что его руины могут скрываться под городищем к западу от Нисибина.

Наиболее важный вещественный материал по истории Митанни дали раскопки в районе современного Киркука (Ирак) к востоку от Тигра, где находилась в древности Аррапха, вначале самостоятельное небольшое царство, а затем составная часть государства Митанни. Здесь в 20—30-е годы XX в. вела систематические раскопки американская археологическая экспедиция Пенсильванского университета под руководством Р. Ф. Старра. Раскопки дали материал по четырем преемственно и последовательно существовавшим здесь культурам: энеолитической, шумеро-аккадской, хурритской и парфянско-сасанидской.

Наиболее интенсивные раскопки производились на холме Иорган-тепе и на двух холмах, расположенных севернее его (холм А) и северо-восточнее (холм Т). Под холмом Иорган-тепе скрывались руины поселения — торговой колонии и крепости шумеро-аккадской эпохи, носившей название Гасур, во II тысячелетии до н. э. ставшей хурритским крупным населенным пунктом и переименованной в Нузу. Центром этого поселения была цитадель, где располагались дворец правителя и храм. Дворец представлял собой комплекс общественных построек с обилием парадных помещений. Особенного внимания заслуживает парадная комната, вход в которую был украшен двумя колоннами, а дверь отделана серебряными и медными гвоздями. В ней справа от входа, вдоль одной из стен имелась сырцовая скамья 7-метровой длины и метровой ширины с жертвенником перед ней. Рядом находилось помещение, где были обнаружены медный жертвенник и предметы, относящиеся к культу богини-матери. Высказывается предположение, что это мог быть так называемый «Дом двадцати» — место заседания совета старейшин и судей. Другой замкнутый комплекс помещений со своим небольшим двором получил наименование «Дома жриц». Наиболее обширную часть построек занимала хозяйственная половина дворца, где находились хлебопекар-

ни, кладовые, жилища для обслуживающего персонала: ремесленников, рабов, жителей соседних поселений, которые вызывались во дворец для выполнения различных трудовых повинностей, «Дом колесничих», конюшни и т. д. Во дворце имелись специальные помещения для посланцев и гонцов из других стран. Вторую половину цитадели занимали храмовые помещения. И дворец, и храм отличались мощностью стен. Улица, разделяющая храм и дворец, многочисленные дворы при этих постройках, пол в помещениях были мощеными. Местами сохранилась роспись стен: фигурируют изображения стилизованного священного дерева, бога-громовика Тешуба с головой быка, богини плодородия Хебат с коровьими ушами.

Под холмами А и Т были обнаружены постройки частного характера: дома глав знатных семей, в том числе напоминающий по облику нузийский дворец, хотя и меньший по размерам, дом Шильватешуба, сына царя.

Во время раскопок были найдены многочисленные изделия из меди и бронзы, что свидетельствует о принадлежности памятников Аррапхи к развитой эпохе бронзы. Большой редкостью являются предметы из железа: это лишь рукоятка медного кинжала и железные бусины, найденные на территории цитадели Нузы. Оригинальна керамика: высокие кубки с геометрическими и растительно-животными узорами на белом и черном фоне.

Хурритами изготовлялось множество цилиндрических печатей, чаще всего из гематита. На них обычно изображались мифологические сюжеты и существа: грифоны, люди-скорпионы и люди-орлы, священное дерево, крылатые сфинксы. Часто на печатях встречается антропоморфное изображение богини любви Шавушки. Характерен и орнамент: это так называемая хурритская «плетенка» — волнистые линии, как бы сплетенные в косу. Лучшие образцы печатей датируются серединой II тысячелетия до н. э. и относятся к так называемому сиро-митаннийскому изысканному стилю. Митаннийские печати широко распространились по всей Передней Азии. Они найдены в погребениях Лчашена и Ширака в Армении, в одном из могильников Осетии, при раскопках международной торговой колонии Каниш на востоке Малой Азии и в других местностях. На Финикийском побережье при раскопках близ города Акры так называемых могил торговцев-воинов в 1970 г. была обнаружена митаннийская печать из гематита с обилием типичных для митаннийской глиптики композиций: священного дерева со стоящими по обе стороны от него антилопами, двух львов, нападающих

на какое-то крупное животное, четырехкрылого божества и крылатых грифонов.

Митаннийская материальная культура в целом оказала определенное влияние на культуру Кавказа и Закавказья, о чем свидетельствуют, например, типы колесниц, воинского вооружения, парадной одежды из погребений в Триалети и Лчашене, на культуру Сирии (Алалах, Алеппо), Финикии (Библ, Угарит), на хеттов и ассирийцев, на Западный Иран (Хасанлу) и даже на Египет, что подтверждается некоторыми вещами, принадлежавшими фараонам XVIII династии: Яхмосу I, Аменхотепу III, Тутанхамону.

В свою очередь Митанни испытало в сфере материальной культуры влияние хеттов, вавилонян, египтян. Любопытным примером этого смешанного влияния является опять-таки митаннийская глиптика из Нузы, где на печатях фигурируют ритуальные процессии богов или людей (как у хеттов), крылатый солнечный диск (как у египтян), сцены борьбы героя с чудовищем (месопотамский сюжет). Типична в этом отношении печать митаннийского царя Сауссадаттара из Нузы.

Данные о хурритах домитаннийского времени. Одна из древнейших хурритских надписей — это строительная надпись Тишари, царя Уркиша из Северной Месопотамии, датируемая второй половиной III тысячелетия до н. э.

Дошли также перечень даров в храм Энлиля в Ниппуре (конец III тысячелетия до н. э.), диалог из Мари, заклинания из Мари и других центров Вавилонии, датируемые XIX—XVII веками до н. э., среди них заклинания от зубной боли, любовных чар, змей, скорпионов, которые дают интересные сведения о религии и магических ритуалах хурритов.

Данные ономастики и топонимики как исторический источник. Хурритские имена собственные встречаются в некоторых шумерских и аккадских текстах, а также в текстах из Алалаха и Каниша (XIX—XVIII вв. до н. э.), что свидетельствует о широком ареале расселения хурритских племен на территории Месопотамии, Сирии, восточных областей Малой Азии. Некоторые глиняные таблички, например из Чагер-Базара и Телль-Брака, упоминают о домитаннийских хурритских политических объединениях в долине Хабура и к западу от Евфрата.

Хурритская ономастика и топонимика послемитаннийского времени сохранилась в ассирийских и урартских источниках IX—VII вв. до н. э.

В свете данных ономастики и топонимики представляет

значительный интерес проблема наличия индоарийских элементов в государстве Митанни. Присутствие индоиранских числительных и нарицательных терминов в «Трактате о коневодстве» митаннийца Киккули, имена арийских богов (Митра, Индра и др.) в тексте договора Суппилулиумы I с митаннийским царем Шаттивасой, имена митаннийских царей XV—XIII вв. до н. э. в сочетании со свидетельствами о развитии коневодства, применении легких колесниц представляются для ряда ученых убедительным свидетельством пребывания индоиранцев на территории Митанни. Другие считают эти данные либо спорными, либо совершенно застывшими анахронизмами в живом хурритском языке и не принимают их за неоспоримый и достоверный источник по вопросу об индоевропейском этносе в Митанни.

Письменные документы из Аррапхи. При раскопках Аррапхи, Нузы и других поселений к востоку от Тигра найдена большая группа преимущественно хозяйственных и юридических документов, датируемых серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э. Это свыше 4000 табличек, написанных на аккадском языке с сильной примесью хурритизмов. Они представляют собой дворцовые, храмовые и семейные архивы, охватывающие время жизни пяти-шести поколений, и открывают широкую возможность для восстановления социальной структуры хурритского общества Аррапхи — одного из периферийных царств, впоследствии вошедших в состав Митаннийской державы. Изучением их занимались многие зарубежные ученые (П. Кошакер, Э. Шпайзер, Х. Леви и др.) и советские исследователи (Н. Б. Янковская, О. В. Цкитишвили и др.).

Документы из Аррапхи позволяют судить о наличии и организации дворцового и храмового хозяйства, о сельской и большесемейной общине, формах землевладения, характере и уровне развития экономики. Довольно много в документах сведений о характере рабовладения в Аррапхе и положении рабов. Они содержат также материалы о системе государственного управления, организации и комплектовании армии.

В хозяйственных текстах из Нузы встречаются сведения и о некоторых событиях политической истории Митанни. Например, упоминается о смерти царя Параттарны (конец XVI — начало XV в. до н. э.), о пребывании в Аррапхе Шаттивасы, бежавшего туда во время династических смут в Митанни.

При раскопках крепостей Гасура и Нузы была также обнаружена в небольшом количестве и дипломатическая кор-

респонденция, а также жилища для иноземных посланцев. Сохранился оттиск печати митаннийского царя Сауссадатара на его письме Итхии (Итхи-Тешубу), царю Аррапхи.

В документах из Аррапхи содержатся также материалы, позволяющие восстановить календарь аррапхитов, имеющий хозяйственное и культовое значение и отличающийся от ассирийского и вавилонского календаря. Из календаря можно также извлечь данные о пантеоне Аррапхи, отличающемся известной пестротой в связи со смешением культурных влияний в этом центре скрещения месопотамских торговых путей.

Письменные источники по истории Митанни с территории Древнего Египта. В письменных документах из Египта чаще всего государство Митанни упоминается под названием «Нахарина» — «страна рек». Они содержат в основном материал о политических взаимоотношениях Египта и Митанни в XVI—XIV вв. до н. э. Главным образом это анналы Тутмоса III из Фив, надписи Аменхотепа II из Мемфиса и Фив и ряд документов, относящихся к правлению Аменхотепа III: победная стела, перенесенная из его заупокойного храма в заупокойный храм другого фараона — Мернептаха в Фивах, пять однотипных скарабеев, посвященных прибытию в Египет свадебной процессии митаннийской царевны Келухебы, памятный скарабей в честь свадьбы Аменхотепа III с Тией, надпись из гробницы вельможи Хаемхата — современника Аменхотепа III.

Во всех этих документах упоминается Нахарина-Митанни как край, предел, до которого доходят северные границы Египетской империи. На скарабее в честь приезда Келухебы фигурирует имя ее отца — митаннийского царя Шуттарны II. Особенно интересно описание восьмого похода Тутмоса III в Азию, который завершился форсированием Евфрата на финикийских кораблях и победоносным вторжением египетского войска непосредственно на территорию Митанни. В надписях Аменхотепа II Митанни уже фигурирует как государство, подвластное Египту, однако о принесении им дани Египту повествуется как о грандиозном событии, «о котором не было слышно со времен богов».

Исключительно многообразный материал о взаимоотношениях Митанни с Египтом и о международной ситуации на Ближнем Востоке содержится в Телль-Амарнском архиве.

Как источник по истории Митанни важны письма митаннийского царя Тушратты к Аменхотепу III (их семь), его письмо к царице Тие, два списка подарков, три письма Тушратты к Эхнатону и, вероятно, одно письмо Шуттарны II

к Аменхотепу III. Все митаннийские письма написаны на аккадском языке с сильной примесью хурритизмов. Одно из писем Тушратты написано на хурритском языке. Оно содержит около 500 строк и является одним из важнейших источников для изучения хурритского языка.

Для истории Митанни имеют также значение письма вавилонских царей Кадашман-Харбе I и Бурна-Буриаша II, письма ассирийского царя Ашшурубаллита I, письмо хеттского царя Суппилулиумы к Аменхотепу IV, письма из Катны, Библа и других городов восточносредиземноморского побережья.

Пользование амарнской корреспонденцией затруднительно, поскольку весьма сложным является установление датировки и последовательности писем. Осложняет изучение аккадоязычных писем обильное содержание в них хурритизмов и ханаанеизмов. Письма несут на себе печать субъективной оценки событий, тенденциозности в их освещении. Порой речь в них идет о событиях, известных лишь переписывающимся сторонам и совершенно неизвестных для нас. Однако в целом амарнская переписка, позволяющая охватить события египетско-митаннийских взаимоотношений со времен Тутмоса IV и Артадамы I (конец XV в. до н. э.) до конца правления Тушратты и Эхнатона (середина XIV в. до н. э.), ведшаяся на самом высоком уровне между царями обоих государств, содержащая сведения об экономике, социальных отношениях, политическом строе, религии Митанни, является одним из ценнейших источников по истории Митанни.

Некоторые сведения о взаимоотношениях хеттов, Митанни и Египта содержатся в летописи Рамсеса II — при описании Кадешской битвы.

Сведения о стране Митанни (Нахарине) можно почерпнуть и из литературных египетских памятников. Так, Нахарина является местом действия египетской сказки «Обреченный царевич», записанной на папирусе Харрис 500 и палеографически датируемой временем правления XIX династии, возможно, даже временем Рамсеса II или чуть позже. В сказке описываются путешествия в Нахарину египетского царевича, его приключения в этой стране, женитьба на дочери митаннийского царя, прием, оказанный ему там.

Письменные источники по истории Митанни с территории Хеттского царства. Богатый материал по истории Митанни можно почерпнуть из Богазкёйского архива.

Большой материал о взаимоотношениях Митанни с Хеттским царством, с государствами сиро-палестинского

региона, юго-востока Малой Азии и Армянского нагорья дают договоры хеттов непосредственно с Митанни. Это договоры между Суппилулиумой I и Шаттивасой, а также договоры хеттских царей Циданты (I?), Телепину и Суппилулиумы I с Пиллией I, Испутахсу и Сунассурой II, с царями Киццуватны, страны, за которую вели ожесточенную борьбу хетты и митаннийцы (особо важно отметить наличие еще неопубликованного текста договора между Сауссадатаром и царем Киццуватны Сунассурой II), и др.

Большой интерес для историков представляет договор хеттского царя Суппилулиумы с сыном Тушратты — Шаттивасой, поскольку он составлен в двух версиях — краткой и пространной от лица каждого из участников договора. Краткая версия составлена от лица Шаттивасы и рисует яркую картину развития междоусобиц в Митаннийском царстве между двумя претендентами на трон: Шуттарной, сыном Артадамы II, и Шаттивасой, сыном Тушратты. Характерно, что в этой внутриполитической усобице принимают самое активное участие внешние силы: Хеттское царство, Ассирия, Вавилония и др.

Важна как источник летопись Хаттусили I, которая дошла до нас как в хеттском, так и в аккадском варианте. Основное содержание летописи составляет описание борьбы с хурритами, трофеев, захваченных в районах юго-востока Малой Азии, Северной Сирии и Северной Месопотамии, где жили хурриты. О борьбе с хурритами упоминается и в текстах других хеттских царей: Мурсили I и Телепину.

Из некоторых литературных произведений явствует, что хетты боялись хурритов, представлявших собой значительную военную силу. Об этом говорят, например, один из назидательных рассказов времен Хаттусили I (XVII в. до н. э.) и ритуальная песня «Гадание о будущей войне с хурритами», где есть такие слова: «Войско хурритов придет сворою псиной. Войско хурритов страну хеттов укусит».

Со II тысячелетия до н. э., возможно с походов Хаттусили I, начинается проникновение элементов хурритской культуры и религии в культуру хеттов. В Богазкёйском архиве в изобилии встречаются глиняные таблички с литературными хурритскими текстами. В хеттскую литературу проникли хурритские версии сочинений о Саргоне Древнем и других царях Аккада, хурритское переложение эпоса о Гильгамеше. Хеттам хорошо было известна хурритская мифологическая поэма о боге Кумарби, о смене поколений богов. Они делали краткие пересказы хурритских поэтических произведений, например сказки о добром и злом

братьях, «Песни об охотнике Кесси». Создавались совместные хурритско-хеттские фольклорные произведения, например о боге-Защитнике, Иштар и чудовище Хедамму и др.

Влияние хурритской религии на хеттскую проявилось также в исторических произведениях: в автобиографии Хаттусили III прославляется богиня Иштар — хурритская Шавушка. Сильное хурритское влияние усматривается в хеттских гимнах в честь бога Солнца. В рельефных изображениях скального храма Язылыкая фигурирует весь хурритский пантеон, и в первую очередь Иштар-Шавушка и бог грозы Тешуб, причем имена богов также написаны по-хурритски, но хеттскими иероглифами.

Из Богазкёйского архива дошли также списки богов и жертвоприношений, ритуальные, астрологические и гадательные тексты, датируемые XIV—XIII веками до н. э.

В архиве хеттских царей сохранился так называемый «Трактат о коневодстве» на хеттском языке, составленный для хеттского двора митаннийцем Киккули или группой лиц хурритского происхождения, датируемый XIV веком до н. э.

Источники по истории Митанни из Восточного Средиземноморья. Угарит и Алалах были населены хурритским этносом, имели контакты с Митанни и сохранили некоторые уникальные сведения о митаннийской истории. На оттиске печати из Алалаха фигурирует, например, имя первого известного нам царя Митанни — Шуттарны I. В надписи алалахского царя Идрими встречается имя и титулатура преемника Шуттарны I — Параттарны. В одном из договоров между царем Алалаха Никмепой и царем Тунипа Ир-Тушшубом есть сведения о могущественном царе Митанни середины XV в. до н. э. — Сауссадаттаре.

В архиве Угарита (сов. Рас-Шамра) найдены посвящения и гимны богам, фрагменты шумерско-хурритского словаря, поучений, письма, датируемые XIV веком до н. э. Обнаружена даже клинописная табличка с записью текста и музыки одной из хурритских обрядовых песен.

Некоторые тексты угаритского архива двуязычны или многоязычны и записаны квазиалфавитной и слоговой клинописью, что открывает некоторые дополнительные возможности для изучения фонетики хурритского языка.

В исследованиях 70-х годов XX в. французского ученого О. Массона и советского ученого Г. Б. Джаукяна высказывается предположение о родстве языка слоговых кипроминойских (II тысячелетия до н. э.) и этеокипрских надпи-

сей (I тысячелетия до н. э.) с хурритским языком и упоминается об отнесении его к одному из хурритских диалектов. Родство с хурритским обнаруживает язык загадочной алфавитной лемносской надписи VI в. до н. э.

Глава VIII
ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ

Почти трехтысячелетняя история Ассирии делится на несколько периодов. III тысячелетие до н. э. составляет древнейший период — время существования города-государства Ашшур на Тигре, ядра будущего могущественного ассирийского государства. Время с XX по XVI в. до н. э. образует староассирийский, с XV по XI в. до н. э.— среднеассирийский периоды в истории Ассирийского государства. X—VII века до н.э., когда Ассирийское государство выросло и превратилось в гигантскую Ассирийскую мировую державу, носят название новоассирийского периода.

С этой исторической периодизацией связана также и периодизация источников, в отношении которых употребляются, например, наименования «среднеассирийские законы», «новоассирийские летописи» и др.

В ассирийском диалекте аккадского языка, на котором написаны письменные документы из Ассирии, также различаются старо-, средне- и новоассирийский диалекты.

§ 1. Памятники материальной культуры

Памятники материальной культуры Ассирии происходят главным образом из раскопок ее крупнейших городов, с изучения которых берет начало вообще вся археология Месопотамии.

Переломным событием в изучении ассирийских древностей было открытие английским дипломатом Г. О. Лэйярдом в 1847 г. при раскопках холма Куюнджик, северо-восточнее современного Мосула, ассирийской столицы Ниневии. Лэйярд обнаружил погибший от пожара дворец Синаххериба (так называемый Юго-Западный дворец), служивший также долгое время резиденцией Ашшурбанапалу, а в двух смежных комнатах этого дворца — часть огромной царской библиотеки из «глиняных книг». Остатки порталов, возле которых стояли гигантские статуи крылатых быков и львов с человеческими головами (всего их было найде-

но 60), барельефы на алебастровых плитах, фрагменты глазурованных изразцов и другие части архитектурного декора, изделия из слоновой кости, раковин, бронзы, печати и другие — все это говорило о былом великолепии дворца. Всего Лэйярд открыл руины 5 дворцов IX—VII вв. до н. э., остатки искусственных каналов, развалины ворот и храмов и т. д. Исторические находки Лэйярда легли в основу коллекции Британского музея. Материалы раскопок опубликованы в ряде книг: «Ниневия и ее развалины» (1848), «Памятники Ниневии» (1849) и др. После Лэйярда раскопки Ниневии вела целая плеяда исследователей: Г. Раулинсон, В. Лофтус, Дж. Смит, Л. Кинг, Р. Кэмпбелл-Томпсон и др. Наиболее ценные открытия были сделаны сотрудником Лэйярда О. Рассамом, открывшим при последующих изысканиях на холме Куюнджик дворец Ашшурбанапала (так называемый Северный дворец) с великолепными настенными рельефами, изображавшими охотничьи и военные сцены, и обширной царской библиотекой. Основные результаты раскопок им были опубликованы в книге «Ашшур и страна Нимрода» (1897). В настоящее время ученые иногда обращаются к обследованию старых памятников. Так, иракский ученый Тарик Мадхлум предпринял новые раскопки дворца Синаххериба и обнаружил плиту с изображением одного из последних походов Ашшурбанапала в район Приморья.

Руины Ниневии покоились не под одним холмом. Исключительно плодотворными оказались раскопки холма Неби-Юнус. В 50-х годах XX в. иракские археологи (Фуад Сафар, Мохаммед Али Мустафа и др.) открыли сильно разрушенный в ходе мидийско-вавилонской войны против Ассирии дворец Асархаддона, арсенал и конюшню этого времени. Интересна находка в районе дворца трех одинаковых, сильно разрушенных каменных статуй египетско-кушитского фараона Тахарки и бронзовой, украшенной золотой инкрустацией фигурки египетской богини Анукис — трофеев, увезенных ассирийцами из Египта.

Другой выдающийся памятник ассирийской истории и культуры был открыт в 1843 г. французским дипломатом П. Э. Ботта в районе деревни Хорсабад. Это был Дур-Шаррукин, крепость и царская резиденция, построенная Саргоном II в 20 км северо-восточнее Ниневии. План города представлял собой правильный квадрат, ширина окружавших его стен достигала 23 м, дворцовые строения занимали 10 га. Дворец возвышался на платформе 14-метровой высоты, имел более 200 парадных, жилых и хозяйственных помещений и 30 дворов. Вход во дворец охраняли достигавшие

более 5 м в высоту пятиногие крылатые человеко-быки — «шеду» (духи-охранители). К дворцу вела двойная парадная лестница и боковые пандусы. Внутри дворцовые помещения были украшены алебастровыми рельефами, стенными росписями, цветными глазурованными кирпичами. Во дворце был найден склад со всевозможными металлическими орудиями труда и хозяйственной утварью, что является определенным показателем развития металлургии. В городе находилось несколько храмов, из них главные были посвящены богу солнца Шамашу, богу Луны Сину и его супруге Нингаль, богу мудрости Набу. Поражает своей масштабностью зиккурат Дур-Шаррукина: 42 м высоты; длина основания каждой стороны 43 м, высота каждой башни, окрашенной в разные цвета,— 6 м. Сам П. Э. Ботта и его преемник по раскопкам Дур-Шаррукина В. Плас были уверены, что открыли Ниневию, поэтому 5-томный труд Ботта был назван «Памятники Ниневии, открытые и описанные Ботта, измеренные и зарисованные Э. Фланденом» (1847—1850), а 3-томный труд В. Пласа — «Ниневия и Ассирия» (1867). Памятники Дур-Шаррукина составили основу Луврской коллекции. В 1928—1935 гг. раскопки Дур-Шаррукина продолжались. Были найдены громадные статуи «шеду», одна из которых весила 29 т. Две из них украсили арку Ассирийских ворот в Багдаде. Были расчищены фрески тронного зала дворца.

Большой материал дали раскопки холма Нимруд, под которым был погребен город Кальху. Открыт этот город был Г. О. Лэйярдом в 1845—1847 гг., затем он продолжал там раскопки в содружестве с О. Рассамом, далее их вели Ю. Вебер, Дж. Смит. Были открыты дворцы Ашшурнацирапала II, Салманасара III, Асархаддона и др. Найдены 26 гигантских фигур крылатых «шеду». Особенно эффектный результат принесло возобновление раскопок Нимруда английской археологической экспедицией под руководством М. Маллована в 50—60-х годах XX в. Раскапывались городские крепостные стены, мощная цитадель — «форт Салманасара» с царским дворцом, казармами, арсеналом, конюшнями, сокровищница, храмы Набу, его супруги Ташметум, Иштар, Нинурты, остатки построек Салманасара I — основателя Кальху, дворец Ашшурэтилилани — одного из последних ассирийских царей, мастерские ремесленников, дома торговцев, множество финикийских, египетских, палестинских, сирийских предметов ремесленного и ювелирного производства, составивших трофеи ассирийских царей. Особенно много вещей изготовлено из слоновой кости: пане-

ли, плакетки, скарабеи, части парадного конского убора и др.

Найдены также пластины из слоновой кости, покрытые слоем воска, которые составляли целую «книгу». О таком своеобразном материале для письма у ассирийцев ученые узнали благодаря этой находке. Раскопками было установлено, что город погиб во время войны с мидянами и вавилонянами вследствие учиненного ему двойного разрушения: в 614 и 612 гг. Результаты раскопок опубликованы в трехтомном издании М. Маллована «Нимруд и его развалины» в 1966 г.

В 14 км северо-восточнее Кальху в современном местечке Балават О. Рассамом в 1847 г. и М. Маллованом в 1956 г. раскапывался небольшой ассирийский город Имгур-Энлиль, где были найдены руины дворца и храма времен Ашшурнацирапала II. Там О. Рассаму посчастливилось обнаружить 4 бронзовые плиты — обшивку храмовых, так называемых Балаватских ворот с изображением сцен военных походов Салманасара III.

Большой материал по ассирийской истории и культуре принесли раскопки древнейшей столицы Ассирии — Ашшура на западном берегу Тигра (холм в пустыне Калаат-Шергат), которые были осуществлены в 1903—1914 гг. немецкой археологической экспедицией под руководством А. Андрэ. Раскопками выяснено, что город существовал с III тысячелетия до н. э. Одной из древнейших построек был храм Иштар. К первой половине II тысячелетия до н. э. относятся дворец Шамши-Адада I и храм верховного бога Ашшура, к середине II тысячелетия — храмы Сина и Шамаша. Найдены также дворцы Тукульти-Нинурты I, Тиглатпаласара I, храм Ану-Адада (XIII—XII вв. до н. э.), культовые постройки ассирийских царей IX—VIII вв. до н. э., жилые городские кварталы и улицы, остатки городской канализации и водопровода, искусственных террасных садов, сооруженных в городе Синаххерибом. Стены дворцов были покрыты росписью, выполненной в традиционных черных, красных и белых тонах. Обнаружен был царский некрополь со склепами и саркофагами, изготовленными из огромных долеритовых глыб. Саркофаг Ашшурнацирапала II был, например, сделан из 18-тонной долеритовой глыбы.

Раскапывались также другие ассирийские города. Так, еще в начале XX в. изучался город Кар-Тукульти-Нинурта (совр. Тулуль-Акир) в 3 км севернее Ашшура на восточном берегу Тигра, где были найдены руины двух дворцов со стенными росписями, зиккурата и храма бога Ашшура, ос-

татки жилых построек. Исследовался археологами Тиль-Барсиб, или Кар-Салманасар (совр. Телль-Ахмар), на восточном берегу Евфрата, бывший некогда столицей арамейского княжества Бит-Адини, а в IX—VIII вв. ставший резиденцией ассирийского наместника в этой провинции. Как показали раскопки, это была цитадель. Стены дворца покрывала многоцветная роспись с преобладанием охотничьих сцен. В первой трети XX в. при раскопках Телль-Халафа в истоках Хабура помимо памятников древнейшей эпохи были обнаружены руины дворца, статуи богов на священных животных, датируемые I тысячелетием до н. э., когда здесь находился город Гузана, сначала столица арамейского княжества Бит-Бахиани, а с VIII в. до н. э.— центр ассирийской провинции, резиденция ее наместников.

Ряд крупных ассирийских городов не раскапывался, например, Арбелы — культовый центр Ашшура и Иштар, резиденция ассирийских царей и наместников, впоследствии целиком оказавшийся погребенным под крупным современным иракским городом Эрбилем.

Для истории Ассирии определенное значение имеют раскопки города Каниша на территории Малой Азии, где в начале II тысячелетия до н. э. находилась многочисленная колония ассирийских купцов. К настоящему времени наиболее основательно раскопан именно ассирийский квартал в пригороде Каниша.

Важное значение в качестве исторического источника имеет ассирийская глиптика. Ассирийцы искусно резали печати из различных полудрагоценных камней: черного серпентина, зеленого полевого шпата, желтого талька, халцедона, сердолика и др. Печати и их оттиски на глиняных документах несут огромную изобразительную информацию, из которой можно почерпнуть сведения о мифологии и религии древних ассирийцев, о популярных литературных сюжетах, специфике искусства, культурных влияниях, международных контактах. Так, находка печати Саргона I Ассирийского и оттисков его печати на деловых документах торговой колонии Каниш свидетельствует о контактах метрополии с купцами-колонистами. Именно на печатях Ашшурубаллит I называет себя впервые «царем Ассирии» (шарру), а не «наместником» (ишакку), что говорит и о тенденции к усилению царской власти, и о более независимом положении Ассирии среди государств Передней Азии. Находка в руинах дворца Синаххериба оттиска на глине двух печатей — египетско-кушитского фараона Шабаки и, видимо, ассирийского царя Синаххериба — свидетельству-

ет, что, возможно, этими печатями был скреплен какой-то договор между Египтом и Ассирией, текст которого не уцелел. Оттиски печатей на глиняной документации из «дома торговцев» в Кальху демонстрируют хурритские, финикийские, эгейские, египетские и даже аравийские сюжеты, что вполне характерно для широких международных контактов времен Ашшурбанапала.

Завершая обзор памятников материальной культуры как исторического источника, следует остановиться на ассирийском рельефе, образцы которого представлены рельефами на алтарях Тукульти-Нинурты I—XIII в. до н. э., а также разнообразными рельефами во дворцах ассирийских царей IX—VII вв. до н. э. Основные сюжеты ассирийских рельефов — военные, охотничьи и ритуальные сцены. Так, на основе рельефов Ашшурбанапала из так называемых «Эламской», «Арабской» и «Вавилонской» комнат можно составить представление о характере войн, о военной технике и тактике ассирийцев и их противников, о политике по отношению к пленным и покоренному населению, их военных трофеях, о конкретных событиях этих войн. Причем рельефы представляют все эти события очень последовательно, к тому же они снабжены краткими, а порой и развернутыми пояснительными надписями, что существенно дополняет письменные источники этого времени.

§ 2. Письменные документы

Ассирийская история реконструируется на основе обильных письменных источников самых различных родов и видов. Многие из них комплексно собраны в государственных (царских), храмовых, частных архивах и библиотеках. Зафиксированы они в камне, металле, но главным образом на глиняных табличках и написаны на ассирийском диалекте аккадского языка. Освещение ассирийской истории источниками идет по восходящей линии: хуже освещены более древние, лучше и многограннее — поздние периоды. Наиболее «темные» периоды — XI—X вв. до н. э. (нашествие арамеев), первая половина VIII в. до н. э. (политическая раздробленность, гражданские войны), а также последние 30 лет ассирийской истории.

Большой вклад в изучение письменных источников по истории Ассирии внесли такие зарубежные ученые, как П. Кошакер, Б. Ландсбергер, Ю. Леви, А. Унгнад, Э. Вайднер, С. Дж. Гэдд, И. Гельб, П. Гарелли, Л. Матоуш, Г. Кардашиа и другие; из советских исследователей —

И. М. Дьяконов, Л. А. Липин, Н. Б. Янковская, В. А. Якобсон, Г. Х. Каплан и др.

Административно-хозяйственные документы. Многочисленные хозяйственные документы дошли из дворцового архива Мари. Они датируются временем правления Шамши-Адада I, Ишме-Дагана в Ассирии и представителя ассирийской царской династии Ясмах-Адада в Мари, т. е. XIX—XVIII веками до н. э. По ним можно восстановить картиму развития экономики, социальных отношений, системы управления ассирийского государства и входившего в его состав Мари.

Административно-хозяйственные документы, дающие сведения об организации дворцового хозяйства от времени Шамши-Адада I, дошли также из периферийного центра в районе Верхнего Хабура — Чагер-Базара.

Найденные при раскопках Каниша многочисленные документы, так называемые каппадокийские таблички, позволяют судить о масштабе и характере международных связей Ассирии в начале II тысячелетия до н. э., о торговом обороте и организации торговли. Только опубликованные тексты содержат сотни имен ассирийских купцов и дают подробную информацию об их деловых связях. Уже то, что документация в Канише и ряде других городов Малой Азии велась на староассирийском диалекте аккадского языка, является убедительным свидетельством экономического и культурного влияния ассирийцев. Упоминаются в документах и храмы бога Ашшура в малоазийских и северносирийских городах. В XIX—XVIII вв. до н. э. купцы из Ашшура составляли наиболее значительную группу среди иноземного купечества Каниша, росту влияния и доходов которой способствовало сосредоточение в ее руках импорта олова и ряда других важных товаров. Сохранившаяся документация караванов, составлявшаяся для отчета по прибытии на место, дает возможность довольно подробно и точно установить маршруты между Ашшуром, городами Малой Азии и Северной Сирии, названия стоянок, а также определить дорожные расходы и уровень торговой прибыли.

До последнего времени велись дискуссии о статусе ассирийских купцов Каниша и их взаимоотношениях с Ашшуром. Из документов, особенно из «Торгового устава» Каниша, явствует, что эта община не находилась в политической зависимости от Ашшура, хотя жившие в Канише ассирийцы оставались членами городской общины Ашшура, в Канише находился поверенный Ашшура, а ашшурский совет старейшин пытался привлечь купцов к участию в

строительстве стены города Ашшура. Переписка канишских купцов с Ашшуром позволяет сделать некоторые выводы о соотношении городской и торговой общины в самом Ашшуре, о роли совета старейшин и характере политической власти в городе и т. д.

Аналогичные тексты найдены не только в Канише, но также в Амкуве (совр. Алишар) и в Хаттусе (совр. Богазкёй), причем наличие самостоятельных датировок (своих эпонимов) в документах из этих городов показывает независимость местных торговых общин от наиболее крупной — канишской.

Небольшое количество текстов ассирийских купцов, аналогичных и современных «каппадокийским» табличкам, было обнаружено при раскопках торговой колонии Гасур иа территории хурритского государства Аррапха (совр. Киркук). Они публиковались и изучались Т. Дж. Миком.

К среднеассирийскому периоду (XV—XI вв. до н. э.) относятся хозяйственные документы из архивов городов Ашшура и Шибанибы (совр. Телль Билла) — их более 760 и др. Большая часть датируется правлением Нинурты-Тукульти-Ашшура и Тиглатпаласара I и представляет собой списки даров, жертвоприношений, списки военнопленных, документы о займах, выкупе из долговой кабалы, о купле-продаже земли, рабов и т. д.

От новоассирийского периода дошло еще большее число административно-хозяйственных документов: списки должностных лиц, письма-указания о распределении между ними выплат, о принятии присяги, акты о приобретении и обмене имущества (земли, судов, огородов, домов, рабов), описи имущества, арендные договоры, акты дарения имущества и людей, иммунитетные грамоты об освобождении имущества и людей высокопоставленных чиновников и храмов от уплаты налогов и от повинностей, податные документы и др.

Некоторые документы, встречающиеся в комплексе, дают представление о разных сторонах жизни ассирийского общества. Например, 28 деловых документов, в которых в качестве покупателя земли, садов, огородов, домов и подневольных людей, а также в качестве ростовщика выступает некий Риманни-Адад, «держащий бразды царя», возможно, управляющий царским хозяйством, наглядно иллюстрируют процесс обогащения верхушки ассирийского общества в последний период его истории.

Важный комплекс документов — несколько десятков глиняных табличек — был найден американскими археологами

при раскопках Ниппура. Они относятся к правлению Шамашшумукина и Синшарришкуна, к тем годам, когда город был объектом военных действий, долговременной осады, и получили название «осадных документов». Это сделки по продаже рабов хозяевами, детей — родителями в связи с колоссальным повышением цен и голодом, охватившим город в этих экстремальных условиях. Обращает на себя внимание Харранский реестр — поземельный кадастровый список зависимого населения Харранской области для взимания податей и выполнения повинностей. Сохранившиеся и восстановленные части реестра дают представление о системе земельных отношений в Ассирии в VII в. до н. э.

Дипломатические документы. Государственные договоры и межгосударственная переписка из истории Ассирии сохранились в довольно большом количестве.

Древнейшим дипломатическим документом является недавно обнаруженный в архиве Эблы (Телль-Мардих) и датируемый второй половиной III тысячелетия до н. э. договор между правителем этого крупного государства Сирии и правителем Ашшура Туддией относительно «карума» Каниш.

Ряд дипломатических документов происходит из архива Мари и относится ко времени правления ассирийских царей Шамши-Адада I и Ишме-Дагана (XIX—XVIII вв. до н. э.). Они представляют собой дипломатическую переписку с правителем Мари, ассирийским ставленником и сыном Шамши-Адада — Ясмах-Ададом, с военачальниками, правителями округов, чиновниками и т. д. Из писем можно почерпнуть сведения о взаимоотношениях Ассирии с окружавшими ее государствами и племенами, о целях военных походов, организации армии, разведки, о военной тактике и технике начала II тысячелетия до н. э.

В Телль-Амарнском архиве сохранилось два письма ассирийского царя Ашшурубаллита I (XIV в. до н. э.) Аменхотепу IV (Эхнатону). Они дают сведения о том, что контакты между Ассирией и Египтом начались еще ранее, при Ашшурнадинаххе, который, видимо, был современником Тутмоса III и обменивался с ним дарами. Интересны и сообщения о характере взаимовыгодных даров: с ассирийской стороны это лазурит, кони и колесницы, с египетской — золото. Любопытно также сопоставление этих писем с письмами Бурна-Буриаша II, царя Вавилона, о пребывании ассирийского посольства в Египте, его почетном приеме и переговорах, имевших, видимо, важное значение для обеих договаривающихся сторон и для других государств Ближ-

него Востока, ибо вавилонский царь выражает своё недовольство этим актом и настаивает, чтобы египетский фараон «отпустил их ни с чем». Аналогичное отношение к Ассирии содержится и в письме митаннийского царя Тушратты фараону, где он называет Ашшурубаллита I «рабом» своего отца, «не платящим дани». Кстати, о зависимости Ассирии от Митанни свидетельствуют стелы митаннийских наместников, найденные в Ашшуре. Для Ассирии же эти переговоры носили характер международного признания ее независимости и от Митанни, и от Вавилона.

Дипломатические документы, свидетельствующие о взаимоотношениях Ассирии с Хеттским царством, сохранились в Богазкёйском хеттском архиве XIV—XIII вв. до н. э. Это в основном письма хеттских царей Новохеттского периода к ассирийским царям: Адад-нерари I, Тукульти-Нинурте I и др. Имеется и письмо Салманасара I к неизвестному хеттскому царю. Особенно интересны письма Хаттусили III к вавилонским царям Кадашман-Тургу и Кадашман-Эллилю II, в которых он подстрекает Вавилон к военным конфликтам с Ассирией. Картину ухудшения хеттско-ассирийских отношений рисуют документы времен Тутхалии IV. Среди них договор этого хеттского царя с Бентишенной, царем Амурру, о запрете вести торговлю с ассирийскими купцами, выдаче их хеттам и «вечной вражде» с Ассирией.

Интересным источником по истории дипломатических отношений между Ассирией и Вавилоном является уже упоминавшаяся «Синхронистическая история», охватывающая время с XVI до IX в. до н. э. и содержащая положения ассиро-вавилонских договоров.

Особенно много дипломатических документов относится к I тысячелетию до н. э. К их числу принадлежат также и пограничные стелы с изображением царей, которые должны были символически закрепить приобретенные завоеванием права на ту или иную территорию. Подобная стела с изображением Салманасара III (середина IX в. до н. э.) была высечена по его приказу на скале в районе реки Нахр-эль-Кальб по соседству с египетской победной пограничной стелой, воздвигнутой ранее, во время завоевательных походов эпохи Нового царства.

Среди дипломатических документов I тысячелетия до н. э. больше всего международных договоров. Весьма фрагментарно сохранился текст одного из них — договора между Шамши-Ададом V и Мардук-закир-шуми I, датируемый 20-ми годами IX в. до н. э. От середины VIII в. до н. э. уцелел договор между Ашшур-нерари V и царем

Матиилу из Бит-Агуси, навязавший этому небольшому сирийскому государству целый ряд кабальных и унизительных условий и завершавшийся угрозами по адресу нарушителя договора. Из текста договора мы также узнаем о магических обрядах, сопровождавших акт его заключения.

Интересны найденные в 1955 г. в Кальху договоры между Асархаддоном и подчиненными ему мидийскими князьями, заключенные по поводу объявления в Ассирии престолонаследниками сыновей Асархаддона и принесения им клятвы верности. Одна из табличек (кстати, наиболее крупная из известных глиняных табличек — 30×46 см), сохранившаяся, однако, фрагментарно, представляет собой договор с самым значительным мидийским правителем — Раматайей из Ураказабарны. Найдены также шесть ее копий — договоров с другими мидийскими князьями. Подтверждением заключения этого договора является найденная здесь же, в Кальху, панель из слоновой кости с изображением мидийского посольства, прибывшего к ассирийскому царю с дарами. Дошел до нас и договор 671 г. до н. э. между Асархаддоном и Ваалом, царем Тира (в небольших фрагментах).

Важны и такие документы, как договоры ассирийских царей с городами о даровании им или подтверждении их привилегий. Сохранился договор Саргона II с городом Ашшуром, протокол переговоров Ашшурбанапала и Шамашшумукина с Вавилоном.

Юридические документы. Из крупных юридических памятников Ассирии выделяются так называемые среднеассирийские законы. Это четырнадцать табличек и фрагментов, найденных при раскопках Ашшура в воротах города (т. е. на месте заседаний суда), недалеко от храма Ану-Адада, а также среди табличек храмовых и частных архивов и в других местах. Некоторые из табличек в хорошем состоянии, другие почти не читаются. Обычно их обозначают заглавными буквами латинского шрифта от А до О. По таблицам законы сгруппированы тематически и представляют собой, видимо, единый Судебник, где, однако, многие разделы не сохранились. Вероятно, это был сборник правовых установлений городской общины Ашшура. Законы написаны на среднеассирийском диалекте аккадского языка. Датируются они серединой II тысячелетия до н. э., хотя копии с них сохранились от более позднего времени (XII—XI вв. до н. э.). Из законов можно почерпнуть сведения о характерных чертах классовой и сослов-

ной структуры среднеассирийского общества, о формах собственности на землю (в том числе об общинной собственности и частном владении), о регулировании товарно-денежных отношений, об имущественном расслоении и долговой кабале, о повинностном владении воинов, о существовании большесемейной общины и патриархальной семьи, брачных и семейных установлениях и принципах наследования, о положении женщины в семье. Кстати. последнему вопросу посвящено около 60 статей законов, которые даже условно названы исследователями «Правовым зерцалом женщины». Анализ среднеассирийских законов дает представление о государственном праве рабовладельческого общества и его морали, государственном устройстве Ашшура, о принципах, на которых строился судебный процесс и судопроизводство.

К числу документов, имевших юридический характер и силу, следует отнести дворцовые и гаремные указы ассирийских царей, записанные на глиняных таблицах и найденные при раскопках Ашшура. Они представляют собой комплекс предписаний, определявших круг обязанностей и нормы поведения придворных должностных лиц, обслуживающего персонала дворца и обитательниц гарема, написаны на среднеассирийском диалекте аккадского языка и датируются XIV—XI веками до н. э. Всего указов было, видимо, 23, но хорошо сохранились 11. Это указы 9 царей среднеассирийского периода: Салманасара I, Тукульти-Нинурты I, Тиглатпаласара I и др.

В большом количестве от всех периодов ассирийской истории, но в особенности от последнего, дошли частноправовые документы: торговые сделки, займы и ссуды, акты хранения имущества, расписки, брачные контракты, завещательные распоряжения, судебные иски, протоколы и решения. Все эти документы имели определенную форму. Они снабжались печатью главного действующего лица сделки либо оттиском его ногтя или края одежды, имели датировочные формулы, заверялись свидетелями и их печатями. Изучение частноправовых документов вводит историка в самую гущу жизни ассирийского общества, позволяет проследить динамику правовых норм. Например, по брачным контрактам новоассирийского времени можно проследить изменение имущественного и правового положения женщины в ассирийской семье в сравнении со среднеассирийским «Правовым зерцалом женщины». Терминологическое исследование юридических документов порой приводит к устранению многих застаревших ошибок в ис-

толковании тех или иных терминов. Так, например, термин «шакинту», встречающийся в частноправовых документах новоассирийского периода, многими исследователями переводился как «наместница», «жена наместника», «начальница» и т. д. В. А. Якобсону при анализе большой группы новоассирийских правовых документов удалось убедительно доказать, что «шакинту»— это жреческий титул, означающий одну из категорий жриц в Ассирии.

Царские надписи. Надписи царей Ассирии сохранились в большем количестве с начала II тысячелетия до н. э. и до последних дней ее истории — до конца VII в. до н. э. Обычно они высекались на камне (скалах, стелах, плитах и пр.), на изделиях из металла, чаще драгоценного, писались на кирпичах, глиняных табличках, печатях и др. Надписи могли быть как краткими, так и весьма развернутыми. По своему содержанию надписи были строительными, победными, повествующими о военных походах, культовыми — посвятительными и т. д., а чаще соединяющими все эти компоненты вместе.

В большом количестве дошли до нас строительные надписи, например, надписи царя начала II тысячелетия Эришума I о сооружении храма Ашшура, Тиглатпаласара I (XII—XI вв.) о строительстве ирригационных сооружений, надписи Ашшурбанапала (VII в.) о реставрации им храмов Иштар в Арбелах и Уруке, храма Сина в Харране, о строительных работах в Э-сагиле — храме Мардука в Вавилоне, о реставрации городских стен Арбел, надписи Ашшурэтилилани и Синшарришкуна о реставрации храма Набу в Кальху и др.

Часто встречаются надписи с описанием военных походов. Таковы, например, надписи Илушумы (XX в. до н. э.) о походах в Аккад; надписи знаменитой «троицы» завоевателей: Салманасара I, Тукульти-Нинурты I (XIII в.) и Тиглатпаласара I — об их войнах и военных трофеях, в том числе о количестве пленных из Митанни, Вавилонии, Сирии, с Армянского нагорья и из горных районов Северо-Западного Ирана; так называемая «Стандартная надпись» Ашшурнацирапала II (первая половина IX в. до н. э.), повествующая о разорении, запустении и угоне в плен населения завоеванных областей; надписи Ашшурбанапала о победах над Эламом, над его братом — царем Вавилона Шамашшумукином, над киммерийским вождем Тугдамме и др.

Нередки посвятительные надписи в честь богов, например надписи Ашшурбанапала в честь Мардука и о жерт-

воприношениях в его храм, в честь его супруги Царпанит («Блистающей»), в честь Иштар.

Многие надписи, особенно выполненные на камне, представляют собой запоминающиеся памятники. Таковы, например, каменный алтарь с надписью и изображением Ашшурнацирапала II; мраморный, со ступенчатой вершиной «Черный обелиск» Салманасара III из Кальху с изображением флоры и фауны завоеванных стран, данников оттуда с дарами и продуктами своих земель, предназначенными ассирийскому царю; посвятительная надпись Адад-нерари III на каменной статуе Набу; надпись Синаххериба на Бавианской скале; победная стела из Зенджирли (Сирия) с надписью и изображением Асархаддона, держащего на веревке пленных — царя Тира Ваала и египетско-кушитского царевича Ушанхуру, сына Тахарки. Большая часть этих надписей ассирийских царей хранится в Британском музее.

Несмотря на известную трафаретность, надписи порой содержат интересные и нигде более не встречающиеся сведения. Так, в титулатуре на печатях Ашшурубаллит I впервые называет себя «царем Ассирии», но не решается ввести этот титул в своих надписях, а в надписях Арикденилу, правившего после Ашшурубаллита I, уже полностью укореняется этот титул, что свидетельствует об изменении характера и усилении царской власти правителей Ашшура. В надписи Шамши-Адада I усиленно подчеркивается дешевизна зерна, растительного масла и шерсти в его правление, что позволяет предполагать проведение им каких-то способствовавших этому мероприятий. Надписи Саргона II весьма демагогичны: он часто именует себя защитником справедливости, заступником несчастных и угнетаемых, которому дорого благосостояние его народа; это косвенно подтверждает сведения о том, что на царском троне он был узурпатором, свергнувшим Салманасара V. Имеются также надписи государственных деятелей, фактически узурпировавших всю полноту власти и выставляющих себя как царей. Таковы надписи туртана (главнокомандующего) Шамшиилу, возвысившегося в первой половине VIII в. до н. э.

Надписи очень тенденциозны, имеют яркую политическую и идеологическую направленность — прославление могущества, мудрости, побед, справедливости и благочестия ассирийских царей и превосходства Ассирии над другими народами и государствами.

Одной из разновидностей царских надписей являются письма царей к богам. Они дошли от царей VIII—VII вв.: Салманасара IV, Саргона II, Асархаддона. Эти письма могли быть обращены к богу Ашшуру, другим богам, а также к гражданам города Ашшура. Они представляли собой отчеты о победоносных военных кампаниях и предназначались для публичного чтения жрецам божества и собранию граждан города. Одно из самых ярких писем такого рода — письмо Саргона II богу Ашшуру. Это большая глиняная таблица, хранящаяся в Лувре, текст которой написан на вавилонском (считавшимся литературным) диалекте аккадского языка, но с наличием ассиризмов, ритмизированной прозой и отличается ярко выраженными художественными литературными достоинствами. Письмо Саргона II сообщает важнейшие сведения о походе ассирийцев в 714 г. до н. э. в район Закавказья — против Урарту, Мусасира, Зикирту и других враждебных им стран, областей и центров, дает богатый материал по топонимике Армянского нагорья. Интересно также такое отмеченное А. Л. Оппенхеймом явление, как ответные «божественные» письма царям. Он приводит фрагменты письма от бога Нинурты к какому-то ассирийскому царю и от бога Ашшура — Шамши-Ададу V (конец IX в.). В письмах говорится о недовольстве богов этими царями, которые недостаточно почтительно относятся к «божественным откровениям».

Царские анналы. Анналами условно называются наиболее пространные царские надписи, носившие церемониальный и парадный характер и объединявшие в совокупности события царствования того или иного правителя. Кроме того, в них делается попытка расположить события не только тематически, но и по возможности в последовательном плане, что и приближает их к понятию анналистики.

Появление анналов в Ассирии относят обычно к среднеассирийскому периоду. В развернутом виде этот жанр прослеживается с X в. до н. э. и до конца ассирийской истории. Причем историческая информативность и литературно-художественное совершенствование этого вида текстов идет все время по восходящей линии.

В целом анналы достаточно шаблонны. Они начинаются обычно с титулатуры и весьма хвалебной характеристики личности царя, далее с пафосом и очень тенденциозно излагаются его военные кампании с приведением полных и, как правило, достаточно достоверных статистических данных о военных трофеях, списках даней и даров, после них дается описание грандиозной строительной деятельно-

сти данного царя и в заключение приводится формула проклятия в отношении тех, кто разрушит, исказит или присвоит памятные стелы царя и данную его надпись, а также дается датировка надписи на основе системы эпонимата (череда «лимму»— чиновников-эпонимов), принятой в Ассирии.

Однако много в анналах и такого, что отличает их друг от друга. В анналах Ашшурнацирапала II встречаются обычно замалчиваемые сведения о социальных протестах. Так, есть упоминание о жестоком подавлении в 882 г. до н. э. восстания воинов-колонистов крепости Лухи; были уничтожены и мятежные воины, и их семьи, и сама крепость. Анналы Салманасара III изобилуют статистическими данными, названа и численность ассирийской армии — 120 000. Анналы же Тиглатпаласара III имеют малый цифровой материал. В анналах Тиглатпаласара III и Саргона II четко разграничены походы самого царя и военные действия его военачальников. У Синаххериба уже эта тенденция нарушается, и в описании иудейского похода и осады Иерусалима он, вопреки свидетельствам Библии и Иосифа Флавия, все действия приписывает себе. Ашшурбанапал же вообще все события излагает так, как будто это он вел все военные кампании, тогда как, по всей вероятности, он лично участвовал лишь в подавлении мятежа своего брата — вавилонского царя Шамашшумукина, а все войны велись его полководцами. Синаххериб грубо и реалистично обнажает экономическую и политическую подоплеку войн, Ашшурбанапал же витиевато ссылается на божественный промысел и волю богов. Лишь в описании репрессий, нагнетании страха перед мощью ассирийской военной машины ассирийские цари единодушны.

Анналы за период правления того или иного царя составлялись неоднократно, в разные годы, при этом события систематизировались, уплотнялись, поэтому от Саргона II дошли, например, отличающиеся в деталях анналы XIV зала Хорсабадского дворца и Большая Парадная надпись, от Синаххериба — шестигранная «Призма Тейлора», «Цилиндр Беллини», от Ашшурбанапала — десятигранный «Цилиндр Рассама» (или цилиндр *А*), а также цилиндры *В, С, Д, Е, F, К,* имеются также так называемая «Вавилонская призма», «Урукский цилиндр» и др. Условные названия они носят по месту находки, имени первооткрывателя и т. д.

Запросы царей к оракулам и их ответы. Интересны как исторический источник запросы царей к тому или иному

оракулу (Шамаша, Бэла, Сина и др.) для предсказания судьбы важных начинаний, по поводу исхода различных событий и т. д. Обращаясь непосредственно к богу, цари не скрывали (в отличие от победных своих реляций) чувств озабоченности, тревоги, страха, волнения за исход какого-либо мероприятия или за свою судьбу, довольно точно передавая «политический климат» того времени. Например, в одном из запросов к оракулу бога Шамаша Асархаддон просил его дать ответ на срок в 90 дней и ночей, не произойдет ли мятеж и бунт против него, «не поднимут ли руку на злое дело» его внешние враги, среди кокорых перечисляются египтяне, финикийцы, эламиты, мидяне, киммерийцы и другие народы, а также враги внутренние, среди которых фигурируют военачальники и воины, высшее чиновничество и писцы, члены царского рода, придворная знать, дворцовый персонал, простой люд. Если запросы к оракулу отражали часто реальную обстановку, то ответы оракула порой были весьма далеки от истины. Так, получив от оракула Сина в Харране заверение в успешном исходе карательного похода на восставший Египет, Асархаддон скончался именно во время этого похода, а подавление восстания в Египте было отложено более чем на два года.

К этой группе документов тесно примыкают доклады царю предсказателей будущего, ученых-астрологов. В одном лишь Куюнджикском архиве их насчитывается около 400. Они составлялись как ответ на вопросы царя, содержали сообщение о знамении и размышления астролога над ним, в основном благоприятные, и подписывались его именем. Порой давались и негативные ответы. Так, когда Асархаддон назначил на царство в Ассирии Ашшурбанапала, а в Вавилоне — Шамашшумукина, то один из его мудрецов охарактеризовал это как «нехорошее дело для Ассирии», как «то, что не делается на небе».

К этой группе источников можно также отнести гимны в честь богов, носившие политическую окраску. В них обычно фиксировались важные события, происхождение которых царь стремился окружить божественным ореолом, приписать воле богов, возблагодарить их за удачи и пожаловаться на неудачи. Чаще всего встречаются гимны в честь Ашшура, Мардука, Нергала, Набу, Сина, Иштар, Царпанит.

Царская переписка. Царская переписка дошла до нас из ассирийских государственных архивов, из которых наиболее полным был куюнджикский архив, т. е. столичный

архив Ниневии. Письма оттуда хранятся сейчас в Британском, Стамбульском и других музеях мира. Сохранились письма примерно за 100-летний период: от Саргона II до Ашшурбанапала,— а также письма их корреспондентов (членов царского дома, наместников, чиновников, военачальников, разведчиков, жрецов и др.), самого разнообразного характера.

Письма опубликованы главным образом Р. Харпером (автографический текст) и Л. Уотерманом (транскрипция, перевод и комментарий), но есть также издания С. Смита, Р. Пфайфера, Э. Беренса, Й. Шаве, Г. Фигуллы и др.

Большую группу составляют письма и донесения военачальников, например Белибни, который действовал обычно по приказу Ашшурбанапала на вавилонском, приморском и эламском фронтах; Набушарруцура, воевавшего иа Армянском нагорье, в переднеазиатском Средиземноморье, в Аравии; Ша-Набу-Шу, который при Асархаддоне воевал в Малой Азии, а при Ашшурбанапале — в Мидии и Приурмийском районе. В этих письмах наряду с конкретными историческими фактами проступают также человеческие судьбы и характеры. Печально, например, одно из писем уже престарелого Белибни, пережившего Ашшурбанапала, к высокопоставленному придворному должностному лицу, в котором он жалуется, что его очернили перед молодым царем Ашшурэтилилани, и просит сменить гнев на милость, позволить ему целовать руки и ноги царя, заканчивая письмо словами: «Да не буду я опозорен!»

Значительную группу писем составляют разведывательные донесения, обычно адресуемые престолонаследникам, занимавшимся делами военной разведки. От времени Саргона II дошло много писем о деятельности ассирийской разведки в Урарту и пограничных с этим государством районах — писем настолько детальных, что становится понятным и безупречно подготовленным успех ассирийского похода 714 г., завершившегося разгромом Урарту. Из писем времени Ашшурбанапала известно, что его разведка настолько оперативно действовала в Египте, Эламе, Приморье, на границе с арабскими племенами, что его реакция на события в этих «горячих точках» была почти молниеносной. Скандальное фиаско ассирийская разведка потерпела только в отношении Вавилона, ибо заговор Шамашшумукина скрытно готовился в течение нескольких лет и был внезапно для Ассирии приведен в действие, что, возможно, объясняется той хорошей школой, которую

Шамашшумукин сам прошел в ассирийском разведывательном ведомстве, готовясь одно время стать престолонаследником.

Сохранились политически важные письма, например: письмо верховного жреца Э-сагилы Асархаддону, которое позволяет выяснить политические и религиозные отношения Ассирии с Вавилоном; письмо вдовы Синаххериба — царицы Закуту к Шамашшумукину, двору и народу с требованием «устава и присяги не нарушать» и не предпринимать враждебных действий против нее и Ашшурбанапала после внезапной смерти Асархаддона; письмо Ашшурбанапала с приказом со всеми высшими почестями похоронить покончившего жизнь самоубийством во время разгрома Вавилона его мятежного брата Шамашшумукина и его жену.

Среди писем есть просьбы о назначении на хорошую должность. Есть письмо-доиос на трех чиновников, занявших высокие должности, обвиняющее их в том, что они пьяницы, драчуны и способны даже убить невинного. Есть и чисто житейские письма, например одно, из которого выступают весьма скверные отношения между сестрой Ашшурбанапала и его женой.

Каковы бы ни были эти письма по своему характеру, они иаписаны простым, живым языком, открывают реальные, не приукрашениые ситуации, и в этом их отличие от напыщениых царских надписей и летописей.

Исторические произведения. Исторических трудов в Ассирии создано не было, и даже прииципп фиксации событий по годам, т. е. создание летописей, не воплощался систематически. Но в Ассирии составлялись «царские списки». Они дошли до нас в нескольких копиях VIII—VII вв. до н. э., среди них и так называемый Хорсабадский царский список, найденный при раскопках американскими археологами в Дур-Шаррукине. В списках охвачено время с начала II тысячелетия до 609 г. до н. э., т. е. почти до коица существования ассирийского государства. «Царские списки» не могут считаться безупречными с точки зрения хронологии, поскольку иногда в них не указана продолжительность правления того или иного царя, а просто сказано, что ои правил «свой срок»; иногда последовательно представлены цари, правившие какое-то время совместно; порой в разных копиях фигурируют различные сроки правления одиих и тех же царей. Более того, И. Финкельстайном было сделано предположение, что лишь с 39-го по списку царя, т. е. Шамши-Адада I, список и датировка

становятся на более реальную основу, тогда как в число его предшественников попали как действительные цари Ашшура, так и его никогда не правившие предки. И. М. Дьяконов подчеркивает возможность этого, отмечая что первоначально эти списки составлялись не с хронологическими целями, а для поминовения царских предков при свершении заупокойных обрядов. Однако предположение И. Финкельстайна сейчас может быть подвергнуто сомнению, ибо, например, первый не считавшийся им реальным, правитель Ашшура Туддия (Тудийя) фигурирует в найденном при раскопках Эблы архиве II тысячелетия до н.э. в договоре с правителем этого города Эбрумом.

В Ассирии использовались для счета лет так называемые списки «лимму», или эпонимов. Первоначально лимму были казначеями Ашшурского городского совета, выполнявшими, возможно, и какие-то обрядовые обязанности. С I тысячелетия до н. э. ими становятся ассирийские цари, наместники провинций, военачальники и другие должностные лица, которые в течение года исполняли функции лимму. Списки лимму полностью уцелели лишь для периода с 911 по 648 г. до н. э. Для других отрезков времени имеются лишь фрагменты списков или отдельные имена лимму. Список лимму стоит на твердой хронологической основе, потому что в нем упоминается дата солнечного затмения, определенная на базе астрономических наблюдений,— это 15 июля 763 г. до н. э. В списке кратко характеризуются важнейшие события каждого года: военные походы, акты строительства, стихийные бедствия и пр. Особенно важно отметить, что только в списках лимму под определенными годами (763—759 гг. до н. э.) зафиксированы крупные социальные потрясения — мятежи в Ашшуре, Аррапхе, Гузане, о которых нет других свидетельств.

Дошли во фрагментах и синхронистические ассиро-вавилонские царские списки, а также «Синхронистическая история», содержащая обзор ассиро-вавилонских взаимоотношений с XVI до IX в. до н. э.

Литературные произведения. Собственно ассирийских литературных произведений можно выделить мало, что объясняется, возможно, тем, что они слились с общим литературным наследием народов Месопотамии, а также и тем, что в обстановке напряженных, постоянных и жестоких войн, которые вела Ассирия, не было времени и возможностей для расцвета литературного творчества.

Одним из развитых литературных жанров в Ассирии были гимны в честь богов, которые обычно исполнялись во время храмовых празднеств или триумфальных торжеств и сопровождались аккомпанементом бубнов. Видимо, это было весьма частое и распространенное явление, так как на многих ассирийских рельефах запечатлены сцены с изображением процессий музыкантов.

Именно в Ассирии, в Ниневии, был записан и оформлен знаменитый, ставший канонническим, аккадский вариант «Эпоса о Гильгамеше»— величайшее литературное произведение народов Месопотамии, так называемая «ниневийская версия» поэмы «О все видавшем», запечатленная на 12 глнняных таблицах и хранившаяся в библиотеке Ашшурбанапала.

Создавались в Ассирии литературные произведения с политической тенденцией, публицистического плана. Так, от среднеассирийского периода дошло большое, но фрагментарно сохранившееся сочинение времен Тукульти-Нинурты I, которое весьма прославляет этого ассирийского царя, пороча и осуждая в то же время касситских правителей Вавилона. Подобная же тенденция безудержного прославления Ассирии и ее правителя прослеживается и в охотничьей песне о Тиглатпаласаре I. Дошла до иас также легенда об Ашшуранацирапале I, оправдывающая приход этого правителя (видимо, узурпатора) к власти тем, что он был призван из неизвестных гор самой богиней Иштар. От времен Синаххериба дошло сочинение, повествующее о суде богов над Мардуком, верховным богом Вавилона, и имевшее, видимо, целью оправдать тот ужасающий разгром, который учинил этот ассирийский царь над Вавилоном.

В Ассирии VII в. до н. э. сложилась знаменитая «Повесть об Ахикаре Премудром», советнике Синаххериба и Асархаддона, собравшая многие перлы ассирийской философии и этики и сохранившая многие реалии ассирийской истории, быта, ономастнки этого времени. Вот образцы некоторых изречений из «Повести»: «Говори спокойно, не повышая голоса, ибо если бы дом можно было бы воздвигнуть при помощи крика, то осел ежедневно строил бы по два дома». «Не будь без меры сладок, чтобы тебя не проглотили, не будь без меры горек, чтобы тебя не выплюнули». До нашего времени дошла ранняя арамейская версия этого произведения, найденная в начале XX в. Э. Рубензоном в Элефантине и датируемая V веком до н. э. Это произведение снискало такую популярность,

что его неоднократно переписывали и переделывали: имеются средневековые сирийские, арабские, армянские, греческие, древнерусские версии, усматривается сходство некоторых изречений Ахикара с афоризмами Эзопа и Демокрита.

«Повесть о премудром Ахикаре» является выдающимся памятником мировоззрения и литературного творчества древних ассирийцев. Она изучается уже более 250 лет, ей посвящены труды А. Олмстэда, В. фон Зодена, Дж. Гринфилда, Л. Роста, А. Д. Григорьева, Н. В. Пигулевской и др. И. С. Клочкову в статье «Повесть об Ахикаре»: историчность литературного героя» удалось показать, что прообразом Ахикара был ниппурский ученый Аба-Энлиль-Дари, живший при Асархаддоне.

Многие литературные произведения Месопотамии, сохранившиеся от разных народов, дошли до нашего времени только потому, что именно в Ассирии были созданы как огромные царские библиотеки (в Ниневии, Кальху), храмовые (в Ашшуре), так и маленькие, совершенно безвестные (открытая английскими и турецкими археологами в 1951 г. при раскопках Султан-тепе библиотека жреца Курди-Нергала, жившего в VIII—VII вв. до н. э.; библиотечки при писцовых школах).

В ассирийских библиотеках сохранились произведения самых разных жанров. Образцом в этом смысле является самая известная — библиотека Ашшурбанапала в Ниневии. В ней содержалось около 30 000 глиняных табличек, помеченных царской печатью, размещенных на полках или в глиняных ларях. В библиотеке хранилась вся государственная переписка, много юридических и административно-хозяйственных документов, учебная, филологическая литература (словари, грамматики, пособия для писцов), религиозно-магические, ритуальные и гадательные тексты, гимны в честь богов и запросы к оракулам, научная литература (географические, природоведческие, астрономические, математические, медицинские тексты), выдающиеся литературные произведения, которые служат неоценимыми источниками при изучении истории и культуры как Ассирии, так и Месопотамии в целом. Для того чтобы можно было разобраться во всем многообразии хранящейся в библиотеке литературы, создавались этикетки по разделам, каталоги, а несколько таблиц, на которых был запечатлен текст произведения, повторяли его название и порядковый номер таблицы. Чиновникам своим на места ассирийские цари рассылали приказы о собирании и до-

ставке в Ниневию оригиналов или копий недостающих в библиотеке сочинений. Любопытными были и наставления читателям, своего рода «библиотечные правила»: «Того, кто посмеет унести эти таблицы... пускай покарают своим гневом Ашшур и Бэлит, а имя его и его наследников пусть будет предано забвению в этой стране» (царские); «Табличку мою не уноси, библиотеку не растаскивай,— это мерзость для Эа, царя Апсу» (частные).

§ 3. Источники по истории Ассирии из других стран Древнего Востока

Ассирия, располагавшаяся в центре ближневосточного мира и в течение трех столетий I тысячелетия до н. э. бывшая гегемоном всего ближневосточного мира, естественно, постоянно упоминалась во многих документах из других древневосточных стран.

В разделе, посвященном дипломатическкм документам, уже упоминалось о письмах и других документах ассирийских царей из архивов Эблы, Мари, Телль-Амарны и Богазкёя. Несомненно, важным источником по истории Ассирии являются письма и надписи египетских, хеттскнх, вавилонских и митаннийских царей: и те, где Ассирия является действующим лицом, и те, без которых нельзя правильно понять роль Ассирии в международных отношениях того времени. Определенным источииком могут служить даже документы, в которых Ассирня вообще ие упомянута. В этом отношении наиболее показателен договор египетского фараона Рамсеса II с хеттским царем Хаттусили III. Всеми статьями он направлен против какой-то третьей стороны, одинаково опасной и Египту, и хеттам. И хотя Ассирия не упоминается, международные события того времени (первое возвышение Ассирии в XIV—XI вв. до н. э., победоносные походы Салманасара I, Адад-нерари I и Тукульти-Нинурты I) свидетельствуют, что только она могла быть опасным сопернком как египтян, так и хеттов, что и толкнуло их к примирению и объединению сил перед лицом этой реальной опасности.

Из числа крупных чужеземных источников по истории Ассирии следует назвать ветхозаветные произведения Библии. Ценный и обширный материал содержат IV Книга Царств, II Книга Хроник, из которых можно почерпнуть материал о военных походах ассирийских царей, главным образом Тиглатпаласара III, Салманасара V и Синаххериба в район восточносредиземноморского побе-

режья, и в частности в Палестину. Ассирия постоянно фигурирует как фактор внешней угрозы в книгах пророков VIII—VII вв. до н. э. Интересный, хотя и легендарный материал содержит книга Ионы бен-Амиттая, рассказывающая о его опасной миссии в Ниневию, чтобы предсказать ей гибель за все «злодеяния». По всей вероятности, события, описанные в этой книге, следует связать с первой половиной VIII в. до н. э., периодом временного упадка Ассирии, когда ей действительно угрожали многие опасности, против которых ей удалось выстоять, что вполне согласуется с несбывшимся пророчеством Ионы.

Особенно показательна книга пророка Наума, жившего в период между 663—612 гг. до н. э. и бывшего современником упадка и, видимо, гибели Ассирийской державы и ее столицы Ниневии. Речь Наума настолько реалистично описывает падение Ниневии, что на ее основе ученые реконструируют весь ход осады и штурма «логовища львов», «города крови». Согласно средневековым легендам, даже могилы Наума и Ионы находятся на территории Ассирии, хотя археологически это не подтверждается.

Непосредственными свидетелями гибели Ассирии были пророки Софония и Аввакум, жившие во второй половине VII в. до н. э. и ярко описавшие это событие, снабдив его обширными историческими и философскими сентенциями. Определенное значение имеют книги пророков Иеремии и Иезекииля (VII—VI вв. до н. э.), которые смогли уже и осмыслить мировую роль Ассирийской державы, и историю ее устранения с мировой арены.

Богата материалом по истории международных отношений и месте в них Ассирии книга пророка Исайи, которая, однако, представляет и хронологически, и композиционно сложное, написанное не одним автором и в разные периоды (от VIII до VI в. до н. э.) произведение. Воспоминания об ассирийском господстве сохранились также в поздних новеллистических произведениях (II в. до н. э.) — «Книге Юдифи» и «Книге Товита», которые не были включены в канонический вариант Ветхого Завета и как апокрифические сочинения дошли до нас только в греческом переводе.

Рассматривая Библию как исторический источник, необходимо учитывать политическую и идеологическую тенденциозность этого собрания религиозно-историко-литературных произведений.

Исключительно важны для истории Ассирии вавилонские источники. Письма касситских царей Вавилонии и

«Синхронистическая история» дают достоверный материал по истории Ассирии с точки зрения дипломатии. Следует также использовать вавилонские хроники, особенно «Вавилонскую хронику В», где дается краткая, но правдоподобная картина событий ассирийской истории I тысячелетия до н. э.

Очень важна для последних лет истории Ассирии вавилонская «Хроника о падении Ниневии», где буквально по годам, месяцам и дням зафиксирована вавилоно-мидийская война, приведшая к крушению Ассирии.

Помимо хроник определенное значение имеют надписи вавилонских царей позднего периода. Это надписи Шамашшумукина (в основном посвятительные и строительные) и его письма к брату Ашшурбанапалу, надписи Набупаласара (626—605 гг. до н. э.) и Навуходоносора II (605—562 гг. до н. э.) — победителей Ассирии, которые описывают, хотя кратко, не только свои победы над Ассирией, но и строительную деятельность по восстановлению Вавилона, неоднократно жестоко разрушавшегося ассирийцами. Любопытна и показательна находка во дворце Навуходоносора II среди хранившихся там раритетов надписи на камне Адад-нерари II (X в. до н. э.) с пропиленной в середине бороздой, которая должна была символизировать уничтожение этой надписи, взятой в качестве трофея. Полны сведениями об Ассирии, особенно о строительной деятельности Ашшурбанапала, о генеалогии ассирийских и вавилонских царей и хронологии их правления, надписи вавилонского царя-«ученого» Набонида (например, из Харрана). Он сообщает также и о борьбе Вавилонии в союзе с Мидией против Ассирии.

Несомненно важен для истории Ассирии труд Беросса, вавилонского жреца бога Мардука (IV—III вв. до н. э.). Это «Вавилонская и халдейская история», написанная на греческом языке, с использованием храмовых архивов и подлинных документов, а также мифов и легенд. Среди уцелевших фрагментов этого труда интересны сведения об ассирийских царях Тиглатпаласаре III и Синаххерибе и о мятеже Шамашшумукина.

Важны деловые и частноправовые документы Вавилонии, датируемые временем, когда она находилась под ассирийским господством.

Сохранились публицистические произведения, например вавилонское политическое сочинение VIII—VII вв. до н. э. из библиотеки Ашшурбанапала, перечисляющее и защищающее привилегии этого священного города.

Сведения об Ассирии из Египта очень скудны, несмотря на то что ассирийцы более 15 лет властвовали в этой стране. Это некоторые предельно краткие упоминания об Ассирии в надписях Тахарки, это «стела сна» с надписью Танутамона о походе на египетских правителей — вассалов Ассирии, это сведения из поздней демотической хроники жреца Петеисе III об уплате дани ассирийцам египетскими храмами, это находка в Фивах клада VII в. до н.э., содержащего шлем, бронзовые чаши и инструменты оружейника ассирийского типа.

Полезными источниками являются надписи и летописи урартских царей VIII—VII вв. до н. э. В некоторых надписях, например Сардури II, говорится о победах урартов над ассирийцами. Предметы урартского вооружения и произведения искусства несут на себе следы ассирийского влияния. На территории урартских крепостей Тейшебаини, Эребуни находят ассирийские печати, сосуды, бусы, что свидетельствует о различных формах контактов между этими странами.

Памятники с территории Сирии и Финикии, дающие сведения об Ассирии, очень скудны. Это, например, сообщение Тирских летописей о войне Салманасара V против Тира. Фрагменты летописей дошли до нас в передаче Менандра, жившего во II в. до н. э., а отрывки из произведений самого Менандра сохранились у Иосифа Флавия. Известны надписи правителей Самаля (Панаммувы, Киламувы, Бар Ракиба), полные самоуничижения перед Ассирией. Раскопки Каркемиша, особенно так называемого «дома Д», где Л. Вулли обнаружены египетские и греческие вещи, датируемые концом VII в. до н. э., и сам дом со следами разрушения 605 г. до н. э. дают некоторые сведения о помощи Египта и находившихся у него на службе греческих наемников гибнущей Ассирии.

Следы разрушений, причиненных ассирийскими походами, находят при раскопках эламских городов (Сузы, Дур-Унташ и др.) и цитаделей. Эламские рельефы (особенно скальные рельефы правителя Ханни) выполнены под ассирийским художественным влиянием.

Упоминания об Ассирии содержат наиболее крупные надписи персидского царя Дария I: Бехистунская, Накши-Рустамская надписи, надпись о сооружении царского дворца в Сузах, надписи на каменной статуе Дария I, найденной в Сузах в 1972 г. В них Ассирия и ее народ упоминаются как подвластные персидской империи. Ассирия фигурирует в качестве сатрапии Персидской державы.

§ 4. Свидетельства античных и раннесредневековых авторов как источник по истории Ассирии

Память об истории и культуре Древней Ассирии сохранилась в трудах античных и раннесредневековых авторов. Однако эти сведения очень отрывочны, разрозненны, базируются в основном на легендарных материалах, зачастую мало достоверны, а иногда просто ошибочны. Поступали они в распоряжение античных авторов в основном от их соотечественников — путешественников, торговцев, наемников и колонистов, побывавших на Ближнем Востоке или надолго там обосновавшихся.

Возможно, первые сведения об Ассирии встречаются у поэта VII в. до н. э. беотийца Гесиода.

Значительно большее число сведений, в особенности о природе и географических условиях страны, встречается у греческого историка Геродота (V в. до н. э.), который сам совершил путешествие по долине Тигра и Евфрата. Его сведения об истории Ассирии, однако, очень скудны. В качестве правителей Ассирии, чьи деяния он описывает, фигурируют Нин, Семирамида и Сарданапал — образы в основном фольклорные. Упоминается лишь один действительно реальный царь Синаххериб, но и тот в рамке полулегендарного повествования.

Младший современник Геродота, много лет проведший в Персии, Ктесий Книдский оставил труд «Персидская история», в котором значительное место было уделено и истории Ассирии, в особенности последнему периоду существования Ассирийской державы, и очень ярко и подробно описана история крушения и самого государства, и его знаменитой столицы Ниневии. Однако вся «История» базировалась исключительно на легендарной традиции, изобиловала фактическими ошибками и нередко извращением событий. «Персидская история» сохранилась лишь фрагментарно и дошла до нас в пересказах Диодора, частично Афинея и других греческих авторов.

В качестве наемника персидской армии побывал в Месопотамии грек Ксенофонт (V—IV вв. до н. э.), впоследствии оставивший такие сочинения, как «Киропедия» и «Анабасис», в которых встречаются описания Двуречья, народов и обычаев этой области, а также некоторые сведения о ее историческом прошлом. Ксенофонт рисует и картину гибели Ассирии, борьбы с ней покоренных народов. Но картина эта очень недостоверна, хотя бы потому, что Ассирию он путает с Вавилонией, смещает события во

времени, приписывает успех борьбы с Ассирией персам, не упоминает знаменитых ассирийских городов и т. д.

Богатейшим источником сведений об Ассирии, главным образом географических, является «География» Страбона (I в. до н. э.—I в. н. э.), где специально Месопотамии посвящена XVI книга.

Имеет некоторое значение труд Иосифа Флавия «Иудейские древности» (I в. н. э.), в котором освещаются взаимоотношения Ассирии с государствами Палестины, дается яркая картина раздела «ассирийского наследства» между Вавилонией и Мидией и столкновения их интересов с Египтом, при этом автор использует фрагменты «Вавилонской и халдейской истории» Беросса. Однако необходимо иметь в виду, что труд Иосифа Флавия исходит из библейской концепции мировой истории и насквозь проникнут религиозной идеологией.

Ряд сведений по истории Ассирии содержится в труде римского историка I в. н. э. Помпея Трога. Он дает традиционную легендарную канву вавилонской и ассирийской истории как цепи событий, вращающихся вокруг легендарных царей и цариц (Нина, Ниния, Семирамиды, Сарданапала), но представляет интерес его объяснение причин завоевательной политики Ассирии, условий возникновения великих империй древности, способов управления завоеванными территориями и причин крушения могущества государственных образований такого рода.

Сведения по истории Ассирии можно почерпнуть из произведений греческих (Херила, Кратета, Фокилида и др.) и римских поэтов (Марк Анней Лукан и др.), а также писателей, например в папирусном отрывке античного романа об ассирийском царевиче Нине, в «Жизнеописании Аполлония Тианского» Флавия Филострата и др. Сохранились они и в философских произведениях Лукиана Самосатского (II в. н. э.), который, используя образы Семирамиды и Сарданапала и напоминая о судьбе ассирийской столицы Ниневии, обличал многие человеческие и общественные пороки — расточительство, скаредность, глупость, разврат и др. Отдельные воспоминания об Ассирии мелькают в трудах античных «искусствоведов»: Павсания, Каллистрата, Филостратов Старшего и Младшего.

Некоторые данные по истории Ассирии сохранились в восточных и западных раннесредневековых произведениях, например в «Сирийской легенде об Александре Македонском», в «Истории Карки де бет Селок», в трудах Григория Назианзина и Василия Кесарийского (IV в. н. э.),

Агафия Миринейского, Менандра Византийца и Феофилакта Симокатты (VI—VII вв.), Анны Комниной и Никифора Вриенния (XI—XII вв.), причем базировались эти данные в основном на Библии, античной традиции и восточных легендах, уходящих в глубь веков.

Глава IX

ВАВИЛОНИЯ В КОНЦЕ II — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

С середины XI в. до н. э. полукочевые племена арамеев и халдеев стали вторгаться в Месопотамию и опустошать ее. С конца IX в. до н. э. Вавилония стала подвергаться нашествиям ассирийцев, а с 744 г. до н. э. была присоединена к Ассирии. От ассирийского господства Вавилония освободилась лишь в последней четверти VII в. до н. э. и после этого сумела стать могущественной державой. Это было время наивысшего экономического подъема Вавилонии за всю ее историю. В 539 г. до н. э. Вавилония была захвачена персами. Период от конца XII в. до н. э. до завоевания страны персами условно принято называть нововавилонским, а последующее время до походов Александра Македонского — персидским, или ахеменидским.

Учитывая характер источников и их неравномерное распределение по отдельным периодам, остановимся сначала на текстах XII — первой половины VII в. до н. э. Это, пожалуй, один из наименее обеспеченных источииками периодов Древней Месопотамии.

Достаточно сказать, что эти пять столетий освещены всего лишь двумястами письменными текстами. 18 из них — царские надписи на кирпичах, камне и глиняных табличках. В них рассказывается о сооружении дворцов и храмов. От середины IX в. до н. э. сохранилось 6 межевых камней (так называемые кудурру).

Юридических документов из частных и храмовых архивов всего немногим более дюжины. Все они написаны на камне и происходят из Вавилона, Борсиппы, Сиппара и других городов. В них фиксируются продажа земли, дарение различного имущества, внесение податей, плата за наем скота и т. д. Сохранился также перечень рабов и их семей. Пять из этих текстов датированы царствованием Итти-Мардук-балату (около 1140—1133 гг. до н.э.).

Значительный интерес представляет договор, заключенный около 824 г. до н. э. между вавилонским царем Мардукзакиршуми и ассирийским правителем Шамши-Ададом V.

Большое значение для изучения политической истории имеют хроники, которые составлялись по погодным записям и рассказывают о важнейших исторических событиях с указанием их точных дат. Особенно ценна «Вавилонская хроника», начинающаяся с 747 г. до н. э. и продолжающаяся до 668 г. до н. э. В ней содержится много сведений о военных и политических событиях в Вавилонии, Ассирии и Эламе, а также о вторжении в Месопотамию арамейских племен. Для изучения истории Вавилонии определенную ценность имеют и ассирийские хроники, особенно так называемая «Синхронистическая история». Однако ассирийские хроники очень тенденциозны, так как они рассказывают только о победах ассирийской армии, замалчивая ее поражения и даже приписывая ей победы, одержанные вавилонянами. Сохранились письма ассирийских дипломатов своему царю, в которых говорится о неудачных мирных переговорах с вавилонянами. Это вполне достоверные источники, так как они не были рассчитаны на пропаганду. В надписях ассирийских царей имеется много фактов политической и военной истории Вавилонии.

Сохранились списки вавилонских царей в хронологическом порядке с указанием, сколько лет каждый из них правил. Они дополняются синхронистическими перечнями вавилонских и ассирийских царей.

Среди вещей луристанской бронзы, найденных в Западном Иране, обнаружено 38 предметов оружия (кинжалы, наконечники копий и топоры) с именами вавилонских царей, правивших в период между 1135—940 гг. до н. э. По-видимому, это было вотивное оружие, посвященное в вавилонские храмы и позднее захваченное вторгшимися в страну воинами из Ирана.

Из литературных произведений, содержащих какие-то исторические сведения, можно упомянуть поэтические рассказы о набегах эламского царя Кудур-Наххунте на Вавилон и о подвигах Навуходоносора I в войне против эламитов.

Научная литература этого периода очень бедна. Наибольший интерес из текстов такого жанра представляют таблички из дворца Навуходоносора I, содержащие рецепты искусственного изготовления драгоценных камней.

Период с конца VII до первой четверти V в. до н. э. характеризуется обилием письменных источников. Среди них десятки тысяч хозяйственных и административных документов, из которых опубликовано около 13 000 текстов. Содержание их разнообразно: долговые расписки, закладные, контракты о продаже, аренде и дарении земли, домов и друго-

го имущества, о найме рабов и скота, об обучении ремеслам, квитанции об уплате податей, протоколы судебных процессов, переписка официального характера и письма с семейными новостями. Кроме того, сохранились исторические хроники, царские надписи, фрагменты законов, грамматические, медицинские, ботанические, астрономические, математические и религиозные тексты, словари-билингвы, географические карты, планы домов и т. д. Весь этот материал позволит ученым получить представление о социально-экономических отношениях, судопроизводстве, культуре и повседневной жизни вавилонян. Остановимся кратко на характеристике этих источников.

Тексты составлены на поздневавилонском диалекте аккадского языка и написаны большей частью на необожженных глиняных табличках. Подавляющее большинство административно-хозяйственных и частноправовых документов относится ко времени правления Навуходоносора II, Набонида, Кира, Камбиза и Дария I, т. е. к VI — началу V в. до н. э. Большая часть этих документов происходит из Вавилона, Урука, Ниппура, Борсиппы, Сиппара, Ура и других крупных городов.

Если не считать единичных текстов, мы пока еще не располагаем государственными или царскими архивами из Вавилонии I тысячелетия до н. э. Сохранившиеся документы происходят из храмовых и частных архивов. Из храмовых архивов особенно богато представлены архивы святилищ Эанна в Уруке и Эбаббарра в Сиппаре.

Из частных архивов в первую очередь следует упомянуть архивы деловых домов Эгиби и Мурашу. Большинство документов архива Эгиби составлены в Вавилоне и его окрестностях, небольшая часть — в Мидии, Эламе и странах, куда члены этого дома ездили по торговым делам. Всего из этого архива пока издано около 1000 текстов. Они датируются временем с конца VII до начала V в. до н. э.

Архив дома Мурашу был полностью найден в одной комнате. В нем насчитывается 730 табличек, большая часть которых прекрасно сохранилась. Из них до настоящего времени опубликовано 505 документов. Написаны они несколькими десятками писцов на очень чистой и мягкой глине коричневого или сероватого цвета. Составлены они в Ниппуре и его окрестностях, но в них упоминаются более 200 населенных пунктов и 60 каналов. Самая ранняя табличка написана в 455 г., а самая поздняя — в 403 г. до н. э. Большинство документов относится к царствованию Артаксеркса I и к началу правления Дария II.

Сохранились также архивы и многих других частных лиц. Большинство из них происходит из Вавилона и Сиппара. В Нейрабе, около города Алеппо в Сирии, найден архив на аккадском языке, относящийся к VI в. до н. э. Архив этот принадлежал колонии вавилонян, которая в это время существовала в Сирии.

Значительный интерес представляют и письма. Они написаны на продолговатых маленьких глиняных табличках мелким убористым почерком. Адресату они посылались в глиняных запечатанных конвертах, что обеспечивало тайну переписки и сохраняло текст от повреждений. На конверте одного письма сохранились печать и имя отправителя, так как это письмо по каким-то неизвестным нам причинам не было вскрыто адресатом. До настоящего времени издано около 800 писем. Только немногие, более десяти из них, имеют даты (время царствования Навуходоносора II, Набонида, Кира, Камбиза и Дария I). Основная масса остальных писем относится к периоду между 600 и 450 гг. до н. э.

Большинство писем носит характер административно-хозяйственной переписки и происходит из архивов храма Эанна в Уруке и храма Эбаббарра в Сиппаре. Несколько писем являются донесениями, адресованными царям, а другие отправлены судьями, и в них речь идет о необходимости раскрыть те или иные преступления.

Имеются также и письма из частных архивов. Некоторые из них посланы мужьями своим женам. В ряде случаев люди, находившиеся вдали от дома, посылают приветы родным, дают советы по хозяйству.

В древности почтовая служба существовала лишь для государственных нужд. Частные письма посылались либо с оказией, либо через гонцов или агентов, находившихся на службе у частных лиц.

Для изучения права особую ценность представляют сборники законов. Сохранились три столбца из кодекса законов, которые по письму, языку и реалиям относятся к нововавилонскому времени. В дошедшем до нас тексте начало и конец разрушены, остались главным образом статьи о брачном и имущественном праве. Судя по небрежности письма и многочисленным опискам, это официальный текст законов, скопированный для учебных целей.

Благодаря хроникам известны основные политические события, связанные с возникновением Нововавилонской державы, и ее последующая история. Особую ценность имеют хроники с изложением событий 626—623, 616—595 и

556—538 гг. до н. э., в которых сжато рассказывается о крушении Ассирийской державы под ударами мидийской и вавилонской армий (так называемая «Хроника Гэдда»), походах вавилонских царей Нергал-шар-уцура и Набонида соответственно в Киликию и Тему в Северо-Западной Аравии и, наконец, о захвате Месопотамии персами («Хроника Набонида — Кира»). Таблички со списками царей и датами их правления являются ценным дополнением к этим хроникам.

Некоторые важные исторические события упоминаются в надписях царей Навуходоносора II и Набонида. К настоящему времени издано более 140 надписей нововавилонских царей. Они написаны на глине, камне и металле. Эти тексты главным образом повествуют о сооружении и ремонте храмов, о царских пожертвованиях в различные святилища страны. Но кроме упоминания отдельных исторических событий в этих надписях нашли отзвуки и социальные конфликты. Например, в надписях Набонида говорится, что вавилоняне «пожирали друг друга, как собаки, сильный грабил слабого», судьи брали взятки и не защищали бедных, властелины обижали калек и вдов, ростовщики ссужали деньги за высокие проценты, многие вторгались в чужие дома и захватывали поля, принадлежавшие другим. Интересны пространные надписи матери царя Набонида, найденные на месте древнего города Харрана в Северной Месопотамии. Она была жрицей бога Луны Сина в храме этого города и прожила 104 года.

В ряде литературных текстов, содержащих пророчества или повествующих о божественной справедливости, также встречается описание реальных исторических событий.

В Вавилонии с живым интересом относились к своему далекому прошлому. В храмовых школах продолжали изучать и переписывать древние произведения. Писцы могли прочитать и правильно истолковать клинописные тексты, написанные за две тысячи лет до них. В одном из храмовых зданий Ура археологи нашли помещение музея, в котором были собраны предметы различных эпох, представляющие исторический интерес. Подобный музей был расположен и в летнем царском дворце в Вавилоне.

Клинописные тексты дают богатый материал для изучения культуры, науки и идеологии вавилонян. Среди них имеются молитвы, гимны, причитания, многочисленные шумеро-вавилонские словари, сборники текстов на шумерском языке с пояснениями трудных для понимания мест на аккадском языке, таблицы клинописных знаков, сборники грам-

матических примеров и упражнений, рецепты для лечения и профилактики болезней. Сохранились планы полей и городов (особенно много таких планов города Вавилона и его отдельных районов), географические карты с изображением Двуречья и соседних стран с необходимыми комментариями, географические справочники с названиями стран, городов и рек.

Клинописные тексты свидетельствуют о том, что вавилонская математическая астрономия достигла больших успехов. Вавилоняне записывали наблюдения за Солнцем, Луной, расположением планет и созвездий. Постепенно им удалось установить движение небесных светил, видимых простым глазом. Сохранились таблицы с астрономическими вычислениями расстояний между звездами. Судя по большому количеству технологических рецептов, вавилоняне умели изготовлять эмали, а также разработали технологию для определения чистоты серебра.

Многочисленные печати с самыми разнообразными изображениями (религиозные сцены, борьба героев с чудовищами и т. д.) дают богатый материал для изучения идеологии общества.

В нововавилонских табличках кроме глины часто в качестве материала для письма упоминаются также дощечки из дерева, гораздо реже — из слоновой кости, которые покрывались воском. Этими дощечками пользовались не для надписей монументального характера, а для составления отчетных документов, прежде всего государственного управления и храмового хозяйства: выдача платы и продовольствия работникам, перечни скота и другого имущества. Составлять такие документы на глине было неудобно, так как на ней можно было писать, только пока она была мягкой и влажной, а на восковых табличках запись можно было легко прервать на любом месте, затем по мере необходимости продолжать ее. На территории самой Вавилонии документы такого типа не обнаружены, но при раскопках ассирийского города Кальху в 1953 г. на дне колодца в липкой грязи было найдено около двадцати дощечек из орехового дерева и слоновой кости. На некоторых из них сохранились остатки воска, исписанного клинописными знаками.

Из чужеземных источников по истории Вавилонии определенную ценность имеют некоторые части Библии, которые рассказывают об осаде Иерусалима армией Навуходоносора II и о последующем уводе жителей этого города в плен в Вавилонию.

Что же касается античных авторов (Геродот, Ксенофонт, Ктесий, Диодор Сицилийский и др.), то они очень смутно представляли политическую историю Вавилонии. Но у некоторых из них, особенно у Геродота и Ксенофонта, посетивших Вавилонию, сохранились ценные сообщения об обычаях и нравах жителей, описание страны и отдельных ее городов, а также сведения об экономике. Уже упоминавшаяся «Вавилонская и Халдейская история» Беросса повествовала об истории и культуре Вавилонии.

Археологические раскопки позволяют судить о материальной культуре Вавилонии. С 1899 до 1917 г. немецкая археологическая экспедиция под руководством Р. Колдевея вела раскопки Вавилона. Как показали эти раскопки и археологическое исследование других городов Месопотамии, развитие технологии, ремесел и товарно-денежных отношений привело к интенсивному расширению городов как административных и культурных центров. Улучшились и жилищные условия горожан. Дома обычно имели два этажа и были снабжены всеми необходимыми удобствами, включая ванные комнаты. Полы были покрыты кирпичом, тщательно залитым гипсом и асфальтом, а внутренние стены побелены известковым раствором.

В Вавилоне, крупнейшем городе тогдашнего мира, улицы были протяженностью в пять и более километров при ширине от 4 до 6 м. Но главная улица Вавилона, по которой шествовали массы народа во время больших религиозных праздников, достигала в ширину до 35 м и была мощеной. Одни из ворот города, а именно Ворота богини Иштар, были облицованы глазурованным кирпичом и достигали в высоту 12 м. Две части города соединялись друг с другом с помощью моста длиной в 123 м.

Продолжающиеся интенсивные археологические раскопки постоянно обогащают науку массовым притоком клинописных источников и новыми фактами истории материальной культуры Древней Месопотамии.

Глава X

ДРЕВНЕЙШАЯ МАЛАЯ АЗИЯ

§ 1. Археологические источники

Древнейшая история Малой Азии по тем данным, которыми располагает сейчас наука, начинается с X тысячелетия до н. э., с эпохи мезолита. Ее изучение вплоть до рубежа III—II тысячелетий до н. э. возможно лишь на базе

одного типа источников: памятников материальной культуры, открытых в результате археологических раскопок.

Древнейшими памятниками являются места обитания людей на юге Анатолии — это пещеры Окюзлю, Белдиби и др., покрытые росписями первобытных художников. Там же обнаружены кремневые вкладыши жатвенных ножей, что свидетельствует об использовании мезолитическими охотниками дикорастущих злаков.

О зарождении земледелия и скотоводства и переходе древних насельников Малой Азии к оседлой жизни свидетельствует такой памятник, как поселение Чейюню-Тепеси, открытое американскими и турецкими археологами (Г. Брейдвуд, Г. Чамбел и др.) на северо-востоке Малой Азии и датируемое 7250—6750 годами до н. э.

Гораздо больше памятников материальной культуры Малой Азии дошло от эпохи неолита. Это поселения Чатал-Гуюк, Хаджилар, Суберде, Кан-Хасан и др. Особенно важные и показательные результаты дали раскопки Чатал-Гуюка, производившиеся английской археологической экспедицией под руководством Дж. Мелларта в 60-х годах XX в.

Чатал-Гуюк — «Двойной холм» — расположен в долине реки Конья, в районе потухших вулканов Гасандаг и Караджидаг. Двенадцать археологических слоев 19-метровой высоты скрывали остатки неолитического поселения, время существования которого методом радиоуглеродного анализа определено 6500—5700 годами до н. э. Чатал-Гуюк был крупным поселением, занимавшим площадь в 13 га и являвшимся, видимо, центром целого ряда меньших поселений такого же типа (площадь 1—1,5 га), которых сейчас насчитывается 22.

Находки в Чатал-Гуюке показывают уже достаточное развитие производящих форм хозяйства: земледелия (разводили пшеницу, полбу, ячмень, горох, чечевицу, виноград — до 22 видов растений и даже цветы), скотоводства (крупный и мелкий рогатый скот), ремесла («кремневая индустрия» — орудия из камня, обсидиана, находимого близ потухших вулканов, из нефрита, кости; ткачество из шерсти, изготовление ковров, войлока, вязка и т. д.). Но и охота на оленей, онагров, леопардов, диких быков, кабанов оставалась для жителей немаловажным промыслом, о чем свидетельствуют находки их изображений и костей.

Находки жилых и хозяйственных построек дают материал об их архитектуре, использовании при строительстве сырцового кирпича с примесью ила и тростника, дере-

вянных несущих конструкций, а также камня. Интересно, что стены домов плотно примыкали друг к другу, не имели окон и образовывали снаружи глухую как бы оборонительную стену.

Чатал-Гуюк дал и находки культовых сооружений, причем в большом количестве. На каждые 3—4 дома приходилось святилище, которых насчитывается примерно 48. Изнутри они украшены росписями, дающими прекрасное представление об искусстве того времени: преобладают динамичные охотничьи и магические сцены, орнаментика в виде отпечатков рук красного и черного цвета, расположенных сверху и снизу росписи. По тематике изображений святилища были названы археологами: «храм охоты», «храм предков», «храм богини плодородия» и др. Уникальное изображение — это план селения Чатал-Гуюк, самый древний в мире план. Обнаружены настенные рельефы, изображающие людей и животных, и статуэтки из различных пород камня, мела, глины, носившие культовый характер. Чаще всего встречаются изображения быков, медведей и леопардов, а также мужского божества — покровителя охоты и скотоводства. Имеются и изображения женщины-богини в виде роженицы, возле которой находятся два леопарда — прообраз Великой Матери, богини плодородия, земледелия. Это богатый материал по ранней религии. Исключительно важное значение имеют найденные в Чатал-Гуюке изделия из металла: проколки, пронизки, шильца, бусы из меди и свинца. Найдены медные шлаки, остатки печей для обжига, что свидетельствует о выплавке металла, а не о простом использовании самородной меди. Видимо, в Малой Азии раньше, чем где-либо на Ближнем Востоке, стали использовать металл.

Раскопки ряда поселений свидетельствуют, что в конце эпохи неолита они обзаводятся оборонительными сооружениями, несут на себе следы разрушений, пожаров, некоторые из них были покинуты жителями по неизвестной причине. Встречаются останки погибших жителей. Невозможно, однако, установить, кто были эти жители Малой Азии эпохи неолита по языку и этнической принадлежности.

Раскопки энеолитических поселений V—IV тысячелетий до н. э. (выделяются три археологические культуры этого времени: Мерсин, Хаджилар, Бейчесултан) свидетельствуют, с одной стороны, об известном прогрессе в развитии производительных сил. Идет, например, процесс сокращения каменных орудий и увеличения числа металлических изделий (в Мерсине обнаружены медные топоры и тесла,

в Бейчесултане — клад медных предметов и серебряное кольцо), достигает высокого уровня производство керамики. Но с другой стороны, поселения этого времени малы по масштабам (от 0,5 до 5 га); археологические культуры Малой Азии этого периода испытывают влияние более передовых, обогнавших их в своем развитии центров Месопотамии (Телль-Халаф, Эль-Убейд).

III тысячелетие до н. э. — эпоха ранней бронзы в Малой Азии представлена примерно десятью археологическими культурами (Троя I—V, Бейчесултан, Алишар и др.), что свидетельствует об отсутствии единой, «генеральной» линии в развитии Малой Азии в этот период, об известной географической, этнической и культурной разобщенности.

Раскопки этих памятников показали усиление тенденции к сооружению укрепленных центров, что свидетельствует об учащении межплеменных войн. Особенно показательно в этом плане городище Бейчесултан на юго-западе Малой Азии, площадь которого достигала 24 га и которое было обнесено каменной стеной 5-метровой толщины. Значительно укрепленными поселениями были Алишар и Кюль-тепе на востоке полуострова. Троя II была окружена оборонительными стенами толщиной от 5 до 10 м и высотой до 8,5 м, сложенными снизу из крупных камней, вверху — из кирпичей, имела 4 сторожевые башни и двое ворот. Найдены остатки крупных светских и культовых сооружений: дворец правителя в Трое, святилища в Бейчесултане, Алишаре, Кюль-тепе.

Наряду с поселениями обнаружены некрополи (Дорак на западе, Алача-Гуюк на востоке, Махматлар и Хороз-тепе — на северо-востоке Малой Азии и др.). Находки различных изделий в поселениях и погребениях позволяют отметить развитие ремесленных производств, особенно металлургического, а внутри него — оружейного (производство боевых топоров, копий, кинжалов, шлемов и пр.) и ювелирного (например, так называемый «клад Приама», открытый в городской стене Трои и состоявший из 9000 драгоценных предметов и украшений).

Обращает на себя внимание богатый ассортимент обрабатываемых металлов (медь, бронза, олово, свинец, драгоценные металлы, метеоритное железо) и многообразие методов его обработки. Любопытна находка в «кладе Приама» 6 слитков серебра в форме ножей одинакового веса. Некоторые исследователи видят в них первые «троянские деньги». Прослеживается наличие привозного сырья и изделий (янтарь, лазурит, киликийская керамика в Трое, еги-

петская шкатулка в Дораке), что свидетельствует о развитии внешних контактов малоазийских центров с другими, даже весьма отдаленными древневосточными центрами.

Наличие насыщенных сокровищами кладов, прослеживающихся в захоронениях Дорака, Алача-Гуюка, пышный погребальный ритуал и исключительно богатый заупокойный инвентарь свидетельствуют о развитии социальной дифференциации, о явно и бурно идущем процессе разложения родового строя и возникновении классового общества и государства в Малой Азии.

Многие поселения конца III тысячелетия до н. э. несут на себе следы сожжения, разрушения и запустения. Такая судьба постигла, например, Трою, на месте которой до 1800 г. до н. э. существовали лишь небольшие поселки; другие, как, например, Бейчесултан, Алишар, Кюль-тепе, даже усилились. Этот процесс был связан, видимо, с крупными этническими передвижениями и межплеменными войнами.

Памятников письменности в этот период еще нет: древнейший — печать со знаками иероглифического характера, найдена в Бейчесултане в слоях начала II тысячелетия до н. э.

§ 2. Данные лингвистики

Помимо археологических материалов важную роль в реконструкции древнейших периодов истории Малой Азии играет лингвистическое изучение позднейших письменных памятников. В хеттских текстах II тысячелетия до н. э. ясно различим хаттский (протохеттский) субстрат. В научной литературе хатты обычно рассматриваются как аборигенное население Малой Азии, жившее здесь до прихода хеттов. Трудно, однако, ответить на вопрос, насколько многочисленным был собственно хаттский этнос в различных областях Малой Азии. Во всяком случае обращает на себя внимание крайняя редкость хаттских имен, встречающихся в «каппадокийских табличках». Поселения хаттов располагались, по-видимому, главным образом на северо-востоке Малой Азии, поскольку именно здесь в позднейшие времена находились хаттские культовые центры (Аринна, Нерик, Ципланда). Можно отметить и то, что из анатолийских языков влияние хаттского сильнее всего сказывается в палайском (область Пала располагалась именно на северо-востоке Малой Азии). Устанавливаемое лингвистами родство хаттского с группой абхазо-адыгских языков также служит

подтверждением данной локализации. Полагают, что с хаттами можно соотнести культуру Алача-Гуюка конца III тысячелетия до н. э.

Воздействие хаттов на хеттскую культуру, и прежде всего на религию и литературу, было весьма значительным, особенно в древнехеттскую эпоху. С исторической точки зрения особенно важно то, что сильное хаттское влияние обнаруживается в сфере политической терминологии хеттов. Наименования царя и царицы, важнейших должностей и титулов оказываются по происхождению хаттскими. Хаттскими являются и основные официальные празднества и придворные ритуалы хеттов. Это заставляет предполагать, что государства в восточной части Малой Азии складывались в III тысячелетии до н. э. при политическом господстве хаттов (протохеттов), а соответствующие традиции и терминология были затем унаследованы хеттами, создавшими в начале II тысячелетия до н. э. свою державу.

Лингвистический анализ позволяет реконструировать и дописьменную историю самих хеттских народов. Хеттские тексты являются древнейшими письменными памятниками на индоевропейских языках, и в этом их огромное значение для индоевропеистики. Сравнительно-исторический анализ языков, входящих в индоевропейскую семью, дает возможность определить время распада языковой общности и выделения из нее самостоятельных языков. Для выяснения путей миграции существенное значение имеет изучение следов языковых контактов с неродственными языками (в данном случае семитскими, картвельскими и т. д.).

Решение проблем происхождения хеттов, путей и времени их появления в Малой Азии в огромной степени зависит от определения прародины индоевропейцев. Разные решения вопроса о прародине (Балканский полуостров, области к северу или к юго-востоку от Черного моря) приводят к совершенно различным точкам зрения о путях миграции хеттов (соответственно через Западную Малую Азию, через Кавказ или небольшое смещение на запад от первоначальной территории расселения). Анализ общеиндоевропейской лексики в хеттских текстах дает некоторое представление о характере занятий, социального строя и религии хеттов ко времени их отделения от других индоевропейцев. Основными источниками по проблемам индоевропеистики, естественно, являются лингвистические данные, однако современный уровень исследований требует привлечения археологических материалов. Языковым общностям не должны непременно соответствовать определенные археологи-

ческие культуры, но общее направление этнических миграций, как и характер экономики дописьменных обществ, может быть выяснено лишь в результате совместной работы археологов и лингвистов.

§ 3. Письменность как исторический источник

Своеобразным источником исторических сведений может служить сама письменность. Хеттская (неситская) клинопись II тысячелетия до н. э. восходит в конечном счете к староаккадской. Хеттами она была приспособлена к передаче звуков своего языка. Например, знаки, отражающие в аккадском звук «ш», в хеттской клинописи использовались для передачи «с» и т. д. (отсюда, кстати, известная путаница в транскрипции хеттских имен в научной литературе). В хеттской клинописи используется огромное количество шумерских идеограмм, сопровождаемых иногда фонетической передачей окончаний соответствующих хеттских слов. Поэтому до сих пор неизвестно хеттское звучание многих наиболее употребительных слов (брат, раб, бык и др.), которые всегда писали идеограммами. С этим связана и важная источниковедческая проблема — насколько точно соответствует шумерский или аккадский термин (например, для раба), тому, что обозначалось им у хеттов. Чрезвычайно важен вопрос о путях и времени проникновения староаккадского письма в Малую Азию. Известно, что до образования Хеттской державы и появления наиболее ранних памятников хеттской клинописи на территории Малой Азии находились крупные торговые колонии, документация которых велась на староассирийском языке. Замечено, однако, что хеттская клинопись заимствована не от староассирийского варианта аккадского письма. Она обнаруживает значительно большее сходство с хурритской и с аккадской клинописью документов из Алалаха. Сопоставление этих систем письменности заставляет некоторых исследователей (Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов и др.) предполагать в качестве их общего источника письменность Северной Сирии конца III тысячелетия до н. э. Сравнительный анализ хеттской письменности во всяком случае позволяет делать выводы о характере культурных связей Малой Азии с областями Средиземноморья и Месопотамии в ту эпоху, от которой мы не имеем собственно хеттских письменных памятников.

§ 4. Каниш и «каппадокийские таблички»

Для восстановления истории Малой Азии в конце III— начале II тысячелетия до н. э. огромное значение имеет исследование Каниша (совр. Кюль-тепе — «холм пепла») в 20 км к северо-востоку от турецкого города Кайсери. Здесь в 1925 г. работала экспедиция Б. Грозного, а с 1948 г. проводят систематические раскопки турецкие археологи (Т. Эзгюч и др.). На территории Кюль-тепе вскрыты кварталы частных построек: небольшие склады, лавки, мастерские, жилые дома, возможно, помещение школы. Эту часть города занимали купцы и ремесленники. Административный центр Каниша был расположен на соседнем холме, где находилась укрепленная цитадель с дворцом правителя и храмом. Цитадель являлась также историческим центром города, его древнейшим городищем.

Едва ли не первое упоминание Каниша встречается в найденном недавно тексте договора между правителями Эблы и Ашшура конца III тысячелетия до н. э. Расцвет города относится, по принятой в настоящее время хронологии, к XIX—XVIII вв. до н. э., когда он стал крупнейшим международным торговым и ремесленным центром. Именно к этому времени относятся обширные частные архивы Каниша, содержащие преимущественно деловые документы торговцев (так называемые каппадокийские таблички). В настоящее время в научный оборот вошло несколько тысяч «каппадокийских табличек» и более 13 тыс., найденных турецкими археологами, еще не опубликовано. «Каппадокийские таблички» составлены на староассирийском диалекте аккадского языка, по содержанию они весьма разнообразны — счета, обязательства, распоряжения, расписки, соглашения о разделе имущества, письма и т. д. Документы рисуют структуру и деятельность «карума» — торговой общины Каниша. Сохранилось три фрагмента специального «Устава карума». В связи с тем что Каниш находился на пересечении важнейших торговых путей, в городе были целые кварталы, заселенные иноземными купцами, судя по именам — в основном ассирийцами и северо-сирийцами (амореи, хурриты). Упоминается значительное количество имен местных купцов, а также купцов из других областей Малой Азии (хетты из Хаттусы и т. д.). Иноземные купцы вели торговлю по договоренности и под контролем местного правителя, причем последний не только получал пошлину и рыночные сборы, но и отбирал лучшую часть товаров. Торговая община периодически проверяла состоятельность сво-

их сочленов, очевидно, определяя размер взноса каждого в общую казну «карума». Торговцы Каниша составляли сообщества на родственной основе, своего рода кланы, возглавлявшиеся «отцами». В «каппадокийских табличках» содержится значительный материал и об организации ремесел, в особенности связанных с обслуживанием царской резиденции.

Благодаря документам из Кюль-тепе можно составить представление о географии Малой Азии, в том числе и политической. Чрезвычайно интересно появление в ассирийских текстах индоевропейской (хеттской и лувийской) лексики, что позволяет делать выводы об этническом составе местного населения. Экономическая мощь «карума» Каниша, очевидно, способствовала тому, что столицей хеттов стала именно Неса (т. е. Каниш). Однако в новой социально-политической обстановке в Малой Азии, созданной образованием Хеттской державы, старые колонии, ведшие широкую посредническую торговлю, быстро приходят в упадок.

«Каппадокийские таблички» издавались и изучались многими учеными. Среди работ последних лет следует отметить труды П. Гарелли и Н. Б. Янковской.

Глава XI
ХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО

До начала XX столетия о хеттах было известно лишь по скудным упоминаниям в египетских, ассирийских и урартских надписях, а также в Библии. Хеттская цивилизация была открыта благодаря раскопкам в Богазкёе под руководством Г. Винклера (1906—1912). В 1915 г. Б. Грозный дешифровал хеттские клинописные тексты и определил их язык как индоевропейский. В настоящее время опубликовано около 20 тыс. хеттских текстов (включая фрагменты отдельных документов).

§ 1. Исторические и политические тексты

В процессе работы над хеттскими клинописными документами учеными был выявлен целый ряд текстов, отражающих многовековую политическую историю хеттов, отдельные этапы ее развития от древнейшего периода истории до падения Хеттского государства. Эти тексты условно

можно разделить на несколько подвидов, из которых ниже будут рассмотрены царские анналы, государственные договоры с разными странами, дипломатическая корреспонденция и некоторые другие тексты интересующего нас содержания.

Царские анналы. Одним из ранних образцов этого жанра (летописей) можно считать так называемый «Текст Анитты», отражающий ранний период истории хеттов (приблизительно XVIII в. до н. э.). Именно в этом тексте появились первые указания на разделение царских деяний на отдельные годы. Хеттологи приходят к единому мнению о достоверности сведений, описанных в дошедшем до нас в сравнительно поздней версии тексте. Благодаря источниковедческому анализу стало возможным окончательно установить, что «Текст Анитты» был составлен не в эпоху Новохеттского царства (как это предполагалось некоторыми учеными), а гораздо раньше (его существование в период Древнехеттского царства не вызывает сомнений), возможно, в период правления самого Анитты, сумевшего создать первое крупное политическое объединение городов-государств Малой Азии под гегемонией неситских племен (с центром в Куссаре, а позднее в Несе-Канесе). Среди исследователей вызывает споры вопрос об языке, на котором был составлен первоначальный вариант текста. Не исключено, что он был составлен на аккадском языке, аккадской клинописью, так как хеттская клинопись появилась у хеттов, видимо, в самом начале Древнехеттского царства (в XVII в. до н. э.).

Явно в стиле царских анналов сделан найденный в 1957 г. клинописный текст в хеттской и аккадской версиях, составленный от имени правителя Древнехеттского государства Хаттусили I (XVII в. до н. э.) и рассказывающий в первом лице о военных деяниях этого царя в начале его царствования.

В этом документе привлекают внимание исследователей некоторые уникальные, не известные ранее данные по ряду вопросов истории хеттов XVII в. до н. э. Выяснилось, что великий царь-табарна Хаттусили I, правивший уже в Хаттусе (а не в Куссаре, как его предшественники), был сыном брата тавананны (супруги предыдущего царя). В тексте повествуется о разгроме Хаттусили I крупнейших северосирийских городов-государств Алалах и Варсува (Уршу; сравнение двух версий текста доказывает идентичность названий «Хурри» и «Ханигальбат», а также то, что Евфрат по-хеттски назывался Мала). Несмотря на то что

«Анналы Хаттусили» не раз были объектом исследований, интерпретация целого ряда данных текста и подготовка нового обстоятельного издания билингвы продолжаются.

Наиболее значительными из жанра царских летописей являются анналы Мурсили II (первая половина XIV в. до н. э.), в период правления которого анналистика в Малой Азии достигает высшей ступени своего развития. От имени Мурсили II были составлены и так называемые «Деяния Суппилулиумы I» (отца Мурсили II, правившего в Хатти в конце XV — начале XIV в. до н. э.), близко стоящие к жанру царских летописей.

Судя по дошедшим до нас фрагментам обширного исторического повествования, «Деяния Суппилулиумы» были изложены минимум на семи больших клинописных табличках. «Анналы Мурсили II» были составлены на хеттском языке в двух версиях, одна из которых названа учеными «Десятилетними анналами» (исходя из того что в них рассказано о военных операциях Мурсили первых десяти лет его царствования), а другая — «Пространными анналами», содержащими подробное описание событий почти всех тридцати лет правления Мурсили II. Отражая завоевательную внешнюю политику Новохеттского царства, эти письменные источники рассказывают нам о крупных военных походах хеттов в разные области Малой Азии и Северной Сирии, о покорении населения этих районов и о переселении его в Хатти огромными массами как «депортированного».

В Боказкёйском архиве сохранились анналы и других хеттских царей, например, «Анналы Тутхалии», «Анналы Арнуванды», а также фрагменты еще каких-то анналов. Принадлежность этих последних какому-либо из хеттских царей трудно установить (в научной литературе не решен вопрос и о том, какие Тутхалия и Арнуванда — правители Среднехеттского или Новохеттского царств—были авторами вышеназванных «анналов»). Все это подтверждает мнение, что жанр царских летописей непрерывно использовался хеттами. Возможно, этот жанр исторического повествования оказал определенное влияние на составление анналов позднеассирийских царей.

Государственные договоры. Из большого числа хеттских письменных источников, отражающих внешнеполитическую и дипломатическую деятельность хеттских царей, особо выделяются государственные договоры, заключенные хеттскими правителями с царями разных стран Ближнего Востока.

Самый ранний государственный договор, сохранившийся в виде отдельных фрагментов, был составлен в эпоху Древнехеттского царства, а именно в период царствования Телепину (Телипину; ок. 1500 г. до н. э.), заключившего договор с царем Киццуватны (Киццувадны) — Испутахсу. Договор был составлен на двух языках — на аккадском и хеттском — и имел целью, по-видимому, урегулирование спорных вопросов, связанных с господством Хатти на юго-востоке Малой Азии. По всей вероятности, той же цели служили и договоры, заключенные между Цидантой и правителем Киццуватны Пилия, а также между каким-то царем Хатти и Паддатису, царем Киццуватны. Эти ранние договоры, составленные на аккадском и хеттском языках, оформлялись на паритетных началах, требовавших полного равенства прав сторон. Они еще не составлялись по определенному образцу, как это делалось в Новохеттском царстве. Лишь отдельные клаузулы ранних договоров были использованы позднее в трафаретной схеме договоров Новохеттского времени (например, клаузула о передаче беглецов).

Расширение завоевательной политики хеттов, начатое со времени царствования Суппилулиумы I, вызвало активизацию хеттов на юге и востоке Анатолии, в Северной Сирии и Северной Месопотамии. Суппилулиума урегулировал отношения с находившейся на востоке Малой Азии Хайасой, заключив договор на хеттском языке с ее правителем Хукканной и «людьми Хайасы». Мирно был решен вопрос Киццуватны, с царем которой — Сунассурой был заключен договор, открывший хеттам дорогу к подступам Северной Сирии (были составлены аккадская и хеттская версии договора). В результате кратковременного, но успешного военного похода в Митанни появился договор (также в двух версиях) между Суппилулиумой и Шаттивасой (Маттивазой, Куртивазой). Победа завоевательной политики в Северной Сирии дала возможность Суппилулиуме I заключить договоры с такими правителями северосирийских городов-государств как Никмаду из Угарита, Азиру из Амурру, Шарри-Кушух из Каркемиша, Тетте из Нухашше.

Видимо, в период правления Суппилулиумы I была создана определенная схема оформления документов интересующего нас содержания, которая усовершенствовалась в последующие периоды. А при Мурсили II образец составления этих документов принял вполне определенную форму (заметим, что не все договоры были составлены на пари-

тетных началах). Договор с зависимой страной начинался преамбулой от имени хеттского царя, составляющего договор, приводилась предыстория отношений между партнерами договора. Далее говорилось об основном назначении документа: правитель покоренной страны обязывался регулярно посылать хеттскому царю вспомогательные отряды вместе с боевыми колесницами, систематически платить дань, своевременно сообщать хеттам о внезапном появлении врага или о заговоре против Хатти, незамедлительно возвращать хеттскому царю беглецов из Хатти и т. д. Со своей стороны царь хеттов обязывался помогать зависимым правителям. В конце договоров приводились обращение к богам и их подробный перечень. Последние строки документа занимала формула проклятия.

Образцом договора на паритетных началах следует назвать договор между Хаттусили III и фараоном Рамсессом II, являющийся, как полагают, первым в истории дошедшим до нас мирным договором. Его аккадский вариант был обнаружен при раскопках в Богазкёе, а иероглифическая копия сохранилась на стенах Карнакского храма и в Рамессеуме в Фивах (согласно этому варианту, договор был написан также на серебряной табличке). В документ были внесены клаузулы о вечной дружбе и ненападении, о выполнении всех пунктов договора, о взаимопомощи против внешних и внутренних врагов, о выдаче беглецов и клятвы соблюдать договор.

До нас дошел целый ряд государственных договоров, в которых соблюдены основные принципы их составления, хотя в них имеются некоторые отклонения от принятой схемы. Имеются и договоры, не следующие принятому образцу, но имеющие отдельные клаузулы «стандартных» договоров. К числу таких документов относятся, например, договоры с каскейскими племенами, у которых «не было принято господство одного человека» (т. е. царя), договоры с «людьми Исмирики». Изменение общей схемы договоров было вызвано тем, что при их составлении хетты учитывали ряд обстоятельств, связанных с политической историей или общественной структурой стран своих партнеров.

Дипломатическая корреспонденция. Богазкёйский архив (также как и Телль-Амарнский) сохранил нам тексты, являвшиеся письмами хеттских правителей к царям разных стран Ближнего Востока. В свою очередь, эти последние вели переписку с царями Хатти. Указанные письма являются важным источником не только для изучения политической обстановки во многих странах Древнего Востока.

В них сохранились и данные относительно социально-экономической, этнической, религиозной истории хеттов, египтян, хурритов, вавилонян, ассирийцев и других народов. Особенно хорошо изучены хетто-египетские взаимоотношения (в частности, вопросы политического влияния обоих государств в Северной Сирии, брачных династических союзов и т. д.), о которых можно судить по письмам Суппилулиумы I фараону Египта Эхнатону, Рамсесса II царю Хаттусили III и его супруге Пудухепе. Сохранились и письма преемников Рамсесса II, адресованные также Хаттусили III и Пудухепе.

В ряде писем освещаются вопросы внешней политики хеттов в связи с Северной Сирией и Митанни. Осложнение политической обстановки на востоке Малой Азии и в Северной Месопотамии, вызванное возвышением Ассирии и Вавилонии, стало поводом двусторонней дипломатической переписки между хеттскими царями и правителями указанных месопотамских стран. Согласно письму вавилонского царя Кадашман-тургу царю Хаттусили III, вавилонский правитель надеялся на военную помощь хеттов в случае войны, а Хаттусили III спрашивал следующего царя Вавилонии — Кадашман-Эллиля, почему он медлил с отправкой в Хатти своего посла. С периода царствования Муваталли отношения с Ассирией были мирными, на что указывают письма Муваталли, отправленные к Адад-нерари I, Хаттусили III — к какому-то царю Ассирии, письмо Салманасара I, адресованное не известному нам хеттскому царю. Однако с периода царствования Тутхалии IV отношения с Ассирией осложняются. На письмо этого хеттского царя, поздравлявшего молодого Тукульти-Нинурту I со вступлением на престол, царь Ассирии «ответил» вторжением в заевфратские хеттские области, откуда он увел 28 800 жителей страны Хатти.

Ситуация осложнилась и на западе Малой Азии, что было вызвано активизацией Аххиявы (возможно, Микенской Греции). О дипломатических связях хеттских царей периода Новохеттского царства с царями Аххиявы, а также с правителем западномалоазийской области Милавата, рассказывает нам ряд писем хеттских царей, адресованных правителям этих последних стран.

Другие тексты политического и исторического содержания. Кроме рассмотренных выше документов в Богазкёйском архиве имеется множество текстов, рассказывающих о разных сторонах политической истории хеттов. Они составлялись с начала Древнехеттского периода.

Одним из таких текстов является так называемое «Завещание Хаттусили I», которое было составлено на двух языках — хеттском и аккадском. Правда, его текст был сильно поврежден, однако благодаря сличению этих версий, а также других текстов, по содержанию близко стоящих к «Завещанию», документ был образцово восстановлен Ф. Зоммером и А. Фалькенштейном в 1938 г. Усилиями этих ученых была проведена солидная источниковедческая работа, в результате которой ученые получили уникальный текст на древнехеттском языке. «Завещание» является обращением Хаттусили I к собранию воинов (pankus) и к главным сановникам, которые в указанную эпоху определенно ограничивали власть царя. Поводом для составления завещания явилась попытка изменения порядка наследования.

Как полагают, к «Завещанию Хаттусили I» по своему назначению близок так называемый «Указ Телепину», так как и этот последний является обращением царя к собранию воинов, определяющим новый порядок наследования царской власти (от отца к сыну), а также взаимоотношения царской власти и собрания. Текст дошел до иас в основном в хеттской версии, хотя сохранились и отдельные места его аккадского варианта. Исключительный интерес представляет вводная историческая часть документа, описывающая деятельность первых хеттских царей как образцовых правителей.

В Богазкёйском архиве найдено немало текстов и фрагментов исторических произведений, также относящихся к периоду Древнехеттского царства. Отдельные моменты истории хеттов указанной эпохи, в частности борьбы хеттов за Северную Сирию и против хурритов, отражены в одном фрагменте какого-то указа Хаттусили I, в разных фрагментах текстов, составленных от имени Мурсили I, в тексте об осаде города Уршу, во фрагментах, упоминающих предводителя войск Зукраши из Халапа, царей Ямхада — Яримлима и Хаммурапи, хурритов и т. д. Тут же следует назвать некоторые фрагменты политического и исторического характера, написанные также в интересующий нас период: так называемая «Дворцовая хроника» — сборник назидательных рассказов о придворных, совершивших разные проступки, часть хроники царя Аммуны, текст о походе Телепину в Лахху и многие другие.

Вышеупомянутые источники дают определенное представление о довольно высоком развитии в древнехеттскую эпоху жанра исторических и политических произведений.

Этот жанр еще более развился в период Новохеттского царства, когда были составлены ценные исторические источники, имеющие большое значение в истории человеческой культуры. Это так называемая «Автобиография Хаттусили III», являющаяся, как полагают, одной из первых автобиографий, известных в мировой литературе. В «Автобиографии» описывается жизнь хеттского государя, развивается представление о божественном происхождении царской власти (в отличие от древнехеттского периода), рассказывается о нововведении, заключавшемся в прославлении культа хурритской богини Иштар (Шавушки), «помогавшей» Хаттусили осуществить его замыслы в связи с захватом царского престола.

§ 2. Правовые документы

Изучению источников по хеттскому праву ученые уделяли и уделяют весьма существенное внимание. Это нашло свое отражение в многочисленных работах, посвященных публикации и исследованию документов правового характера. В них проведена и большая источниковедческая работа.

Хеттские законы. Уже в 1922 г. появилось первое издание хеттских законов, осуществленное Б. Грозным. В 1959 г. И. Фридрих подготовил фундаментальное издание этих текстов (в транслитерации, с переводом и комментариями), а в 1964 г. Ф. Импарати опубликовала сводное издание хеттских законов, включавшее в себя транслитерацию хеттского текста и итальянский перевод с комментариями с учетом всех известных к тому времени фрагментов законов. Г. Оттен и В. Соучек в 1966 г. опубликовали новые фрагменты хеттского судебника, с помощью которых уточняются неясные места отдельных статей хеттских законов, выявляются варианты того или иного параграфа. Все эти фрагменты следует учитывать при подготовке нового сводного издания хеттских законов.

Сборник хеттских законов делится на две части по начальным словам двух пространных таблиц: «Если человек...» и «Если виноградная лоза...». Исходя из лингвистических и процессуальных данных, составление этих двух частей сборника относится учеными к периоду Древнехеттского царства, когда проводилась реформаторская работа хеттских царей (Хаттусили, Мурсили). Сохранилась также часть более позднего варианта законов, относящаяся к эпохе Новохеттского царства.

Первая таблица хеттских законов содержит данные о праве собственности и личных правах человека, она определяет положение «свободного человека» и «раба» («несвободного»), в ней дается система наказаний за убийство, телесное повреждение или за похищение человека, рассмотрены нормы семейного права, имеются сведения о государственных повинностях («саххан» и «луццн») и т. д.

Вторая таблица законов касается вопросов правовой защиты землепользования, системы наказаний за противогосударственные и противообщественные поступки, за воровство и нарушение договора и т. д. В этой же части законов даются нормы возмещения наемного труда, тарифы цен на разные товары и др.

Сравнение двух таблиц сборника законов указывает на постепенное развитие хеттской законодательной системы, начатой неким «отцом царя» (возможно, Хаттусили или Телепину). Если в первой таблице говорится о компенсации «головами» (людьми), для второй таблицы, а также для позднейшего варианта законов характерна их замена денежным возмещением. Кроме того, во многих статьях законов указываются древний обычай и пришедшая ему на смену поздняя юридическая норма.

Хеттские законы, носившие явно классовый характер, большое внимание уделяли защите собственности, в первую очередь государственной. За воровство или нанесение ущерба чьей-либо собственности были установлены многократное возмещение и штраф. Личность раба в случае его убийства или нанесения ему телесного повреждения была оценена вдвое меньше, чем личность свободного человека, т. е. хеттские законы учитывали социальное положение убитого.

Несмотря на значительную степень изученности данной группы источников, их источниковедческая критика разработана меньше, чем критика других видов источников, на что должно быть обращено внимание исследователей в будущем.

Судебные протоколы. Здесь имеется в виду та группа текстов, в которых даны записи показаний обвиняемых или свидетелей на суде. Эти документы изучены довольно слабо, так как очень трудна интерпретация отдельных мест текстов, а также целого ряда терминов судебного характера. Хетты называли этот вид источников просто «делом». В текстах лишь один раз назван объект обвинения, а относительно результата процесса или решения судебной инстанции в документах ничего не сохранилось. Высказано

предположение, что все интересующие нас «протоколы» касаются гражданского, а не уголовного процесса.

Ученые, специально работающие над «протоколами», обратили внимание на то, что все эти документы составлены в одном экземпляре, без дубликатов. Многоколонные глиняные таблицы в обычной форме составлялись, по-видимому, в канцелярии лишь после окончания того или иного судебного процесса. Что касается одноколонных табличек, имеющих продолговатый формат и мелкие знаки, то они, видимо, заполнялись в ходе судебного процесса.

В интересующих нас текстах не указывается, в какой инстанции занимались судебным следствием или выносили решение суда. В одном тексте рассматривается жалоба царицы, которая и ведет следствие. Возможно, она была судьей. У хеттов не существовало профессиональных судей в современном смысле, судейские функции выполняли царь, царица, а также, от случая к случаю, государственные служащие.

Все дошедшие до нас хеттские судебные протоколы составлены в период Новохеттского царства (полагают, что вышеупомянутая царица — Пудухепа, супруга Хаттусили III). Предполагая связь хеттского права с другими древневосточными правовыми системами, ряд ученых допускают возможность месопотамского влияния на судебную процедуру хеттов (В. Корошец, Э. фон Шулер, Р. Вернер).

Судебные протоколы не составлялись по какой-либо определенной схеме, по трафарету. Поэтому правовой характер этих документов можно определить лишь по их содержанию. На процессе рассматривались разные судебные дела, в основном дела о растрате или краже царского (государственного) добра. В некоторых текстах разбираются дела о взятках, а также о незаконном присвоении чужой собственности (в том числе депортированных людей). В одном случае рассмотрено дело о совершении какого-то недозволенного магического акта. Имеются и судебные протоколы, составленные по поводу выдачи фальшивого документа или выдачи (из дворца) разных вещей, скота без печати на документе и т. д.

Виновниками или свидетелями являлись, как правило, государственные служащие, в том числе и высокопоставленные лица. Во время судебного процесса выявлялись факты о злонамеренном использовании тем или иным чиновником занимаемой им должности, что рассматривалось как тяжкое преступление.

Судебные протоколы содержат также сведения о социально-экономической жизни хеттов. Их дальнейшее изучение является важной задачей историков, включая историков права.

Царские указы. Отдельные царские распоряжения, имевшие правовой характер, издавались еще со времен Древнехеттского царства. Самым ранним таким указом можно считать «Завещание Хаттусили I», объявлявшее наследником престола своего приемного сына Мурсили (а таванану — вне закона). Завещание Хаттусили было выполнено, однако вопрос о порядке престолонаследия оставался неразрешенным. Регулированию его был посвящен так называемый «Указ Телепину», определивший порядок наследования, согласно которому наследником становился только кто-либо из представителей царского рода (из царских сыновей, по старшинству). Из царских указов периода Новохеттского царства следует отметить указ Тутхалии IV.

Детально исследовав интересующие нас источники с точки зрения хеттского права, Э. фон Шулер пришел к выводу, что нормы царских указов, соприкасающиеся с хеттскими законами по содержанию и стилю, служили для объявления новых или для уточнения существующих законоположений.

§ 3. Документы социально-экономического содержания

Данные о социально-экономической истории сохранились в разнообразных текстах Богазкёйского архива.

Служебные «инструкции». Правители Новохеттского царства составляли специальные предписания для сановников и государственных служащих, регулировавшие обязанности и права последних.

Для высших царских служащих было составлено несколько предписаний, из которых особо выделяется «Инструкция» для «господина пограничной охраны». Согласно «инструкции», ему подчинялись все пограничные крепости с боевыми отрядами, а также разные царские учреждения (в том числе так называемые «дома царя» — «дворцы» и т. д.), находившиеся в управляемой им области. «Господин пограничной охраны» должен был заботиться о постоянной готовности обороны. Кроме того, он руководил всеми работами в царском хозяйстве, вплоть до выделения новым депортированным земельных участков. Он разбирал и судебные дела. В его обязанность входила и забота о содержании культа данной области (содержание в полной исправности

6*

храмов и культового инвентаря, своевременное выполнение службы богам и т. д.).

Специальная «инструкция» обращена к «господам». «Господин» выполнял функции военного начальника, а также наместника царя определенной провинции. Одновременно он следил за выполнением разных предписаний по отношению к царю. Царя окружали «главные», для которых также составляли «инструкции»: они должны были обращать внимание на все, что происходило в стране, в особенности при царском дворе, а также у вельмож страны, и докладывать о всех злоумышлениях против царя.

Сохранились тексты предписаний для разных государственных служащих, в том числе для высших военных чинов, для городских управляющих, для жречества и служителей храма, «телохранителей» и т. д. Часть из них еще не обработана. Раскрытие особенностей источников, выявленных на основе лингвистического, правового и исторического анализа, позволяет ученым сделать ряд важных общих выводов относительно структуры государственного управления у хеттов.

«Иммунитетные грамоты». Под этим названием подразумеваются документы, составленные в период Новохеттского царства и касающиеся вопроса освобождения разных хозяйств («Домов»), переданных в качестве царского дара, от государственных обязательных работ и податей, а именно от натуральной и трудовой повинностей (т. е. согласно хеттской терминологии, от «саххана» и «луцци»). Эти хозяйства вместе с их рабочим персоналом принадлежали храмам, а также отдельным частным лицам.

Изучение хеттского материала относительно освобождения отдельных хозяйств и частных лиц от государственных повинностей показывает, что определенные привилегии в связи с выполнением государственных обязательных работ выдавались с периода Древнехеттского царства, когда началось развитие института податно-повинностного иммунитета в хеттском обществе. Люди или хозяйства, получившие эти привилегии, освобождались от разных работ и податей в пользу государства, что делалось только по решению центральной власти. Однако в период Древнехеттского царства выдача иммунитета, по-видимому, не оформлялась специальным документом.

Начиная же с последующей эпохи в связи с выдачей иммунитета в практику вошло составление документа, постепенно получившего определенную форму, со стандартной терминологией и фразеологией. Грамота имела «преамбу-

лу» с указанием имени составителя документа (царя или царицы), иногда с его полной генеалогией; в некоторых грамотах приводились мотивы составления текста, причины выдачи иммунитета. После этого следовала основная часть, где подробно перечислялись работы и подати, от которых освобождались хозяйства или отдельные лица. Эта часть имела вид трафаретной формулы, повторяющейся с незначительными изменениями почти во всех грамотах. Документ об иммунитете имел также заключительную часть, в которой запрещалось всякое игнорирование документа или изменение его содержания. В конце текста иногда появлялась формула проклятия с перечислением божеств хеттского пантеона.

Дарственные на землю. С «иммунитетными грамотами» тесно связаны царские дарственные на земельные участки, которые выдавались с эпохи Древнего царства отдельным государственным служащим за службу царю или отдельным государственным хозяйствам. В указанную эпоху именно такие земли, даваемые центральной властью в качестве «дара царя», получали податно-повинностный иммунитет (это отражено в § 47А хеттских законов). Однако в дальнейшем положение изменилось — земли этой категории больше не освобождались от выполнения государственных повинностей, если сам царь (или дворец) специально не выдавал документ об иммунитете. Именно о таких «иммунитетных» текстах шла речь выше. Что касается дарственных на землю, то в них нет речи об иммунитете.

Эти документы, которые обычно скреплялись царской печатью, имели целью, как это установил издавший в 1958 г. все дарственные на землю К. Римшнейдер, защитить право владения (или собственности?) над пожалованными царем землями.

Дарственные на землю составлялись по определенному образцу. Во вступительной части указывалось, что документ был составлен табарной — великим царем (имя не указывалось); далее перечислялось все, что было выдано в качестве «дара царя» (поля, сады, луга, разные постройки сельскохозяйственного назначения, рабочий персонал, скот и т. д.). После этого в документе специально подчеркивалось, что «великий царь» все перечисленное «взял» и тому или иному служащему «передал в дар». Вслед за этим приводилась клаузула о виндикации с формулой проклятия, указывалось место составления документа, приводились имена свидетелей и писца.

Изучение дарственных на землю освещает вопросы, связанные с аграрной историей в хеттском обществе. В них засвидетельствованы социально-экономические, сельскохозяйственные, юридические термины, исследование которых так важно для определения социально-экономических отношений в Хатти. Согласно этим текстам, из нескольких индивидуальных хозяйств («домов») образовывались более или менее крупные хозяйства, принадлежащие одному определенному лицу (например, владение храмовой служительницы Куваталлы включало в себя 13 индивидуальных «домов»). Являясь объектами царского дара, каждый «дом» после дарения рассматривался как владение (или даже собственность?) отдельных лиц, имевших, очевидно, право свободного распоряжения ими. Непосредственные производители, сидевшие на дарственных землях, должны были самостоятельно вести хозяйство, держателями которого они являлись.

Отдельные вопросы, в частности связь дарственных текстов с «иммунитетными грамотами» и поземельными кадастрами, все еще недостаточно освещены в специальной литературе.

Поземельные кадастры. Для исследования аграрных отношений в Хеттском государстве немаловажную роль играет и данный вид источников. Дошедшие до нас тексты освещают некоторые стороны земельных отношений, существовавших, как полагают, в северной части Анатолии, по соседству с территорией, населенной каскейскими племенами. Следует предположить, что те же отношения развивались и в других частях Хеттского государства.

И эти документы составлялись по определенной схеме в следующей последовательности. В связи с каждым участком («полем») по отдельным параграфам были указаны категория земли, местоположение участка, количество семян, нужное для посева, имя владельца участка и размеры посевной площади.

Как явствует из текстов, интересующие нас земли являлись исключительно посевными полями, которые обрабатывались их держателями, людьми разных профессий (уцелели названия представителей только двух профессий — садовника и гончара), возможно, из числа депортированных, часть которых центральная власть сажала на земельные участки на условиях выполнения государственных повинностей.

Таким образом, все «поля», названные в поземельных текстах, были государственными землями. Поэтому можно

предположить, что рассматриваемые нами тексты были составлены с целью описи выданных государством земельных участков или же являлись простым перечнем полей, выданных центральной властью новым держателям из той же категории людей.

Наряду с интенсивным изучением рассмотренных видов источников проанализированы и другие хеттские тексты, которые нельзя игнорировать при разработке проблемы социально-экономической истории хеттского общества.

В первую очередь следует упомянуть тексты, содержащие сведения о депортированных людях — «намра». Особенно интересны тексты, рассказывающие о пожертвованиях царя или царицы «домов» с депортированными в пользу храмов. Как известно, такие «дома» (хозяйства) центральная власть передавала и отдельным государственным (царским) учреждениям или лицам. Из текстов становится ясно, что хозяйства с депортированными — это искусственно созданные государственной властью небольшие экономические коллективы, наделенные средствами производства. Их принуждали нести соответствующие повинности в пользу государства (царя, храмов). В результате этого все члены коллектива становились непосредственными сельскохозяйственными производителями, хотя некоторые из них были заняты и ремеслами (при распределении депортированных применялись система распределения по десяткам). Являясь искусственно созданными экономическими ячейками, эти «дома» распадались при первом же удобном случае, так как их члены спасались бегством за пределы царства Хатти.

Обращают внимание разные «списки», в которых перечислены государственные служащие — так называемые управляющие, дается перечень военных отрядов, регулярно посылаемых разными поселениями страны для пополнения хеттского войска; в некоторых «списках» названы только женщины — «певицы» — и люди, находившиеся в зависимости от различных царских служащих. Сохранились также «списки», в которых перечисляются одни мужчины с указанием их профессий, названы населенные пункты, где находились отдельные царские служащие.

Термины социально-экономического содержания засвидетельствованы в коневодческих текстах, написанных на хеттском языке уроженцем Митанни — хурритом Киккули, а также другими лицами. Крупнейшей работой по хеттскому коневодству, вышедшей в 1961 г., является монография А. Камменхубер «Hippologia Hethitica». Автором ее был исчерпан весь хеттский материал относительно ко-

невόдства, дан критический анализ текстов, целого ряда терминов. В книге А. Камменхубер рассмотрены наиболее дискуссионные проблемы (появление лошади и колесницы в Передней Азии, их применение в военном деле и др.).

§ 4. Тексты религиозного содержания

Основная масса сохранившихся хеттских клинописных текстов имеет религиозное содержание. В них дается описание обрядов, празднеств, торжественных шествий и т. д. Многочисленны записи сакральных формул, заклинаний и молитв. Встречаются литературные произведения — изложение мифов, плачи, песни. Документы религиозного содержания могут быть важным источником по социально-экономической истории. Так, например, можно выделить группу текстов, в которых подробно описываются божества, почитаемые в разных уголках страны хеттов. При этом перечисляется имущество, принадлежащее храмам этих божеств,— разнообразные предметы из золота, серебра, бронзы, меди, железа, дерева. Здесь же имеются сведения об организации культа и храмовом персонале.

Некоторые из памятников религиозной литературы содержат важную социальную терминологию. Об эволюции ряда политических институтов (собрание — панкус, например) приходится судить привлекая литературные и мифологические тексты о собраниях богов и т. д. В хеттских религиозных текстах описываются преимущественно официальные церемонии и празднества, в которых принимали активное участие придворные. Это дает возможность представить придворную иерархию, титулы и должности, сакральные функции царя и его окружения. Описания торжественных религиозных процессий, объездов царем своих владений с посещением храмов наиболее почитаемых божеств имеют большое значение для выяснения исторической географии Хеттского царства. Иногда в религиозных текстах встречаются и упоминания политических событий. Например, в молитвах Мурсили речь идет не только об эпидемии чумы, постигшей страну хеттов, но и рассказывается о войнах и усобицах предшествующего времени, которые, согласно оракулу, явились причиной появления гибельной болезни. Соответствующие отрывки молитв напоминают хеттские анналы, и в целом бывает трудно провести четкую грань между текстом религиозного содержания и «историческим повествованием». Анализ мировоззрения хеттов и образности их литературы необходим для правильной ин-

терпретации текстов, посвященных политической истории.

Тексты мифологического и ритуального содержания порою непосредственно отражают политические события (скажем, упоминания о борьбе хеттских богов с богами страны Каска должны рассматриваться как свидетельство военных столкновений хеттов с касками и т. д.). Описания обрядов строительства дворца, дома и т. п. содержат информацию о бытовой стороне жизни хеттов.

Первостепенным источником для истории культуры Малой Азии в древности является хеттская клинописная литература. Более того, ее значение не ограничивается только хеттологией. Хеттские мифологические и литературные тексты нередко имеют архаичный характер. Их метрика, стиль, сюжеты в известной степени сохраняют древнейшую индоевропейскую традицию.

§ 5. Остатки хаттского языка и литературы. Хурритское влияние

Религиозная литература хеттов дает обширный материал и для выяснения взаимодействия различных культурных традиций на территории древней Малой Азии. Огромную роль в культурной истории хеттов, особенно в древнехеттский период, сыграла хаттская религия и мифология. Письменный материал о хаттах сравнительно невелик. В изложении ритуальных действий иногда встречаются обращения к богам хаттского происхождения на их языке. Несколько десятков таких фрагментов в текстах Богазкёйского архива — главный источник нашей информации о хаттском языке. Имеется также несколько билингв, например составленный около 1250 г. до н. э. список должностей, обозначенных на двух языках. Большинство текстов, написанных по-хаттски, составлено в новохеттский период, но есть основания считать, что некоторые из них относятся к древнехеттскому периоду. Затрудняет работу с ними не только их фрагментарность. Записаны они были переписчиками-хеттами в ту эпоху, когда хаттский язык являлся чисто культовым мертвым языком. Из-за механической переписки возникали многочисленные ошибки и переосмысления. Мало помогают и билингвы, поскольку почти все они невелики по объему и к тому же хеттский текст является лишь приблизительным пересказом хаттского. До сих пор хаттские тексты читаются плохо, и установлено значение лишь около 150 слов. Помимо кратких связных хаттских текстов известны лишь хаттские имена людей и

богов, а также топонимы. Отдельные слова в хеттском языке могут иметь хаттское происхождение. С точки зрения историка особенно важно, что хаттским считается слово, обозначающее железо.

Даже на таком ограниченном материале удается сделать существенные выводы о роли хаттов в ранней хеттской истории. С хаттами связаны особо почитаемые хеттские культы бога Бури и Солнечной богини города Аринны. Известный миф о Телепину также хаттского происхождения. Полагают, что значительная часть древнейшей хеттской литературы является переложением с хаттского.

Начиная со Среднехеттского царства и особенно в новохеттский период большое место в хеттской религии стали занимать элементы хурритского происхождения. Значительная часть хеттской религиозной литературы этого времени является переложением хурритской («Песнь об Улликумми», «Эпос о Кумарби»). От хурритов хетты заимствовали не только их собственные мифы и представления, но через их посредство воспринимали и богатую культурную традицию народов Месопотамии (так в Богазкёе были найдены, например, фрагменты хеттского и хурритского переводов «Эпоса о Гильгамеше»). Хурритское влияние особенно сильно сказывалось в юго-восточной части Малой Азии, в Лувии, приобретшей большое политическое и культурное значение в новохеттский период.

§ 6. Палайские и лувийские тексты

Помимо клинописных текстов на хеттском-несигском языке, о которых до сих пор шла речь, в Богазкёйском архиве имеются документы и на других языках Малой Азии — на палайском и лувийском. Палайские тексты представлены небольшим количеством плохо сохранившихся фрагментов. Большая часть их может относиться к Древнему царству. В основном это магические заклинания и вставки в хеттских текстах, содержащие обращения к палайским богам. Более значительный отрывок содержит изложение «ритуала хлебов».

Лувийские клинописные тексты из Богазкёйского архива также ограничиваются преимущественно заклинаниями, входящими в изложение хеттских ритуалов. Отрывки лувийских мифологических текстов крайне фрагментарны. Важно отметить то, что в самом хеттском (неситском) языке начиная с XIV в. проявляется значительное влияние лувийского. Влияние это тем существеннее, чем ближе язык па-

мятника к разговорному. Писцы царской канцелярии в эпоху Нового царства, очевидно, нередко были уроженцами Киццуватны или других областей Лувии.

Клинопись не была единственной системой письма, принятой у хеттских народов. Едва ли не основным писчим материалом в Малой Азии служило дерево. Сами клинописные документы нередко упоминают «писцов по дереву», «дом писца на деревянных табличках» и т. д. Памятники письменности на дереве не сохранились, но можно предполагать, что на деревянных табличках знаки не вырезали, а писали краской чаще всего иероглифами. В деловой документации, очевидно, обе системы письменности употреблялись параллельно. Возможно, некоторые тексты, дошедшие до нас в клинописных копиях, первоначально были записаны иероглифами на менее прочном материале.

Сохранилось значительное количество иероглифических надписей хеттов. Так называемый язык хеттских иероглифов настолько близок лувийскому языку, что иногда его определяют как диалект лувийского. Вполне возможно, что иероглифика была даже наиболее распространенным видом письма в древней Малой Азии, а клинопись ограничивалась преимущественно царской канцелярией. Во всяком случае характерно, что почти все клинописные памятники хеттов обнаружены в царском архиве Богазкёя, в то время как иероглифические тексты найдены более чем в 70 местах на огромной территории — от Смирны на побережье Эгейского моря до Ашшура, Вавилона, Кипра.

Иероглифическое письмо в Малой Азии возникло, по-видимому, самостоятельно не позднее первой трети II тысячелетия до н. э. Среди древнейших памятников его можно назвать печать Хуццияя, предшественника Телепину, и буллу с оттиском печати царя Киццуватны Испутахсу, которого считают современником Телепину (XVI в. до н. э.). Иероглифическое письмо оказалось и более жизнеспособным, чем хеттская клинопись. В то время как последняя, видимо, вышла из употребления после падения Хеттской державы, иероглифика продолжала широко применяться. Основная масса иероглифических памятников относится к X—VIII вв. до н. э. Они создавались в Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии, т. е. на территории поздних хеттских княжеств Каркемиш, Табал и др. Всего к настоящему времени известно более 300 надписей и фрагментов и более 750 печатей.

Выделяется ряд монументальных надписей, выполненных на скалах или каменных плитах. По содержанию это

обычно посвятительные или строительные тексты, иногда довольно пространные, с описаниями деятельности царей и молитвенными обращениями к богам, чаще краткие. Значительное количество таких надписей найдено в Каркемише. Весьма важны для дешифровки иероглифической письменности надписи из Кара-тепе, поскольку здесь рядом с иероглифическими текстами найдены совпадающие по содержанию финикийские. Следует упомянуть также монументальные надписи, сопровождающие изображения богов и богинь на горе Сипил и Язылыкая, а также надпись на каменном алтаре из Эмиргази. В иероглифических текстах, как и в целом в культуре лувийских областей, заметно сильное хурритское влияние.

Встречаются иероглифические надписи на бытовых предметах — керамике, изделиях из слоновой кости, бронзы и т. п. Большой интерес представляют найденные в Ашшуре коммерческие письма на тонких свинцовых полосках, свернутых в трубки.

Особую группу составляют печати и оттиски печатей с изображениями и иероглифическими надписями. Хеттско-лувийские печати обычно представляли собою круглый штемпель с ручкой, но иногда встречаются и круглые печати, сходные по типу с месопотамскими. Изготавливались печати из различного материала — камня, кости, металла. Они принадлежали царям, сановникам или частным лицам. Надписи нередко выполнялись двумя видами письменности — иероглифами и клинописью, встречаются и билингвы. Иероглифические надписи не так богаты содержанием, как клинописные тексты, но и они позволяют выяснить генеалогию и титулатуру царей и должностных лиц, помогают отождествлению топонимов и этнонимов, установлению пределов распространения государств и т. д.

§ 7. Археологические источники

Археологические материалы освещают многие проблемы истории хеттского общества. Первые сведения о памятниках хеттского искусства стали известны в Европе еще в первой половине XIX в.; позднее значительную информацию давали путешественники, видевшие руины хеттских городов, рельефы и другие памятники на территории Малой Азии и Северной Сирии. Первые раскопки были произведены в крепости Зенджирли (Хамди-бей —1884 г., К. Хуманн, Ф. Лушан, Г. Винклер —1888 г.) на очень невысоком мето-

дическом уровне, что, впрочем, было обычным на той стадии развития археологии. Тем не менее эти раскопки дали известный материал для понимания хеттской культуры на самом позднем этапе ее развития. Было открыто значительное число рельефов, украшавших цоколи зданий (дворцов и храмов), впервые были обнаружены здания типа «хилани» (прямоугольные в плане, с портиком перед фасадом), очень напоминавшие греческие мегароны, исследованы особенности хеттской фортификации.

В начале XX в. одновременно начались раскопки Каркемиша и Богазкёя. Раскопками Каркемиша руководил археолог Д. Хогарт. Анализ материалов, полученных при раскопках Каркемиша, показал, что город был чрезвычайно важным центром Хеттского царства. В период его величия здесь располагалась резиденция наместиика хеттского царя, управлявшего зависимыми от хеттов территориями в Северной Сирии. После гибели Хеттской державы Каркемиш (подобно Зенджирли) являлся одним из мелких владений-осколков великой Хеттской державы.

Настоящей сенсацией стали результаты раскопок Г. Винклера в Богазкёе (как выяснилось, столице Хеттского царства Хаттусе), где был обнаружен огромный государственный архив. Однако, к сожалению, раскопки в Богазкёе велись без соблюдения каких-либо методических принципов. Г. Винклер и помогавший ему Макриди-бей не были археологами, они не понимали необходимости фиксации открытых памятников, их интересовали только находимые при раскопках глиняные таблички с текстами. В результате этого не было сделано никаких стратиграфических наблюдений, а миогие сооружения были разрушены. Находимая керамика просто выбрасывалась.

В дальнейшем археологические работы проводились уже на научном уровне. Необходимо отметить раскопки американской экспедиции в Тарсе, когда впервые смогли выявить стратиграфическую шкалу иапластований и стали изучать массовый археологический материал, в частности керамику; К. Биттеля в Богазкёе (1931—1939), где также была изучена стратиграфия, выявлен общий план города и история ряда сооружений и укреплений; Г. Боссерта в Кара-тепе. В настоящее время изучены остатки ряда хеттских городов и крепостей, святилищ, некоторые некрополи и т. д. Археологические материалы дают представление о величине и эволюции городов, их планировке, системе фортификации, архитектуре дворцовых, храмовых и жилых построек, вооружении и оборонительном доспехе хеттов, их

искусстве (иконография, эволюция, стиль), религиозных представлениях и т. д.

Данные археологии прежде всего позволяют представить самые общие черты развития хеттской цивилизации. Выявленная сейчас последовательность археологических слоев (в Богазкёе их, например, шесть) показывает изменения в материальной культуре общества от III тысячелетия до н. э. до конца существования хеттской государственности. Кроме того, археологические наблюдения показывают, что когда столица Хаттуса уже лежала в руинах и вся центральная часть государства была разгромлена врагами, периферийные хеттские города Северной Сирии продолжали существовать еще примерно на протяжении пяти столетий. В ходе раскопок Богазкёя выявилась и картина гибели города, захваченного и сожженного врагами, причем по степени прокаленности многих архитектурных остатков было определено, что пожар здесь бушевал много дней.

Наиболее наглядные представления о характере и общей эволюции хеттского города дает Богазкёй. Первоначально была заселена только вершина скалы. Значительное расширение территории города приходится на время царствования Суппилулиумы. На скале отныне располагались цитадель, а собственно город раскинулся на равнине и был окружен новой оборонительной стеной. Общая протяженность стен достигла 6 км. Город делился на несколько частей внутренними стенами. Этот прием засвидетельствован и в ряде других хеттских городов, в частности в Зенджирли.

О мощи государства, а также о постоянно существовавшей военной опасности свидетельствуют грандиозные укрепления хеттских городов, в первую очередь Богазкёя. Город был окружен валом из утрамбованной земли, местами вал был усилен каменной кладкой. Поверху располагалась двойная стена, выложенная из огромных камней в технике так называемой «циклопической кладки». На этом каменном основании покоилась кирпичная кладка (ныне исчезнувшая). Местами перед основной находилась невысокая передовая стена — протейхизма. Стены были усилены башнями, располагавшимися на небольшом расстоянии одна от другой. Особое внимание уделялось защите ворот, целям обороны служил и подземный ход, ведший из цитадели за пределы города. Хеттское оборонительное зодчество было самым передовым в древнем мире середины и второй половины II тысячелетия до н. э. На высоком уровне находилась и строительная техника. В частности, возможно,

у хеттов появилась техника «циклопической кладки», прежде здесь совершенно неизвестная. Ширина улиц в Богазкёе достигала восьми метров.

Археологические материалы подтверждают (известное уже на основании письменных источников) положение о значительной роли храмов в жизни хеттского общества. При раскопках Богазкёя, например, было обнаружено пять храмов. Важнейший из них занимал огромную территорию (160×35 м). Очень показательна и его планировка. Здесь имелось два основных собственно культовых помещения. Одно предназиачалось богу грозы Хатти, другое — Солнечной богине города Аринны, что свидетельствует, по мнению исследователей, о равно высоком положении их в хеттском пантеоне. Еще более важно другое наблюдение: помимо помещений, предназначенных для совершения религиозных церемоний, в состав храмового комплекса входило и большое число значительных по размерам хозяйственных и складских помещений, что подтверждает вывод о том, что храмы были и крупными хозяйственными комплексами.

Помимо храмов, расположенных в городах, известны хеттские святилища и другого рода. Так, в частности, в местности, называемой Гавуркалеси, исследовался культовый центр, связанный с погребением одного из хеттских царей. Очень показательным является совпадение описываемого в текстах ритуала погребения с археологическими данными: кости умершего помещаются в каменное подземное сооружение. Здесь же располагался скальный рельеф — изображение сидящей богини и двух стоящих перед ней мужских божеств. Святилище заупокойного культа царя охранялось: рядом на скале было построено укрепление.

Самым известным из храмовых комплексов Хеттского царства является Язылыкая, находящийся невдалеке от столицы. В горном ущелье имелось несколько построек, но основным объектом поклонения была серия наскальных рельефов, изображавших богов и богинь хеттского пантеона. Практически под всеми фигурами имеются иероглифические надписи — имена божеств. Здесь, однако, имеется одна трудность — надписи сильно пострадали от времени и в некоторых случаях чтение их остается предположительным. Анализ изображений и имен божеств позволил исследователям сделать некоторые важные и интересные выводы. Прежде всего, видимо, Язылыкая — единственное место, где изображен весь хеттский пантеон. Здесь имеется 71 изображение 58 различных божеств (некоторые из божеств изображены дважды — в своих различных ипостасях).

Очень показательна композиция. На центральной скальной поверхности представлена чета верховых божеств Хебат и Тешуб и их дети: Шаррума, Алланзу и Кинзишали. Кроме того, здесь же находится изображение бога Ташмишу, «священного брата Тешуба». Кроме высших богов на этой же скале располагался и «коллективный портрет» хеттской царской семьи. Скала, находящаяся слева от центральной, была предназначена для изображений мужских божеств, представленных в порядке их значения в пантеоне. То же самое можно сказать и о правой скале, где в таком же порядке воспроизводилась женская половина пантеона.

Как отмечалось исследователями, хеттские рельефы не отличаются высокими художественными достоинствами. Однако они чрезвычайно ценны тем, что обычно называется «этнографическим реализмом», т. е. стремлением точно передать реалии (одежду, прическу, оружие и т. д.), что позволяет лучше понять многие стороны жизни хеттского общества. Позднехеттские рельефы Северной Сирии особенно интересны еще в одном отношении. Если стиль рельефов X в. до н. э. еще целиком хеттский, то более поздние показывают уже явное влияние арамейского и ассирийского искусства, что служит прекрасной иллюстрацией тех общих процессов, которые происходят в этих мелких государствах — остатках могущественной Хеттской державы.

О связях Хеттского государства с иными государственными образованиями свидетельствуют (помимо данных письменных источников) и археологические находки. Так, например, при раскопках хеттских городов наряду с местными неоднократно находили и месопотамские цилиндрические печати.

Известный материал для изучения хеттов дают и нехеттские археологические материалы, например изображения в Карнакском храме, где фараон Рамсес II повелел воспроизвести знаменитую битву между египтянами и хеттами при Кадеше. Египетские рисунки хеттских боевых колесниц более наглядны и показательны, чем собственно хеттские. Общий облик хеттского города воспроизведен на ассирийских рельефах известных Балаватских ворот.

Глава XII

ТРОЯНСКОЕ, ФРИГИЙСКОЕ И ЛИДИЙСКОЕ ЦАРСТВА

Во II тысячелетии до н. э. на территории северо-западной части Малой Азии вплоть до середины XIII в. до н. э. существовало могущественное Троянское царство, в X—

VIII вв. до н. э. значительную роль играло Фригийское царство, а с VII до середины VI в. до н. э. процветало Лидийское царство, в 546 г. покоренное персами.

Основными источниками по истории этих государств являются памятники материальной культуры, эпиграфические документы, литературные произведения и труды античных авторов.

§ 1. Археологические памятники

Наиболее ценные памятники материальной культуры были выявлены в ходе археологических раскопок столиц этих трех государств: Трои, Гордиона, Сард.

Огромное значение имели раскопки Трои, руины которой были обнаружены под холмом Гиссарлык немецким археологом-любителем Г. Шлиманом, в своих поисках этого города руководствовавшимся данными эпоса Гомера. С 1870 по 1890 г. (с перерывами) он и в 1893—1894 гг. его сотрудник В. Дерпфельд вели на Гиссарлыке раскопки, открывшие миру древнюю Трою. Находки были разнообразными и многочисленными: остатки стен, дворцов, жилых строений, изобилие керамики, бронзовых изделий, предметов из камня, драгоценные клады.

Раскопки Трои были возобновлены и досконально, с уточнением стратиграфии проведены американской археологической экспедицией во главе с К. Блегеном (в частности, оказалось, что современницей и участницей Троянской войны была Троя VII-а) в 1932—1938 гг. Результаты исследований опубликованы в 1950—1958 гг. в многотомном издаиии «Троя». Вопросы археологического и топографического изучения древних памятников Троады нашли отражение в капитальном издании Дж. М. Кука «Троада», вышедшем в свет в 1973 г.

Фригийская столица Гордион раскапывалась еще с начала XX в., затем раскопки были надолго прерваны и возобновились лишь в 50-е годы. Археологи обнаружили мощные оборонительные стены, сложенные из камня и сырцового кирпича, руины дворца, жилые здания с предметами быта, дренажные сооружения, склады пифосов, некрополь грунтовых и курганных погребений со значительным погребальным инвентарем; много интересных находок дал, например, так называемый Большой курган, датируемый XIII—VII веками до н. э., где были обнаружены бронзовые, чернолаковые, лощеные фигурные фригийские и привозные (с Родоса) сосуды, из них некоторые со старо-

фригийскими граффити. Неподалеку от Гордиона найдены руины фригийского храма VI в. до н. э. Интересны также обнаруженные путешественниками и археологами скальные культовые сооружения с фасадами, напоминающими храм и украшенными скульптурными, геометрическими и ковровыми узорами. Например, так называемые могилы Гордия и Мидаса, «львиная могила» и др. Найдены жилища, высеченные в скалах по берегам рек, использовавшиеся еще в эпоху средневековья, и расположенные в скалах святилища в виде террасы, к которой ведет ряд ступеней и на которой расположены алтарь и жертвенник. В настоящее время осуществляется изучение других фригийских городов и поселений: в Пазарли, Богазкёе, Германе и др. Найдено много фригийской керамики, полихромных изразцов, наскальных рельефов, ценных произведений скульптурного мастерства. Интересен, например, так называемый город Мидаса (совр. Язылыкая) — городское поселение без оборонительных стен, но защищенное скальными отрогами и расположенной на четырех холмах крепостью с царским дворцом — «лагерем Мидаса».

Весьма ценный материал дали раскопки лидийской столицы Сард. На поверхности земли сохраиились развалины этого города, основательно разрушенного временем, ветром и водой, а также остатки его некрополя, погребенного под холмами так, что вся эта местность носила название «Бин-тепе»—«Тысяча холмов». Раскопки Сард начались с середины XIX в., но первые значительные результаты принесли работы американской археологической экспедиции совместно с турецкими археологами в 1910—1914 гг. Большое количество надписей, керамики, монет, предметов быта, украшений, даже детских игрушек было найдено при раскопках Сард и их некрополя. Материалы раскопок публиковались в томах под общим названием «Сарды». С 1958 г. археологические работы в Сардах вела американская экспедиция под руководством Дж. Ханфмана. Многообразны открытые памятники. Раскопан лидийский акрополь, остатки которого сильио повреждены вследствие эрозии почвы и позднейшего строительства. Найдены фрагменты крепостной стены и башни, сложенных из монументальных мраморных блоков. В изобилии встречаются на акрополе наконечники стрел — результат трагических событий взятия Сард персами. Раскопки торгово-ремесленного квартала VII—III вв. до н. э. показали, что здесь производили разнообразную керамику, глиняные светильники, сырцовый кирпич, ткали ткани и плавили медь. Найдены

остатки лавок — небольших строений со стенами из тростника, обмазанного глиной, и соломенными крышами. На восточном берегу реки Пактол раскапывался жилой район VI—III вв. до н. э. Найдены остатки домов, мастерской ювелира с его изделиями, керамика с красочной вазописью, статуэтки богинь со змеями, установки для очистки золота и формы для получения золота из породы (VI в. до н. э.). Почти все раскопанные части города: акрополь, лавки, жилые дома — несут на себе следы пожарищ XIII в. (возможно, поход хеттского царя Тутхалии IV), XII в. (вероятно, утверждение в Сардах у власти династии Гераклидов), VII в. (киммерийское нашествие), VI в. (взятие Сард Киром II) и V в. до н. э. (штурм Сард греками во время антиперсидского восстания в 499 г. до н. э.).

Археологами изучались и гробницы царей Лидии. Уже давно были исследованы гробница Тантала у горы Сипил и гигантская гробница Алиатта близ Сард, имевшая в высоту 69 м и диаметр 335 м. В 1965 г. экспедицией Дж. Ханфмана в районе Бин-тепе была обнаружена монументальная усыпальница знаменитого лидийского царя Гигеса. На ряде камней кладки высечено имя этого лидийского царя, павшего в битве с киммерийцами.

Интересным видом источников является древнейшая лидийская монета. Изготовленные в основном из электрона архаические монеты Гигеса, Алиатта, Креза весили в среднем 14,25 и назывались статерами, имелись также и более мелкие подразделения статеров — трите. Лидийские монеты имели массивную бобовидную форму и очень примитивные изображения на лицевой стороне (аверсе) — сначала просто желобки, затем голова льва и надпись (монетная легенда) с именем царя, а на оборотной стороне (реверсе) следы от штемпеля в виде вдавленных прямоугольников.

С XIX в. исследовались некрополи, могильные холмы и поселения на территории Карии. Интересный материал дали, в частности, раскопки города Миласы, где находилось святилище Зевса Лабраундского, популярного у карийцев, лидийцев и других малоазиатских народов бога-воителя. Найденные здесь шведской экспедицией памятники архитектуры, религии, керамика, надписи позволяют восстановить историю города Миласы — центра объединения ряда храмовых общин с VI в. до н. э.

На территории Малой Азии найдены также киммерийские и скифские вещественные памятники. Основным свидетельством их проникновения в этот район являются трехгранные и двуперые с боковым шипом бронзовые нако-

нечники стрел, найденные при раскопках Тарса, Алишара и других малоазийских местностей бронзовые топоры «амазонского типа» с широким полукруглым лезвием, погребения и погребальный инвентарь (например, скифское погребение VII—VI вв. до н. э. в Сакчё-Гёзи), клады (киммерийский клад в Орду, близ Синопы), следы пожарищ в Сардах, датируемые VII веком до н. э., и др.

§ 2. Эпиграфические памятиики

Исключительную ценность для историков представляют собой эпиграфические памятники: надписи, найденные на территории запада Малой Азии.

Среди фригийских надписей выделяются старофригийские, датируемые VIII—VI веками до н. э. В настоящее время насчитывается 36 надписей на камие — главным образом, на культовых памятниках и надгробиях, и около 100 граффити на сосудах, выполненных алфавитным фригийским письмом способом «бустрофедон» преимущественно посвятительного содержания. Встречаются надписи на жерновах, печатях, статуэтках богов. Старофригийские надписи обнаружены в основном в Гордионе, Германе, Богазкёе, Язылыкая, Афионе, Докилионе, Алача-Гуюке, Тиане и других местностях Малой Азии. Наиболее крупной является надпись из Германа, опубликованная в 1966 г. турецкими учеными Л. Тугрулом и Н. Фыратлы; она содержит около 250 знаков, но сильно повреждена. В настоящее время Французский институт в Стамбуле предпринял обширные исследования старофригийских надписей в музеях и непосредственно на местах их нахождения. Э. Ларошу и К. Бриксу удалось обнаружить еще неопубликованные надписи в запасниках музеев Стамбула, Анкары, сделать эстампажи с надписей из Германа, Афиона и др. В настоящее время готовится к изданию новый корпус старофригийских надписей. Прочтение старофригийских надписей — исключительно сложная проблема, пока возможна лишь их предположительная интерпретация.

Новофригийских надписей, датируемых II—III веками н. э., написанных на греческом языке со вставкой фригийских слов, главным образом формул проклятия, насчитывается более ста. Это в основном надгробные тексты.

Сохранились также лувийские иероглифические надписи, в которых, например, упоминаются этнонимы, характеризующие население Фригийского царства. В местности Бохча в районе реки Галис найдена надпись Гордия, отца

Мидаса, содержащая имя и титулатуру одного из самых могущественных правителей Фригийской державы.

На территории Лидии найдено несколько сотен греческих надписей и 80 лидийских (большая часть — при раскопках Сард, особенно в районе некрополя и храма Артемиды). Датируются они в основном VII—IV веками до н. э. Как правило, это краткие надписи на сосудах, геммах, печатях, монетах, надгробные эпитафии на камнях, знаки камнерезчиков и др. Некоторые лидийские надписи найдены за пределами Лидии: в Смирне, Пергаме, Египте, Тире. Значительную роль в прочтении лидийской письменности и изучении лидийского языка сыграла находка в 1912 г. на территории Сардского некрополя лидийско-арамейской билингвы, высеченной на мраморной стеле, над прочтением которой работали как специалисты по индоевропейским языкам, так и семитологи (П. Кале, Ф. Зоммер). Сейчас известны 4 билингвы: 2 — лидийско-греческие и 2 — лидийско-арамейские. Публикации лидийских надписей осуществлялись Й. Кайлем, А. Премерштейном, И. Фридрихом, Р. Гусмани, П. Мериджи, Дж. Ханфманом и др. Как и фригийский, лидийский язык еще изучен недостаточно, поэтому содержание ряда надписей остается непонятным.

Несомненную ценность представляют карийские надписи, число которых превышает 150. Из них самая большая, историческая по содержанию,— Кавнская, найденная в 1949 г.,— содержит 240 букв, однако она является фрагментом и трудна для прочтения. Часть надписей найдена на территории самой Карии, некоторые — в Лидии (Сарды), Ионии (Смирна), в материковой Греции (Афинская греческо-карийская билингва). Особенно много карийских надписей, датируемых VIII—IV веками до н. э., найдено в Египте и Северной Африке, где карийцы служили наемниками и занимались торговлей. В Египте эти надписи находят на статуэтках богов (Исиды, Аписа и др.), на стенах храмов и гробниц, надгробных стелах, на различных бытовых предметах. Карийские надписи, сделанные на ногах колоссов Рамсеса II в Абу-Симбеле и датируемые началом VI в. до н. э., оставлены карийскими наемниками, совершавшими поход в Нубию вместе с египтянами. В Египте также найдены карийско-греческие билингвы и греческие надписи со вставкой карийских букв.

Главным образом в 60-е годы XX в. найдены единичные, так называемые паракарийские надписи (на трех глиняных табличках) и паралидийская надпись (на камне в стене Сардской синагоги), которые позволили ученым предста-

вить себе картину возникновения карийского и лидийского алфавитного письма и его связи с семитскими, греческими и некоторыми другими малоазиатскими системами письма. Надписи сделаны на хетто-лувийских языках, но содержание их еще остается неизвестным.

Значительное количество надписей обнаружено в Ликии. Они датируются V—IV веками до н. э., написаны на двух диалектах ликийского языка: термильском (диалект А) и милийском, или труйском (диалект В). На первом имеется 150 надписей, по содержанию — надгробных эпитафий. На втором — две, но зато одна из них, так называемая стела из Ксанфа, датируемая концом V в. до н. э., является частью большой термильско-греческо-милийской надписи на четырех сторонах колонны, воздвигнутой по приказу ликийского царя для прославления правящей династии, и имеет историческое содержание, повествующее о взаимоотношениях греков, персов и ликийцев на рубеже V—IV вв. до н. э. Интересна надпись на известняковой плите из Исинды, являющаяся, по-видимому, декретом. Имеется также более 100 монетных легенд, где ликийскими буквами указано место чеканки или имя правителя. Известно также шесть греческо-ликийских билингв, имеются и новые, найденные французской экспедицией в Ксанфе и еще неопубликованные. В 1973 г. в Ксанфе обнаружена уникальная находка: большая и хорошо сохранившаяся греческо-арамейско-ликийская трилингва с декретом сатрапа Ликии Пиксодара, датируемым серединой IV в. до н. э. и посвященным введению новых культов богов, сопровождающего их ритуала, утверждению жертвоприношений и храмовых доходов. На русский язык некоторые ликийские надписи, включая ликийскую часть Ксанфской трилингвы, переведены В. В. Ивановым.

В 1914 г. была найдена первая сидетско-греческая билингва — надпись на камне из Сиде — столицы древней Памфилии. В 1949 г. турецкие археологи обнаружили на основании статуи вторую греческо-сидетскую билингву. В 1964 г. к ним прибавилось еще две сидетские надписи на известняковой плите. В настоящее время известно пять сидетских надписей, датируемых III—II вв. до н. э., и несколько монетных легенд. Как явствует из этого небольшого эпиграфического материала, сидетский язык принадлежал к числу хетто-лувийских языков, а письменность близка к вышеупомянутым малоазиатским системам письма, хотя дальше, чем они, отстоит от греческого. Сидетские надписи носят посвятительный характер.

§ 3. Иноземные источники

Некоторые сведения о малоазиатских народах и государствах можно почерпнуть из источников, происходящих из других стран Древнего Востока. Ряд сведений о фригийцах, а точнее о племени мушков, входивших, видимо, в состав фригийского племенного союза, а затем государства, сохранились в анналах ассирийских царей I тысячелетия до н. э., а возможно, даже в анналах Тиглатпаласара I (XII в. до н. э.), в Ветхом Завете Библии, в надписи Арараса, царя Каркемиша (IX—VIII вв. до н. э.). Упоминания о Лидии встречаются также в Библии, в анналах и надписях ассирийского царя Ашшурбанапала (VII в. до н. э.), в надписях персидского царя Дария I (на Бехистунской и Накш-и-Рустамской скалах, на статуе из Суз, на золотой табличке из Хамадана и др.).

Важным источником по истории Троянского царства являются греческие эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея». Археологические, лингвистические и исторические исследования добавляют новые аргументы в пользу реальности многих сведений, содержащихся в эпосе первой половины I тысячелетия до н. э.

Интересным источником по истории Троянского, Фригийского и Лидийского царств можно считать устное народное творчество, мифы, легенды, сложившиеся в среде греков и малоазиатских народов. В их числе повествования о троянском правителе Приаме, его сыновьях — Гекторе, Парисе, о дочери — вещей Кассандре, рассказы о знаменитых фригийских царях — Гордии и Мидасе, лидийском царе Тантале, царицах Омфале и Ниобе. Эти сказания бережно сохранялись в народной традиции, служили сюжетом для литературных и исторических сочинений, произведений изобразительного искусства. Великолепное собрание древних мифов и сказаний, в том числе касающихся Трои, Фригии и Лидии, имеется в сочинении «Мифологическая библиотека» греческого историка II в. до н. э. Аполлодора.

Определенный материал по отдельным событиям лидийской истории, политике Лидии, ее культуре дают сохранившиеся произведения греческих поэтов VII—V вв. до н. э.: Алкмана и Гиппонакта, уроженцев Лидии, Алкея, Сапфо, Пиндара и др.

Много сведений содержат труды историков и географов. В первой книге «Истории» Геродота (V в. до н. э.) подробно говорится об истории Лидии. Лидийский «логос» (рассказ) Геродота базировался на личных впечатлениях

историка, уроженца Малой Азии, много по ней путешествовавшего, на рассказах греков-ионийцев, живших на западном побережье Малой Азии в непосредственном контакте с древними малоазиатскими государствами, а также на лидийских преданиях и легендах.

Ценные сведения по истории Лидии содержались в труде собственно лидийского историка Ксанфа (V в. до н. э.), однако труд этот не сохранился. Концепция его «Истории» и фрагменты сочинения легли в основу «Истории» греческого писателя Николая Дамасского (I в. до н. э.) и представляют надежные сведения о Лидии, ее обществе, политическом устройстве, культуре преимущественно в VII—VI вв. до н. э. Сведения Ксанфа о Лидии использовались также историками Дионисием Галикарнасским, Стефаном Византийским, географами Эратосфеном и Страбоном.

Ксенофонт, греческий историк V—IV вв. до н. э., оставил в своих произведениях «Анабасис» и «Киропедия» ряд сведений о географии Малой Азии, обычаях населявших ее народов, истории Лидии, особенно о войне лидийского царя Креза с персидским царем Киром II в VI в. до н. э.

Широкий круг сведений о Малой Азии, как географических, так и исторических, содержит «География» Страбона (I в. до н. э.— I в. н. э.). Автор сам был уроженцем Малой Азии; странам и государствам, располагавшимся в древности на ее территории, посвящены три книги его труда: с XII по XIV.

Малоазийская ономастика в известной степени сохранилась в передаче греческих и латинских авторов. Глоссы из малоазиатских языков, в особенности фригийские глоссы, дающие ценный материал для изучения древних языков, сохранились в словаре у греческого лексикографа V в. н. э. Гесихия Александрийского, а также у Фотия, Стефана Византийского и других греческих и византийских ученых и в византийском лексиконе Суды. Отдельные сведения о Трое, Фригии, Лидии можно встретить в трудах греческих и римских поэтов, писателей, философов: Платона, Плиния Старшего, Павсания, Лукана, Лукиана и др.

Глава XIII
УРАРТУ И ЗАКАВКАЗЬЕ

§ 1. Ассирийские источники

Ассирийские царские анналы безусловно являются основным источником по истории Урарту до конца IX в.

до н. э., когда возникает письменность на урартском языке и появляются первые надписи урартских царей. Правда, в надписях правителей Среднеассирийской державы само Урарту упоминается крайне редко (оно в форме «Уруатри» фигурирует лишь в надписях Салманасара I — середина XIII в. до н. э.), но для истории Урарту несомненно имеют первостепенное значение надписи, говорящие о походах в «Страны Наири». Последнее являлось общим, неопределенным названием территории, лежащей к северу от Ассирии, вокруг Ванского и Урмийского озер. Интересные сведения об этой области, о находившихся здесь политических и этнических образованиях, о возникавших крупных союзах племен Наири имеются в анналах (сохранившихся частично во фрагментах) ассирийских царей Адад-нерари I, Салманасара I, Тукульти-Нинурты I (XIV—XIII вв. до н. э.). Особенно пространными и интересными являются описания походов в Наири Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н. э.) в его знаменитой «надписи на призме». Надпись содержит богатый этно- и топонимический материал, имена некоторых «царей» стран Наири, дает ценные сведения по истории племен, вошедших впоследствии в состав Урартского государства. В частности, можно заключить, что в это время на обширной территории «Наири» главенствовало находившееся в верховьях Западного Евфрата объединение Дайаени («Диаухи» более поздних урартских источников). Сведения о захваченной в этой области добыче, в частности скота, дают возможность судить о хозяйстве населения данного края.

В ассирийских источниках XI—X вв. до н. э. почти нет сведений о северных областях, поскольку ослабевшая к этому времени Ассирия не ведет наступательных войн в этом направлении. А с IX в. до н. э., когда возобновляются такие походы, в анналах ассирийских царей вновь начинают фигурировать страны Наири, в первую очередь Урарту. Описания многочисленных походов против Наири имеются в анналах Ашшурнацирапала II, несколько столкновений с Урарту — в надписях Салманасара III (оба — IX в. до н. э.). Северные страны, взаимоотношения с ними занимают значительное место в надписях и более позднего времени. Особенно пространно об Урарту речь идет в победных реляциях Тиглатпаласара III и Саргона II, когда ассирийцы вели успешное наступление против этого государства. Среди них следует особо отметить текст так называемой «Луврской таблички», пространно излагающий в виде письма Саргона II к богу Ашшуру события его

VIII похода (714 г. до н. э.) против Урарту. Более малочисленны упоминания Урарту в ассирийских анналах VII в. до н. э.— это в основном сведения о посещении урартскими послами ассирийского царского двора с мирной миссией в анналах Ашшурбанапала.

Наряду с нарративными историческими источниками сведения об Урарту содержатся в списках ассирийских эпонимов, содержащих хорошо датируемые указания о «походах в Урарту» или в соседние с ним страны, а также в многочисленных разведывательных донесениях — письмах ассирийских лазутчиков, посылаемых с северных пограничных областей царскому двору в правление Саргона II. Эти письма из ассирийского царского архива содержат важные сведения о войне урартов с киммерийцами, о восстаниях урартских областеначальников против своего царя Русы I и т. д. Наконец, весьма важное значение имеют знаменитые запросы ассирийского царя Асархаддона (681—669 гг. до н. э.) к оракулу бога Шамаша по политическим делам. Эти материалы содержат интересные сведения о внешнеполитической активности Урартского царства при царе Русе II, о киммеро-урартском союзе и т. д.

Важное значение для понимания некоторых явлений последнего периода истории Урарту имеют упоминания этой страны в поздневавилонских документах (в частности, в так называемой «Хронике Гэдда»), в Библии, а также в вавилонской версии Бехистунской надписи ахеменидского царя Дария I.

§ 2. Урартские надписи

Богатый материал по внешнеполитической деятельности (военные походы), строительной, ирригационной и другой мирной деятельности правителей Урарту содержат урартские надписи (известно около шестисот). Преобладающая часть их составлена клинообразным письмом, заимствованным урартами от ассирийцев. В Урарту была в употреблении также система местного иероглифического письма, которая, однако, имела весьма ограниченное применение (ею обозначалась емкость на разных сосудах, имеется также несколько табличек с этими письменами). Клинообразное письмо урартами было применено для составления надписей на урартском языке впервые, видимо, при царе Ишпуини (последняя четверть IX в. до н. э.). При его предшественнике Сардури I надписи составлялись на ассирийском языке — до нас дошло несколько таких

надписей о строительстве на камнях Ванской цитадели. И позже иногда урартские цари свои надписи составляли, наряду с урартским, также и на ассирийском языке (ассиро-урартские билингвы Келяшина и Топузава в районе совр. Ревандуза в Приурмийском районе, где ассирийское влияние было особенно сильно). Ассирийская клинопись при этом подверглась некоторому упрощению: было заимствовано ограниченное количество знаков, полифония была также ограничена — знаки имели всего несколько фонетических или идеографических значений. Возникло некоторое различие в форме знаков, обусловленное тем, что основным материалом для письма в Урарту служил камень (надписи высекались на каменных стелах, строительных камнях, на скалах). Клинья приняли форму правильных треугольников (в отличие от ассирийских знаков с головкой и со стержнем). Было упразднено также пересечение одних клиньев другими. В таких случаях урартское письмо делит пересекаемый клин на два самостоятельных клина. Впрочем, нередко встречаются урартские надписи, сделанные не этим специфически урартским, а ассирийским видом клинописи.

До нас дошло небольшое количество глиняных табличек, на которых имеются урартские надписи, выполненные своеобразным клииообразным письмом, близко стоящим к поздним хурритским, поздним среднеассирийским и ранним новоассирийским почеркам. По своему содержанию это в основном разные письма и деловые документы.

Имеются выполненные в основном «урартским видом» клинописи краткие надписи на металлических предметах (посвятительного характера или же указывающие на принадлежность предмета).

По своему содержанию урартские царские надписи (дошедшие до нас надписи, как правило, царские) можно разделить на победные, строительные и культовые. По объему победные надписи, т. е. надписи, повествующие о военных походах и одержанных царями победах, составляют подавляющую часть урартского эпиграфического материала. Среди них имеются надписи, посвященные описанию тех или иных походов, и целые летописи, повествующие о военных действиях в течение многих лет царствования. До нас дошел фрагмент такой летописи царя Менуа. Текст летописи Аргишти I имеется в двух экземплярах: 1) высеченная на западной стороне Ванской скалы (на так называемой Хорхорской скале) большая надпись и 2) высеченная на двух больших камнях, открытых в церк-

ви Сурб Сахак в городе Ване. Они дополняют друг друга (хотя частично содержат идентичный текст) и позволяют восстановить строение всей летописи. Как и анналы Аргишти I, текст летописи Сардури II известен в двух экземплярах: 1) это многочисленные надписи из западной ниши Ванской скалы, исследованные экспедицией 1916 г. Н. Я. Марра и И. А. Орбели, и 2) надписи на двух камнях, найденных в Ване, в церкви Сурб Погос. Эти два текста дополняют друг друга и также дают возможность восстанавливать структуру всей летописи.

Для урартских надписей характерна лаконичность и строгая трафаретность. В течение двух с лишним столетий в этих надписях сохраняется трафаретное строение, события излагаются одной и той же трафаретной фразеологией. По этому признаку даже летописи мало чем отличаются от надписей, посвященных описанию отдельных конкретных походов. Во всех этих надписях можно разграничить начало, центральную часть и концовку.

Начало надписи в победных (как, впрочем, и в строительных и культовых) надписях посвящено божеству: хвала ему, призыв царя к богам о помощи, подчеркивание факта помощи божества составляют смысл начальной части надписей. Победные надписи часто начинаются заглавной декларацией, смысл которой в том, что в поход выступает само божество — верховный бог урартов Халди — и побеждает ту или иную страну для царя. Это его мощью борется и побеждает царь, это он (могучий обладатель могучего оружия) предшествует войску царя. Одним словом, субъектом излагаемых в надписи событий рисуется бог Халди.

Центральная часть победных надписей посвящена изложению военных действий и их результатов. Она также состоит из трафаретных выражений, в которые вставляются названия завоеванных стран и городов, побежденных «царей», количество захваченной добычи и пленных. Как правило, соблюдается следующая последовательность. Началом служат сообщения о собирании войска или о выступлении в поход на какую-нибудь страну. Вслед за этим стоит лаконичная формула о завоевании страны или племени, города. Дальше дается картина разгрома завоеванной страны: разрушение, сожжение и разорение крепостей, городов или страны, умерщвление или угон в плен населения захваченной страны, перечисление захваченной добычи (преимущественно скота). Дальше речь идет о наложении или получении дани, иногда о явке побежден-

ного правителя урартскому царю. В летописях описание походов каждого года заканчивается фразой: «Для бога Халди эти дела я за один год совершил». Летописи имели также свое общее начало и конец. Начинались они посвящением богу Халди, вслед за посвящением стояло упоминание царя с генеалогией и титулатурой, затем формула проклятья, кончались летописи также этой формулой. Победные, а также строительные надписи вообще часто оканчивались формулой проклятья или упоминанием царя с генеалогией и титулатурой, иногда же и тем и другим вместе, причем первым стоит упоминание царя и последним — формула проклятья.

Часть строительных надписей лишена какого-нибудь особого начала и конца и состоит лишь из констатации факта строительства. Однако другие имеют вводную формулу и окончание или одно из них. Введение и здесь посвящено божеству, в конце же стоит наименование царя с генеалогией и титулатурой и (или) формула проклятья. Порой к этому добавляются различные культовые реляции. Центральную часть надписи образуют фиксация деяний царя — строительство, проведение каналов, устройство садов, виноградников, посевов и т. д.

Внушительную часть культовых надписей составляют посвятительные надписи. Стела с посвящением божеству, очевидно, считалась культовым объектом, посредством которого испрашивались от бога для царя благоденствие, жизнь, радость, величие и т. д. Приведем фрагмент надписи Менуа, сообщающий об установлении им стелы богу и испрашивающий всякие блага от него для себя и для своего сына Инушпуа: «Богу Халди, владыке, Менуа, сын Ишпуини, эту стелу воздвиг. Да будет со стороны бога Халди Меиуа, сыну Ишпуини и Инушпуа, сыну Менуа, жизнь, радость, величие». В надписях, повествующих о строительстве, часто встречаются культовые реляции — перечисление совершенных или устанавливаемых отныне жертвоприношений.

Урартские надписи по стилю весьма близки к ассирийским царским надписям, особенно ранней, предшествующей Саргонидам эпохи, для которых характерной является именно трафаретность и лаконичность изложеиия: они лишены индивидуальности и пользуются традиционным аппаратом, происшедшие события помещают в установленные традицией рамки введения и окончания, в продолжеиие веков используют одни и те же формулы, одни и те же выражения, одни и те же картины и сравнения. Много

общего у урартских надписей с ассирийскими надписями этой эпохи и по строению, содержанию, трафаретной фразеологии. Многое здесь (в том числе реляции к богам, царская титулатура, формула проклятья и т. д.) является калькой с ассирийского. Следовательно, основной поток ассирийского влияния относится уже к эпохе возникновения письменности на урартском языке. При этом следует отметить, что в урартских надписях трафарет имеет более всеобъемлющий характер: круг трафаретных формул более узок, трафаретная фразеология занимает намного большую часть надписи и т. д. Исключительная близость по содержанию и фразеологии между урартскими и ассирийскими надписями является результатом близости социального, государственного устройства, а также культуры между этими двумя государствами.

В урартских исторических источниках наблюдается также некоторая близость к хеттской анналистике — имеется ряд трафаретных формул, более близко стоящих к хеттскому, чем к ассирийскому. Видимо, не исключена возможность влияния хеттской анналистики (посредством скорее хурритского связующего звена) на формирование стиля урартских надписей.

§ 3. Археологические источники

Археологические источники представляют собой один из важнейших видов источников по истории Урарту. Археологическое исследование памятников урартской цивилизации началось только в XX в. Богатый материал дали раскопки в Ване (1898—1899), К. Ф. Леман-Хаупта и В. Белька, а затем экспедиции Российской Академии наук под руководством Н. Я. Марра и И. А. Орбели (1916). С конца 30-х годов начались крупные раскопки экспедиции, возглавляемой Б. Б. Пиотровским, урартского центра Тейшебаини (совр. Кармир-блур на окраине Еревана). Много ценного дали также раскопки крепости Эребуни (совр. Арин-берд на другой окраине Еревана). Наиболее изученными являются северные центры государства (расположенные на территории советской Армении), южные центры изучены много слабее. Исследовались города, крепости, некрополи, инженерные сооружения. Практически неизученными остаются сельские поселения.

Археологические материалы прежде всего помогают выяснить общие линии развития урартского общества и

государства. Они показывают, в частности, процесс становления и развития городов, что само по себе является важнейшим свидетельством прогресса урартского общества. Кроме указанных выше выявлены и исследуются Аргиштихинили, Топрах-кале и ряд пунктов вокруг озера Ван (особое значение имеет обнаружение Зернаки-депе), Алтын-депе и другие урартские города. Процесс урбанизации, отражающий усложнение социально-экономической структуры урартского общества, засвидетельствован, таким образом, большим числом городских центров. Территория городов обычно достаточно велика: от 30 до 200 га (Аргиштихинили — даже 400—500 га). Археологические исследования показывают сложную структуру городов: цитадель (иногда две цитадели), собственно город и полусельский пригород.

Так, в частности, археологические источники свидетельствуют, что примерно на рубеже VIII—VII вв. до н. э. наблюдается упадок значительного числа старых, возникших в IX и начале VIII в. до н. э. городских центров, возрастание роли новых городских центров (Тейшебаини, Русахинили). Этот процесс практически не нашел отражения в письменных источниках. Вместе с тем в годы падения государства Урарту (рубеж VII—VI вв. до н. э.) сильнее всего страдают новые центры, а старые, несколько оправившиеся к этому времени,— гораздо меньше.

Археологические исследования говорят о далеко зашедшем процессе классообразования, об экономической и политической мощи царской власти. Свидетельством этого могут служить и мощные укрепления цитаделей, отделяющие их от территории собственно города, и великолепие построек цитаделей — дворцов и храмов. Однако, пожалуй, наиболее яркие материалы дают царские сокровищницы. Царская сокровищница Кармир-блура (Тейшебаини) была разграблена во время взятия города, но то, что осталось после грабежа и было обнаружено в ходе раскопок, свидетельствует об огромных богатствах, хранившихся здесь. Экономическую мощь царского хозяйства показывают размеры складских помещений, находившихся в цитаделях. В Аргиштихинили хранилось не менее 5000 т пшеницы, в девяти складах Тейшебаини — не менее 500 000 л вина.

Для исследования социальной структуры урартского общества важнейшие материалы дает изучение жилища. Выявлены следующие их типы: жилые дома военно-административной верхушки; особняки полноправных членов

общества; несколько вариантов жилищ зависимых категорий населения.

Местом обитания военно-административной верхушки города Тейшебаини был большой дом, расположенный в юго-восточной части города. В Аргиштихинили исследовались дома, принадлежавшие свободным, полноправным, ведущим свое хозяйство жителям этих городов. Эти особняки состояли из большого числа помещений (до 20) общей площадью до 700 кв. м. Ядром дома служил большой квадратный или прямоугольный зал (площадь обычно 70—80 кв. м). В центре его располагался очаг, имелось специальное место для религиозных церемоний, выложенные из камня скамьи. Вокруг зала располагались жилые помещения, кухни, склады и др. В некоторых из этих домов имелись помещения для содержания 30—40 голов мелкого рогатого скота, склады для хранения не менее 12—13 тыс. л вина и т. д. Имеются археологические свидетельства того, что жители этих домов занимались также ремеслом (гончарным, металлообработкой и т. д.). Считается, что каждый такой дом был занят большесемейной общиной, ведущей самостоятельное общее хозяйство. Центральный зал являлся местом собраний общины. Вместе с тем потребление было уже раздельное, о чем говорит наличие нескольких кухонь.

Дома более низких по социальному статусу и имущественному положению жителей найдены в Тейшебаини и Аргиштихиили. В Тейшебаини выявлена специфическая группа домов, занимавших два квартала. Каждое жилище состояло из трех помещений (одно из них было главным). В них располагались глиняные тондыри, каменные очаги, разнообразная утварь. Отсутствие помещений для скота и хранения сельскохозяйственных продуктов привело исследователей к выводу, что в этих домах жили люди, не имевшие собственного хозяйства, а жившие за счет государственного довольствия,— вероятно, воины, охранявшие цитадель. Близкую картину мы наблюдаем и в цитадели Аргиштихинили, где по всем сторонам центрального двора цитадели располагались абсолютно стандартные помещения (4,85×4 м). Жившие здесь люди (видимо, воины гарнизона) также снабжались государством, но их ранг был ниже, чем у воинов Тейшебаини, поскольку каждый из них имел только одну комнату.

Наконец, жилища самых низких категорий населения обследовались в Аргиштихинили. Эти жилища имеют простейшую планировку (одна комната с отгороженной сте-

ной маленькой кладовой), «прилеплены» к основным сооружениям, сделаны кое-как, несут следы производственной деятельности их обитателей (гончарные круги, грузила от ткацких станков, костяные орудия ткачей, обломки железных серпов, ножей, крючьев и т. д.). Можно полагать, что и эта категория жителей также жила за счет довольствия.

Археологические материалы позволяют представить некоторые важные особенности экономики Урарту. Политика урартских царей была направлена на хозяйственное освоение принадлежащих им территорий. Важнейшую роль в этом играло ирригационное строительство. Во многих местах зафиксированы остатки каналов, плотин, искусственных водохранилищ урартского времени. Некоторые из них, например так называемый «канал царицы Шамирам» возле Тушпы, функционируют до настоящего времени.

Только археологические материалы показывают многообразие сельскохозяйственных культур Урарту: мягкая пшеница, многорядный ячмень разных сортов, просо, сорго, кунжут, горох, рожь, конские бобы, чечевица, нут, яблоки, груши, алыча, айва, вишня, персики, гранат, арбуз, разнообразные сорта винограда. Остеологические материалы говорят о характере скотоводства урартов: крупный рогатый скот, овцы двух видов (один — мериносы), лошади, козы, свиньи, домашняя птица (куры, водоплавающие), ослы, верблюды. Сведения письменных источников по этим вопросам менее подробны.

Археологические материалы дают сведения и для суждения о переработке сельскохозяйственных продуктов: обнаружены зернотерки, печи для хлеба и сами хлеба и лепешки (из непромолотого зерна проса), пшенная каша; сосуды для приготовления пива из проса и ячменя, мастерские по выработке кунжутного масла и вина; маслобойки; приспособления для приготовления сыра.

Об уровне и характере ремесла можно судить по орудиям труда и ремесленным мастерским, а также и самим произведениям ремесленной деятельности. Интересные наблюдения были сделаны при исследовании так называемого «дома бронзолитейщика-кузнеца» в Аргиштихинили (конец VIII в. до н. э.): 1) эта мастерская не входила в состав царского или храмового хозяйства, а являлась частным предприятием, обслуживающим нужды рядового населения города; 2) в ней были сосредоточены все стадии обработки металла, кроме самой первичной (производимой, видимо, непосредственно у рудников); 3) в мастер-

ской работали как с бронзой, так и с железом; 4) для нее характерен очень широкий ассортимент производимой продукции — она служила для удовлетворения практически всех нужд в обычных металлических предметах, потребных в быту и хозяйстве рядового населения города; 5) археологические материалы говорят об успешной деятельности мастерской, свидетельством чего является постоянное ее расширение.

Для понимания характера урартского ремесла и его технического уровня важное значение имеют наблюдения над произведениями искусства, орудиями труда и оружием. Урартские бронзовые скульптуры отливались по восковой модели, для дополнительного украшения использовались чеканка, золочение, широко применялись ковка, склепка из прокованных листов, пайка.

Аналогичные наблюдения делались и над обработкой камня, дерева, кости. О высоком уровне развития урартской металлургии и больших масштабах производства металла свидетельствуют ассирийские хроники, говорящие о захвате большого количества различных металлов и изделий из них при взятии урартских городов.

Археологические материалы позволяют осветить проблемы обмена, хотя не всегда ясно, каким образом появлялись на территории Урарту предметы иноземного происхождения — в результате торговли или, например, в виде добычи, захваченной в ходе военных походов. Тем не менее обилие иноземных вещей заставляет думать об очень активных внешних связях. При раскопках обнаружены вещи из Восточного Средиземноморья (в частности, с острова Родос), Ассирии, Ирана, Египта, Северного Кавказа. Урартские вещи, главным образом металлические сосуды и произведения торевтики, зафиксированы в Малой Азии (в частности, в Гордионе), на ряде островов Эгейского моря (Родос, Самос), в материковой Греции (Дельфы, Олимпия), даже в Этрурии.

Для суждения об идеологии урартского общества важное значение имеют наблюдения над произведениями монументального искусства (скульптура, рельеф, живопись).

Таким образом, археологические материалы служат важным источником для понимания истории Урарту, дополняя и расширяя сведения письменных источников, а иногда и указывая на явления, совершенно не зафиксированные в них.

§ 4. Государства Закавказья второй половины I тысячелетия до н. э.

По данному периоду синхронными являются преимущественно источники иноземного происхождения. Еще в ассирийских и урартских текстах встречаются отдельные названия племен и племенных союзов Закавказья — Диаухи/Дайаени, Кулха, месхи/мушка и др. Некоторые из них удается сопоставить с сообщениями античных авторов и позднейшими этническими наименованиями. Важное значение имеет упоминание восстания в Армении (Армина) в Бехистунской надписи Дария I.

Довольно обширные сведения о Закавказье содержатся у ряда античных авторов, однако эта информация весьма неравномерно освещает различные периоды и районы. Более подробно рассказывается о тех областях, с которыми греки, а впоследствии римляне имели тесные контакты. Греческие историки повествуют главным образом о Западной Грузии — Колхиде, где уже в середине I тысячелетия до н. э. находились процветающие греческие эмпории (Фасис, Диоскуриада). Мифы о богатствах Колхиды сохранились в позднейшей традиции («Аргонавтика» Аполлония Родосского и др.). Геродот сообщает предание о происхождении армян (связи их с фригийцами). Важным источником по Армении служит «Анабасис» Ксенофонта, поскольку автор сообщает о том, что сам имел возможность наблюдать. Некоторые сведения об Армении в «Киропедии» подтверждаются армянской традицией. Имелся материал об Армении также у Ктесия. Расширению знаний греков о Закавказье способствовало образование державы Александра Македонского. В начале III в. до н. э. по поручению Селевка Никатора Патрокл составил описание Прикаспийских областей (Кавказской Албании). Отчет Патрокла был активно использован Эратосфеном и Посидонием, сочинения которых, в свою очередь, послужили источниками для Страбона. В I в. до н. э. после походов Лукулла и Помпея, а затем Марка Антония области Закавказья вновь привлекли внимание античных писателей. К спутникам Помпея и Антония (Феофан Митиленский, Деллий) также восходит часть информации, даваемой Страбоном. В связи с активизацией дипломатических связей Армения часто упоминается у писателей ранней империи (Тацит, Плутарх, Иосиф Флавий, Дион Кассий и др.), однако сведения их о древности немногочисленны, а о современности нередко отличаются тенденциозностью

(проримской направленностью). Из географических трудов эпохи империи помимо Страбона могут быть названы сочинения Плиния Старшего, Птолемея, дорожник Исидора Харакского и так называемая «Певтингерова таблица» IV в.

Из других иноземных источников значительный интерес представляет сирийская литература, поскольку сирийцы в конце древности и в раннем средневековье были тесно связаны с армянами. Известно, что основоположник сирийской христианской литературы Бар-Дайсан (Бардесан) во II—III вв. занимался миссионерской деятельностью в Армении и написал «Историю Армении». Отдельные сведения из его труда отразились как в греческой христианской литературе (Евсевий), так и в армянской (Моисей Хоренский). Сирийская историография и житийная литература раннего средневековья содержит материал преимущественно о позднейшей истории Армении.

Среди богатой и разнообразной армянской историографии раннего средневековья особое значение для истории не только самой Армении, но и сопредельных областей имеет труд Мовсеса Хоренаци (Моисея Хоренского). Он излагает историю Армении с мифических времен (с Хайка, сына Торгома, потомка библейского Яфета) и доводит ее до 428 г. В V в., по-видимому, и была составлена «История». Основными источниками Моисея Хоренского являлись устные предания как мифического, так и эпико-легендарного характера. Армянские генеалогические предания автор стремится связать с библейскими генеалогиями. Хотя «История» принадлежит к христианской литературе, в ней ясно чувствуется древняя языческая культура. Помимо устных сказаний важным источником служили для Моисея Хоренского сочинения византийских и сирийских писателей, н для некоторых частей его труда византийские историки являлись образцом. Рассказ о первом армянском царе Паруйре, вероятно, содержит отголоски борьбы с Ассирией. Так же как и в произведениях устного народного творчества, у Моисея Хоренского изложение событий концентрируется вокруг излюбленных героев. В его сочинении Тиграну Ервандиду, например, приписываются деяния Тиграна Великого. Историческое повествование при этом нередко сливается с мифологическим: рассказывается между прочим о борьбе Тиграна Ервандида с драконом — Аждахаком.

К IV—V вв. относятся и другие памятники древнеармянской историографии — сочинения Фавста Бузанда, Агафангела (Агатангехоса), Егише (Елисея) и др. Большая часть их посвящена позднейшим событиям — прежде всего

борьбе с Сасанидами, — но иногда содержится и ценная информация о древнейшем периоде, прежде всего у Фавста Бузанда, сведения которого должны сопоставляться с сообщениями Моисея Хоренского. При анализе этих трудов следует учитывать известную тенденциозность изложения, объясняемую приверженностью историков к различным аристократическим родам. «История агван» Мовсеса Каганкатваци (X в.) содержит сведения о древнейшей истории Кавказской Албании.

Древнегрузинская историография представлена главным образом двумя обширными сводами хроник. Анонимная «Мокцевай Картлисай» («Обращение Картли»), датируемая последней третью I тысячелетия, содержит список картлийских царей со времен Александра Македонского до IV в. н. э. и описание их деятельности, прежде всего строительной, а также некоторые важные сведения географического и этнографического характера. В своде XI в. «Картлис цховреба» («Повествование о царях Картли») Леонти Мровели содержатся предания о происхождении грузин, о диадохах и строительстве столицы — Армази. В ряде случаев удается заметить зависимость хрониста от сочинения Моисея Хоренского и других сохранившихся памятников.

Все большее значение приобретают археологические источники по истории древнего Закавказья (при этом надо заметить, что археологически территории советских республик изучены несравненно полнее, чем прилегающие области Турции и Ирана).

На территории Армении в послеурартское время наблюдается упадок городов, однако исследования последних лет позволяют говорить, что поселения на месте урартских городов сохранялись. В частности, Аргиштихинили в ахеменидское время, по-видимому, стал культовым центром, и не случайно именно здесь позднее выросла столица Ервандидов Армавир. Имеются даниые о продолжении существования в армянский период городов Эребуни и Тушпы (Вана). В III в. до н. э. был основан крупнейший армянский город Ервандашат. Недавно проведенные раскопки в Шимшат-калеси (Турция) вскрыли, возможно, остатки города Аршамашата.

Появление в середине I тысячелетия до н. э. (VI—III вв.) монет-колхидок в Западной Грузии, по мнению многих ученых, свидетельствует о возникновении классового общества и государства. Такой же вывод делают иногда и относительно Восточной Грузии, основываясь, иапример, на материалах богатых погребений в Казбеги, Ахалгори и др.

Археологический материал становится значительно обильнее в последние века до новой эры и в начале новой эры. Можно отметить такие выдающиеся памятники, как Гарни — летняя резиденция армянских царей I в. н. э. (храм и остатки крепостных стен), храмовый город Колхиды Вани, могильники Мингечаура и многие другие. Имеется и важный эпиграфический материал — греческие надписи, найденные в Вани, в Гарни и других местах, арамейско-греческие надписи в Армази, четырнадцать арамейских надписей на межевых камнях армянского царя Арташеса I (II в. до н. э.). Но эти памятники связаны уже с античной культурой и выходят за хронологические пределы курса истории Древнего Востока.

Глава XIV
ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

§ 1. Общая характеристика

Восточным Средиземноморьем условно называется территория, соответствующая современным государствам Сирии, Ливану, Израилю, Иордании, а также Юго-Восточной Турции.

До завоевательного похода Александра Македонского Восточное Средиземноморье проделало длительный и сложный путь исторического развития. Насколько об этом можно судить, его население с конца IV — начала III тысячелетий до н. э. принадлежало к ханаанейской подгруппе северо-западных семитских языков. Со второй половины III тысячелетия до н. э. в ряде областей Ханаана поселились амореи. Крупнейшими аморейскими обществами были царства Амурру и Угарит, расцвет которых приходится на II тысячелетие до н. э. Значительную часть населения Ханаана, в особенности на севере региона, в III—II тысячелетиях до н. э. составляли хурриты. Со второй половины II тысячелетия до н. э. в Ханаан начинают проникать семитские племена арамеев. Они постепенно ассимилировали местное ханаанейско-аморейское население; арамейский язык стал общим языком всего населения Восточного Средиземноморья и впоследствии официальным канцелярским языком Ахеменидской державы. Ханаанейский язык сохранился только на финикийском побережье Средиземного моря. Как язык населения Северного Ханаана (собственно Сирии) арамейский язык после похода Александра Маке-

донского функционировал параллельно с греческим. В Палестину во второй половине II тысячелетия до н. э. вторгся союз племен Израиля. Ханаанейское и аморейское ее население было частично уничтожено, частично ассимилировано древними израильтянами. Результатом взаимодействия этих этнических групп стал язык Библии, который его носители первоначально называли ханаанейским и иудейским, а позже — еврейским (иврит). Как разговорный язык он с середины I тысячелетия до н. э. сосуществовал рядом с арамейским, однако постепенно был вытеснен им, а также другими языками и сохранился как язык иудаистской религии и словесности.

В III—I тысячелетиях до н. э. обитатели Восточного Средиземноморья жили общинами, развившимися в крохотные города-государства. На протяжении длительного времени они находились под чужеземным господством — египетским, хеттским, ассирийским, вавилонским, персидским. Однако при благоприятных обстоятельствах здесь возникали небольшие государства.

Несмотря на то что религиозные представлеиия различных обществ Восточного Средиземноморья, их образ жизни, языки, обычаи были близки друг к другу, общиость культур (в отличие от эллинского мира) не была осознана, а процесс формирования этнического и культурного единства не был завершен. Даже в эпоху эллинизма, с характерным для нее отмиранием этнических перегородок и господством греческой культуры, разница между финикийцами, сирийцами-арамеями, иудеями и греками отчетливо ощущалась.

Все отмеченные обстоятельства, и прежде всего отсутствие культурного и политического единства, сказались на состояиии источников по истории даниого региона.

Археологнческое изучение Палестины и Заиорданья началось путешествиями У. Я. Зеетцена (1805—1807), И. Л. Буркхардта (1801—1812) и С. Л. Ирби и Дж. Маигльса (1817—1818). У. Я. Зеетцен открыл и описал ряд древних городов Заиорданья, в том числе Кесарею Филиппову; И. Л. Буркхардт открыл Петру — столицу Набатейского государства; С. Л. Ирби и Дж. Мангльс открыли развалины Арк ал-Амира. В 1838 г. путешествие по Палестиие совершили Э. Робинсон и Э. Смит, положившие начало исследованию исторической географии страны и раскопкам Иерусалима. Значительную роль сыграл Ш. Клермон-Ганно, открывший, в частности, иадпнсь моавитского царя Меши (1870). В конце XIX в. важные раскопки в пункте Телль

ал-Хеси осуществил У. М. Флиндерс Питри; основываясь на расположении в отдельных археологических слоях различных видов керамики, он при участии Ф. Дж. Блиса разработал методику и принципы «керамической хронологии» (датировка отдельных памятников и слоев по содержащейся в них керамике). Заметным шагом вперед в изучении палестинских древностей были раскопки Гезера под руководством Р. А. С. Макалистера (1902—1909), Мегиддо под руководством Э. Зеллина (1901—1904) и Шумахера (1903—1905). В 1907—1909 гг. проводились раскопки Иерихона Э. Зеллином и К. Ватцингером. В 1929—1936 гг. исследование Иерихона было продолжено Дж. Гарстэнгом и в 1952—1958 гг. — К. Кенион. Важные материалы по древней истории Палестины дали раскопки Лахиша под руководством Дж. Старки (1932—1938), Бет-Шеана (1921—1935; их возглавляли К. С. Фишер, А. Роу и Дж. Фицджеральд), Телль Бейт-Мисрима (1926—1932; У. Ф. Олбрайт и М. Дж. Кайл). В 1946 г. Р. де Во начал археологические работы в Телль Фара. В 30—50-е годы XX в. археологическое обследование Заиорданья и Южной Палестины проводилось Н. Глюком. Особое место в археологическом изучении Палестины заняли раскопки Хацора И. Ядином (1955—1958, 1968) и Рамат-Рахелем (1959—1962); и Арада — И. Ахароном и Р. Амиран (1962—1967).

В Араде — крупном центре Южной Палестины — найдены остатки города эпохи ранней бронзы (ок. 2900—2700 гг. до н. э.), окруженного мощной каменной стеной. Новое поселение с храмом возникло здесь в XI в. до н. э. X веком до н. э. (время царя Соломона) датируется крепость, просуществовавшая до VI в. до н. э. В северозападном углу крепости открыт храм, близкий по своему плану соломонову храму Яхве в Иерусалиме и библейскому описанию «скинии завета». Наиболее значительным результатом раскопок в Бет-Шеане явилось открытие серии храмов, построенных египтянами, но посвященных местным богам, а также базальтового рельефа с изображением схватки льва и охотничьего пса. Раскопки Хацора позволили исследовать центр крупного ханаанейского города первой половины II тысячелетия до н. э. (Северная Палестина). Здесь особенно важно святилище, найденное в нижнем городе, со статуэтками и посвятительными стелами. На одной из них показаны руки, протянутые к полумесяцу — символу лунного божества. При раскопках Иерихона найдены остатки одного из древнейших городов на земле, который датируется VIII—VII тысячелетиями до н. э. Раскопки в Мегиддо по-

зволяют проследить историю города от эпохи халколита (IV тысячелетие до н. э.) до середины I тысячелетия до н. э. Среди памятников, открытых здесь, наиболее значительны храмы эпохи ранней бронзы, земляная насыпь гиксосского времени и дворец (XVIII—XVI вв. до н. э.). К амарнской эпохе относятся многочисленные изделия из слоновой кости (в том числе табличка с процарапанным на ней изображением триумфа царя Мегиддо над его врагами), золота и серебра. Началом I тысячелетия до н. э. датируются городские ворота и дворец наместника, а также конюшни для царских лошадей, построенные в царствование Соломона. В Сихеме наиболее значительны двойные стены и храмы гиксосского времени.

Начало систематическому археологическому изучению Финикии положила археологическая экспедиция, которую возглавил Э. Ренан (1860). Она вела работы в Арваде, Библе, Сидоне и Тире. Следует отметить в дальнейшем открытие храма Эшмуна в непосредственной близости от Сидона (экспедиция М. фон Ландау в начале XX в. В настоящее время работы продолжал М. Дюнан). Здесь найдена платформа, на которой были воздвигнуты храм эпохи Ахеменидов и трибуна для жреца, ведавшего сакральной церемонией. С 1921 г. велись раскопки в пункте Умм ал-Авамид неподалеку от Тира. Однако наибольший интерес представляют раскопки Библа под руководством П. Монте (1921—1924) и М. Дюнана (после 1926 г.). Обнаружены храм местного божества, а также многочисленные египетские памятники. С 1929 г. Кл. Ф.-А. Шеффером велись раскопки холма Рас-Шамра, где прежде находился Угарит. Работы продолжаются и в настоящее время. В ходе исследования была выявлена планировка города, открыты царские дворцы (в том числе загородный) и храмы богов Балу и Дагану. Значительный интерес представляют произведения искусства, керамика и печати, указывающие на связи Угарита с Египтом, Эгейским миром, Малой Азией и Месопотамией.

Существенным результатом раскопок в Палестине и Финикии было открытие системы укреплений гиксосского времени, а также памятников искусства (барельефы, статуи, резьба слоновой кости), позволяющее говорить о мощном египетском влиянии на сиро-палестинский регион во II—I тысячелетиях до н. э.

Археологическое изучение глубинных районов собственно Сирии практически еще только начинается. В 1921 г. М. Пейзаром были предприняты раскопки Кадеша (совр. Телль Неби Менде), а в 1924 и 1927 гг. — раскопки Катны

(совр. Телль Мишрифе), которые возглавил Р. де Мениль дю Бюиссон. В Катне был найден, в частности, большой храм месопотамской богини Нингаль, культ которой был распространен, по-видимому, в Сирии повсеместно. Особенно важны раскопки Хамата (совр. Хама) в 1932—1938 гг. Х. Ингхольтом, обнаружившие погребения от неолита до эпохи позднего железа; Алалаха (совр. Тель Атчана) в 1937—1949 гг. под руководством Л. Вулли; Эблы (совр. Телль Мардих) в 1964—1975 гг. под руководством П. Маттиэ и Дж. Петтинато. Раскопки Алалаха познакомили исследователей с важным экономическим и политическим центром Сирии II тысячелетия до н. э., с планом города и памятниками материальной культуры. Эбла представляла собой центр ранее известного только по упоминаниям в исторических текстах Саргона Древнего и Нарам-Суэна, а также в протодинастическом шумерском хозяйственном тексте государства второй половины III — начала II тысячелетия до н. э. Археологические изыскания позволили выявить структуру города, открыть акрополь, царские дворцы и храмы местных богов.

§ 2. Памятники письменности

Интенсивное месопотамское влияние на Восточное Средиземноморье имело своим следствием широкое распространение там месопотамской клинописи и аккадского (в III тысячелетии до н. э., вероятно, шумерского) языка в качестве языка переписки и деловой документации.

Наиболее древним собранием письменных материалов, происходящих из Восточного Средиземноморья, является архив, найденный в Эбле и датируемый XXV—XXIII веками до н. э. Он содержит около 16 000 административных и хозяйственных документов, написанных палеоаккадским письмом, преимущественно по-шумерски (только 20% текстов — на местном языке). Среди материалов, обнаруженных в Эбле, имеются словари, песнопения, исторические повествования, две копии поэмы о Гильгамеше.

Собрание памятников письменности из Алалаха датируется XVIII—XVII веками до н. э. Оно включает административные и деловые документы на аккадском языке, в том числе всякого рода списки, документацию о раздачах, о купле-продаже, об обмене, о займах, об усыновлениях, а также судебные приговоры и межгосударственные соглашения, в том числе договор Никм-Эпа, царя Алалаха, с Ири Балу, царем Тунипа. Большой интерес представляет

автобиографическая надпись алалахского царя Идрими, повествующая о его приключениях и борьбе за власть.

Особое место среди документов, освещающих историю древнего Восточного Средиземноморья, занимает Телль-Амарнский дипломатический архив.

К архиву из Телль Эль-Амарны хронологически примыкают тексты из Угарита, основная масса которых датируется XIV—XIII веками до н. э. Среди них могут быть выделены по языку документы на аккадском, местном семитском (угаритском), хурритском и хеттском языках, а также написанные пока не дешифрованным минойским линейным письмом А. По своему содержанию они делятся на: деловые документы; частные письма; межгосударственные соглашения и переписку; списки, связанные со всякого рода взысканиями и раздачами. Другую группу текстов составляют записи угаритских поэтических повествований и мифов (о Керете, об Акхате, о Силаче Балу, о рождении богов и др.). В «доме Грамотея» и в архиве писца Рапанума найдены многочисленные литературные, гадательные и магические тексты, а также силлабарии и словари, служившие пособиями для писцов. Для писания по-угаритски и по-хурритски в Угарите пользовались консонантным клинообразным квазиалфавитным письмом. В середине II тысячелетия до н. э. клинописным квазиалфавитом писали и вне Угарита, однако к концу II тысячелетия до н. э. он был вытеснен финикийским линейным письмом.

В Библе под несомненным египетским влиянием сложилось и еще в середине II тысячелетия до н. э. функционировало линейное слоговое письмо («библская псевдоиероглифика»). Попытки дешифровать это письмо, предпринятые Э. Дормом и А. Йирку, оказались неудачными. Тем не менее в настоящее время очевидно, что финикийское квазиалфавитное консонантное линейное письмо восходит к библской псевдоиероглифике. Попытки создания аналогичных систем засвидетельствованы и вне Финикии (письменности Палестины, а также синайское письмо, пока не дешифрованное). В пределах Восточного Средиземноморья финикийская письменность вытеснила все остальные.

Общее число надписей, происходящих из финикийских городов, сравнительно невелико; в целом они мало информативны, хотя и содержат сведения о царских династиях отдельных городов и о религии финикийцев. Некоторые надписи дошли до нас в поврежденном состоянии. По своему содержанию финикийские надписи могут быть разделены на посвятительные, строительные и надгробные. Последние

содержат сведения о погребенном и обращенное к читателю требованне не открывать саркофаг. Нанболее значительными по содержанию являются надписи библских царей Ахирама и Яхавмилька, а также сидонских царей Табнита и его сына Эшмуназора.

Эпиграфические тексты из Палестины крайне немногочисленны. Надлежит отметить так называемый Гезерский календарь (X в. до н. э.), содержащий указания о последовательности сельскохозяйственных работ н их продолжительности, а также Силоамскую строительную надпись о сооружении подземного водопровода (ок. 1000 г. до н. э.), царские клейма и печати различных лиц. Раскопки 30—70-х годов XX в. выявили серию документов, написанных на обломках керамических изделий (остраконах). Среди них отметим так называемую жалобу жнеца, содержащую письмо сельскохозяйственного работника по поводу учиненной над ним несправедливости. В Лахише был найден 21 остракон. Большинство текстов составляют письма к Яушу, командиру гарнизона в Лахише, от подчиненного ему Хошайи, командовавшего гарнизоном в одной из крепостей. Датируются тексты VI веком до н. э. и содержат разнообразную информацию о положении накануне гибели Иудейского царства. Другую группу остраконов составляют те, что были найдены в Араде, написанные на древнееврейском (нврит) и арамейском языках. Датируются они рубежом VII—VI вв. до н. э. Среди них выделяется архнв Элнйашива, сына Эшйаху — видного чиновника и военачальннка, ведавшего выдачей продовольствня, поставками в Иерусалимский храм и организацией обороны.

Эпиграфика государства Моав (Южное Заиорданье) представлена надписью царя Меши (IX в. до н. э.), в которой повествуется о борьбе Моава с Изранльским царством за некоторые территории в Заиорданье. К ней примыкает небольшой фрагмент исторического, по всей видимости, содержания. От государства Аммон (Северное Заиорданье) до нас дошел ряд печатей, фрагмент строительной надписи, а также надпись на жертвенном сосуде, содержащем ритуальное зерно.

Среди происходящих из Сирии надписей на арамейском языке должна быть отмечена надпись Бар Хадада (I или II?), свидетельствующая о распространении в глубинных районах Сирии культа тирского бога Мелькарта (IX в. до н. э.). Важным документом, характеризующим межгосударственные отношення в Сирии около 800 г. до н. э., является большая историческая надпись Закира, царя Хамата

и Луаша, в которой он рассказывает о своей победе над коалицией из десяти сирийских царств, возглавлявшейся дамасским царем Бар Хададом III. Особое место занимают написанные на подвергшемся заметному арамейскому влиянию финикийском языке надписи царей государства Яуди (Сам-аль), где описываются деяния царей Панаммувы I, Панаммувы II и Бар Ракиба. Они датируются VIII веком до н. э. Временем около 845 г. до н. э. датируется надпись на финикийском языке царя Киламувы. Особенно важны сведения о борьбе за власть в стране Яуди, о социальных конфликтах и о попытках Киламувы обеспечить своим подданным необходимое благосостояние, а также о зависимости Яуди от Ассирии. Серединой VIII в. до н. э. датируется договор о союзе между Бар Гайей, царем Катака, и Мати-Илу, царем Арпада (возможно, об условиях подчинения Арпада Катаку).

Важным источником, характеризующим социальный строй, законы и духовную жизнь иудейского общества середины I тысячелетия до н. э. (эпоха Ахеменидов), является собрание папирусов на арамейском языке, происходящих из иудейской военной колонии на острове Элефантина (Южный Египет). Среди материалов, обнаруженных здесь, интерес представляет переписка в связи с разрушением и попытками восстановления храма Яхве в Элефантине, документация жертвоприношений богам Яхве, Анат Бетэль и Ашим Бетэль, деловые документы, в том числе о купле-продаже недвижимости.

Хронологически это собрание документов примыкает к архиву на арамейском языке Аршамы, персидского наместника в Египте, а по содержанию — к пока еще неизданному собранию самаритянских папирусов (разного рода деловые документы), которые найдены в одной из пещер в окрестностях Мертвого моря. Они составлены по-арамейски, датируются IV веком до н. э. и освещают жизнь самаритян — народности, сложившейся в Северной Палестиие после разгрома израильского царства ассирийцами (722 г. до н. э.) из переселенных туда ассирийскими властями кутиев, арабов и т. д.

В связи с тем что культурно-религиозное единство народов Восточного Средиземноморья не сформировалось, каких-либо повествований, которые содержали бы общую для всего этого региона историческую традицию, не было создано.

§ 3. Данные библейских текстов

Важнейшим письменным памятником Восточного Средиземноморья, сформировавшимся в иудейско-израильской среде, является Библия, остающаяся доныне Священным писанием для иудаистской и христианской религий. Наиболее древний текст Библии (победная песнь пророчицы Деборы) датируется XIII веком до н. э., наиболее поздний — III—II веками до н. э.

Библейский текст дошел до нас в следующих вариантах: 1) традиционный иудаистский текст (так называемый масоретский от масора — традиция), окончательно канонизированный в конце I в. н. э.; 2) вариант, положенный в основу перевода Библии на греческий язык, выполненного в III в. до н. э. (Септуагинта, т. е. перевод «семидесяти толковников»). Он существенно отличается от масоретского извода текстологически, а также редакцией отдельных книг, расположением книг в сборнике и их количеством. Септуагинта содержит книги, которые при канонизации масоретского текста не были включены в канон. Редакция Септуагинты стала основой христианского Ветхого Завета. Среди рукописей Мертвого моря обнаружены фрагменты Септуагинты (на древнееврейском языке), а также фрагменты промежуточных редакций (между масоретским текстом и Септуагинтой); 3) Самаритянское Пятикнижие, усвоенное самаритянами вместе с почитанием Яхве. Имея многочисленные расхождения с масоретским текстом, объясняемые различием рукописных традиций, оно не отличается от масоретского текста по существу. Как показывают рукописи из окрестностей Мертвого моря, самаритянский вариант Пятикнижия имел хождение и в иудейской среде.

Библия представляет собой сборник избранных произведений израильско-иудейской словесности. Ее важнейшей составной частью является Пятикнижие (древнееврейское название «Тора́» — «учение»; книги «Бытие», «Исход», «Левит», «Числа», «Второзаконие»), содержащее запись преданий о сотворении мира, первых людях, всемирном потопе, предках израильско-иудейского племенного союза, а также об исходе древних израильтян из Египта. Основным источником для составителя Пятикнижия послужили устные предания, передававшиеся из поколения в поколение жрецами Иерусалимского храма Яхве, и поэтические повествования, уже в древности собранные в не дошедших до нас «Книге войн Яхве», «Книге доблестного» и (или) «Книге песен». В законодательной части Пятикнижия использованы записи

«учения Яхве», ходившие в Иудейском и Израильском царствах в первой половине I тысячелетия до н. э.; в ней нашли отражение законы и обычаи, действовавшие в иудейско-израильской среде. В Пятикнижии предыстория иудейско-израильского общества представлена как история установления союза между богом Яхве и избранным им народом. В качестве этических принципов и установлений, которые народ должен соблюдать (учение Яхве), представлены десять заповедей, а также древние обычаи, узаконения, правовые и моральные нормы, собранные воедино и рассматриваемые как волеизъявление бога.

Зачинателем научной критики Библии был Б. Спиноза (XVII в.), который в своем «Богословско-политическом трактате» представил Библию как литературный памятник, отражающий состояние иудейского общества времени его возникновения. Начало систематического научного исследования Пятикнижия положили Х. Б. Виттер (его книга была опубликована в 1711 г.) и Ж. Астрюк, сочинение которого вышло в свет в 1753 г. В основу их концепции была положена мысль о том, что изучаемый текст возник из слияния нескольких слоев источников, которые, переплетаясь, проходят через все повествование, чем объясняются повторы и внутренние противоречия в тексте. Х. Б. Виттер обратил внимание на употребление двух обозначений божества — по имени собственному (Яхве) и по имени нарицательному (Элохим — «Бог»). На этом основании Ж. Астрюк выделил два источника — «Яхвист» и «Элохист». Эта гипотеза, позже получившая название «документальной», впоследствии активно разрабатывалась в трудах Ю. Велльхаузена, А. Кюнена (середина XIX в.) и их продолжателей. В середине XX в. особое значение имели работы О. Эйсфельдта. Сторонники «документальной гипотезы» полагают, что в Пятикнижии могут быть выделены следующие источники: «Элохист», «Яхвист», «Жреческий кодекс» (законы) и «Девтерономист» (Второзаконие). О. Эйссфельдт выделяет также «Светский источник». В настоящее время «документальная гипотеза» принята большинством исследователей, хотя датировка так называемых источников является объектом ожесточенных споров. Наибольшее распространение получил взгляд В. де Ветте и Ю. Велльхаузена, согласно которому Второзаконие возникло в VII в. до н. э., а окончательная кодификация Пятикнижия относится к V в. до н. э.

Наряду с этим высказывались и другие гипотезы: будто Пятикнижие было составлено из многочисленных фрагмен-

тов, объединенных редактором (впервые высказал А. Джедес в конце XVIII в.); будто в основе Пятикнижия лежит элохистическое повествование, дополнявшееся из других источников (впервые высказал Х. Эвальд в 30-е годы XIX в.). В конце XIX — первой половине XX в. была сформулирована кристаллизационная гипотеза (А. Клостерман, В. Рудольф), согласно которой повествовательная часть Пятикнижия кристаллизовалась вокруг законов.

Наиболее правдоподобным кажется, однако, следующее. Тот факт, что Пятикнижие является Священным писанием не только иудеев, но и самаритян, позволяет уверенно датировать его возникновение как литературного целого временем до конфликта между иудейской и самаритянской общинами и отнести его к VII в. до н. э. Различия в употреблении обозначений божества (Яхве и Элохим; ср. Яхве Элохим) объясняется тем, что в процессе слияния образов Яхве и верховного общесемитского божества Эла («Элохим») предания о последнем вместе с соответствующим обозначением были включены в цикл мифов об Яхве. Основная тенденция Пятикнижия — утверждение монотеического культа Яхве — позволяет сблизить его с проповедью библейских пророков первой половины I тысячелетия до н. э.

Библейские книги исторического содержания [Иисуса Навина, Судей, Самуила, Царей, а также Эзры, Нехемии (Неемии) и Хроник] составлены под влиянием Пятикнижия и проповеди пророков. Точная их датировка не всегда может быть надежно установлена. Книги Эзры, Нехемии и Хроник датируются, вероятно, V—IV веками до н. э. Источниками исторических книг послужили уже упоминавшиеся «Книга войн Яхве», «Книга песен» (в масоретском изводе — «Книга доблестного», вероятно собрание поэтических повествований о героических деяниях предков), а также хроники иудейских и израильских царей и устные предания. Исторические книги Библии охватывают период от вторжения израильского племенного союза в Палестину во второй половине II тысячелетия до н. э. до восстановления храма в Иерусалиме в эпоху Ахеменидов и создания там иерусалимской гражданско-храмовой общины почитателей Яхве, потомков древних иудеев. Составитель (или составители) этих книг освещал историю с позиций утвеждения монотеизма Яхве. Все несчастья, постигшие общество, он объясняет забвением Яхве, нарушением союза с ним и приверженностью к язычеству; возвращение к Яхве, по его суждению, возрождает и благополучие общества. С этой точки зрения он оценивает и деятельность отдельных правителей.

Книги пророков (наиболее значительные — Исайи, Иеремии, Иезекиила, Даниила) сложились в основной своей массе в VIII—V вв. до н. э.; книга Даниила стоит особняком и окончательно сформировалась во II в. до н. э. Они представляют собой записи проповедей, произносившихся пророками по различным поводам, предсказаний и оракулов, а также повествований о деятельности пророков. В некоторых случаях к речам пророков, чьим именем названа книга, присоединялись повествования более позднего времени, вышедшие, по всей вероятности, из среды продолжателей данного пророка. Наиболее известный пример такого рода — книга Исайи, в которой отчетливо выделяются тексты собственно Исайи (гл. 1—39, но и здесь, вероятно, имеются поздние и недостоверные фрагменты; вторая половина VIII — первая половина VII в. до н. э.), Второисайи (гл. 40—55; вторая половина VI в. до н. э.) и Третьеисайи (гл. 56—66). Последний представляет собой, по-видимому, сборник сведенных воедино текстов различных авторов, хронологически близких к Второисайе. Как показывают материалы, происходящие из Кумрана, ко II в. до н. э. книга Исайи уже приобрела современный облик.

Религия Восточного Средиземноморья, в том числе и израильско-иудейская, знали пророчествования, своего рода шаманство, когда доводивший себя до исступления и истерии предсказатель выкрикивал оракулы, воспринимавшиеся окружающими как речения божества, и описывал свои видения. В Библии пророчествование предстает как своеобразный литературный жанр — устная речь, часто ритмически организованная, предполагавшая экзальтированную аудиторию и рассчитанная на эмоциональное воздействие (отсюда богатая палитра художественных образов, характерная для пророческих книг Библии в отличие от повествовательных). В отличие от Пятикнижия и исторических повествований книги пророков целиком авторские.

Пророки выступали в обстановке острых социальных конфликтов в израильском и иудейском обществах, в обстановке борьбы между рядовыми свободными крестьянами и аристократической верхушкой. Поэтому их проповедь представляет собой страстное обличение существующих порядков и общественного неустройства. Причину последнего пророки видели в отступлении от божественного закона и отпадении от монотеизма Яхве (до того реально не существовавшего, но тем не менее реконструировавшегося ими как важнейший элемент существовавшего в древности идеального мироустройства). Отсюда их призыв вернуться к ре-

лигии Яхве и соблюдению ее этических норм, мечты о торжестве яхвизма и его утверждении над миром. В книгах пророков начиная с Исайи формируется утопическое представление о Мессии — царе-помазаннике, который восстановит нарушенную гармонию и социальную справедливость. С течением времени на этой основе развивается представление о спасителе, своей мученической смертью искупающем грехи человечества. В проповедях пророков были заложены основы иудаизма как религиозно-этического учения; в них содержатся многочисленные высказывания на злобу дня — по политическим вопросам, о соседях, врагах и т. д.

Остальные библейские книги, относительно поздние по времени их возникновения, — это сборники правил житейской мудрости («Премудрость Соломона»), размышления о смысле жизни (Иов, Экклесиаст), новеллы и повествования исторического содержания (Руфь, Эсфирь), сборник любовных свадебных песен («Песнь песней») и т. д. Особо среди них надлежит отметить книгу псалмов, авторство большинства которых приписывалось царю Давиду. Псалмы представляли собой, по всей вероятности, молитвы, произносившиеся по разным поводам и в различных ситуациях в Иерусалимском храме Яхве. Они позволяют реконструировать некоторые обряды (воцарения божества и земного царя), а также мифы (о борьбе Яхве со Змеем), сведения о которых в Пятикнижии отсутствуют.

Из приведенного обзора видно, что Библия содержит ценные сведения по социально-экономической и общественно-политической истории сиро-палестинского региона (прежде всего, разумеется, иудейского и израильского обществ) I тысячелетия до н. э. Еврейская послебиблейская литература эллинистическо-римского времени и эпохи раннего средневековья в целом воспроизводит библейскую традицию.

Здесь надлежит отметить прежде всего исторические сочинения Иосифа Флавия (вторая половина I — начало II в. н. э.), чьи произведения дошли до нас на греческом языке. Иосиф принадлежал к высшей фарисейской знати, был в Иерусалимском храме жрецом первой череды. Во время восстания иудеев против римского господства (66—73) он возглавлял антиримское движение в Галилее (Северная Палестина), однако предал восставших и перешел на сторону римлян. В качестве вольноотпущенника императора Веспасиана он получил римское гражданство и стандартное римское имя Т. (?) Flavius Iosephus; позже находился при дворе Флавиев. Как источник по истории доэллинистического периода интерес представляют его «Иудейские древно-

сти» и «Против Апиона». И та и другая книга выдержана в апологетическом духе, причем автор неукоснительно следует за библейским повествованием, являющимся для него основным источником. Однако в свой рассказ он постоянно вводит детали, отсутствующие в Библии, но тем не менее существенно уточняющие наши представления об отдельных событиях и процессах. Эти сведения Иосиф Флавий черпал из устной традиции, а также из не дошедших до нас произведений эллинистических писателей, в частности Николая Дамасского, Менандра Эфесского, Дия, Манефона, Беросса и др.

Другим важнейшим источником, сохранившим древнюю традицию, является Талмуд (др.-евр. учение), окончательно сформировавшийся в I тысячелетии н. э. Талмуд представляет собой сложное литературное произведение, основу которого составляет Мишна (букв. «Повтореиие»). Записанная в III в. н. э., Мишна делится на шесть разделов, каждый из которых в свою очередь разделяется на трактаты (всего 63). Дополняет и дублирует Мишну так называемая Тосефта (арамейск. «Дополнение»), записанная позже. Тосефта построена по тому же плану, что и Мишна, однако она содержит только 59 трактатов. Впоследствии Мишна была дополнена комментариями к ней — Гемарой (букв. арамейск. «Завершение»). В V в. н. э. в Палестине были завершены составление и запись Гемары к 39 трактатам Мишны. Такое соединение Мишны с Гемарой, выработанное в Палестине, представляет собой Палестинский или Иерусалнмский Талмуд. В Месопотамии самостоятельное комментирование Библии и Мишны было завершено в V в. н. э. (так называемый Вавилонский Талмуд). Здесь Гемара имеется к 36 трактатам, а также к половине трактата «Тамид».

По своему содержанию Талмуд представляет собой свод религиозно-этических, правовых и житейских норм, которые должны были определять собой жизнь верующего иудея; они были выработаны во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первые века новой эры иудейскими законоучителями в процессе устного комментирования Библии и обсуждения различных жизненных случаев и возможных ситуаций. При этом в Талмуде постоянно приводятся суждеиия различных законоучителей, особенно если они различались между собой.

Хотя Талмуд и обращен к иудеям конца I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., он содержит обильный материал, относящийся к доэллинистическому периоду. Сюда относятся сведения, касающиеся земельных отношений, ре-

гулирования отношений собственности и правового статуса различных групп населения. Материалы Талмуда показывают, как менялось восприятие обществом отдельных библейских установлений. Например, если раньше вступление в левиратный брак считалось обязанностью, то теперь благим поступком считается отказ мужчины от него. Наконец, в Талмуде разбросаны многочисленные исторические указания, воспроизводящие внебиблейскую устную и, вероятно, письменную традицию. В целом Талмуд является идеологической основой современного иудизма и пользуется авторитетом Священного писания.

§ 4. Памятники финикийской литературы

Записи финикийской мифологической и исторической традиции до нас не дошли, хотя они несомненно существовали. Известно, что во всех крупных финикийских центрах в храмах местных богов велись хроникальные записи, а также хранились письменно зафиксированные тексты мифов, записанные, впрочем, специальной письменностью и доступные только посвященным. Финикийская традиция знает своего рода священиое писание — общефиииикийский свод, чьим автором считали Таавта, которого отождествляли с египетским богом Тотом. Автором другого свода называют Санхунйатоиа, жившего, если верить традиции, во II тысячелетии до н. э. В исследовательской литературе существование Санхунйатона оспаривается, однако без достаточных оснований; реальность приписываемого ему сочииения не вызывает сомнений, хотя оно до нас и не дошло. В эллинистическую эпоху историю финикийцев излагали на греческом языке историки Дий и Меиандр Эфесский, труды которых также ие сохранились.

О содержании финикийской традиции мы можем судить по упоминаниям у античных авторов (Помпей Трог, Геродот). Сведения исторического характера, изложение мифов, восходящих к финикийской традиции, имеются в «Географии» Страбона.

Ценным источником являются дошедшие в труде Евсевия Кесарийского фрагменты сочинения о финикийцах, принадлежащего перу финикийца Филона Библского. Цитаты из сочинения Филона Библского подобраны у Евсевия тенденциозно, с тем чтобы продемонстрировать читателю фактическое безбожие и скверну язычества. Тем не менее они дают возможность представить себе в некотором приближении и труд самого Филона и его личность. Высокообразованный, хорошо знающий античную культуру, ритор Филои

Библский жил на рубеже I—II вв. н. э. Судя по заглавиям его сочинений, они не выделялись из общего круга тем, о которых мог писать человек, не чуждый поэзии и профессионально обучающий других ораторскому искусству («Риторика», «О языке римлян», «О врачебном искусстве», «Необычные истории», «О царствовании Адриана» и т. д.). Книги «Финикийская история» и «О финикийских буквах» стоят в этом списке особняком; они демонстрируют интерес автора и его аудитории к собственно финикийскому прошлому.

Источником для Филона Библского послужило сочинение Санхунйатона, критически переработанное в духе популярных идей эллинистической философии. До нас дошло изложение финикийских космогонических мифов, а также мифов о борьбе различных поколений богов за власть и о разделе Вселенной между богами. Филон излагает их с евгемеристических позиций, т. е. для него боги — это обожествленные выдающиеся люди; космогонический процесс у Филона в отличие от Библии и несомненно от древних финикийских сказаний, где, судя по относящимся к нему постоянным эпитетам, Эл изображен творцом Вселенной, — это не творение, а самозарождение и развитие. Такое представление сформировалось, очевидно, под прямым влиянием греческой философской мысли. В эпоху эллинизма имело место отождествление финикийских богов с эллинистическими; его мы находим, естественно, и у Филона, пытающегося представить финикийские мифы более истинными сравнительно с греческими. Это обстоятельство усложняет повествование Филона.

§ 5. Иноземные источники

Чужеземные источники по истории Восточного Средиземиоморья происходят из Египта, Малой Азии, Месопотамии; некоторый материал содержит античная (греко-римская) литература и историография.

Из египетских источников должны быть отмечены прежде всего те, которые содержат сведения о военных походах египтян в Азию. К их числу относятся, в частности, надпись из гробницы Уни (XXIV в. до н. э.) об экспедиции в царствование Пиопи I; стела из Абидоса, повествующая о походе Сенусерта III (XIX в. до н. э.); заупокойные надписи Яхмоса, сына Эбен (XVI в. до н. э.) об изгнании гиксосов и вторжении египтян в Азию, о захвате Шарухена (Южная Палестина) и походе Тутмоса I до Евфрата; надписи, рассказывающие об азиатских походах Тутмоса III (первая

половина XV в. до н. э.), в особенности Армантская стела, анналы из Карнака, к которым примыкает и легенда о взятии египтянами Яффы (папирус Харрис 500); надписи, свидетельствующие об азиатских походах Аменхотепа II (вторая половина XV в. до н. э.), Сети I (конец XIV в. до н. э.) и Рамсеса II (XIII в. до н. э.). В надписи фараона Мернептаха (конец XIII в. до н. э.) среди обществ Южной Палестины упоминается союз племен Израиль. К этим источникам, содержащим важный материал по исторической географии и общественному строю сиро-палестинского региона, примыкают так называемые черепки проклятий. Они позволяют отчетливо представить себе политическую структуру региона в момент составления текстов.

Из повествовательных текстов отметим рассказ о приключениях Синухета, бежавшего в середине XX в. до н. э. в Азию и там (вероятнее всего, где-то в Сирии) ставшего вождем одного из местных племен, но затем вернувшегося на родину. Здесь мы находим обильный материал для характеристики социальной структуры и политической организации сиро-палестинских обществ указанного времени. Рассказ о поездке в Библ Ун-Амуна, одного из должностных лиц храма Амуна в Карнаке, датируется XI веком до н. э. В дороге Ун-Амун испытывает трудности и унижения; царь Библа дает ему почувствовать бессилие Египта и свою независимость.

В качестве источников по истории интересующего нас региона важны египетские росписи в гробницах с изображением азиатов, прибывающих в Египет, а также свидетельства о распространении в Египте ханаанейско-аморейских культов (стелы с изображением богов и надписями).

Месопотамские источники по истории Восточного Средиземноморья — это прежде всего повествования о походах царей на запад. К их числу относятся: сообщения Саргона Древнего и Нарам-Суэна об их походах против Эблы; цилиндр «А» и статуя «В» Гудеа, царя Лагаша, с сообщениями о его походах к Ливанским горам и к Средиземному морю; повествования ассирийских царей от Тиглатпаласара I до Ашшурбанапала и нововавилонского царя Навуходоносора II об их походах в Сирию, Финикию и Палестину. Они содержат обильный материал по политической истории и социально-экономической организации сиро-палестинских обществ первой половины I тысячелетия до н. э.

Важным источником являются договоры ассирийского царя Ашшур-нерари V (754—745 гг. до н. э.) с Мати-Илу, царем Арпада, и Асархаддона с Ваалом, царем Тира.

Хеттские источники, относящиеся к истории Восточного Средиземноморья, позволяют представить себе ситуацию, сложившуюся в регионе в условиях господства хеттских царей в середине и второй половине II тысячелетия до н. э. Среди них особенно важны договор хеттского царя Суппилулиумы I (середина XIV в. до н. э.) с Шаттивасой, царем Митанни, в преамбуле которого рассказывается об установлении хеттского господства в Сирии; договор Суппилулиумы I с Азиру, царем Амурру, и хеттского царя Мурсили II (вторая половина XIV в. до н. э.) с Дуппи-Тешубом, также царем Амурру, внуком Азиру. Во вводных разделах обоих последних документов, составленных по обычным для хеттской канцелярии стандартам, излагается история возникновения зависимости Амурру от Хеттского царства; вслед за этим говорится об условиях подчинения Амурру и господства хеттов.

Особое место занимает изложение на хеттском языке ханаанейского мифа об Илу — творце земли, его супруге Ашерту и боге Бури (угаритский Баалу). До нас дошел, однако, лишь небольшой фрагмент этого текста.

Античные источники, относящиеся к Восточному Средиземноморью доэллинистического времени, относительно немногочисленны и относятся преимущественно к финикийцам, с которыми греки имели наиболее тесные контакты. Показательно, что Геродот, посетивший Палестину и Финикию, не выделяет иудеев или самаритян из общей массы «палестинских сирийцев» (V в. до н. э.); Диодор и Тацит, пытавшиеся дать своим читателям представление об иудеях, воспроизводят слухи, имевшие хождение в современном им греко-римском мире, представлявшие собой вольную интерпретацию усвоенных понаслышке и чудовищно искаженных библейских преданий.

Что же до финикийцев, то они впервые упоминаются уже у Гомера в «Одиссее», где показана их роль в развитии средиземноморской торговли, в том числе и работорговли. Геродот, излагая греческие предания, по существу, развивает ту же тему; особое внимание он уделяет финикийской колонизации Эгеиды (Беотия, остров Фасос) и участию финикийцев и «палестинских сирийцев» в греко-персидских войнах. О финикийской колонизации Эгеиды говорит и Фукидид, равно как и об основании финикийских колоний в Сицилии. Подробный рассказ о жизни Финикии под персидским господством и в особенности о потрясавших Финикию антиперсидских восстаниях мы находим у Диодора, сведения которого восходят, по-видимому, к финикийс-

кой эллинистической историографии. Значительное внимание древнейшей истории Тира уделил Помпей Трог. Он следовал сидонской традиции, которая вопреки фактам представляла Сидон первым по времени основания городом Финикии, а Тир — его колонией. Чрезвычайно важен рассказ Помпея Трога о восстании рабов в Тире, хотя автор уснастил его сказочными подробностями и перепутал хронологические ориентиры, соотнеся этот эпизод с войнами финикийцев против персов.

К тирской, или, возможно, к гадитанской традиции восходит рассказ Страбона об основании тирской колонии Гадес на юге Пиренейского полуострова.

Заключая обзор источников по истории Восточного Средиземноморья, необходимо подчеркнуть еще раз их неполноту, отрывочность, случайность, фрагментарность и тенденциозность. Опыт археологических изысканий, однако, позволяет надеяться, что со временем будут открыты новые источники, которые позволят заполнить зияющие лакуны в древней истории сиро-палестинского региона.

Глава XV
АРАВИЯ

Исторические источники по древнему периоду истории Аравии (с начала I тысячелетия до н. э. до IV в. н. э.) делятся на четыре основных типа: эпиграфический материал, вещественные памятники, письменные документы из других древневосточных стран и свидетельства античных авторов.

§ 1. Эпиграфический материал

На протяжении нескольких веков путешественники и ученые собирали надписи Южной Аравии, сделанные на камне, бронзе, керамике. Возможно, были надписи на коже и дереве, но они не сохранились. В настоящее время собрано более 5000 надписей, однако некоторые из них содержат лишь одно имя, являются трудночитаемыми фрагментами или представлены плохими копиями и эстампажами.

По своему содержанию южноаравийские надписи делятся на несколько групп: государственные документы, куда входят указы, законодательные материалы, описания военной и внутриполитической деятельности царей, строительные и посвятительные надписи, частноправовые доку-

менты (долговые обязательства, надписи на оросительных сооружениях, межевые камни и др.).

Различаются южноаравийские надписи и по месту находки. Бо́льшая их часть найдена на территории Южной Аравии, особенно Сабы. Это сабейские, маинские, хадрамаутские, катабанские, химьяритские надписи, а также — в небольшом количестве — аусанские. Некоторые южноаравийские надписи обнаружены в Северной и Центральной Аравии. Это главным образом надписи купцов, караванщиков, а также памятные надписи правителей о военных походах в эти районы. Ряд надписей обнаружен за пределами Аравийского полуострова: в Египте, Месопотамии, на островах Делос, Родос, в палестинских городах Эцион-Гебере и Бетеле, в Эфиопии. Наличие данных надписей связано с существованием торговых поселений, кварталов с переселенцами из Южной Аравии, находившихся на территории других стран. В Северной и Центральной Аравии найдены деданские, лихьянские, самудские, набатейские надписи. Последние по содержанию в основном надгробные и посвятительные. Ряд надписей Северной Аравии (из Кедара, Набатеи, Теймы) сделан на арамейском языке.

Надписи Южной Аравии выполнены южноаравийским письмом, относящимся к южносемитской группе алфавитов, куда входит также и ряд алфавитных письменностей Северной Аравии: самудская, деданская, лихьянская и др. Письменность набатеев имеет своим прототипом арамейское письмо.

В отношении датировки южноаравийских надписей существуют разные мнения. Большинство ученых датируют их начиная с VIII в. до н. э. Некоторые (Ф. Хоммель) относят самые древние из них к более раннему периоду — рубеж II и I тысячелетий до н. э. Другие (Ж. Пирен, Г. и Ж. Рикмансы), наоборот, датируют их более поздним временем — V веком до н. э.

Эпиграфические документы представляют собой единственный собственно аравийский письменный материал для восстановления древней истории этого региона. Его значение трудно переоценить. Например, на основе эпиграфического материала восстановлен список сабейских эпонимов и эпонимов племени Халил (с конца II тысячелетия до н. э. до III в. н. э.) — представителей знатных родов, избиравшихся на определенный срок на высшие государственные должности, и восстановлена сама система эпонимата Сабы, частично Катабана, по которой велось в Аравии летосчисление.

Сабейские межевые надписи дают значительный материал по формам землевладения, социально-экономическим отношениям, структуре семьи в Южной Аравии.

Катабанский торговый кодекс из Тимны, выгравированный на каменном обелиске и стоявший некогда в центре города, дает богатые сведения о важнейших торговых центрах великого «пути благовоний», о торговых пошлинах, рынках и факторах регуляции торговли в Катабане царской властью.

Ценность древнеаравийских источников состоит в том, что они по большей части современны описываемым событиям и содержат достаточную информацию о них, точны в передаче терминологии, не подвергались позднейшей переработке, вставкам, искажениям и т. д. Трудность их использования в качестве исторического источника в том, что надписи предельно кратки, лишь фиксируют события или явления, не разъясняя их, приводят социальные и политические термины, не раскрывая их содержания. Среди других категорий письменных источников по истории Аравии чрезвычайно мала группа хозяйственных документов, отсутствуют юридические сборники, произведения литературы, мифологии и др., нет исторических трудов. Все это создает большие трудности в деле реконструкции древней истории страны.

Эпиграфический материал весьма сложен для анализа. Как пример этого можно привести так называемые списки иеродул — краткие тексты, высеченные на стелах, некогда стоявших перед входом в храм бога Астара, руины которого были обнаружены к востоку от городища Маин — остатков города Иасила, столицы царства Маин. Надписи на стелах расположены сверху вниз и распространяются на все четыре грани, причем вопрос о том, где начинался текст, является весьма спорным. Формуляр текстов однотипен и упоминает имя мужчины, его отца, обозначение семьи, рода, объединения, а также имя женщины и название страны. Имена женщин египетские и северозападносемитские. Места их происхождения — Египет, Дедан, Газа и др. Большинство исследователей полагают, что речь в надписях идет о посвящении иноземных рабынь храму в качестве иеродул. Австрийский ученый К. Млакер предположил, что это формула передачи лиц женского пола храму для несения временной или пожизненной трудовой повинности в счет отработки долга главы семьи или по другим причинам. Советский исследователь Г. М. Бауэр предполагает, что формула надписей передает ритуал включе-

ния чужеземок, ставших женами скорее всего аравийских купцов, в культовую и гражданскую общину Маина.

Древнеаравийские надписи собирали и изучали К. Нибур, Ж. Галеви, Э. Глазер, У. Г. Зеетцен, Г. Виссман, А. Фахри, Х. Нами, Г. и Ж. Рикмансы, А. Жамм и др. В 60—70-е годы около 400 южноаравийских надписей скопировал советский арабист П. А. Грязневич. В 1983 г. около 800 фрагментов надписей собрала в Вади-Хадрамаут советско-йеменская комплексная экспедиция. В XIX—XX вв. осуществлялись крупные издания собранного эпиграфического материала, такие, как «Южноарабские надписи», «Корпус семитских надписей», «Репертуар семитской эпиграфики» и др. В нашей стране в 1978 г. публикация новооткрытых южноаравийских надписей осуществлена в издании «Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры».

На основе эпиграфического материала изучены аравийские системы письма, палеография надписей, их датировка и типы, язык южноаравийской письменности.

§ 2. Вещественные памятники

Памятники материальной культуры древней Аравии — это развалины ее городов, дворцов, храмов, жилищ, крепостных и ирригационных сооружений, некрополей и скальных гробниц, орудия земледельческого и ремесленного труда, произведения изобразительного искусства, керамические и ювелирные изделия, монеты (последние найдены даже за пределами Аравии — в Эритрее, Аксуме) и др.

Эти памятники обследованы в течение XVIII—XX вв. Однако количество памятников, исследованных учеными, пока еще незначительно. Аравия по праву считается «археологической целиной». В основном изучались те памятники материальной культуры, что находятся непосредственно на поверхности земли. Много древних сооружений разрушалось на протяжении веков с целью использования их материала для строительства, по религиозным мотивам, подвергалось разрушительному действию времени и природы и т. д.

Археологические раскопки и обследования проводились на северо-западе Аравии, в Юго-Восточной Сирии, Южной Палестине, в районе Заиорданья, в местностях Кильва, Вади-Араба, Умм-ал-Амад и др. Здесь были обнаружены многочисленные наскальные изображения людей и животных, остатки плавилен и копей для добычи и обработки

меди и железа, точильные камни для отделения золота от руды, камни-платформы для дробилок, керамика, следы древних караванных путей. Найдено несколько сотен поселений, открыты святилища и некрополи набатеев. Исследованы развалины набатейских городов: их столицы Селы (Петры), Хегры и др.

Немецкими (К. Ратьенс, Г. Виссман и др.) и американскими археологами (Ф. П. Олбрайт и др.) изучался ряд городов Южной Аравии. Особенно интересны древности Мариба, столицы Сабейского царства, развалины которой лежат к северо-востоку от Саны, столицы Йеменской Арабской республики. Раскопки выявили развалины города, представлявшего в плане прямоугольник, остатки дворца, овальный храм лунного бога Алмакаха, крепостные стены и башни, погребальные сооружения, скульптуры.

Неоднократно обследовались руины грандиозной Марибской плотины, расположенной к западу от города. Близ Мариба (в Хавлане) сохранились также развалины древнего Сирваха, интересно городище в области Архаб к северу от Саны с остатками городских построек, прямоугольным храмом, посвященным богу Астару зу-Зибану.

Богатый материал дали раскопки городища Хаджар бин-Хумайд в Катабане, где были открыты развалины столицы Тимны, города, существовавшего с IX по I в. до н. э. Найдены крепостные сооружения, общественные здания, храмы, некрополи, скульптуры и рельефы. В нижних слоях городища были обнаружены остатки дерева, по которым при помощи радиоуглеродного анализа ученые установили дату наиболее раннего рубежа возникновения этого города (852±160 лет до н. э.). Были открыты древности и других южноаравийских городов: столичных центров — Карнаву в Маине, Шабвы в Хадрамауте, древнего порта Кана, храмового комплекса Ам-Адиа и др. В 1983 г. советско-йеменской комплексной экспедицией при раскопках в Вади-Дуан были обнаружены остатки трех, последовательно возводившихся после разрушения на одном и том же месте, храмов, посвященных богине Астарам. Изучался также некрополь с пещерными склепами.

Надписи и памятники материальной культуры древней Аравии хранятся в йеменских музеях в Сане, Адене, Бейхане, Таиззе, а также во многих музеях мира (Британском, Национальном Римском, Берлинском, Стамбульском, Метрополитэн-музее). Имеются они также у нас в стране: в Государственном Эрмитаже и ленинградском отделении Института востоковедения.

§ 3. Источники из других стран Древнего Востока

В документах, происходящих из других стран Древнего Востока, сохранились лишь краткие сведения об арабах и Аравии. В книгах Ветхого завета Библии встречаются рассказы о путешествии из Палестины в страну Офир, многими локализуемую в Аравии, а также о путешествии царицы Савской в Палестину при царе Соломоне в X в. до н. э., упоминаются не только северные арабские племена: арибн, кедреи, набатеи, — но и далекая аравийская страна Хацермавет (Хадрамаут).

Ряд сведений о племенах и княжествах, в основном Северной Аравии, а также о сабеях встречается начиная с IX и до конца VII в. до н. э. в летописях ассирийских царей в связи с их завоеваниями на западе. Некоторый материал содержится в рельефах, изображающих сцены сражений ассирийцев с арабами. Такие рельефы украшали, например, стены одного из залов дворца Ашшурбанапала в Ниневии.

Имеются сведения об Аравии и в надписях нововавилонских царей, в частности Набонида, а также в документах персидских правителей, например Дария I.

Важное место среди иноземных источников, сохранивших сведения об Аравии, занимают надписи царей Аксума — государства Восточной Африки, существовавшего со II до IX в. н. э., ведшего на протяжении длительного времени войны с южноаравийскими государствами Сабой и Химьяром, а затем включившего их в свой состав. Уже первые известные надписи аксумских царей из Адулиса и Абба-Панталеона (на греческом языке) дают интересные сведения о походах в Аравию, о покорении аксумитами значительной части правобережья Красного моря — района Тихамы. Надписи царя Эзаны (IV в. н. э.) упоминают Химьяр и некоторые другие южноаравийские территории в числе владений Аксума.

В некоторых надписях сохранились сведения о проникновении культов южноаравийских богов в Аксум. Об этом повествует, например, надпись аксумского царя Гедары (конец II — начало III в. н. э.) на языке геэз, выполненная архаичным эфиопским письмом на вотивном предмете из бронзы (скипетр в виде плуга) и посвященная сабейскому богу луны Алмакаху, культ которого усердно насаждался в Восточной Африке сабейскими колонистами. Сведения о поклонении южноаравийскому богу Астару содержат надписи Эзаны, посвятительная надпись II—III вв. на бронзовой статуэтке быка и др.

§ 4. Труды античных авторов

Античные авторы сохранили ряд сведений о древней Аравии.

В «Истории» Геродота (V в. до н. э.) встречаются свидетельства о природе полуострова, занятиях и обычаях его жителей, рассказывается об аравийских благовониях и их добыче, имеются отдельные исторические экскурсы, касающиеся взаимоотношений арабов с египтянами, ассирийцами, персами.

Много места уделил Аравии в своем труде «История растений» Феофраст (IV в. до н. э.): более всего у него говорится о специфических аравийских благовониях, но имеются сведения и о занятиях и быте населения, прежде всего сабеев.

Описание Аравии занимало видное место в трудах греческого географа Эратосфена из Кирены, жившего в III—II вв. до н. э. Они не сохранились до нашего времени, однако другой греческий географ — Страбон (I в. до н. э. — I в. н. э.) — пользовался трудом своего предшественника при написании «Географии». Эти авторы сообщают не только об особенностях природных условий Аравии, но и о ее населении [например, о четырех главных народах ее южной части: минеях, сабеях, каттабанах (катабанцах) и хатрамотитах (хадрамаутцах)], его занятиях, культуре, столицах важнейших государств, чертах общественного строя, жизни и быта. Ряд ценных сведений содержится в «Географии» Страбона об арабах-кочевниках Сирийско-Месопотамской степи и жителях Каменистой Аравии — набатеях.

Довольно подробно описал природу и население Северной и Южной Аравии Диодор в «Исторической библиотеке» (I в. до н. э.), опираясь, как предполагают, на труд Агафархида Книдского «Об Азии», II в. до н. э.

Некоторые сведения об Аравии, о походе Александра Македонского на Восток и его взаимоотношениях с арабами содержатся в трудах Квинта Курция Руфа (I в. н. э.) и Арриана (I—II вв. н. э.). Ряд историко-географических сведений об Аравии имеется в труде римского географа первой половины I в. н. э. Помпония Мелы, зачастую компилировавшего труды предшественников — греческих географов.

Известия об Аравии содержатся также в «Естественной истории» Гая Плиния Старшего (I в. н. э.), который базировался при их освещении на сочинении мавританского царя Юбы II (I в. до н. э.) «Об Аравии», написанном для осу-

ществления замысла римского императора Августа о походе в эту область.

В поздних трудах, например в «Церковной истории» Филосторгия, охватывающей время IV—V вв. н. э., содержатся сведения о распространении христианства арианского толка в Южной Аравии: подробно описывается посольство епископа Феофила Индуса, направленное императором Констанцием II и прибывшее к химьяритскому царю с богатыми дарами и пожертвованиями на строительство церквей, которые и были сооружены в Адене, Зафаре и других городах.

Однако в трудах античных авторов превалируют географические описания. Нередко они носили практический характер: стремление персов, греков, римлян освоить Красное море, Персидский залив, выйти за их пределы в океан и добраться до Индии приводило к созданию подробных «периплов» — описаний плаваний, в которых нашли отражение характеристика берегов Аравии, караванных и морских дорог, городов и портов, жителей и их обычаев и т. д. Сохранились сведения о плавании греческих моряков по приказу персидского царя Дария в VI в. до н. э. из Индии в Египет вокруг Аравии, фрагменты трудов географов и мореплавателей — уже упомянутых Агафархида Книдского, Артемидора Эфесского (II—I вв. до н. э.), анонимный «Перипл Эритрейского моря» (I в. н. э.), оснащенный картографическими материалами знаменитый труд крупнейшего географа древности Клавдия Птолемея (I—II вв. н. э.), «Полное описание мира и его народов» на латинском языке (IV в. н. э.) и др.

§ 5. Устное народное творчество

Некоторые сведения встречаются в устном народном творчестве. Таково, например, южноарабское (кахтанидское) предание о царе Асаде ал-Камиле, в котором отразилась внешнеполитическая и религиозная история Химьяритского государства в конце IV — начале V в., ономастика и топонимика того времени, процесс бедуинизации Аравии и др.

Возможно, значительный материал, особенно по религии древней Аравии, даст изучение преданий сокотрийцев, потомков сабеев, минеев и других южноаравийских народностей, сохранивших в условиях островной изоляции ряд древних южноаравийских традиций и обрядов, например связанных с поклонением луне, культу предков и пр.

Раздел третий
ИРАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Глава XVI
ЭЛАМ И МИДИЯ

§ 1. Элам

Элам, который занимал территорию нынешнего Юго-Западного Ирана, был одним из центров древнейшей и своеобразной цивилизации. Однако в отличие от соседней Месопотамии история Элама скудно освещена источниками. Кроме того, эламский язык до сих пор исследован недостаточно хорошо, что затрудняет понимание текстов, написанных на нем. Причиной этого в значительной мере является то, что пока неясно, к какой группе языков относился эламский. Из всех существующих гипотез наиболее убедительной является та, согласно которой эламиты были родственны дравидским племенам Белуджистана и юга Индии.

Древнейшими письменными текстами из Элама являются так называемые протоэламские пиктографические таблички. В начале III тысячелетия до н. э. эламиты создали пиктографическое, или рисуночное, письмо. Оно значительно отличается от шумерского пиктографического письма, возникшего несколько ранее эламского. Рисуночным письмом пользовались для составления документов хозяйственной отчетности. На глиняных табличках в виде рисунков изображали крупный рогатый скот, предметы домашнего обихода и т. д., передавая с помощью таких знаков целые понятия и слова. Другими словами, это было логографическое письмо.

Таблички с рисуночными знаками обнаружены не только на собственно эламской территории, т. е. в Сузах, Аншане и других городах Юго-Западного Ирана, но также в Центральном Иране на городище Сиалк, расположенном близ современного города Кашана, и на крайнем юго-востоке Ирана, в 225 км к югу от Кермана на Тепе-Яхья. Исходя из этого, можно было бы высказать предположение, что эламиты в древнейшие времена занимали большую часть Иранского плато. Однако нельзя быть уверенным в том, что все эти тексты с рисуночным письмом составлены

лишь на эламском, а не на двух или более различных языках. Пока протоэламские таблички плохо поддаются интерпретации, и их расшифровка находится еще на начальной стадии.

Рисуночное письмо существовало в Эламе около 400 лет. Во второй половине III тысячелетия до н. э. эламиты изобрели линейное слоговое письмо. Оно возникло независимо от рисуночного, и не исключено даже, что памятники обоих видов письма составлены на разных языках. Знаками линейного письма, которые состояли из сочетания различных геометрических линий, обозначались не слова, а слоги (так называемое силлабическое письмо). Такими знаками, которых насчитывалось около 80, можно было записать не только хозяйственные, но также политические, религиозные и другие тексты. Материалами для такого письма служили глина, камень и металл. Линейное письмо недолго находилось в употреблении, и основные памятники его относятся к XXIII в. до н. э.

Во второй половине III тысячелетия до н. э. эламиты стали пользоваться заимствованной из Месопотамии шумеро-аккадской клинописью, которая вытеснила более раннее местное письмо. Первый известный нам текст клинописью на эламском языке относится к XXIII в. до н. э. Это договор Нарам-Суэна (2236—2200 гг. до н. э.) с правителями нескольких эламских областей. В первой половине II тысячелетия до н. э. эламиты для составления частноправовых документов пользовались аккадским языком. Сохранилось 837 таких документов, составленных в период между 1800—1500 гг. до н. э. Это контракты о купле-продаже, разделе и дарении движимого и недвижимого имущества, а также документы об усыновлении и приеме в «братство».

В середине II тысячелетия до н. э. эламиты перестали пользоваться аккадским языком для составления своих документов, и с XIII в. до н. э. снова появляется значительное количество клинописных текстов на эламском языке. Это прежде всего надписи Унташ-Напириши (1275—1240 гг. до н. э.), царя эламской области Аншан, и Шутрук-Наххунте (1185—1155 гг. до н. э.), эламского царя, который во время своего вторжения в Вавилонию увез оттуда стелу с законами Хаммурапи. К сожалению, эламские надписи рассказывают почти исключительно о сооружении и ремонте различных святилищ и дворцов, а также прославляют царскую власть и содержат очень мало исторических свидетельств.

Около 300 клинописных табличек на эламском языке найдены при раскопках древнего города Аншан. Это адми-

нистративно-хозяйственные документы, которые относятся к периоду между 1300—1100 гг. до н. э.

Особое место среди эламских источников занимает хозяйственный архив царских мастерских в Сузах, насчитывающий более 300 документов. Все они составлены на эламском языке и фиксируют прием готовых ремесленных изделий и выдачу ремесленникам материала для работы. Тексты не датированы, но, судя по содержанию, архив этот относится к последнему периоду существования Эламского царства (650—630 гг. до н. э.). Сохранились также обширные хозяйственные архивы эламских документов из Персеполя, относящиеся к VI—V вв. до н. э. (о них см. в разделе «Персидская держава»).

История Элама на всем своем протяжении была тесно связана с историей соседней Месопотамии. Эти отношения, естественно, нашли отражение в шумерских, вавилонских и ассирийских текстах, которые являются ценными источниками для изучения прежде всего политической и военной истории Элама. Особенно важны надписи и документы времени Саргона Аккадского и его преемников, надписи вавилонского царя Навуходоносора I, Вавилонская хроника и анналы ассирийских царей первой половины I тысячелетия до н. э.

К сожалению, территория Элама остается малоисследованной в археологическом отношении. С 1884 г. до настоящего времени лишь с небольшими перерывами французские археологи ведут раскопки столицы Элама Суз, скрытой под массивными глиняными холмами высотой до 40 м и длиной в несколько сот метров.

В 1951—1952 гг. Р. Гиршман вел весьма плодотворные раскопки города Дур-Унташ (совр. Чога Замбиль) в 40 км к юго-востоку от Суз. Этот город был основан около 1250 г. до н. э. эламским царем Унташ-Напиришей. В частности, был раскопан своеобразный зиккурат, значительно отличающийся по своим формам от месопотамских прототипов. С 1971 г. американские археологи вели раскопки большого городища на Тепе-Малиан (древний Аншан), расположенного в 46 км к северу от современного города Шираза.

Ценным источником для изучения эламской культуры и идеологии являются памятники эламского искусства, предметы художественного творчества, печати, изображения эламских царей (особенно шедевр эламского искусства — статуя царицы Напирасу) и рельефы с религиозными сценами.

§ 2. Мидия

В первых веках I тысячелетия до н. э. в Западном Иране возник ряд государственных образований. Среди них наибольшее значение имело Маннейское царство, которое существовало уже с IX в. до н. э. и было расположено между Ассирией и территорией будущего мидийского государства. В VII — начале VI в. до н. э. в Западном Азербайджане находилось Скифское царство (Сакасена античных источников). Во второй половине VII в. до н. э. главенствующее положение в Северо-Западном Иране перешло к мидийцам, которые вместе с вавилонянами положили конец существованию Ассирии и захватили, в частности, территорию Маннейского царства. В тот период Мидия была центром иранской материальной и духовной культуры.

В Западном Иране наряду с мидийцами и персами, т. е. иранскими племенами, которые пришли в эту страну на рубеже II—I тысячелетий до н. э., жило много местных народов, языки которых относились к различным семьям. Это были касситы, луллубеи, хурриты и другие племена. Однако наши сведения об этнической картине Западного Ирана первой половины I тысячелетия до н. э. крайне скудны, так как они основываются почти исключительно на упоминании собственных имен и топонимических названий в ассирийских, вавилонских и урартских источниках.

Пожалуй, Мидия хуже всех других стран Древнего Ближнего Востока обеспечена письменными источниками. До сих пор не известен ни один письменный памятник на мидийском языке. Это объясняется тем, что в столице Мидии Экбатанах еще не были проведены археологические раскопки, поскольку на ее месте расположен современный город Хамадан. На территории Мидии найдены всего две надписи, относящиеся к началу I тысячелетия до н. э. Обе они составлены на аккадском языке. Одна из них, вероятно, относится к X или IX в. до н. э. и была найдена недалеко от Хамадана. В ней речь идет об освобождении подданных от определенных натуральных податей. Вторая надпись обнаружена во время раскопок в Хасанлу. Она, по-видимому, относится к рубежу IX—VIII вв. до н. э., и в ней упоминается дворец, расположенный в стране Иди (вероятно, древнее название области Хасанлу, где находилось Маннейское царство). В Западном Иране сравнительно недавно были обнаружены также две стелы ассирийских царей.

Из всех чужеземных источников по истории Мидии наибольший интерес представляют ассирийские тексты IX—VII вв. до н. э., которые содержат ценные сведения о походах ассирийской армии на территорию Ирана. Эти тексты состоят из следующих групп:

1. «Письма к богу» — подробные реляции о каком-либо походе, основанные на подлинных записях царских секретарей и адресованные в храм бога Ашшура. Примером источника этого типа является описание похода Саргона II против Урарту в 714 г. до н. э., во время которого ассирийцы прошли и ряд иранских областей. 2. Анналы, а также погодные описания военных походов какого-либо царя, которые были составлены на основании первичных реляций. 3. Обзорные надписи, дающие сводку военных походов какого-либо одного царя в географическом, а не в хронологическом порядке. 4. Торжественные надписи, содержащие краткие итоги побед ассирийской армии, изложенные в произвольном порядке. 5. Стелы ассирийских царей, рассказывающие о тех или иных походах. Два таких памятника были найдены также на территории Западного Ирана. Одна из этих стел относится ко времени Тиглатпаласара III, а вторая — Саргона II. 6. Списки эпонимов, дающие основу хронологии, а иногда содержащие и сведения о каком-либо походе, который состоялся в том или ином году с указанием, куда он был направлен.

Все эти тексты тенденциозны, ибо они восхваляют победы ассирийского войска, замалчивая его поражения. Но сохранилось также значительное количество донесений ассирийских лазутчиков и сообщений наместников пограничных областей, адресованных ассирийскому царю, а также распоряжения царей и дипломатическая переписка VIII—VI в. до н. э. Эти тексты заслуживают доверия, как и запросы ассирийских царей к оракулам богов по поводу тревожных для Ассирии событий, происходивших в соседних странах.

Для изучения политической истории Мидии большую ценность имеет Вавилонская хроника, которая в сухой и сжатой форме излагает основиые исторические события. Особый интерес представляет та часть хроники, которая освещает события за 616—610 гг. до н. э. (так называемая «Хроника Гэдда» по имени ее английского издателя), когда Мидия в союзе с Вавилонией участвовала в войне против Ассирии и в уничтожении Ассирийской державы. Некоторые надписи вавилонского царя Набонида дают ценные сведения о разгроме Мидии во время ее войны с Персией.

Некоторые факты военной истории Западного Ирана (в том числе и Мидии) содержатся и в урартских надписях IX—VIII вв. до н. э., сообщающих о тех или иных победах урартского войска.

Единичные и не всегда достоверные сведения о Мидии имеются и в Библии.

Древнегреческие источники по истории Мидии были основаны на устной традиции. Развернутая история содержится лишь в труде Геродота. Он довольно подробно рассказывает о возникновении Мидийского царства, его устройстве и последующем крушении в войне с Персией. Эти данные Геродота представляют большой интерес, хотя историческая критика убедительно показала, что нередко они не могут считаться достоверными, так как основаны на устных расспросах. Ненадежна также мидийская хронология VII в. до н. э., которую дает Геродот. Произведения Ктесия, Ксенофонта и других античных авторов повторяют, нередко в искаженном виде, известные из труда Геродота факты. Греческий автор II в. до н. э. Полибий оставил ценное описание дворца мидийских царей в Экбатанах.

Раскопки археологических памятников мидийской эпохи, по существу, только начинаются. Еще предстоит открыть мидийскую дворцовую архитектуру и памятники монументального искусства, государственные архивы. В 1974 г. Иранский центр по изучению археологии приступил к систематическому исследованию столицы Мидии Экбатан. Пока раскопаны лишь некоторые сасанидские и раннеисламские слои.

Но за последние три десятилетия на территории Западного Ирана, в частности и Мидии, ведутся интенсивные археологические раскопки на ряде поселений и могильников. Все они суммарно датируются 1300—600 годами до н. э. и относятся к эпохе железного века. Остановимся на основных результатах этих раскопок, а также на важных случайных находках.

Культура Луристана знаменита прежде всего «луристанскими бронзами» — вотивными и бытовыми предметами, оружием, деталями конской сбруи, которые изображают реальных и фантастических животных. В массе своей эти предметы относятся к концу II — первым векам I тысячелетия до н. э.

В 1961—1962 гг. Тегеранский университет и Иранская археологическая служба под руководством Э. Негахбана вели раскопки могильника Марлик в области Гилян. Всего раскопано 53 погребения, в которых найден богатый по-

гребальный инвентарь: полая золотая фигурка человека в церемониальной одежде, две большие керамические фигуры обезьяно-людей (мужская и женская), различные золотые украшения и т. д. Выделяются предметы торевтики: золотые и серебряные сосуды с изображениями различных, в том числе и фантастических животных. По мнению Э. Негахбана, Марлик был царским некрополем и его инвентарь относится к рубежу II—I тысячелетий до н. э. Вероятно, упомянутые предметы были изготовлены маннейскими мастерами.

Одной из самых сенсационных находок в Иране является клад из Зивие (по названию селения, где он был обнаружен; иногда его называют также «Саккызским кладом»). Его нашли местные жители в 1947 г. у высокого холма в 42 км к востоку от города Саккыз. Благодаря активной деятельности торговцев древностями клад этот разошелся по частным коллекциям и музеям Западной Европы, США и Японии, но большая часть его в настоящее время находится в Археологическом музее в Тегеране. На месте находки в VIII—VII вв. до н. э. была расположена маннейская крепость, и, по всей вероятности, именно к этому периоду и относятся вещи из Зивие. Среди них выделяются золотое нагрудное украшение, которое, вероятно, царь носил на цепочке, обломок золотой царской диадемы, массивная золотая часть ножен меча, серебряные и золотые детали конской сбруи, наконечник копья и керамические сосуды. Для украшения этих предметов чаще всего использованы изображения оленя, грифа, зайца и барана.

Музей Пенсильванского университета и Метрополитен-музей (США) с 1951 г. ведут раскопки холма Хасанлу в Северо-Западном Иране (руководитель раскопок Р. Дайсон). Это холм высотой 25 м, под которым скрыты остатки поселений приблизительно от VI тысячелетия до н. э. до исламского периода. Раскопано укрепленное здание (пока неясно, храм или дворец), окруженное стеной с двенадцатью башнями, интервалы между которыми составляют около 10 м. В здание ведет портик длиной 4,5 м. За портиком был расположен большой «колонный зал», или «зал аудиенций», с четырьмя рядами колонн. Здание это погибло в огне в конце IX в. до н. э., вероятно, во время штурма его урартским войском. Во всяком случае там обнаружены две стелы с урартскими надписями, относящимися к этому периоду.

Сравнительно хорошо изучены два мидийских памятника, а именно поселения Даба Джан-тепе и Нуш-и Джан-

тепе. Первое из них — крупное поселение железного века, расположенное в 170 км к северо-востоку от города Хорремабал. Раскопки там велись археологической экспедицией Лондонского университета под руководством К. Гофф. Был раскопан укрепленный замок, который погиб в огне, вероятно, во время одного из ассирийских штурмов в первой половине VII в. до н. э. Среди находок можно отметить большое количество сосудов со своеобразной росписью и бронзовую булавку в виде приготовившейся к прыжку пантеры.

Нуш-и Джан-тепе, расположенное в 70 км к югу от Хамадана, исследуется Британским институтом по изучению Ирана (руководитель раскопок Д. Стронах). На месте этого холма приблизительно в 750—600 гг. до н. э. была расположена мидийская крепость с культовыми и административными зданиями и жилыми покоями для правителя, его вельмож и гвардии. Помещения крепости, сооруженные из сырцового кирпича, сохранились на высоту до 8 м. На территории крепости были расположены также «колоний зал» и два храма, дающие хорошее представление о религии мидийцев в древнейший период. Все эти здания были окружены круглой кирпичной стеной с башнями.

Глава XVII
ПЕРСИДСКАЯ ДЕРЖАВА

В древней истории Ирана ахеменидский период, когда власть персидских царей простиралась от Нубии до Средней Азии и Индии, обильно документирован самыми разнообразными источниками. Это царские надписи, исторические хроники, указы царей и распоряжения сатрапов, служебная переписка высокопоставленных персидских чиновников, письма частных лиц, инструкции о методах управления имениями персидских вельмож, сборе податей и обращении с рабами, протоколы судебных процессов, брачные контракты, арендные договоры и т. д. Эти тексты, составленные на различных языках, в сочетании с результатами продолжительных археологических раскопок, дают возможность изучить исторические события, экономические и социальные отношения, культуру, быт и обычаи народов Персидской, или Ахеменидской, державы. Остановимся на характеристике основных групп источников.

§ 1. Ахеменидские надписи

Почти все надписи ахеменидских царей являются трилингвами и составлены на древнеперсидском, эламском и аккадском языках, т. е. на трех основных языках, употреблявшихся в Ахеменидской державе. К настоящему времени издано около 200 надписей. Они расположены на крупных торговых путях, на царских гробницах, стенах и колоннах дворцов, а некоторые обнаружены в фундаментах дворцов, куда они были положены в качестве закладных пластинок.

Большинство царских надписей находится на территории Персии, Элама и Мидии. Самой знаменитой из них является Бехистунская — крупнейшая скальная надпись, рассказывающая о событиях времени правления Камбиза и первых годов царствования Дария I. Она находится в 30 км к востоку от города Керманшаха. Надпись высечена в искусственном углублении на отвесной скале на высоте 105 м. Общая высота надписи равна 7,80 м, а ширина — 22 м. В центре высечены пять столбцов древнеперсидского варианта, в которых насчитывается 515 строк. Над персидским текстом находится рельефная сцена средней высотой 3 м и шириной 5,48 м, изображающая триумф Дария I над мятежными царями. Бог Ахурамазда, парящий над всей группой фигур, протягивает левую руку с кольцом к Дарию, совершая символический обряд вручения ему царской власти, а поднятой правой рукой благословляет его. Сам Дарий изображен в натуральную величину высотой около 1,80 м, на голове у него царская корона, правая рука поднята в молитвенном жесте к Ахурамазде, а в левой он держит лук. Правой ногой Дарий попирает своего предшественника на персидском троне Гаумату. Непосредственно за Гауматой изображены девять мятежных самозванцев, все они со связанными за спиной руками.

Справа от скульптурных изображений находятся четыре столбца первоначального эламского варианта надписи. Этот текст был в значительной мере разрушен самими строителями, чтобы расчистить место для дополнения рельефа новыми изображениями. Слева от персидского варианта находятся три столбца позднейшего эламского варианта. Всего эламских строк насчитывается 650. Над ними, слева от рельефа, расположен аккадский вариант в один столбец в 141 строку, помещенный на двух сторонах нависшей скалы. Содержание всех трех вариантов, за исключением некоторых отклонений, идентичное. Кроме того, в пятом столбце пер-

сидского варианта в отличие от эламского и аккадского текста рассказывается о подавлении восстания эламитов в 519 г. до н. э. против персидского господства и о походе Дария I против скифского племени тиграхауда.

Аккадский вариант частично сохранился также в одной надписи на каменной глыбе, найденной в Вавилоне в руинах царского дворца. На острове Элефантина в Египте в архиве иудейских военных колонистов, служивших в армии персидских царей, найдены папирусы с отрывками Бехистунской надписи на арамейском языке. Нахождение текста Бехистунской надписи в удаленных друг от друга местах не было неожиданностью для науки, так как Дарий заявляет, что он «эту надпись послал во все страны». Размножение текста было необходимо ввиду того, что надпись находится на большой высоте и поэтому недоступна для чтения снизу. В надписи на скале Дарий обращается к грядущим поколениям и к богам с рассказом о своих подвигах.

В Бехистунской надписи приведены точные даты сражений и указаны места, где они происходили, а также дано число убитых и взятых в плен противников Дария. Эти сведения заслуживают внимания, так как являются признаком достоверности многих сообщаемых надписью сведений. Тем не менее Бехистунская надпись требует от историка серьезного критического отношения. Она является типичной царской надписью с субъективным, тенденциозным освещением событий. Надпись много раз сообщает, что Дарий убил или захватил в плен десятки тысяч противников, но ни слова не говорит о его собственных потерях. Внимательное чтение надписи показывает, что в ряде случаев победы, которыми хвастается Дарий, на самом деле были поражениями, понесенными им.

Другие значительные надписи Дария I расположены в Накш-и Рустаме, в нескольких километрах к северу от Персеполя. У входа к могилам ахеменидских царей, вырубленным в скале, находятся две клинописные надписи, одна из которых содержит царскую генеалогию и перечень подвластных персидскому царю стран, а вторая излагает правовые и этические принципы, которыми руководствовался Дарий I в своей политике. Там же имеется рельеф с изображением Дария и нескольких десятков представителей подвластных персам народов с характерными для них антропологическими чертами и особенностями одежды.

Из остальных трехъязычных надписей Ахеменидов, обнаруженных на территории Ирана, большое значение име-

ют надписи Дария I и Ксеркса из Персеполя и Суз. В Персеполе раскопаны золотая и серебряная закладные пластинки с надписями Дария, в которых указаны границы Ахеменидской державы. Надписи Дария о сооружении дворцов в Сузах сохранились во многих экземплярах. Одни из них высечены на мраморе, другие — на глиняных табличках и кирпичах. Некоторые экземпляры были выставлены в различных местах дворцов, а другие положены в фундамент. В Сузах найдена также трехметровая статуя Дария I (голова не сохранилась) с древнеперсидским, эламским, аккадским и особенно обстоятельным египетским текстом.

В Персеполе и Пасаргадах раскопано несколько экземпляров надписи Ксеркса, рассказывающей о борьбе с запрещенными культами некоторых богов (так называемая Антидэвовская надпись). Сохранилось также небольшое количество надписей поздних ахеменидских царей.

Ряд ахеменидских надписей найден на территории древней Мидии, Вавилонии и Египта. Близ Экбатан были обнаружены клинописные трилингвы Дария I, которые когда-то покоились в фундаменте выстроенного там по его распоряжению дворца. Три стелы Дария I, найденные в Египте и рассказывающие о сооружении Суэцкого канала, составлены на древнеперсидском, египетском, эламском и аккадском языках. Советские археологи при раскопках в Орске (близ Оренбурга) нашли алебастровую вазу с надписью Артаксеркса I на этих же четырех языках. Сохранилось также довольно много печатей с древнеперсидскими надписями. В частности, в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве хранится прекрасный халцедоновый цилиндр-печать с изображением и надписью Артаксеркса II.

§ 2. Авеста

Для изучения религии иранцев и восстановления их древнейшего прошлого большое значение имеют священные книги зороастрийцев, которые объединяются под общим названием Авеста. Авеста складывалась постепенно, в течение длительного времени. Некоторые произведения, вошедшие в ее состав, в течение веков передавались в устной форме, другие были созданы лишь в период записи и оформления канона. Традиция сообщает о записи Авесты при Аршакидах (около 100 г. н. э.), однако эта редакция не сохранилась. Затем Авеста была собрана, канонизирована и зафиксирована зороастрийскими жрецами при сасанидских царях в IV—V вв. Для записи ее был создан особый (авес-

тийский) алфавит на базе пехлевийского шрифта. Язык Авесты ко времени записи был мертвым, и ошибки в тексте показывают, что переписчики не всегда понимали его смысл. Самый шрифт в известной мере искажал звучание авестийской речи. К этому следует добавить, что сохранившиеся рукописи Авесты относятся лишь к XIII—XIV вв. и содержат не весь древний канон. Полагают, что около $^3/_4$ его не дошло до нашего времени. Установление текста Авесты представляет сложнейшую научную проблему, и несмотря на то что традиция изучения ее в Европе насчитывает более двухсот лет, интерпретации и переводы многих частей Авесты являются спорными.

В настоящем своем виде Авеста состоит из следующих частей: Ясна, Видевдат (Вендидад), Яшты и Виспрат (Висперед). Ясна является собранием литургических текстов, сопровождавших наиболее значительные богослужебные действия. Особую часть Ясны составляют Гаты — 17 стихотворных гимнов (248 строф). Авторство их приписывается самому Заратуштре (Зороастру). Язык Гат архаичен, они относятся, по всей вероятности, к первой половине I тысячелетия до н. э. Датировка деятельности Заратуштры до сих пор вызывает споры. Значительный интерес представляет третья часть Авесты — Яшты — религиозные гимны, обращенные к древним иранским божествам (Митре, Анахите, Веретрагне, фравашам и др.). Яшты, как и Гаты, и некоторые другие части Авесты в течение долгого времени заучивались наизусть и передавались таким образом из поколения в поколение. В них сохранились древнейшие, дозороастрийские легенды и верования иранских племен, восходящие ко II тысячелетию до н. э., переложения и отголоски древнеиранских эпических песен. Видевдат в своей основной части относится к более позднему времени и содержит предписания ритуального характера. Здесь же излагаются мифы и предания о начале иранских земель, правления царя Джамшида и т. д. Видевдат является ценным источником для изучения обычаев, суеверий, воззрений зороастрийской религиозной общины. Виспрат по содержанию примыкает к Ясне, представляя собой собрание литургических текстов, молитв и заклинаний. К этим основным частям Авесты примыкают малые тексты религиозного содержания — так называемая Малая Авеста на фарси и ряд сочинений на авестийском языке, не включаемых в канон.

Чрезвычайно велика роль Авесты в изучении общих проблем индоиранистики и индоевропеистики. Сопоставление ее сведений с материалом, представляемым индийски-

ми Ведами, позволяет восстанавливать общеарийскую (индоиранскую) древность. Не менее велико значение Авесты и для выяснения культуры и религии самих иранцев. Сравнение Авесты с древнеперсидскими надписями и изображениями дает представлеиие о религии и культуре Ираиа середины и второй половины I тысячелетия до н. э. Изучение религиозных идей Авесты (например, о воскрешении из мертвых, последнем суде, спасителе и т. п.) показывает значительную роль зороастризма в культурной и религиозной жизни Ближнего Востока и Средиземноморья на рубеже н. э.

Авеста содержит известный материал и для суждений о социальной и политической истории. Можно отметить, например, Яшт, посвященный хварне (фарну) — священному ореолу власти. Исследование подобных текстов важно для понимания характера царской власти у древних иранцев и их представлений о царе. Характерно для Авесты, как и для позднейших памятников, отражающих древнюю иранскую традицию (прежде всего «Шах-наме» Фирдоуси), дуалистическое восприятие мира, и в частности противопоставление трудолюбивых и почитающих свет иранцев воинственным туранцам, поклоняющимся тьме. Заслуживает внимания терминология Авесты, отражающая социальные отношения — понятия «род», «семья», «дом» и т. д. На основе Авесты можно делать выводы о выделении жрецов и знати как отдельных сословий, о наличии крестьян и ремесленников, слуг, рабов и т. д. Однако все исследования, касающиеся социальной и политической истории по Авесте, наталкиваются на существенные трудности. Прежде всего нет должной ясности в вопросе о времени и месте составления Авесты. В настоящее время почти все исследователи согласны, что родина Авесты находилась в Восточном Иране или в Средней Азии, однако они расходятся во мнениях относительно более точной локализации ее в той или иной местности. Авеста представляет собой собрание текстов, созданных в разное время и, возможно, в разных областях, и потому ее использование в конкретно-исторических исследованиях должно сопровождаться известной осторожностью.

§ 3. Эламские, аккадские, арамейские и египетские тексты. Данные Библии

Эламские документы. В 1933—1934 гг. археологическая экспедиция Чикагского университета под руководством Э. Херцфельда обнаружила в крепостной стене Персеполя

тысячи клинописных документов на эламском языке, составлявших часть государственного архива ахеменидских царей. Эти тексты получили условное название «таблички крепостной стены». К настоящему времени из них опубликовано около 2100 документов (издатель — американский ученый Р. Т. Халлок). Все эти тексты датируются 509—494 годами до н. э., т. е. от 13-го до 28-го года царствоваиия Дария I.

Таблички можно разделить на две большие группы: документы, которые фиксируют крупные операции по перевозке различных продуктов с одного места на другое в соответствии с хозяйственными потребностями, и ведомости о распределении продуктов. Тексты отмечают транспортировку продуктов и скота, взимание налогов, выдачу рационов для работников царского хозяйства и выплату жалованья государственным чиновникам. Среди табличек крепостной стены сохранилась также служебная переписка высокопоставленных персидских чиновников.

Тексты крепостной стены по содержанию и формулярам имеют много общего с так называемыми документами сокровищницы, раскопанными в 1936—1938 гг. в одном из помещений царской сокровищницы Персеполя. Всего было найдено 753 таблички и фрагмента, из которых к настоящему времени опубликовано около 140 (издатель — Дж. Камерон). Эти документы датируются 492—458 годами до н. э., т. е. от 30-го года правления Дария I до 7-го года правления Артаксеркса I, и фиксируют выдачу серебра и натуральных продуктов, главным образом для работников царского хозяйства в Персеполе и его окрестностях. Тексты являются расчетными документами между дворцовой сокровищницей и дворцовыми складами, откуда отпускались продукты. По формулярам документы делятся на письма и «памятные записки». В письмах и памятных записках фиксируется выполнеиная работа, ее продолжительность во времени, ответственное лицо и сумма оплаты работникам в зависимости от их квалификации, пола и возраста.

Некоторые тексты сокровищницы и крепостной стены содержат личные распоряжения царя, главным образом о выдаче крупных денежных сумм и значительного количества голов скота тем или иным высокопоставленным лицам для вознаграждения их услуг.

Тексты из Персеполя дают весьма богатые свидетельства о размерах и механизме функционирования царского хозяйства в Иране. Кроме того, они являются важным ис-

точником для изучения древнеиранской лексики, поскольку в этих текстах содержится большое количество древнеперсидских слов, заимствованных эламским языком.

К документам приложены печати. На табличках сокровищницы сохранилось 199 оттисков печатей (глиняных булл с надписями). На текстах крепостной стены печатей гораздо больше, но они пока еще не изданы. Более ста печатей к этим текстам содержат надписи клинописью и гораздо реже — арамейским письмом.

Аккадские тексты. Ценные сведения об иранских племенах на границах Передней Азии дают ассирийские источники IX—VII вв. до н. э. Например, в одном из таких текстов, а именно в надписи Ашшурбанапала, упоминается ранний ахеменидский царь Кир I, правитель Парсумаша (Персии) в 40-х годах VII в. до н. э.

Вавилонская хроника в ряде случаев дает важные сведения о политической и военной истории Ирана. В частности, в ней рассказывается о захвате Месопотамии персами в 539 г. до н. э. (Хроника Набоиида-Кира). Эта часть хроники была составлена или подверглась редакции в период царствоваиия Кира II, завоевателя Вавилонии, так как она написана в угоду ему и во враждебном духе по отношению к последнему вавилонскому царю Набониду. К хронике по своему содержанию и духу примыкает ряд текстов, сочиненных вавилонскими жрецами после захвата Месопотамии персами. Это прежде всего не полностью сохранившийся отчет о правлении Набонида, составленный в стихотворной форме. В тексте рассказывается о событиях, которые привели к захвату страны персами, и о деяниях Кира II, когда он вступил в Вавилон. Набонид назван надменным безумцем и богоотступником, а Кир изображен мудрым государственным деятелем. Большой интерес представляет цилиндр Кира, повествующий о политике этого царя по отношению к покоренному населению Месопотамии. Согласно этому тексту, при Набониде религия вавилонян преследовалась, а Кир освободил их от гнета и возродил их древнюю религию.

Некоторые надписи Набонида (например, Сиппарский цилиндр) дают ценные сведения о событиях в Иране во время восстания персов против мидийского господства в 553—550 гг. до н. э.

Сохранилось также более 4000 вавилонских частноправовых и административно-хозяйственных документов ахеменидского времени. Основная их часть (около 3000) относится ко времени правления Кира II, Камбиза и Дария I.

К ахеменидскому времени относится также более 300 писем из храмовых и частных архивов Вавилонии.

Арамейские тексты. О распространенности арамейского языка в Персидской державе свидетельствуют многочисленные папирусы, кожаные свитки, надписи на камнях, монетах, печатях и на глине, найденные в самых различных местах, начиная с острова Элефантины в Египте и кончая областями на границах с Индией. Остановимся на наиболее важных из этих текстов.

Среди текстов крепостной стены в Персеполе имеется значительное количество глиняных табличек на арамейском языке (они пока не изданы). Кроме того, на некоторых табличках эламский текст сопровождается приписками, сделанными чернилами арамейским письмом и на арамейском языке. Эти приписки содержат краткие резюме текста. Подобные же приписки и на арамейском языке появляются в вавилонских клинописных документах начиная еще с VIII в. до н. э. Их особенно много в документах V в. до н. э.

В Малой Азии, на территории древней Даскилеи, обнаружено несколько стел ахеменидского времени. Из Малой Азии известны также надписи ахеменидского времени на лидийском языке, часть которых сопровождается параллельным арамейским текстом. Имеются также трилингвы на лидийском, арамейском и греческом языках. Монеты, чеканенные в Малой Азии и Финикии персидскими сатрапами и наместниками областей, содержат арамейские легенды.

До сих пор речь шла об арамейских текстах на глине и камне. Но основным материалом для арамейского письма служили кожа и папирус. Однако такие документы могут сохраняться только в странах с сухим климатом. В 1964 г. в местности Вади-Далиях (в 14 км к северу от древнего Иерихона) в одной из пещер было найдено около двадцати арамейских папирусов и несколько сот фрагментов. На папирусах сохранились оттиски 28 печатей, многие из которых оказались несломанными. Папирусы содержат тексты частноправового и административного характера (брачные контракты, манумиссии рабов, продажа имущества и т. д.) и охватывают период между 375—335 гг. до н. э.

В Египте найдено около 200 арамейских папирусов ахеменидского времени, большая часть которых прекрасно сохранилась. В частности, во время раскопок немецких археологов на Элефантине в 1907—1908 гг. было обнаружено около 100 папирусов, происходивших из иудейской военной колонии, которая существовала на этом острове. Большинство этих текстов — брачные контракты, купчие и т. д., но

среди них имеются указы ахеменидских царей и другие официальные документы, касающиеся деятельности различных органов персидской власти. Все эти папирусы относятся к V в. до н. э. Наряду с частноправовыми документами в архиве на Элефантине был найден также литературный текст — повесть о мудреце Ахикаре, сюжет которой возник еще в новоассирийское время.

В 1954 г. английский ученый Г. Р. Драйвер опубликовал чрезвычайно ценную коллекцию тринадцати писем персидского сатрапа в Египте Аршамы. Они сохранились в кожаном мешке, в котором доставлялись официальные документы того времени. На внешней стороне писем, написанных на коже, содержатся адреса и краткое содержание посланий, а на внутренней — сам текст. Эти письма дают живую картиу господства персов в Египте в V в. до н. э. Они содержат инструкции по приобретению рабочей силы, обращению с непослушными рабами, управлению имениями Аршамы и других персидских вельмож, разбросанными по всему Египту. Письма отправлены Аршамой и другими высокопоставленными персами к управляющим их имениями, вероятно, из Вавилона и Суз, где эти персы временно находились. Они содержат также важную информацию о государственных делах. На письмах сохранились глиняные печати. На одной из них есть следы арамейской легенды, которая переводится: «Печать царевича Аршамы».

В 1945 г. египетский археолог Сами Габра нашел в Туна эль-Джебель, на территории древнего Западного Гермополя, глиняный сосуд с восемью арамейскими папирусами. Они чужды всему комплексу находок на этом кладбище и, видимо, были спрятаны там во время каких-то волнений в стране. Эти папирусы оказались частными письмами, отправленными арамейскими военными колонистами в Мемфисе другим семитским колонистам в разных местах Египта. В них содержатся семейные новости и различные указания относительно торговых сделок. Письма относятся к V в. до н. э. Они были найдены нераспечатанными, с нетронутыми печатями, ибо по не известным нам причинам не дошли до адресатов, а застряли по пути на юг в Гермополе.

В отличие от элефантинских папирусов, освещающих главным образом религиозные представления иудеев с центром в храме Яхве на Элефантине, гермопольские письма содержат ценные сведения о языческой религии арамеев и других семитских поселенцев в Египте, поклонников Набу, Малкат-шамин и еще нескольких божеств.

В 1926 г. в Саккара было найдено 112 арамейских текстов, написанных преимущественно на папирусе. Большинство этих текстов является частями «дневника» ахеменидского государственного арсенала по сооружению и ремонту военных кораблей в Мемфисе в V в. до н. э.

Контракт об аренде земли, датированный седьмым годом царствования Дария I (515 г. до н. э.), является самым ранним из всех дошедших из Египта арамейских папирусов ахеменидского времени. Другой арамейский папирус, также найденный в Египте, повествует о путешествии одного выходца из финикийского города Сидона для поклонения египетскому богу Осирису.

Демотические тексты. Из ахеменидского Египта известно довольно много разнообразных источников, написанных главным образом демотикой. Часть документов составлена также курсивным иератическим письмом. Особый интерес представляют следующие тексты.

Уджагорресент, крупный сановник при саисских фараонах Амасисе и Псамметихе III, который позднее был близок к ахеменидским царям Камбизу и Дарию I, оставил пространную надпись, рассказывающую о захвате Египта персами и последовавшей затем в стране смуте.

Ценные данные содержат декрет Камбиза об ограничении собственности египетских храмов и указ Дария I о кодификации египетских законов, действовавших в стране до завоевания ее персами. Оба текста сохранились в более поздних копиях на оборотной стороне так называемой «Демотической хроники», записанной в III в. до н. э. в Нижнем Египте. Начало и конец хроники утрачены, но она дает яркую картину условий жизни в Египте при последних ахеменидских царях начиная с 404 г. до н. э.

Ценную информацию об административной и правовой системе Египта в персидское время содержат демотические письма, адресованные местными жрецами персидскому сатрапу Ферендату, и так называемый папирус Райландз, содержащий, в частности, жалобу некоего Петеисе о незаконном захвате его имущества храмовыми служителями. Сохранились и папирусы, рассказывающие о пожертвовании Ахеменидами даров в египетские храмы. 117 египетских надписей датированы по годам царствования Камбиза, Дария I, Ксеркса и Артаксеркса I. Часть этих надписей составлена от имени упомянутых царей, а другие — от имени различных персидских чиновников. В частности, 12 надписей принадлежат персидским чиновникам, руководившим каменоломными работами в местности Вади-Хаммамат.

Библейские источники. Главы 40—55 книги Исайи рассказывают о событиях, относящихся к началу заката Вавилонского царства; персы наступали на Месопотамию или готовились к войне с ней (период около 547—538 гг. до н. э.). В книге Исайи в поэтической форме выражается надежда, что персидский царь Кир захватит Вавилон и позволит уведенным в плен в эту страну иудеям вернуться на свою родину.

Некоторые части книги пророка Аггея точно датированы, а именно вторым годом царствования Дария I. Пророк обращался с проповедями к наместнику Иудеи Зеровавелю, первосвященнику и жителям Иерусалима, побуждая их к восстановлению храма, разрушенного по распоряжению вавилонского царя Навуходоносора II. Книга Аггея дополняется книгой его современника Захарии, выступавшего с такими же проповедями.

Книга Эзры содержит указ Кира II с разрешением восстановить Иерусалимский храм и переписку иерусалимских властей с персидскими царями относительно того же храма. Книга Нехемии по содержанию примыкает к книге Эзры и рассказывает об истории иудеев в персидский период.

Книга Даниила — исторический роман о событиях второй половины VI в. до н. э. (главным образом, о падении Вавилонского царства в 539 г. до н. э.). Но само произведение возникло во II в. до н. э., и из него видно, что поздняя иудейская традиция об ахеменидском периоде малодостоверна: всему мидийско-ахеменидскому времени отводится 52 года вместо 206 лет, в последовательности царей допускается большая путаница.

Книга Эсфирь также является историческим романом, насыщенным сказочными мотивами. Действие романа происходит в Сузах. Хотя роман возник во II в. до н. э. и в нем мало исторического материала, в некоторых его частях была использована достоверная традиция. Реалии быта царского двора и делопроизводства, описание персидских обычаев, содержащиеся в произведении, подтверждаются и другими источниками.

§ 4. Античные источники

Произведения древнегреческих авторов являются основными нарративными источниками об ахеменидском периоде, и многие важные исторические события (например, греко-персидские войны) и почти вся дипломатическая и по-

литическая история V—IV вв. до н. э. известна лишь из этих источников. Но греческие авторы, как правило, были враждебно настроены к персам и поэтому не всегда объективны к своим противникам.

Первыми греками, которые писали о Персии, были ионийские логографы VI—V вв. до н. э. Для их произведений характерны сжатость, однообразие, сухое изложение фактов. Одним из таких логографов был Гекатей из Милета в Малой Азии, живший между 560—460 гг. до и. э. Он совершил путешествие по странам Ахеменидской державы и после возвращения в Милет в конце VI в. составил географический перечень областей и народов («Обозрение земли»), которые были покорены персами, а также исторический комментарий к этому перечню. По мнению многих ученых, к Гекатею восходит список персидских сатрапий, сохранившийся у Геродота.

Персидской историей занимался также Харон из Лампсака. Его произведения были краткой хроникой событий. Он, в частности, дал первое описание греко-персидских войн, которое позднее было вытеснено трудом Геродота. Более обстоятельная история Персии начииая со времени Кира II была написана Дионисием Милетским, жившим во второй половине V в. до н. э. Позднее это произведение было использовано Диодором Сицилийским.

«История» Геродота — чрезвычайно важный источник по истории, экономике, культуре и географии Персидской державы. Он много путешествовал по странам Ближнего Востока, а позднее долгое время жил в Афинах. Никаких языков, кроме своего родного, он не знал и поэтому целиком зависел от услуг переводчиков.

Центральное место в труде Геродота занимает история греко-персидских войн (последние пять из девяти книг), в которую как предыстория этих войн включены история Лидии, Вавилонии, Египта, Персии и других стран со множеством новелл, интереснейшего этнографического и фольклорного материала. Геродот писал спустя целое поколение после битвы при Марафоне, но в его распоряжении были хорошие источники: различные греческие надписи, храмовые хроники, произведения более раиних греческих авторов и устные рассказы людей, которые сами воевали и были еще живы.

Труд Геродота — основной и за исключением некоторых деталей вполне достоверный источник по истории греко-персидских войн. В отличие от многих позднейших греческих авторов Геродот относился к персам объективно, без

вражды, старался изложить и персидскую точку зрения на описываемые им события.

Геродот подробно рассказывает об административной системе и материальных ресурсах Персидской державы и дает перечень входивших в нее народов с подробными указаниями о податях с каждой сатрапии, приводит детальное описание персидской армии во время похода Ксеркса против Греции, включая оружие каждого отряда и имена полководцев, дает описание царской дороги с указанием количества станций и расстояния между ними. Геродот сообщает также о тайнах дворцовой жизни в Сузах и интригах царедворцев. В этой части труда источники Геродота также были разнообразными. Список сатрапий и податей с них, сведения о царской дороге, перечень контингентов в войске Ксеркса и другие подобные сведения Геродот взял из официальных (или полуофициальных) персидских источников, которые он как подданный персидского царя мог получить на своей родине в Малой Азии. В остальных случаях Геродот следует устной традиции, прежде всего персидской, рассказам переводчиков, участников тех или иных событий и т. д. Среди информаторов Геродота, снабжавших его надежными сведениями, были и греки, которые в течение многих лет жили при дворе ахеменидских царей, или греческие мастера, работавшие в царских столицах, а затем вернувшиеся на родину.

Из труда Ктесия, состоявшего из 23 книг, 19 из которых посвящены персидской истории, сохранились лишь фрагменты. Он был личным врачом персидского царя Артаксеркса II и продолжительное время жил при его дворе. Если верить Ктесию, его «Персидская история» была основана на царских анналах. Однако на самом деле, как это видно из содержания фрагментов, он анналами не пользовался, а был обязан своей информацией устной традиции персов, а также писал по личным наблюдениям, наполняя свой труд рассказами об интригах, сказочных приключениях и т. д. Ктесий, завидуя славе Геродота и критикуя его, тем не менее часто, не располагая достоверной информацией, был зависим от своего предшественника, пользовался его трудом и при этом намеренно искажал взятые оттуда сведения. Тем не менее во фрагментах Ктесия содержатся некоторые важные и интересные сведения. Например, иногда Ктесий гораздо ближе к Бехистунской надписи, чем Геродот. Много ценных деталей персидского быта взял у Ктесия Плутарх (особенно в биографии Артаксеркса II). Ктесий дает также расстояние между различными станциями

на пути от Эфеса в Малой Азии до Бактрии и Индии и указывает количество дневных переходов.

Период между 478—433 гг. до н. э., к сожалению, известен плохо. Геродот кончает историю взаимоотношений между персами и греками 478 г., а знаменитый историк Фукидид (460—396 гг. до н. э.) в своем труде подробно и достоверно рассказывает о войнах между Персией, Спартой и Афинами начиная с 438 г. до н. э. и даже приводит тексты заключенных между этими государствами договоров.

Фукидид успел довести изложение событий Пелопоннесской войны между Спартой и Афинами только до 411 г. до н. э., и, по существу, продолжением его труда является «Греческая история» Ксенофонта (ок. 430—354 гг. до н. э.). Она кончается 362 годом до н. э. и является основным источником об отношениях между Персией и эллинскими государствами за несколько десятилетий. Ксенофонт был гражданином Афин, но за свои лаконофильские взгляды вынужден был жить в изгнании. Много лет он провел в Малой Азии, сначала на службе у персидского сатрапа Кира Младшего, затем у спартанского царя Агесилая, воевавшего против Персии.

Кроме «Греческой истории», Ксенофонт написал еще несколько произведений, содержащих важные сведения о Персидской державе. Особенно ценны его исторические мемуары «Анабасис», посвященные мятежу Кира Младшего против персидского царя Артаксеркса II и последующему возвращению греческих наемников, служивших Киру, из Вавилонии через Армению к Черному морю. Эти мемуары — ценнейший источник по истории и экономике Персидской державы на рубеже V—IV вв. до н. э., особенно по истории малоазийских областей. Кроме того, книга содержит большой культурно-исторический материал об образе жизни, нравах и обычаях племен, по территории которых пролегал путь Ксенофонта и его спутников. Однако «Греческая история» и «Анабасис» написаны тенденциозно, с умолчанием и искажением многих фактов в угоду Спарте.

Ценные сведения об экономике, податях и управлении сатрапиями Ахеменидской державы содержатся также в «Домострое» Ксенофонта. Его перу принадлежит также исторический роман «Киропедия» («Воспитание Кира»). Кир II, основатель Персидской державы, изображается идеальным правителем, а Персидское царство рисуется как идеальное государство древнегреческого философа Платона. В «Киропедии» использован и труд Геродота, и собственные наблюдения, но Ксенофонт чрезвычайно вольно об-

ращался с материалом и переработал его в соответствии со своими философскими, политическими и дидактическими взглядами.

К концу ахеменидского господства Динон из города Колофон в Малой Азии написал обширную историю Персии начиная с Кира II. Он подробно рассказывал также о государственных институтах и обычаях персов. Однако этот труд дошел до нас лишь во фрагментах. Наряду с произведением Ктесия он был основным источником для биографии Артаксеркса II, написанной Плутархом. Ряд других биографий (афинского политического деятеля Фемистокла, Александра Македонского и т. д.), написанных Плутархом с использованием отчасти не дошедших до нас источников, дают важные сведения о древней Персии. Из его философских произведений также можно почерпнуть некоторые данные об иранских религиях.

XV книга «Географии» Страбона, в значительной мере посвященная Персии, сохранила ценные сообщения о религии и обычаях персов, которые большей частью из других источников не известны.

«Историческая библиотека» Диодора Сицилийского излагает историю Персии начиная со времени Артаксеркса II (465—424 гг. до н. э.). Особенно ценны те части его труда, в которых изложена история Египта персидского времени и история греко-персидских отношений.

Важные сведения о хозяйстве персидских царей, их сатрапов и о податях в Ахеменидской державе содержит «Экономика» Псевдо-Аристотеля, написанная в последней четверти IV в. до н. э. неизвестным автором.

В особую группу можно выделить источники о походах Александра Македонского. Участники этих походов Аристобул, Птолемей (впоследствии царь Египта), Онесикрит и Неарх написали мемуары о жизни и деятельности Александра. Грек Арриан из города Никомедии в Малой Азии написал труд «Поход Александра», основанный на огромном фактическом материале. Историю походов Александра на латинском языке составил также автор I в. до н. э. Курций Руф.

Труды Арриана и Курция Руфа содержат важные данные о последнем периоде существования Ахеменидской державы.

На греческом языке сохранились также эпиграфические источники, относящиеся к ахеменидскому времени. Среди них особую ценность имеет указ Дария I, адресованный управляющему его имениями в Магнесии на Меандре (Ма-

лая Азия) Гадате, с распоряжением освободить работников храма Аполлона от выполнения повинностей в пользу государства. В 1973 г. на территории древнего города Ксанфа в Малой Азии была найдена надпись середины IV в. до н. э. на ликийском, греческом и арамейском языках, содержащая важные сведения о политических событиях и религиозных представлениях в период персидского правления. Обильный эпиграфический материал из греческих областей в ряде случаев дает ценные данные, представляющие интерес для истории греко-персидских отношений.

§ 5. Археологические источники

Большое значение для изучения истории и культуры Древнего Ирана имеют археологические памятники. В течение нескольких последних десятилетий иранскими и иностранными археологическими экспедициями была проведена значительная работа по исследованию древних памятников Ирана. Координацию всей этой работы осуществляет созданный в 1971 г. Иранский исследовательский центр по археологии и истории культуры. Остановимся на важнейших результатах этих исследований.

В Пасаргадах, древнейшей столице Персидского государства, с 1961 г. раскопки вел Британский институт по изучению Ирана под руководством Д. Стронаха. Перед экспедицией была поставлена задача изучения археологических памятников этого города на всем протяжении его существования (с IV тысячелетия до н. э. до эпохи Селевкидов). Раскопки позволили также установить даты сооружения основных зданий времени Кира II (между 546—530 гг. до н. э.), выявить их планы, установить строительные приемы и последовательность возведения тех или иных сооружений. Здания Пасаргад составляют наиболее ранний дворцовый комплекс ахеменидских царей и являются древнейшими монументальными памятниками персидской материальной культуры. Полностью сохранился каменный рельеф, украшавший вход в один из дворцов. На рельефе изображена высокая фигура четырехкрылого гения — хранителя царя, на нем эламское парадное платье, на голове — корона, по форме и убранству похожая на короны египетских фараонов. Там же сохранилась и клинописная надпись: «Я — Кир, царь Ахеменид».

К югу от дворцов находится самое известное здание ахеменидской эпохи — гробница Кира II. Она состоит из двух

частей — высокого постамента из шести плит и скромного по форме здания с высокой двускатной крышей. Описание внутреннего вида погребальной камеры сохранилось у античных авторов Арриана и Курция Руфа.

Во время недавних раскопок в Пасаргадах был найден клад золотых и серебряных вещей, сложенных в большой керамический сосуд. Клад состоял из 1162 предметов, в числе которых пара великолепных золотых браслетов, увенчанных головами горного козла, три пары золотых серег со вставками из лазурита, несколько серебряных ложек с зооморфными ручками, ожерелья, составленные из бусин в виде лежащих львов из лазурита, халцедона и аметиста, ожерелья из кораллов и цветных камней. По всей вероятности, все эти драгоценности принадлежали какой-то царевне из ахеменидского рода и были спрятаны, когда войско Александра Македонского подходило к Пасаргадам.

Персеполь является одним из наиболее хорошо изученных древних городов. Раскопки здесь велись экспедицией Восточного института Чикагского университета начиная с 1931 г. сначала под руководством Э. Херцфельда, затем Э. Шмидта.

Как показали археологические исследования, весь план будущего города был детально разработан еще до начала работ. Хозяйственные тексты и царские надписи дали возможность установить последовательность основных этапов сооружения Персеполя. Его дворцы представляют единый архитектурный ансамбль, состоящий из двух типов зданий: тачара — жилой дворец, и ападана — парадный зал, который вмещал до 10 000 человек.

На лестницах ападаны высечены рельефы с изображениями придворных, воинов и представителей покоренных народов. На одном из них показана длинная процессия представителей 33 народов державы, несущих подарки или ежегодную подать персидскому царю. Если рельефы растянуть в длину, они заняли бы 400 м. Это настоящий этнографический музей с изображением всех характерных особенностей одежды и черт лица представителей различных племен и народов. Персепольские рельефы не имеют надписей, но почти всех изображенных там людей можно отождествить по их этнической принадлежности, поскольку на гробницах Дария I и Артаксеркса II в Накш-и-Рустаме запечатлены представители 23 народов с указанием их этнического происхождения и изображением тех же характерных для них черт.

Раскопки французских археологов в Сузах в 1973—1974 гг. позволили полностью выяснить план комплекса ахеменидских дворцов в этом городе. Они состоят из монументальных пропилей (входной портик), внутреннего дворца, жилых покоев и приемного зала (ападаиа). Строительство, начатое при Дарии, было завершено его сыном Ксерксом. У пропилей была найдена уже упоминавшаяся статуя Дария I в церемониальном персидском костюме. По сторонам постамента находятся изображения представителей различных народов Персидской державы. Всего таких фигур 23. У каждой из них в картуше египетскими иероглифами обозначено название народа.

Печати, в особенности группа пирамидальных печатей, многие из которых делались в Малой Азии, а также цилиндры, изготовлявшиеся в ахеменидскую эпоху на бывших территориях Ассирии и Вавилонии, ярко показывают определяющие черты древнеперсидского искусства: строгую канонизацию, стремление к абсолютной симметрии, зеркальное построение одних и тех же сцен. Группа печатей-цилиндров и пирамид имеет надписи на разных языках (древнеперсидском, эламском, аккадском, арамейском, лидийском и др.), но одни и те же в общем стандартные сюжеты. Это прежде всего царь у жертвенника с пылающим огнем, изображение верховного иранского бога Ахурамазды, борьба царя-героя с чудовищем, символическая сцена борьбы животных, различные гении и демоны добра и зла.

Ценным источником для исследования экономики древних обществ являются и клады монет. На различных территориях Ахеменидской державы было раскопано значительное количество монетных кладов с персидскими золотыми дариками, серебряными сиклями и более мелкими медными монетами. Например, на месте древнего канала, сооруженного в обход мыса Афон в 480 г. до н. э. по распоряжению персидского царя Ксеркса, был найден клад, в котором 300 дариков были перемешаны с архаическими тетрадрахмами Афин. Как на дариках, так и на сиклях помещалось одинаковое изображение персидского царя (на сиклях оно выполнено менее тщательно). Царь изображен опустившимся на колено, с бородой и в короне, с колчаном на спине и с копьем в правой руке; в вытянутой левой руке он держит лук. Единообразие стиля и отсутствие надписей делает невозможным отнесение персидских монет к тому или иному правителю.

Наряду с царской в Персидской державе существовали еще сатрапская и местная чеканки подвластных Ахемени-

дам стран и городов, особенно в бассейне Средиземного моря. Все эти монеты находились в обращении одновременно с царскими. Серебряные и более мелкие медные монеты различной стоимости чеканили также автономные города и зависимые цари. На этих монетах помещались изображения персидских или местных царей. Например, на монетах из финикийского города Сидона изображен персидский царь Артаксеркс III на колеснице, а на реверсе — финикийский военный корабль. На монетах сатрапов в большинстве случаев изображен персидский царь, но иногда они сами. Кроме того, монеты содержат греческие или арамейские легенды с именами соответствующих наместников. Например, сатрап Киликии в первой половине IV в. до н. э. Датам изображен в персидской одежде, на коленях у него — колчан, в руках он держит стрелу, а перед ним — лук. В Даскилее (Малая Азия) сатрап Фарнабаз выпускал серебряные монеты с греческой легендой, содержащей его имя и портрет.

Глава XVIII
СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Древняя история Средней Азии освещена источниками недостаточно и крайне неравномерно. Особенно остро ощущается отсутствие местной историографической традиции, иноземные же источники касаются истории народов Средней Азии только эпизодически, главным образом в связи с чужеземными походами на территорию этого региона. В результате этого некоторые длительные периоды слабо отражены в письменных источниках, другие же, сравнительно короткие (например, поход Александра Македонского), — относительно подробно. В силу этого для истории Средней Азии большую ценность имеют археологические и нумизматические материалы.

§ 1. Свидетельства античных историков

Важное значение для истории народов Средней Азии имеют греческие источники. Видимо, самым ранним автором, у которого содержатся некоторые достоверные сведения относительно исторических судеб этого региона, является Геродот. Однако во всей его «Истории» имеется только один сравнительно обширный отрывок, в котором описываются события, происходившие в Средней Азии, — рас-

сказ о последнем походе основателя персидского царства Кира. В основе рассказа Геродота лежат скорее всего не документальные материалы, а устная традиция. При этом вполне вероятно, что эта традиция не официальная персидская, поскольку основатель державы Ахеменидов обрисовывается достаточно отрицательно. Геродот и здесь (как и во многих других случаях) сознает относительную ценность сообщаемых им сведений. Заканчивая сообщение о гибели Кира, он отмечает: «Из многих рассказов о кончине Кира этот мне кажется наиболее достоверным», — что подразумевает, во-первых, использование им устной традиции и, во-вторых, определенную степень сомнения автора даже относительно выбранной им для пересказа версии.

В рассказе Геродота бесспорно присутствуют фольклорные мотивы (вещий сон Кира, мнимое сватовство, военная хитрость), некоторые части рассказа полностью выдуманы автором (речь Креза на военном совете).

Можно думать, что в исторической части этого сообщения Геродота бесспорным является только сам основной факт — гибель Кира в результате столкновения со среднеазиатскими кочевниками, все же остальное требует самой строгой проверки, поскольку между историческим фактом и рассказом о нем у Геродота лежит посредствующее звено — устная фольклорная традиция. Гораздо большего внимания заслуживают этнографические сообщения Геродота Некоторые из них рассматриваются современными исследователями как достоверные и согласующиеся с археологическими данными, другие же (например, отсутствие у массагетов железа) явно недостоверны, и нужны длительные исследования, которые объяснят причины этих искажеиий реальности у Геродота (они, видимо, являются результатом использования какой-то специфической информации).

В труде Геродота имеется еще целый ряд упоминаний народов Средней Азии, правда, всегда в связи с какими-то иными, более важными для автора сюжетами. В частности, важны короткий рассказ о гидротехническом строительстве Ахеменидов на реке Акес и плате местного населения за воду, воспринимаемый современными исследователями как отражение реальной практики персидской администрации, а также краткие сообщения Геродота относительно административной структуры (и налогообложения) Средней Азии в ахеменидское время. В связи с борьбой при дворе сообщается о волнениях в Бактрии. При всем том Геродот не сообщает самых важных событий в Средней Азии, если они даже находятся в самой тесной связи с событиями в це

нтре державы Ахеменидов. Так, например, он ничего не знает о восстаниях в Средней Азии при восшествии на престол Дария I, хотя он подробно рассказывает о заговоре семи знатных персов, о восстании в Вавилонии и Мидии.

Некоторое значение для изучения истории Средней Азии имеют свидетельства Ктесия из Книда, собранные в его сочинении «История Персии», сохранившемся во фрагментах. Это сочинение использовалось в качестве источника такими авторами, как Диодор (I в. до н. э.), Плиний Старший (I в. н. э.), Афиней (II—III вв. н. э.), Клавдий Элиан (II—III вв. н. э.). Однако при анализе текста этих авторов зачастую сложно бывает установить, насколько точно данный фрагмент отражает подлинный текст Ктесия.

Современные исследователи приходят к выводу, что произведения Ктесия стоят ближе к художественной литературе, чем к научной. Утверждается, что «История Персии» представляет собой нечто среднее между исторической работой и романом, самого же Ктесия они называют «отцом исторического романа». В рассказах Ктесия к тому же чувствуется налет анахронизма. В описываемые им ранние события он переносит отношения, существовавшие в современной ему Персии. Значительным недостатком Ктесия как историка является постоянное стремление дать обязательно нечто новое, оригинальное, отличающее его от более ранних авторов, особенно Геродота. В результате Ктесий иногда просто выдумывает факты или их объяснения.

Отрицательное в целом отношение к сочинениям Ктесия, однако, не должно приводить к полному игнорированию его свидетельств. В них разбросаны отдельные важные крупицы достоверных сведений о древних народах Средней Азии, об их расселении, о политической организации среднеазиатского общества. Современные археологические исследования заставляют думать, например, что сообщения Ктесия о существовании Бактрийского царства до ахеменидского завоевания Средней Азии отражают историческую реальность. Ряд рассказов Ктесия, ранее воспринимавшихся как занимательные вставные новеллы, в действительности оказались передачей местной народной традиции.

Значительный материал по истории Средней Азии содержится в сочинениях греческих историков, описывавших походы Александра Македонского.

Древнейшим среди этих авторов является Диодор (I в. до н. э.). В XVII книге его «Исторической библиотеки» содержится описание похода Александра Македонского, в более поздних книгах — некоторые сведения об эпизодах

борьбы диадохов, затрагивающих и Средиюю Азию. Произведения Диодора считаются современными исследователями ценным источником, и можно только пожалеть, что большая лакуна в его тексте приходится как раз на описание военных действий в Средней Азии. Рассказ Диодора о событиях в собственно Средней Азии заканчивается на Гиркании. В этом рассказе приведены сведения о природных условиях и хозяйственной жизни, но появляются также и явно легендарные подробности, в данном случае рассказ о свидании в Гиркании Александра Македонского с царицей амазонок Фалестридой.

Из сообщений о событиях в Средней Азии в период после смерти Александра особое внимание привлекает рассказ о восстании греков — поселенцев в Бактрии, основанный на хороших источниках.

Сведения об истории Средней Азии эллинистической эпохи имеются в произведении Помпея Трога «Historiae Philippicae» (на латинском языке, в 44 книгах). Оно было написано при Августе и представляло собой попытку дать общую картину истории человечества от легендарных Нина и Семирамиды до времени жизни автора. Во II или III в. н. э. оно было сокращено неким Марком Юнианом Юстином, и после этого оригинал был утрачен. Эпитоматор иногда сокращал текст, но самое главное — усиливал морализующие стороны оригинала.

История Средней Азии входит в круг рассмотрения Помпея Трога преимущественно с момента похода Александра Македонского. Ценность этого источника определяется в первую очередь тем, что он единственный дает нам связный очерк ранней истории Парфянского царства, в нем содержится информация по истории Греко-Бактрии, о походах ее царей в Индию, о нападении кочевников на Парфию и Греко-Бактрию.

Некоторые сведения Помпея Трога имеют особую ценность для историка. Современные исследования показали, например, что версия возникновения Парфянского царства, представленная у Помпея Трога, более точна, чем иные версии. Ее, в частности, подтвердили новые эпиграфические памятники. В некоторых случаях об информации, пропущенной Юстином при сокращении, можно получить представление на основании «Прологов», составленных на основе оригинального текста. Именно так обстоит дело, в частности, с сообщением Помпея Трога о кочевническом завоевании Бактрии.

По всей видимости к I в. н. э. (хотя некоторые исследо-

ватели отдают предпочтение более поздним датам) относится произведение Квинта Курция Руфа «История Александра Македонского». Оно является важным историческим источником для понимания событий, происшедших в Средней Азии в годы завоеваний Александра Македонского. Иногда в этом произведении (несколько неожиданно) проскальзывает информация и о более поздних временах. Так, например, рассказав о строительстве по приказу Александра крепостей в Маргиане, Квинт Курций Руф затем добавляет, что в настоящее время они служат тем, над кем ранее должны были господствовать.

Среди многочисленных написанных Плутархом произведений наибольшее значение для изучения истории Средней Азии имеет биография Александра, хотя некоторый (очень небольшой) материал имеется и в других его сочинениях (например, в биографиях Евмена, Красса, Антония, «О судьбе или удаче Александра» и некоторых других). Биография Александра (как и другие биографии) представляет собой конечно не собственно историческое произведение, а описание характера («этоса») человека. Из жизнеописания Александра поэтому исчезают целые большие периоды или по крайней мере освещаются весьма односторонне. Так, практически полностью исчезла вся война в Средней Азии, остались только конфликты среди греко-македонян. Плутарх мало говорит о жестокостях Александра в период завоевания Средней Азии, делая основной упор на благодеяния царя по отношению к завоеванным.

Видимо, важнейшим источником по истории Средней Азии эпохи Александра Македонского является сочинение Флавия Арриана «Анабасис Александра» (II в. н. э.). Оно дает ясное и трезвое изложение событий похода Александра, почти лишенное риторических прикрас и морализирования. Все это относится и к рассказу Арриана относительно военных действий на территории Средней Азии. В сочинении Арриана присутствуют и некоторые географические и этнографические сведения, представляют ценность его сообщения о городах Средней Азии, существовавших до походов Александра, о сущности его градостроительной политики и т. д. Достаточно подробно и объективно описывает Арриан и народное сопротивление завоевателям, интересно его свидетельство о посольстве царя хорасмиев Фарасмана.

Некоторые сведения об истории Средней Азии содержатся и в других произведениях Арриана. Так, им была написана история Парфии. От нее сохранилось только несколько фрагментов, изложенных Фотием. Здесь передана

иная версия (нежели у Юстина) возникновения Парфянского царства. Высказывалось предположение, что эта версия передает позднюю официальную Аршакидскую легенду.

Из других античных авторов, сочинения которых важны для истории Средней Азии, необходимо упомянуть Полибия. Интересно его описание похода Антиоха III против Парфии и Греко-Бактрии. Определенная, хотя и незначительная, информация содержится также в произведениях Тацита, Полиена, некоторых поздних византийских авторов (Стефаиа Византийского, Синкелла и т. п.). Источником может служить сочинение Аммиана Марцеллина, но источниковедческий анализ его (с точки зрения истории Средней Азии) по-настоящему еще не проведен. В описании границ Сасанидского царства явно использованы источники и Аршакидского времени, однако и этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

§ 2. Географическая и другая специальиая античиая литература

Ценным источником этого типа для истории древней Средней Азии является «География» Страбона. Осиовная часть сведений Страбона о Средней Азии содержится в XI книге его труда, хотя некоторая информация встречается и в других книгах. В XI книге, в частности, рассказывается о Гиркании, приводятся некоторые сведения о кочевниках среднеазиатских степей, описывается Парфия, Маргиана, Бактрия, Согдиана. Свидетельства Страбона чрезвычайно ценны, хотя в большинстве случаев трудно установить те источники, которыми он пользовался.

В рассказе Страбона соединяются свидетельства о природных условиях и образе жизни народов Средней Азии с различными эпизодами их политической истории. Ценность собственно географических свидетельств уменьшается тем обстоятельством, что Страбон, ориентируясь на доступную ему географическую литературу, иногда смутно представлял себе действительную географическую ситуацию, иногда же разделял ходячие представления того времени, часто весьма далекие от действительности. Так, ои считал Каспийское море не замкнутым бассейном, а залнвом океана и ничего не знал об Аральском море, что, естественно, приводило к искажению общей картины. Проблема источников Страбона (в применении к Средней Азии, в частности) еще далека от решения, что часто не позволяет поставить вопрос о достоверности его отдельных свидетельств.

У Страбона содержится значительное количество свидетельств о различных политических событиях, происшедших в Средней Азии. Иногда его сведения уникальны, они не находят подтверждений у других авторов, но тем не менее основаны на достоверных источниках и подтверждаются другими материалами. Так, рассказ о строительстве стены вокруг всего Мервского оазиса селевкидским царем Антиохом Сотером получил подтверждение благодаря археологическим работам. Иногда свидетельства Страбона освещают неизвестные стороны событий, известных по другим источникам. Например, в «Географии» содержатся данные о возникновении Парфянского царства, об истории Греко-Бактрии, кочевых племен, сокрушивших ее. В таких случаях обычно довольно сложной является проблема согласования данных различных источников. В последнем случае, например, особая трудность состоит в том, что нужно согласовывать данные, не только полученные из текста античных авторов (в частности, Юстина), но и из текстов китайских авторов.

Важным источником является также произведение Исидора Харакского «Парфянские стоянки». Исидор, видимо, жил на рубеже нашей эры, он происходил из города Харакса, расположенного на берегу Персидского залива и являвшегося важнейшим торговым центром Востока. Его произведение имеет сугубую практическую направленность, являясь своего рода путеводителем по «царской дороге» Парфянского царства, идущей от западных границ его до крайних юго-восточных рубежей. В пределах Средней Азии эта дорога проходит через Парфиену, достигает Маргианы и отсюда сворачивает на юг, заканчиваясь в районе Кандагара. «Парфянские стоянки» основаны на официальных парфянских документах, кроме того, содержат некоторую информацию и о политических событиях. Важные выводы можно сделать, анализируя названия населенных пунктов, через которые проходила «царская дорога».

Некоторые сведения о Средней Азии содержатся и в труде римского энциклопедиста Плиния Старшего «Естественная история» (I в. н. э.). В частности, представляет интерес его сообщение о походе селевкидского полководца Демодама за Яксарт, о плавании Патрокла по Каспийскому морю, о разрушении Александрии Маргианской «варварами». Важно его свидетельство о том, что Парфия в его время представляла собой не единое государство, а скорее конфедерацию из 18 отдельных царств.

Ценным, хотя и сложным источником является сочинение Птолемея «География» (конец I—II в. н. э.). Средняя Азия описывается в VI книге этого сочинения. В этом тексте даны географические координаты городов, рек, горных цепей, озер, указаны границы различных областей Средней Азии. Ценность этих сведений бесспорно очень велика, однако пользоваться ими необходимо с большой осторожностью, так как Птолемей без серьезной критической проверки сводил воедино данные различных источников, в результате чего один и тот же город иногда присутствовал на карте, составленной на базе описаний Птолемея, в двух местах, например в Бактрии и Согдиане. В то же самое время можно ожидать, что после проведения специальной источниковедческой работы данный источник сможет дать огромную информацию, поскольку некоторые из использованных им источников были, по всей видимости, очень точны. Во всяком случае поражает удивительно правильный рисунок направления Амударьи в ее верховьях и в среднем течении ее южных притоков. После источниковедческого анализа, возможно, изменятся многие наши представления о политико-географических границах Средней Азии. Например, сейчас выдвигаются предположения (основанные на анализе Птолемея) о том, что Согдиана имела гораздо большие размеры, чем это обычно считается, и что в ее состав входил даже Бадахшан.

§ 3. Китайские источники

Определенную роль в изучении древней истории Средней Азии начиная со II в. до н. э. играют китайские источники. Китайские авторы были в общем лучше осведомлены об обстановке в Средней Азии, чем античные. Развитие экспансии Китая на запад вызвало потребность в точном знании ситуации как в Восточном Туркестане, так и собственно в Средней Азии. Первые достоверные сведения о народах Средней Азии были получены от Чжан Цяня, руководителя первого китайского посольства «на запад», посланного императором У-ди (140—86 гг. до н. э.). Эти сведения составили основу текста 123-й главы «Исторических записок» (Ши-цзи) великого китайского историка Сыма Цяня, жившего в конце II — начале I в. до н. э. Они были дополнены материалами из официального отчета и рассказами участников китайского похода в Фергану (самый конец II в. до н. э.). Столь же важна для более позднего времени «История старшего дома Хань» (Цянь-Ханьшу), написанная Бань Гу

(? — 92 г.). К материалам, заимствованным у Сыма Цяня, здесь добавлены новые сведения (главным образом I в. до н. э.), попавшие в распоряжение китайского правительства. Наконец, в «Истории младшего дома Хань» (Хоуханьшу), написанной Дань Хуа (жил в первой половине V в. н. э.), в дополнение к старым сведениям добавлены материалы (главным образом II в. н. э.).

История Китая в последние века до новой эры — первые века новой эры была наполнена борьбой с хуннами. Поэтому в официальной китайской историографии был весьма велик интерес не только к самим хуннам, но и к их соседям и противникам. Именно в связи с этим достаточно подробно освещаются столкновения хуннов с юеджами, движение юеджей на запад, захват ими областей по среднему течению Амударьи. «Имперские» интересы Китая приводили к тому, что в исторических сочинениях присутствуют не только собственно военно-политические события, но и сведения о географических условиях, образе жизни, хозяйственной деятельности, политической организации различных народов Средней Азии. Исторические части дополняются настоящими «военно-статистическими» описаниями, чрезвычайно важными для современных историков. Сопоставление различных по времени сочинений позволяет выявить динамику изменения военно-политической ситуации в Средней Азии. Так, на основе сопоставления данных Шицзи и Цяньханьшу (а также Хоуханьшу) можно представить себе процесс постепенного проникновения юеджей на юг. В первом случае юеджи плотно осели на северном берегу Амударьи, территории же на южном берегу находятся от них только в зависимости, во втором уже ставка правителя юеджей находится на южном берегу реки. Китайские источники иногда доносят до нас и народную устную традицию. Такой характер носят многие известные сообщения о Моде-шаньюе. Чрезвычайно важны китайские источники для понимания процесса сложения и ранней истории Кушанского царства.

Вместе с тем при интерпретации китайских источников необходимо учитывать некоторые их специфические особенности. Первой из них является сложность передачи на китайском языке иностранных имен и названий. В силу этого еще больше, например, усложняется проблема согласования китайских и античных свидетельств относительно кочевых народов, сокрушивших Греко-Бактрию. Другим важным обстоятельством является изменение звучания китайских иероглифов с течением времени, что часто ставит исследователя в трудное положение, поскольку нелегко уста-

новить, как в действительности звучали в древности по-китайски те или иные имена и названия и, соответственно, сколь справедливо их сопоставление с именами и названиями, известными по текстам, написанным на иных языках. Наконец, важно учитывать основные принципы китайской официальной идеологии (отражающиеся и в историографии). Китайская идеология строилась на постоянном противопоставлении «срединной империи» как воплощения цивилизации миру «варваров» (каковыми являлись, с точки зрения китайцев, и среднеазиатские народы) как миру дикости. Эта концепция не только находила свое отражение в описаниях нравов и обычаев соседних с Китаем народов, но часто приводила к прямому искажению исторической реальности. Например, в официальной историографии (вплоть до нового времени) приезды чужеземцев к императорскому двору всегда рассматривались как выражение вассальных отношений.

§ 4. Документальные материалы

Эта категория источников очень немногочисленна. Она включает три комплекса документов: парфянский архив из Старой Нисы (Митридатокерта), небольшой архив из Топрак-Калы (Хорезм) и так называемые «старые согдийские письма».

Парфянский архив из Старой Нисы состоит примерно из 2500 остраконов, найденных в различных местах царского винохранилища и рядом с ним — в отвале битой тары, куда они, видимо, попали при какой-то чистке винного склада. Остраконы представляют собой первичные учетные документы. На них указывается, кто и откуда произвел взнос вина в царскую казну, этот черепок сопровождал сосуд с вином и в дальнейшем, на нем указывалось его прохождение на винном складе (списание, выдача, отлив и долив, перенос содержимого в другой сосуд и т. п.). По миновании надобности черепок выбрасывался, иногда он использовался вторично, при этом старый текст смывался. Изредка текст смывался небрежно, и сейчас удается прочесть оба текста. Очень сложную проблему представляло определение языка этих документов. В настоящее время общепринятым является мнение о том, что документы написаны на парфянском языке, но при использовании арамейской графики. Встречающиеся в большом количестве арамейские слова и целые выражения представляют собой гетерограммы, «шифрующие» парфянское чтение слов.

Документы, естественно, дошли в случайном подборе, они охватывают время от 100 до 13 г. до н. э. Формуляры основной массы остраконов стандартны. Они включают следующие данные: после выражения «в этом сосуде» следуют указания на количество вина; название виноградника (и его категория) и имения; имя и звание человека, доставившего вино; дата. Иногда появляются дополнительные сведения: сорт вина, место происхождения или службы его доставщика, кем производилось взимание поставок или кому предназначено вино.

Несмотря на всю ограниченность сведений, содержащихся в этих документах, они благодаря их массовости дают информативный материал для понимания различных сторон парфянского общества. Благодаря им можно представить некоторые особенности функционирования царского хозяйства; выявляются различные категории земли; фиксируется аренда царской земли и т. д. Эти документы позволяют получить представления об административной структуре Парфянского царства и организации управления (упоминаются сатрапы, дизпаты, марзпаны и еще целый ряд категорий чиновников). Выявляется также система налогообложения, имеются данные по социальной структуре парфянского общества.

Нисийские остраконы дают информацию по культуре Парфии. Они свидетельствуют, в частности, о зороастризме парфян (об этом говорят и использование так называемого младоавестийского календаря, и теофорные имена лиц, упомянутых в документах). Помимо обычных документов в состав нисийского архива входят и остраконы иного типа (краткие этикетки, ученические упражнения, памятная записка о восхождении царя на престол).

Остраконы встречены на ряде памятников Парфиены, в частности при раскопках Новой Нисы и поселения Коша-депе, по своему содержанию они несколько отличаются от документов из старой Нисы. В целом эта категория источников дает исследователям значительный материал по истории Парфии.

В архиве, обнаруженном при раскопках крупнейшего центра Хорезма Топрак-калы, найдено 122 документа на коже и 18 на дереве. Они также написаны с использованием арамейского алфавита. Разобранные и опубликованные документы представляют собой списки мужчин, принадлежащих определенным домам-семьям. В их составе постоянно упоминаются рабы (иногда в значительном количе-

стве). Полная публикация этих документов безусловно поможет решить ряд вопросов социальной истории Средней Азии.

Интересным источником являются также так называемые «старые согдийские письма». Ранее они датировались 312—313 годами н. э. Однако, как показал известный венгерский ученый И. Харматта, правильнее датировать их 196—197 годами н. э. Несмотря на трудности их прочтения, вызванные плохой сохранностью, эти документы дают определенную информацию о социальной структуре согдийского общества (упоминаются, например, «свободные-благородные»), о праве, положении женщин в обществе, о хозяйственной деятельности. Однако этот архив уже, строго говоря, не является собственно среднеазиатским, ибо он найден в согдийской колонии в Дуньхуане (Восточный Туркестан).

Имеется некоторое количество документальных материалов, освещающих историю Средней Азии, но происходящих с других территорий. Для раннего периода наиболее важным источником этого типа является Бехистунская надпись, в которой, в частности, говорится о восстаниях народов Средней Азии против Дария I. Анализ этого источника показал, что восстание и в Парфии, и в Маргиане носило подлинно массовый, народный характер. Важны также свидетельства этой надписи о борьбе Дария I с саками и об изменении политического режима у них после персидского похода. Некоторые сведения о саках содержатся также и в вавилонских документах ахеменидского времени.

Для более позднего времени важны греческие надписи, найденные при раскопках Ай-Ханум, греческого города, исследуемого французской археологической экспедицией на территории Северо-Восточного Афганистана. Одна греческая надпись обнаружена при раскопках городища Тахти-Сангин. Наконец, определенную ценность представляют бактрийские и индийские надписи кушанского времени, обнаруженные в ряде пунктов Афганистана и Индийского субконтинента. Особенно важна надпись кушанского династийного святилища в Сурхкотала. Использование этой категории материалов затрудняется все еще нерешенной проблемой кушанской хронологии (так называемая проблема «даты Канишки»). В самое последнее время довольно пространная кушанская надпись была найдена на юге Узбекистана (в Айртаме). Некоторое количество разноязычных коротких надписей было обнаружено при раскопках буддийского святилища Кара-тепе возле Термеза. Они были вы-

полнены на керамике и на стенах помещений и позволяют понять некоторые стороны процесса распространения буддизма в Средней Азии.

§ 5. Данные Авесты и буддийской традиции

В современной литературе достаточно широко пользуются данными Авесты для реконструкции характера хозяйственной жизни, общественных отношений и идеологии среднеазиатского общества первой половины I тысячелетия до н. э. (доахеменидского времени). В советской исторической литературе преобладает мнение о том, что зороастризм родился в Средней Азии, однако этот вывод не является бесспорным. Имеются, например, веские основания для того, чтобы считать родиной зороастризма Систан и прилегающие районы (Восточный Иран). Во всяком случае использование Авесты как памятника, освещающего древнейшую историю Средней Азии, требует особой осторожности.

В древности на территории Средней Азии был достаточно широко распространен буддизм. В силу этого некоторые сведения об истории ее народов могут быть почерпнуты и из буддийских сочинений различного характера. Данные буддийской традиции распадаются на две категории: 1) непосредственно относящиеся к среднеазиатским народам; 2) касающиеся кушанских царей, под властью которых находились и некоторые среднеазиатские области, но без специальных ссылок на них.

Данные первого типа связаны в основном с вопросами распространения буддизма на территории Средней Азии и экспансии его отсюда на Восток, в частности в Китай. Например, в цейлонской хронике «Махавамса» сообщается о том, что на Цейлон при царе Дуттхагамани (приблизительно 101—77 гг. до н. э.) прибыл «мудрый Махадева» с множеством монахов-буддистов из страны Паллавабхогга. Некоторые исследователи считают, что здесь имеется в виду Парфия, тем самым перед нами древнейшее свидетельство о распространении буддизма на территории Парфии. Значительную роль играли выходцы из Средней Азии (парфяне, согдийцы, бактрийцы) в проникновении и укреплении буддийского вероучения в Китае. Среди миссионеров-буддистов встречались заметные фигуры, в частности принц Аршакидского дома. Их деятельность нашла многообразное отображение в буддийских сочинениях (в том числе и на китайском языке). Изучение этих материалов позволяет получить

некоторую информацию и о культурной ситуации в самой Средней Азии.

Данные второго типа связаны главным образом с именем кушанского царя Канишки. В буддийской традиции подчеркивалась его роль покровителя буддизма. В частности известно, что он руководил работой IV буддийского собора. Эта традиция предстает перед нами в китайских, тибетских, согдийских и уйгурских текстах.

§ 6. Нумизматические источники

Нумизматические материалы могут быть использованы в качестве источника по истории Средней Азии только начиная со времени Александра Македонского. Редкие сведения о нахождении здесь дариков и сиклей малодостоверны. Но даже и в том случае, если эти сведения подтверждаются, все равно число этих монет столь незначительно, что говорить о существовании денежного обращения в Средней Азии ахеменидского времени нельзя.

Более сложна проблема, связанная с чеканкой монеты в период Александра Македонского. Как известно, Александр создал монетный двор в столице Бактрии —городе Бактрах, но монеты его очень редки. Влияние монетного дела Александра можно предполагать на основе появления «варварских подражаний», копирующих тип александровских монет, но ситуация осложняется тем, что первые монеты селевкидских царей также повторяют александровские типы (за исключением легенды), и поэтому трудно решить, какие именно монеты послужили «прообразом» для этих «варварских подражаний».

Обширный материал для исследований представляют греко-бактрийские монеты. Сложность здесь заключается в том, что число правителей, чеканивших свои монеты, в несколько раз превышает число правителей, известных на основании письменных источников. В силу этого попытки восстановить политическую историю Греко-Бактрии базируются главным образом на нумизматических данных: районы, входившие в состав владений того или иного царя, выявляются на основе изучения ареалов распространения монет; хронологическая последовательность правлений и династические линии восстаиавливаются в основном на базе сопоставлений типов монет и т. д.

В силу этого использование греко-бактрийских монет для решения других вопросов истории древией Средней Азии является еще более проблематичным. Дополнительный

материал для этого времени представляют так называемые «варварские подражания». Их использование в качестве исторического источника определяется некоторыми достаточно твердыми принципами, равно применимыми ко всем «подражаниям» античных монет: 1) чекан «варварских подражаний» всегда возникает за пределами политических границ общества с развитым денежным обращением; 2) фиксируемые ареалы разных групп «варварских подражаний» должны, как правило, очерчивать границы, в пределах которых сохранял свое действие авторитет (власти или традиции), определивший условный курс этих подражаний, т. е. границы политические; 3) «варварские подражания» соответствуют определенной стадии не только экономического, но и социального развития. Такое общество обычно знает не царей, а только вождей; выделилась знать, но четкого расслоения на классы еще нет; как правило, городская жизнь в таком обществе слабо развита и нет своей письменности.

В соответствии с этими принципами делаются многочисленные попытки определить, например, границы между владениями греко-бактрийских царей и местных племен на территории Средней Азии или границы различных владений, возникших после разгрома кочевниками Греко-Бактрии. Так, достаточно четко, видимо, выделяются на территории Южного Узбекистана и Южного Таджикистана две зоны: в одной выпускаются монеты, подражающие чекану Евкратида, в другой — Гелиокла. На основе этого анализа делаются попытки связать эти выводы с данными китайских источников относительно пяти юечжийских владений.

Однако анализ «варварских подражаний» весьма сложен. Первые образцы варварской чеканки, как правило, близки своим прототипам, поэтому провести четкую грань между начальными выпусками «подражаний» и собственно греко-бактрийскими монетами бывает затруднительно. Кроме того, хронологическое распределение отдельных выпусков среди «варварских подражаний» определяется степенью деградации изначального типа. Составление такой цепочки все более удаляющихся от первообраза монет трудно и субъективно.

Несколько легче анализ следующей стадии — появляются местные самостоятельные чеканы, как бы вырастающие из стадии подражаний. В одних случаях прежние типы остаются неизменными, но к ним добавляются тамга или местная легенда (например, раннесогдийские монеты по типу тетрадрахм Евтидема), в других новые эмиссии только обнаруживают преемственность по отношению к местным

«варварским подражаниям», уже существенно от них отличаясь. Так, монеты Гиркода и раннесогдийские монеты с изображением лучника — это продолжение местных подражаний драхмам Антиоха I, раннехорезмийские монеты восходят к подражаниям тетрадрахмам Евкратида и т. д.

При всем том исследование среднеазиатских монет этой эпохи показывает, что в настоящее время еще нет сколько-нибудь общепринятой картины хотя бы самых основных событий после падения Греко-Бактрии и до возникновения Кушанского царства. Недостаток письменных источников резко снижает и информативность нумизматических источников.

Несколько лучше обстоит дело с изучением нумизматики (и использованием нумизматических данных в качестве исторического источника) крупных государственных образований: Парфии, Кушанского царства, отчасти Хорезма. Однако и здесь имеется еще много нерешенных проблем. В отношении парфянских монет, например, еще не ясен вопрос о деятельности монетного двора в Нисе (точное определение его продукции); в Маргиане не ясно соотношение между местной и центральной чеканкой. Для монетного дела кушан основная сложность порождается все еще нерешенной проблемой абсолютной хронологии кушанского царства и спорами о том, сколько в действительности было царей, носящих одинаковые имена, и как они распределяются хронологически. Еще очень недостаточно исследован медный кушанский чекан.

§ 7. Археологические материалы

Археологическим источникам принадлежит ключевая роль в реконструкции прошлого народов Средней Азии. Только археологические материалы позволяют судить о ряде сфер материального производства, им принадлежит основная роль в выявлении систем расселения, в частности типов поселений и их эволюции во времени, типов жилищ и соответственно характера семьи. Без археологических материалов невозможно решить вопросы, связанные с характером и масштабами обмена, ряд важнейших проблем истории культуры и т. д. Археологические исследования в Средней Азии приобрели настоящую масштабность только после Великой Отечественной войны. В настоящее время здесь действует большое число крупных экспедиций, исследующих практически все области Средней Азии и все категории памятников.

Археологические раскопки дают большие материалы для суждения о сельском хозяйстве Средней Азии. В сочетании с немногочисленными упоминаниями античных и китайских авторов они позволяют, например, решить вопрос о том, какие сельскохозяйственные культуры использовались в различных областях: исследования найденных на поселениях костей животных позволяют судить о составе стада. Комплексное изучение всех этих материалов позволило сделать вывод о наличии двух основных хозяйственных зон в древней Средней Азии. В районах с развитыми ирригационными системами (Бактрия, Маргиана, Хорезм, возможно, Согд) ведущую роль в сельском хозяйстве играли зерновые культуры (пшеница, ячмень, просо). В южиой части Северной Азии к ним добавлялся пришедший из Индии рис. Очень важны были виноградарство и виноделие. Широко распространены были садово-огородные, бахчевые и технические культуры. Было развито и животноводство, причем основное место в стаде занимал мелкий рогатый скот. В периферийных же областях вырабатывается иная модель хозяйственной деятельности: гораздо большую роль играет животноводство. Здесь, кроме того, и иная структура стада — важнейшее место в нем занимает крупный рогатый скот. В земледелии же ведущее место принадлежит возделыванию ячменя и проса, некоторую роль играют и бахчевые культуры.

Очень важно исследование сельскохозяйственных орудий, хотя их пока найдено немного. Интересны, в частности, данные о железных орудиях труда в разных областях Средней Азии. Так, в первой половине I тысячелетия до н. э. они более всего распространены в передовых областях, а бронзовые и каменные — в периферийных районах, где земледелие не имело глубоких традиций. На памятниках чустской культуры, например, было найдено до 800 каменных серпов.

Интересные наблюдения сделаны и относительно распространения орудий по переработке сельскохозяйственной продукции. На протяжении всего I тысячелетия до н. э. для помола зерна используются каменные зарнотерки. В начале I тысячелетия н. э. впервые появляются жернова, которые стали применяться преимущественно в зоне развитого ирригационного земледелия.

Важные выводы могут быть сделаны и при исследовании самих ирригационных систем. Наиболее изучены они в Хорезме. В ряде других областей Средней Азии (особенно в Бактрии, Согде, Маргиане) их изучению мешает «эффект непрерывного орошения», в результате которого ирригаци-

онные сооружения последующиего времени в значительной мере уничтожили остатки более ранних сооружений. Анализ следов оросительных систем важен для выявления общей тенденции развития того или иного общества, ибо увеличение или уменьшение орошаемых площадей свидетельствует о важных процессах (внутри- или внешнеполитических), вызвавших это. В Хорезме к концу архаической эпохи общая длина магистральных каналов достигала 120—150 км, а к концу кушанского периода — 250—300 км, что бесспорно говорит об общем прогрессе Хорезма. Важны также и наблюдения над техникой строительства ирригационных систем, показывающие возрастание к концу античной эпохи знания принципов гидротехники. В частности, хорезмский материал показывает, что магистральные каналы становятся у́же, но глубже, отводные каналы отходят от магистральных не под прямым углом, а под острым, строятся защитные дамбы и т. д. Все это в целом показывает, как с течением времени общество учится более экономно и рационально расходовать и воду, и человеческий труд. Сочетание всех этих материалов, данных этнографии и документальных источников, полученных из иных, но также базирующих на ирригации свою экономику обществ (древняя Вавилония, птолемеевский Египет и т. д.) позволяет предпринимать исследования относительно объема человеческого труда, необходимого для строительства и поддержания в порядке ирригационных систем, характера организации коллективов, занятых этим трудом, и позволяет делать некоторые выводы относительно социально-экономических условий жизни общества.

Археологические материалы служат важнейшим источником для суждения о характере и уровне развития ремесла. Исследуются как сами предметы, произведенные ремесленниками (оружие, украшения, орудия труда, монеты и т. д.), так и остатки ремесленных мастерских. Особенно подробно изучено керамическое ремесло. Например, изучение керамики юга Средней Азии (в том числе и с помощью технических средств) показало, что в III—II вв. до н. э. происходят значительные изменения в технологии ее производства (новые способы подготовки сырья, новые виды гончарного круга, новые способы ангобирования и т. д.). Вполне вероятно, что эти изменения в технологии связаны с влиянием греков, переселившихся сюда в раннеэллинистическое время. Отличаются и керамические печи конца I тысячелетия до н. э. от печей, характерных для первой половины тысячелетия.

Анализ расположения центров керамического производства показывает, что керамическое ремесло, как правило, не было сконцентрировано только в городах, в ряде мест керамические печи находились и в сельской местности.

Меньше материалов о других видах ремесла. К числу немногочисленных исследовавшихся ремесленных мастерских относится так называемая мастерская ремесленника-металлиста в древнем Мерве. Здесь в рамках одного хозяйственного комплекса засвидетельствованы остатки целого ряда ремесел: металлообработка (плавка, литье, золочение и т. д.), косторезное, изготовление сложных луков, наконец ткацкое. Скорее всего в данном случае мы имеем дело с государственным (царским) хозяйством, для которого и характерно сочетание в одном месте ряда ремесел.

Изучение ремесленных кварталов и отдельных ремесленных мастерских важно и для понимания процессов развития товарно-денежных отношений. При изучении Мерва позднепарфянского времени исследовался квартал, расположенный у северных городских ворот. В каждом из небольших жилищ этого квартала было найдено значительное число ручных мельниц — в количестве, превышающем потребности жителей квартала. Здесь же найдено большое количество бронзовых монет мелких номиналов. Все это привело исследователей к выводу о том, что данный квартал был районом ремесленников, специализировавшихся на помоле зерна.

Велико значение археологических материалов для решения проблем расселения, характерных для различных областей Средней Азии. Здесь необходимо сочетание работ по составлению подробных археологических карт, фиксирующих все памятники на данной территории, и широкомасштабных раскопок памятников различных категорий. К сожалению, ни один из древних городов Средней Азии не раскопан еще до такой степени, чтобы на основании его материалов можно было бы сделать историко-социологические выводы. Наиболее изученным в настоящее время, видимо, является Дальверзин-тепе — один из крупнейших центров Бактрии кушанского времени. Здесь раскопаны дворцы, храмы, рядовые жилища, ремесленные мастерские, исследовались и пригороды, загородные святилища и некрополи.

Важную роль играет и изучение сельских поселений. В древней Средней Азии выявлено многообразие типов сельских поселений, что явно отражает сложность социальной структуры общества. Например, в Парфиене выделено четыре типа: 1) укрепленная усадьба; 2) отдельно стоящий

дом (домохозяйство); 3) неукрепленное поселение с очень плотной застройкой; 4) неукрепленное поселение с разреженной застройкой. Близкая (но не идентичная) картина наблюдается и в других областях Средней Азии. Два поселения последнего типа полностью раскопаны — в Парфиене и в Бактрии. Их считают общинными поселками, состоящими из нескольких жилищ, каждое из которых было занято большесемейной домашней общиной. Но бесспорных подтверждений этому выводу нет, он делается исходя из общих соображений и данных письменных источников, рисующих ситуацию в соседнем, но все же ином регионе (в данном случае в Индии).

Наблюдения над жилищами важны для выявления типов семьи, существовавших в различных областях Средней Азии. Видимо, справедливым является мнение, что для сельской местности правилом была большая семья. Однако и здесь отсутствие синхронных письменных памятников порождает иногда разные точки зрения.

Анализ типов жилищ позволяет сделать выводы и об имущественной дифференциации среди населения. Например, на поселении Аккурган (Бактрия) выявляются дома бедных и богатых жителей. Один из них, особенно значительный по размерам и с большим количеством дорогих вещей, получил несколько условное наименование «дома старосты». При раскопках поселения Гарры-Киряз (Парфиена) в одном из домов найден крупный монетный клад.

Разные по размерам (хотя и близкие по планировочным принципам) дома обнаружены и при раскопках городов, например на городище Дальверзин-тепе (Бактрия). В одном из богатых домов здесь найден богатейший клад, состоящий из слитков золота и украшений.

Интересным источником могут быть и городские укрепления. Они, например, фиксируют границы функционально различных частей города, что важно для понимания общих процессов развития среднеазиатского общества. Археологи уже давно отметили, что процесс классообразования и становления государства на территории Средней Азии сопровождается появлением цитаделей, возвышающихся над поселениями. Трехчастная структура ряда среднеазиатских городов (цитадель, собственно город и полусельский пригород) также находит свое выражение в особой системе укреплений для каждого из элементов городской структуры.

При археологических раскопках городов и сельских поселений оружие находят редко. Исключение составляют только дворцовые (например, Старая Ниса) и храмовые (на-

пример, Каменное городище — Тахти-Сангин) сокровищницы. Для суждения о характере военного дела, о вооружении и оборонительном доспехе наибольшее значение имеют раскопки кочевнических захоронений.

Для изучения культуры ценную информацию дают раскопки святилищ и дворцов. В ряде пунктов Средней Азии (Старая Ниса, Халчаян, Дальверзин-тепе, Топрак-кала, Кара-тепе и Фаяз-тепе в районе Термеза и др.) найдены памятники монументальной скульптуры и живописи. Они характеризуют специфику искусства Средней Азии, эстетические и идеологические представления общества. Благодаря этим находкам, например, стало ясно, что буддизм был широко распространен в Средней Азии. С другой стороны, стало известно и «официальное искусство», обслуживающее потребности правящих родов государств, расположенных на территории Средней Азии. О народном искусстве и верованиях народных масс наиболее полное представление может быть получено при изучении мелкой терракотовой пластики, распространенной почти во всех областях Средней Азии (за исключением Парфиены). Однако здесь еще целый ряд вопросов остается нерешенным. Например, наиболее популярны в коропластике были женские изображения. Обычно считается, что они воспроизводят богиню Анахиту, но никаких серьезных аргументов в пользу этого отождествления еще не было предложено.

Раздел четвертый
ЮЖНАЯ АЗИЯ

Глава XIX
ЮЖНАЯ АЗИЯ ДО СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

§ 1. Общая характеристика источников

Древнейшая цивилизация Южной Азии — Индская (III — начало II тысячелетия до н. э.) — известна по археологическим материалам. Напротив, историю классической Индии (и Шри Ланки — Цейлона) I тысячелетия до н. э. и начала новой эры приходится изучать главным образом по литературным источникам. Количество археологических памятников, находящихся в распоряжении исследователей, весьма ограничено. В известной мере это может быть объяснено недостаточным еще объемом археологических раскопок, однако надо отметить и то, что жаркий и влажный климат Южной Азии способствует разрушению непрочных строительных и писчих материалов. Эпиграфические источники появляются поздно (с III в. до н. э.), они сравнительно немногочисленны и довольно однообразны по содержанию. Отдельные сведения эпиграфики имеют первостепенное значение, но в целом надписи не дают возможности восстановить даже общую канву политической истории. Практически отсутствует частноправовая документация, необходимая для решения проблем социально-экономической структуры. В сравнении с другими областями древнего мира Южная Азия крайне бедна синхронными источниками.

В то же время цивилизации Южной Азии отличает стойкая преемственность развития. Культура Древней Индии в значительной мере сохранилась в средние века и новое время, а произведениям древней литературы придавался священный авторитет. Благодаря этому в распоряжении исследователя находятся многочисленные литературные источники по истории Древней Индии. Но именно устойчивость культурной традиции и священный характер литературы обусловливают трудности их исторического исследования. Почти все литературные источники многослойны. Часто текст является лишь изложением вековой традиции, и потому его содержание значительно древнее времени его составле-

ния. Многие произведения представляют собой лишь запись того, что было создано и долгое время передавалось в устной форме. Даже после записи текста основной формой его бытования нередко оставалась устная. С этим связано наличие множества версий одного и того же текста, позднее закрепление канонической редакции и соответственно чрезвычайная сложность текстологических проблем (тем более что основная масса рукописей относится лишь к позднему средневековью). Для большинства литературных источников Древней Индии принципиально невозможно установление авторства и точной датировки. Произведения, как правило, имеют общеиндийский характер, и их трудно или невозможно локализовать не только хронологически, но и географически. По содержанию почти все сохранившиеся памятники литературы носят в той или иной степени религиозный характер. Отсутствуют сочинения документальные и претендующие на описание реальности определенного времени и места. Исторические произведения представлены лишь цейлонскими хрониками, которые относятся к рубежу древности и средневековья и посвящены главным образом истории буддизма и буддийских монастырей Цейлона.

Специфика источников по Древней Индии такова, что политическая история ее может быть восстановлена довольно фрагментарно и не всегда с достаточной степенью надежности, а социально-экономические отношения приходится характеризовать в самых общих чертах, рассматривая крупные исторические периоды и обширные районы. Исследователь часто вынужден обращаться к методам исторической аналогии или реконструкции, исходящей из материала значительно более поздних эпох. Основная масса сведений относится к области религии и культуры, но и они, по указанным особенностям источников, с трудом могут быть рассмотрены в исторической перспективе.

§ 2. Индская цивилизация

Первые находки памятников так называемой Индской цивилизации относятся еще к середине XIX в., но настоящее ее открытие произошло лишь в 20-х годах нашего столетия, когда начались раскопки на месте современных поселений Мохенджо-даро и Хараппа (по названию последнего и всю археологическую культуру часто называют Хараппской). Наиболее крупные раскопки проводились в 20—30-е годы XX в. под общим руководством Дж. Маршалла. После Мохенджо-даро и Хараппы были обнаружены такие

крупные городские центры, как Чанху-даро, Калибанган, Лотхал и многие др. К настоящему времени памятники Индской цивилизации найдены более чем в 200 пунктах Западной и Северной Индии, в Синде, Белуджистане и на Макранском побережье Аравийского моря. Само название «Индская цивилизация» сохраняется ныне как условное, ибо территория ее распространения намного шире долины Инда. Индская цивилизация уже не кажется единой и совершенно неизменной, удается установить как последовательность периодов ее развития, так и выделить отдельные культурные зоны. От собственно долины Инда, составляющей центральную зону, отличаются области, расположенные к западу от Инда, северные области (Рупар, Калибанган, Аламгирпур) и южные (в основном полуостров Катхиавар). Хронологически Хараппская культура определяется в границах примерно 2300—1700 гг. до н. э., но для разных зон и отдельных центров датировки не могут полностью совпадать.

В настоящее время обнаружен ряд поселений, которые можно определить как дохараппские и раннехараппские. Собственно Хараппской культуре в долине Инда предшествовали земледельческие поселения (типа Амри) и протогородские центры (подобно Кот-диджи). Некоторые предхараппские памятники (например, в Калибангане) имеют много общего с развитой Хараппой. В то же время археологический материал показывает тесные связи культур Северо-Западной Индии с Афганистаном, Белуджистаном и далее на запад вплоть до Двуречья (Элам, Шумер). Южные области распространения Хараппской культуры были колонизованы в эпоху расцвета городов долины Инда. Городским поселениям типа Хараппы здесь предшествовали примитивные охотничьи стоянки.

Крупнейшие города Индской цивилизации, такие, как Мохенджо-даро, Хараппа, Калибанган, имеют однотипную планировку. В городе находилась цитадель, служившая религиозно-административным центром города. В цитадели Мохенджо-даро раскопано зернохранилище и бассейн, предназначенный, вероятно, для культовых омовений. В Хараппе возле зернохранилища располагались платформы для обмолота зерна и ряд однообразных небольших помещений, где жили, по-видимому, работники, занятые на обслуживании зернохранилища. Собственно город был разделен широкими (до 10 м) улицами на большие кварталы, расчлененные внутри узкими переулками. Дома, обычно двухэтажные с плоскими крышами, строили из обожженного кирпича стандартной формы и размера. Площадь нижнего этажа

дома составляла около 100 м². Вход в дом находился со стороны бокового переулка; во внутреннем глухом дворе располагался очаг и хозяйственные помещения. Почти в каждом доме была комната для омовений. Система городского водоснабжения и канализации выглядит едва ли не самой совершенной на Древнем Востоке. В последние века существования индских городов можно заметить нарушение строгой городской планировки, очевидно, связанное с общим упадком цивилизации.

Погребения редко встречаются в хараппских городах и потому антропологический материал, находящийся в распоряжении науки, довольно ограничен.

На территории Республики Индии в последние десятилетия наиболее обширные раскопки велись в Лотхале, который, возможно, был морским портом. Об этом свидетельствуют раскопки верфи, связанной каналами с рекой, впадающей в Камбейский залив.

О широких внешних связях (по морю и по суше) городов Индской цивилизации говорят находки изделий Хараппской культуры (в основном печатей) в городах Месопотамии (Ур, Киш, Телль-Асмар), а также в Иране (Яхья-тепе) и Южной Туркмении (Алтын-депе). Некоторые изображения на предметах, найденных в Месопотамии (печати из Телль-Асмара, ваза из Телль-Аграба), считают типично индийскими. Основная часть находок в Месопотамии датируется последней третью III тысячелетия до н. э. — временем расцвета Хараппы, отдельные предметы обнаружены в слоях вплоть до касситского времени. Промежуточным звеном между Индией и Месопотамией могли служить острова Персидского залива. Подтверждением этого является сходство печатей Бахрейнских островов с индийскими и находки предметов, изготовленных на Бахрейнских островах, в городах Индской цивилизации.

О хозяйственной жизни населения можно судить по находкам зерна и костных остатков. Наличие специальных рыночных помещений и множества гирь свидетельствует о том, что была развита не только внешняя, но и внутренняя торговля. В значительном количестве дошли до нас ремесленные изделия (керамика и терракота, бронзовое литье и резьба по камню и кости и т. п.). Скульптурных изображений сравнительно немного, все они небольшого размера. Это знаменитая бронзовая статуэтка танцовщицы, так называемый царь-жрец, мужской торс, небольшие фигурки животных и птиц, служившие амулетами или игрушками, модели повозок и лодок. Пожалуй, наибо-

лее распространенными являются терракотовые фигурки женского божества (так называемая богиня-мать).

Самыми характерными предметами Хараппской культуры являются небольшие прямоугольные печати, обычно вырезанные из мягкого камня и содержащие изображения и краткие надписи. К настоящему времени их опубликовано около двух с половиной тысяч (бо́льшая часть происходит из Мохенджо-даро). Некоторые печати имеют сзади выступ с отверстием для шнура. Вероятно, их носили на теле, используя в качестве амулетов. Печати, происходящие из одного района, часто содержат сходные сцены, связанные, видимо, с местным культом или храмом. На печатях обычно изображаются животные и фантастические существа или антропоморфные божества, окруженные животными. Следует отметить сцену борьбы героя с двумя тиграми и знаменитое изображение рогатого божества, сидящего в так называемой йогической позе в окружении животных (по-видимому, владыки мира). Часто встречается мотив священного или мирового дерева и разного рода астральные и календарные символы. Анализ изображений на печатях позволяет говорить об известной близости религиозных воззрений населения индских городов с верованиями, сохранившимися в современном индуизме.

Работа по дешифровке письменности Хараппской культуры затруднена отсутствием какой бы то ни было билингвы и малым объемом текстов (к тому же на однотипных предметах, большей частью на печатях). В настоящее время определены морфемно-силлабический характер письма (общее количество знаков от 300 до 400) и направление чтения — справа налево. Формальный анализ текстов показывает, что структуру их языка с наибольшей вероятностью следует считать близкой языкам дравидийской семьи. Этот вывод позволяет при дешифровке текстов пользоваться реконструкциями, основанными на анализе дравидийских языков. Культура Хараппы также может интерпретироваться в свете данных этнографии дравидийских народов.

Упадок и конец Индской цивилизации в западной и центральной областях ее распространения относится к началу II тысячелетия до н. э. В крайних северных (Хастинапура, Рупар) и южных (современный штат Гуджарат) областях упадок происходит несколько позднее, и здесь до середины II тысячелетия до н. э. Индская цивилизация постепенно трансформировалась в позднехараппские и послехараппские культуры.

§ 3. «Ведийский период»

Период конца II — первой половины I тысячелетия до н. э. носит название «ведийского», поскольку основными источниками для его изучения до сих пор являются веды. Веды — целый комплекс произведений древнейшей религиозной литературы Индии. В это понятие обычно включаются четыре основных сборника (самхиты) и примыкающая к ним так называемая поздневедийская литература. Самхиты содержат гимны, напевы, жертвенные формулы, заклинания. Наиболее ранняя из них — «Ригведа» («Веда гимнов»). Судя по упоминаемым в ней географическим названиям (реки Инд, Сарасвати, Гумал, Гималайские горы), «Ригведа» была создана арийскими племенами уже на территории Северо-Западной Индии (в Пенджабе) и, возможно, Афганистана. Указаний на более восточные и южные области в «Ригведе» почти нет — горы Виндхья вовсе не упоминаются, а о реках Ганге и Ямуне говорится редко и лишь в самых поздних гимнах. Исходя из выводов сравнительного языкознания (в частности, из сопоставлений с Авестой и арийской лексикой в текстах из Передней Азии), а также из археологических материалов, появление ариев в Индии не может быть отнесено ко времени раньше середины II тысячелетия до н. э. В то же время место вед в истории индийской культуры таково, что их окончательное оформление нельзя отнести ко времени позже первой трети I тысячелетия до н. э. По-видимому, следует основную часть гимнов «Ригведы» датировать концом II тысячелетия до н. э. и относить составление единого сборника к рубежу II—I тысячелетий до н. э. Создание других самхит произошло, очевидно, несколько позднее, что не исключает глубокой древности вошедших в иих текстов.

«Ригведа» содержит 1028 гимнов разной величины (от 1 до 58 стихов), общее количество стихов ее 10 462. Древними редакторами она была разделена на 10 циклов (мандал). Мандалы со II по VII традицией приписываются отдельным риши (мудрецам, основателям жреческих родов — Вишвамитре, Атри, Бхарадвадже, Васиштхе и др.). Традиция находит опору в самих гимнах, в тексте которых сочетаниями звуков иногда обыгрываются имена этих риши. «Фамильные мандалы» обычно считаются древнейшей частью «Ригведы». IX мандала содержит только гимны, обращенные к Соме-Очистителю (Паваманe). Они расположены по формальным признакам (в зависимости от

стихотворных размеров по порядку убывания числа стихов в гимнах). По-видимому, эта мандала представляет относительно позднее собрание гимнов (однако сами гимны Соме могут быть весьма древними). Принципы выделения I, VIII и X мандал неясны. X мандала по языку и по содержанию — самая поздняя часть «Ригведы» и представляет собой пестрый конгломерат текстов, добавленных к уже законченному собранию. Самаведа по своему содержанию лишена самостоятельного значения, поскольку лишь 75 гимнов ее («напевов» — саман) не являются повторением «Ригведы». Яджурведа («веда жертвенных формул») дошла в пяти редакциях, из которых четыре (Катхака, Капиштхала-Катха, Тайттирия и Майтраяни) именуются Черной Яджурведой, а пятая — Ваджасанея — Белой. Белая Яджурведа состоит из 2 тыс. гимнов (формул), в значительной мере заимствованных из «Ригведы» и Атхарваведы и расположенных в соответствии с порядком их чтения при совершении ритуала. Черная Яджурведа помимо стихотворных формул содержит составленные в прозе объяснения ритуала и в этом отношении близка поздневедийской литературе брахман.

С точки зрения содержания наряду с «Ригведой» наиболее интересна Атхарваведа. Она сохранилась в двух редакциях — Шаунакия и Пайппалада. Шаунакия (или Вульгата) состоит из 731 гимна и 20 книг (канда) общим объемом около 6 тыс. стихов. Примерно $^1/_6$ часть ее текста написана в прозе (XV книга целиком, большая часть XVI и некоторые другие). Около $^1/_7$ части текста Атхарваведы совпадает с «Ригведой», причем в основном заимствуются гимны из X, а также I и VIII мандал (гимны-заклинания, стоящие в самой «Ригведе» особняком). В I—XII книгах Атхарваведы тексты объединяются по формальному признаку (по количеству стихов), а в XIII—XVIII книгах — тематически (в XIV — свадебные, в XVIII — похоронные и т. д.). Старинные комментарии нередко игнорировали XX или XIX и XX книги, возможно, не принадлежавшие первоначальному собранию. Из 143 гимнов XX книги 128 заимствованы из «Ригведы». Вторая редакция Атхарваведы — Пайппалада (или Кашмирская) нередко значительно отличается от Вульгаты; она состоит из 6500 стихов, и около $^1/_8$ части ее текста совершенно оригинально.

Не все тексты «Ригведы» и Атхарваведы предназначены для чтения при совершении жертвенного ритуала, некоторые из гимнов и заклинаний, используемых в ритуале, очевидно, не были составлены с этой целью. По содержа-

нию они весьма разнообразны. Большинство гимнов «Ригведы» обращено к какому-либо божеству и содержит его восхваление и просьбу (последняя не всегда выражена прямо, но иногда подразумевается в тех эпитетах, которыми характеризуется божество). Встречаются космогонические гимны, гимны-заговоры и заклинания, гимны-загадки. Атхарваведа состоит в основном из заклинаний, но нередки в ней и обычные гимны, сходные или совпадающие с «Ригведой». Это заговоры против злых духов и болезней, молитвы о долгой жизни, обретении детей, власти или богатства. Религия Атхарваведы обнаруживает ряд черт, позволяющих говорить о сравнительно позднем оформлении памятника (почитание абстрактных божеств: Скамбхи — опоры, Кала — времени и др.). Упоминания риса и тигровой шкуры также свидетельствуют о том, что ко времени создания Атхарваведы арии уже значительно продвинулись к югу и к востоку от Пенджаба. Однако основное различие между «Ригведой» и Атхарваведой лежит не в области хронологии. Они освещают два разных аспекта ведийской религии. «Ригведа» — памятник высокой жреческой поэзии, связанной с великими жертвоприношениями (шраута). Атхарваведа в большей степени ориентирована на домашний (грихья), неофициальный ритуал и содержит тексты, созданные не только в брахманской среде. Возможно, именно этот более «народный» характер Атхарваведы долгое время препятствовал причислению ее к «троице священного знания» (траи).

Сам ведийский язык является важнейшим историческим источником, поскольку анализ его помогает установить территорию первоначального расселения ариев и возможный путь их продвижения в Индию. Для решения проблемы общественного строя и культуры ариев до их появления в Индии необходимо сопоставление вед с иранскими текстами (прежде всего с Авестой). Лексика вед, описания, эпитеты, просьбы к богам и восхваления дарений, содержащиеся в гимнах, общий характер ведийской религии дают представление о хозяйстве, социальном и политическом строе создавших их племен (при этом, однако, следует учитывать известную традиционность описаний и вытекающую отсюда архаизацию отношений). В нескольких гимнах «Ригведы» содержатся исторические предания, например о славной битве предводителя племен бхаратов, царя Судаса с племенами Куру и их союзниками.

Конечно, первостепенным источником являются веды для истории религии, мифологии и в целом культуры ин-

дийской группы ариев, и в этом отношении значение вед выходит далеко за пределы собственно индологии. Поскольку каждое событие повседневной жизни в древности сопровождалось специальными магическими обрядами и чтением соответствующих заклинаний, Атхарваведа содержит обширный материал о быте, обычаях и верованиях индийцев (возможно, не только собственно ариев). Гимны «Ригведы» представляют собой поэтические тексты, созданные на особом сакральном языке во время озарений, связанных, возможно, с экстатической практикой. Они вызывают ряд картин, соединенных не столько логическими, сколько ассоциативными связями, тексты их насыщены метафорами, символами, намеками на нечто хорошо известное исполнителям и слушателям.

В интерпретации вед исследователи исходят как из сравнительного материала (прежде всего наиболее близкого — Авесты), так и из средневековых комментариев (самым значительным из которых является написанный Саяной в XIV в.). Проблема отношения к комментаторской традиции является одной из самых важных и сложных не только в исследовании ведийской литературы, но и в индийском источниковедении в целом.

В состав поздневедийской литературы входят брахманы, араньяки и упанишады. Брахманы посвящены преимущественно истолкованию символики жертвенного ритуала и объяснению связи между ритуальным действием и текстом жертвенных формул (мантр). С брахманами сходны араньяки (лесные книги), содержащие, однако, больше спекулятивных рассуждений, чем практических предписаний. Еще более умозрительный характер имеют упанишады («сокровенное знание»), называемые также «веданта» («конец веды»). Согласно традиционной классификации ведийских текстов к «Ригведе» примыкают две брахманы — Айтарея и Каушитаки — вместе с дополняющими их араньяками и упанишадами. Несколько брахман принадлежат Самаведе (Панчавимша, Джайминия). Наиболее обширная и важная брахмана относится к Белой Яджурведе. Это Шатапатха брахмана («Брахмана ста путей»), дошедшая в двух редакциях — Канва и Мадхьяндина. Заключительные главы ее составляет Брихадараньяка упанишада. К Атхарваведе причисляется лишь Гопатха брахмана, текст очень поздний и мало связанный с самхитой.

Брахманы в целом несколько позднее самхит и могут быть условно датированы первой третью I тысячелетия до

н. э. Создавались они в Северной Индии, примерно на территории между Сатледжем и верхиим течением Ганга. Примерно к VIII—VI вв. до н. э. относятся и наиболее ранние упанишады, начиная с Брихадараньяки и Чхандогьи, хотя произведения этого жанра продолжали составлять и многими столетиями позже. Считается, что поздневедийская литература отразила новый (по сравнению с самхитами) этап истории Древней Индии, для которого характерны дальнейшее развитие сословно-кастовой структуры, становление государственности, усложнение ритуала и формирование новых религиозных концепций. В то же время следует предполагать, что некоторые из этих перемен кажутся особенно наглядными вследствие того, что иным стал характер источников.

Брахманы содержат обширный материал о ритуалистической стороне ведийской религии. Поскольку интерпретации брахман порой исходят из мифа, изложение мифов и легенд составляет существенную часть их содержания. Именно в брахманах содержатся древнейшие версии известных мифов и легенд о потопе, о Шунахшепе, о Пуруравасе и Урваши и многие другие. Нередки также упоминания исторических или полуисторических правителей ведийской эпохи. Поздневедийская литература интересна главным образом с точки зрения истории религии и культуры, поскольку она, с одной стороны, позволяет на огромном материале исследовать особенности архаического мировоззрения, а с другой — содержит основы важнейших религиозно-философских доктрин Древней Индии. Сведения поздневедийской литературы об экономике, социальной и политической структуре Индии отрывочны и в большинстве случаев крайне лаконичны. Вследствие того, что произведения ее посвящены ритуалу или умозрительным построениям, они не могут достаточио полно и равномерно отразить все стороны жизни общества. Однако именно случайный характер большинства упоминаний, отсутствие сознательной тенденциозности освещения придает им значительную степень исторической достоверности. Методика исследования подобных источников предполагает строгий учет контекста, влияния общего содержания и композиции текста на характер сообщаемых сведений. В частности, необходимо различать информацию, полученную из отрывков, содержащих правило (видхи) или его разъяснение (артхавада). Очевидна неоднородность сведений, почерпнутых из догматических или повествовательных фрагментов текста, из образов и аллегорий и т. д. Особо следует от-

метить, что брахманы в основном посвящены ритуалам официальным, некоторые из них (например, обряд коронации) имели важное государственное значение. Описание таких церемоний дает возможность судить о характере царской власти, положении отдельных групп придворных, наличии народных собраний.

Работа по выделению из произведений поздневедийской литературы материала, относящегося к индийским реалиям, по существу, только начинается. Она имеет важное значение, в частности, и потому, что позволяет сравнивать сведения ведийской литературы с данными археологических исследований.

В настоящее время большинство археологов связывает с ариями археологическую «культуру серой расписной керамики», появление которой в Северо-Восточном Пенджабе относится к XII—XI вв., а дальнейшее распространение в междуречье Ганга и Ямуны и в Раджастхане — к первой половине I тысячелетия до н. э. Не только хронология и география, но и общий характер «культуры серой расписной керамики» в целом соответствует тому, что известно о материальной стороне жизни ведийских ариев (применение лошади, постепенный переход к использованию железных орудий труда и многое другое). Наиболее важные раскопки «культуры серой расписной керамики» были проведены в Хастинапуре и Атранджикхере.

Весьма интересны также данные экспедиций последних лет в Пенджабе, где впервые обнаружено непосредственное взаимодействие «культуры серой расписной керамики» с позднехараппской. Это позволяет на археологическом материале решать проблемы синтеза арийских и доарийских культур Северной Индии. При распространении «культуры серой расписной керамики» на восток, в долину Ганга, она взаимодействовала с «культурой медных кладов и желтой керамики», часто сопоставляемой в научной литературе с мундоязычными племенами. Здесь также встают проблемы взаимовлияния разных этнокультурных традиций. Нужно, однако, подчеркнуть определенную условность соотнесения археологических культур с языковыми общностями. Происходивший синтез этнических традиций заставляет говорить о постепенном формировании в «ведийский период» собственно индийской культуры, сложившейся уже на территории Индостана и включившей как арийские, так и неарийские элементы.

Глава XX
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ (ОТ СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. ДО СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.)

§ 1. Ведийские сутры и дхармашастры

К поздневедийской литературе примыкают так называемые веданги (вспомогательные части вед), которых традиция насчитывает шесть. Веданги представляют дисциплины, необходимые для чтения и толкования священных текстов вед и для правильного исполнения ритуала. Они включают сочинения о грамматике и этимологии, обрядовых правилах и движении небесных светил (от расположения которых зависел выбор времени для жертвоприношения и т. п.). Составлены они в жанре сутр, т. е. состоят из предельно кратких изречений, предназначенных для запоминания наизусть и часто почти иепонятных без комментария. Веданги явились основой значительной части традиционной индийской науки. Не все они дошли до нас. Особый интерес представляет «Нирукта» Яски (примерно VI в. до н. э.) — этимологическое толкование трудных слов, имен и названий в ведийских текстах. Опираясь на традицию веданг, было создано крупнейшее научное произведение Древней Индии «Аштадхьяи» Панини — описательная грамматика санскрита в четырех тысячах максимально кратких правил. Она является очень важным историческим источником. В примерах, иллюстрирующих грамматические правила, Панини и его древние комментаторы приводят множество имеи, названий и терминов, позволяющих судить о географии, социальном и политическом строе Индии. «Аштадхьяи» (Восьмикнижие) выгодно отличается от других индийских литературных источников тем, что, по всей видимости, текст ее дошел до нас в своем первоначальном виде, он может быть довольно точно датирован (примерно IV в. до н. э.) и лишен какой-либо тенденциозности. Из комментариев к грамматике Панини наиболее важна «Махабхашья» («Великий комментарий») Патанджали II в. до н. э. Еще большее значение в качестве исторических источников имеют сутры, содержащие правила совершения ритуала (кальпа). Собственно ритуальные сутры делятся на шраута и грихья. Шраутасутры посвящены так называемым великим жертвоприношениям, связанным с возлиянием сомы и совершаемым по заказу специальными жрецами. Они близки литературе брахман как по содержанию, так и по времени составления (около середины I тысячелетия до н. э.). Шраутасутры, видимо, явились об-

разцом при создании грихьясутр. Грихьясутры описывают домашние обряды, исполняемые каждым домохозяином, принадлежащим к «арийскому» обществу (церемонии при зачатии ребенка, беременности, родах, наречении имени, обучении, на свадьбе и на похоронах и др.). Время создания большинства грихьясутр — середина и вторая половина I тысячелетия до н. э. Связь их с поздневедийской литературой проявляется не только в области идей, но и в том, что сутры обычно составлялись в отдельных ведийских школах (Ашвалаяна, Шанкхаяна, Апастамба и др.) и часто в деталях ритуала и подборе текстов обнаруживают особую близость тому или иному ответвлению (шакха) веды. Грихьясутры являются уникальными источниками по этнографии Древней Индии. В изложении грихьясутр обрядовые действия сопровождаются чтением ведийских мантр, причем нередко таких, которые присоединены к обряду искусственно. Брахманы — составители текстов не были беспристрастными собирателями обычаев, мы вправе говорить об известной брахманизации в грихьясутрах древней народной обрядности. В средние века были созданы многочисленные комментарии, ритуальные трактаты и практические руководства, являющиеся дополнением и развитием литературы грихьясутр.

В ритуальные собрания текстов (кальпасутры) традиционно включались также дхармасутры, непосредственно примыкающие к грихьясутрам и составленные в основном во второй половине I тысячелетия до н. э. Они содержат изложение правил поведения (дхармы) человека в зависимости от стадии жизни (ашрамы), в которой он находится. Эти правила поведения нередко являются лишь интерпретацией содержания соответствующего символического ритуала (например, правила поведения брахманского ученика восходят к обряду его посвящения — упанаяне). Поведение человека (преимущественно брахмана) представляется составителям дхармасутр ритуалом и описывается с точки зрения ритуалиста. В центре внимания находится жертвоприношение, понимаемое как средство очищения, и все правильные (соответствующие дхарме) действия уподобляются очищающей жертве. Второе лицо кроме брахмана, которое интересует составителей дхармасутр (хотя значительно меньше, чем брахман), — кшатрий-царь. Битвы, которые ведет царь с целью охраны земли и своих «детей» — подданных, рассматриваются также как особый тип жертвоприношения. Таково же освещение и иной деятельности царя — административной, судебной и т. д. Важным

для составителей сутр является вопрос о соотношении брахмана и кшатрия-царя. Они утверждают превосходство брахмана и считают религиозным долгом царя проявление щедрости к брахманам. Несмотря на явную односторонность и тенденциозность освещения, дхармасутры содержат чрезвычайно важный материал прежде всего о социальных отношениях в Древней Индии. Они в значительной степени являются записью обычаев, а частично и правовых обычаев (например, в связи с правилами о совершении поминальных жертв во всех дхармасутрах подробно излагается порядок раздела наследства). Основные дхармасутры написаны сутрами, изредка перемежающимися с отдельными стихами. В более поздних произведениях этого жанра, впрочем, стиль сутры скорее формально имитируется — они принадлежат к письменной литературе и, по существу, не требуют комментария.

Наиболее архаична дхармасутра Апастамбы, дошедшая до нас в составе большого ритуального сборника. Древней является и основная часть дхармасутры Баудхаяны, возможно, также некогда объединенной с грихьясутрой Баудхаяны и другими ритуальными сочинениями этой школы. Сутра Васиштхи относится к более позднему времени и довольно своеобразна. Дхармасутра Гаутамы по-разному оценивается в историографии, но, по-видимому, в дошедшем до нас виде, исходя из анализа ее языка, композиции и содержания ее следует считать одной из поздних дхармасутр. Наконец, дхармасутра Вишну, составленная в первые века новой эры, близка другим дхармасутрам только по формальному признаку (большая часть ее написана не в стихах, а сутрами).

Дхармашастры в узком смысле слова (в широком смысле слова дхармасутры также носят это название) возникли на основе дхармасутр. Наиболее ранней и наиболее значительной из них является Манусмрити (так называемые «Законы Ману»). Как и другие дхармашастры, она написана в легкой для усвоения и запоминания стихотворной форме (шлоками). Другим важным отличием от сутр является то, что шастры не связаны с какой-либо ведийской школой и приписываются не отдельным местным и родовым авторитетам (типа Апастамбы или Баудхаяны), а прародителю людей Ману, ведийскому риши Яджнавалкье или самим богам (как Вишну).

Манусмрити состоит из 12 глав (адхьяя). Главы со второй по шестую содержат изложение дхармы брахмана по порядку ашрам. Они чрезвычайно близки дхармасут-

рам, и нет сомнения, что прежде всего на основе текста дхармасутр они и составлены. Далее, в седьмой — девятой главах ее, излагается дхарма царя-кшатрия, а в конце девятой главы — дхармы двух прочих варн — вайшьев и шудр. Десятая глава посвящена дхарме так называемых смешанных каст. Таким образом общее построение всей основной, центральной части Манусмрити представляет полную схему системы четырех варн. Главы первая и начало второй, одиннадцатая и двенадцатая служат обрамлением и содержат изложение космогонических представлений и доктрины кармы (эти главы часто сходны с пуранами). Манусмрити — источник многослойный, и при оценке тех или иных его сведений необходимо постоянно учитывать контекст, стараться по возможности представить те источники, на основе которых написана та или иная глава. Если в отношении второй — шестой глав в основном справедливо то, что сказано о содержании дхармасутр, то с наиболее важными для историка главами, повествующими о царе, по-видимому, дело обстоит иначе. Освещение политической, военной, судебной деятельности царя происходит в основном в духе древних дхармасутр, однако содержащийся в этих главах конкретный материал лишь в незначительной мере может быть возведен к дхармасутрам. Многое заставляет предполагать влияние на Ману (как и на другие дхармашастры) специальной литературы, посвященной вопросам управления государством (т. е. артхашастры).

Шастры, как и многие другие памятники древнеиндийской литературы, можно рассматривать как с точки зрения истории возникновения текста, так и с точки зрения его функционирования. Хотя исторический анализ выделяет отдельные фрагменты или идеи различного происхождения, в конечном счете противоречия снимаются и текст существует и должен рассматриваться как единое целое.

Манусмрити датируется примерно рубежом новой эры. В первые века новой эры (около II—III вв.) была создана другая дхармашастра — Яджнавалкья, несколько уступающая Ману по степени авторитетности. Ее размер — около 900 стихов, примерно в три раза меньше, чем Манусмрити. В дошедшем до нас виде Яджнавалкья состоит из трех книг примерно равной величины, посвященных соответственно «обычаю» (ачара), «судопроизводству» (вьявахара) и «искуплению» (праяшчитта). Можно предполагать, однако, что первоначальное членение текста было ближе к сутрам и Манусмрити. Для Ману характерно обилие повторов и противоречивых вариаций одной и той же

темы, что объясняется, очевидно, в основном разнообразием использованных источников и, возможно, постепенностью сложения памятника. Изложение Яджнавалкьи более последовательное и строгое. В тех разделах, которые особенно важны для историка (о дхарме царя и тесно связанном с ним судопроизводстве), составитель Яджнавалкьи среди других источников активно использовал известную «Артхашастру Каутильи».

Среди более поздних дхармашастр огромное большинство посвящено традиционным сюжетам литературы о дхарме — темам ежедневных обязанностей человека, нечистоты и искупления, а также изложению закона кармы. Они часто бывают близки поздним упанишадам. С точки зрения социальной истории Индии особый интерес представляет дхармашастра Нарады («Нарадасмрити»), целиком посвященная вопросам права. В первых главах ее речь идет о процессуальном праве, а затем излагаются традиционные восемнадцать поводов судебного иска, включающие как гражданские, так и уголовные дела. Составлена она была, вероятно, около III—IV вв. н. э., объем Нарады примерно равен Яджиавалкье. Текст ее в отличие от Ману и Яджнавалкьи дошел в нескольких версиях. По-видимому, существовали и другие дхармашастры, сходные по типу с Нарадой, не дошедшие до нашего времени. По цитатам в средневековых комментариях восстановлены близкие Нараде по времени и характеру дхармашастры Брихаспати и Катьяяны.

Почти все дхармасутры и дхармашастры в средние века были снабжены комментариями, которые также можно использовать в качестве исторического источника. Задачи комментирования и тип комментария бывает различным. Одна из основных задач комментатора — закрепление текста от перемен и искажений. Именно с этой целью комментируются синонимами самые понятные слова. Комментатор часто выступает в качестве издателя-текстолога, сопоставляя рукописи, производя их отбор и исправления. Важной функцией комментария является собственно интерпретация текста, причем обычно комментатор исходит из параллельных текстов и стремится к их согласованию. В некоторых случаях интерпретация комментатора зависит и от условий времени и места его деятельности. Часто приведение параллельных мест становится самоцелью, и тогда комментарий превращается в нибандху — тематический сборник цитат из дхармашастр.

Первые комментарии относятся ко второй половине I

тысячелетия н. э. Наиболее важными являются комментарии Бхаручи и Медхатитхи к Манусмрити (последняя треть I тысячелетия н. э.), комментарий Виджнанешвары «Митакшара» к Яджнавалкье (XI в.). В качестве собрания цитат представляет ценность комментарий Апарарки к Яджнавалкье (XII в.) и ряд нибандх, в особенности «Критьякальпатару» Лакшмидхары (XII в.), «Смритичандрика» и некоторые другие. В значительной мере благодаря комментариям, в интерпретации комментаторов тексты дхармашастр приобрели важное значение в традиционном праве средневековой Индии. При использовании шастр в качестве источника по древности, однако, следует проводить ясную грань между текстом как таковым и его осмыслением в комментарии.

§ 2. Артхашастра

Еще в прошлом веке изучение индийской литературы, и в частности дхармашастр, заставляло предполагать существование в древности исчезнувшей впоследствии литературной традиции политических трактатов. В начале XX в. эти предположения были блестяще подтверждены открытием рукописи наиболее знаменитого из подобных сочинений «Артхашастры Каутильи». (Само слово «артхашастра» — букв. «наука о выгоде» — является таким же наименованием всей дисциплины, как дхармашастра — «наука о долге».) «Артхашастра Каутильи» состоит из пятнадцати книг разной величины и содержания. Основную часть ее составляет изложение теории собственно политического искусства (так называемой нитишастры — правил борьбы с соперниками внешними и внутренними), а также науки о войне. С точки зрения историка, особый интерес представляют обширные книги (II—IV), посвященные административной структуре государства, вопросам экономики и финансов, организации суда и следствия, решению судебных дел. Прежде всего эти книги содержат много материала совершенно уникального, а в тех случаях, когда имеются параллели в литературе дхармашастр, сведения «Артхашастры» обычно кажутся не только полнее и точнее, но и древнее дхармашастр. «Артхашастра» выгодно отличается от дхармашастр тем, что само освещение ее меньше страдает брахманской тенденциозностью. Вопросы, связанные с управлением государством, рассматриваются не с точки зрения религиозно-этических обязанностей, а исходя главным образом из интересов правителя и государственной целесообразности. Для «Артхашастры» харак-

терен весьма рационалистический и практический подход к проблеме управления государством, что, впрочем, не исключает ни традиционности общего мировоззрения, ни специального интереса, проявляемого к магической практике (чему посвящена одна из книг «Артхашастры» — XIV).

«Артхашастра» — один из самых важных источников по истории Древней Индии и во многих отношениях необычный для Индии. Но некоторые общие особенности индийских литературных текстов свойственны и «Артхашастре». Она также является описанием не конкретного индийского государства в определенный период, а государства вообще, соединяющего общие черты реально существовавших государств. Она прежде всего отражает не политическую практику, а теорию политики. Дошедшая до нас «Артхашастра» традицией, нашедшей отражеиие и в самом трактате, приписывается советнику Чандрагупты Маурья Каутилье (Чанакье). Однако, по-видимому, Каутилья является таким же псевдоавтором, как Ману и Яджнавалкья или в лучшем случае Апастамба. Статистическое исследование трактата показывает, что, несмотря на единство общего подхода и терминологии, трактат обнаруживает значительное разнообразие стиля. Возможно, он был составлен из иескольких самостоятельиых произведений. Несомненно во всяком случае, что содержание «Артхашастры» не является творением одного или нескольких отдельных авторов, это прежде всего изложение многовековой традиции определенной дисциплины (артхашастры). «Артхашастра» — источник чрезвычайно многослойный не только потому, что отдельные части ее могли быть написаны разными людьми и в разное время, но прежде всего потому, что в ней слились идеи, разрабатывавшиеся поколениями древнеиндийских ученых. Судя по случайным датирующим материалам в «Артхашастре», ее текст в настоящем виде был составлен примерно в I в. н. э., но отраженная в ней традиция артхашастры восходит к середине и второй половине I тысячелетия до н. э. Таким образом, артхашастра развивалась параллельно с литературой дхармасутр. По форме изложения «Артхашастра Каутильи» напоминает дхармасутры сочетанием лаконичной прозы со стихами.

В течение средневековья было создано несколько произведений, как бы продолжающих традиции артхашастры. Это прежде всего «Нитисара», автор которой Камандака (около середины I тысячелетия) называет себя учеником Чанакьи; «Нитивакьямрита», написанная джайном Сома-

девасури в XI в.; «Шукранитисара», текст которой окончательно оформился лишь к началу XIX в. Эти произведения могут содержать интересные параллели и дополнения к «Артхашастре Каутильи», но в целом их значение неизмеримо меньше не только в силу более позднего времени составления, но и потому, что по идейным тенденциям они ближе дхармашастрам, чем древней артхашастре.

Отдельные книги «Артхашастры» (особенно вторая) заставляют предполагать наличие развитой специальной литературы по различным областям знания (в частности, по архитектуре, горному делу, земледелию и т. д.). Древнейшие образцы ее не сохранились, но более поздние, средневековые трактаты о ремеслах и искусствах (шильпашастры), а также научные сочинения (в особенности замечательный компендий VI в «Брихатсамхита» Варахамихиры), часто передавая древнюю традицию, могут содержать важный материал для историка.

§ 3. Эпос и пураны

Важными источниками по истории и культуре Древней Индии являются произведения, именуемые в индийской традиции итихаса («былое») и пурана («древнее»). Принадлежащие к этому жанру «Махабхарату» и «Рамаяну» обычно называют эпическими поэмами, хотя и форма их, и содержание имеют известные отличия от эпоса других народов. «Махабхарата» состоит примерно из 100 тыс. двустиший — шлок (в критическом издании несколько меньше — около 78 тыс.) и разделена на 18 разных по объему книг. Иногда поэму «Хариванша» («Род Хари») рассматривают как обширную девятнадцатую ее книгу. Основной сюжет «Махабхараты» — лишение потомков царя Панду (Пандавов) царства их двоюродными братьями Кауравами и возвращение царства после кровопролитной братоубийственной битвы. Однако не более половины текста излагает непосредственно основной сюжет. «Махабхарата» изобилует вставными эпизодами как повествовательного, так и дидактического характера. Часто эти эпизоды являются вполне самостоятельными произведениями, вставленными в поэму посредством рамочных конструкций. Некоторые из них излагают мифы, древние легенды и предания. Дидактические части представляют собой философские трактаты в стихах (например, знаменитая «Бхагавадгита») или наставления. Обширнейшие XII и XIII книги («Шанти» и «Анушасана») содержат подробное изложение тех вопро-

сов, которые обычно разбираются в дхармашастрах. «Махабхарата» в целом и в особенности ее дидактические части имеют много общего с «Манусмрити» не только по содержанию, но и текстуально. Дидактический элемент в «Махабхарате» столь важен, что она нередко и в туземной традиции, и в научной литературе рассматривалась прежде всего как шастра.

«Рамаяна» почти в четыре раза короче «Махабхараты» и представляет собой более цельное произведение, содержащее меньше отступлений, вставных эпизодов и дидактики. Текст ее почти целиком посвящен изложению основного сюжета — похищения Ситы, жены царевича Рамы, демоном Раваной и последующего возвращения Ситы. «Рамаяна» традицией считалась «первой поэмой (кавья)», и действительно, ее стиль часто близок классической индийской поэзии.

«Махабхарата» дошла в сотнях рукописей (преимущественно позднего средневековья XV—XVIII вв.), передающих десятки версий поэмы, значительно отличающихся друг от друга объемом, содержанием, последовательностью изложения и вариантами чтения. Принято выделять две основные группы версий — северную (которая подразделяется на северо-западную и центральную) и южную, представленную рукописями на малаялам, телугу и грантха. Так же многочисленны и версии «Рамаяны», подразделяемые на три группы, из которых лишь две — бенгальская и западноиндийская — могут быть определены географически. Как для всякого памятника устного творчества, для «Махабхараты» и «Рамаяны» принципиально невозможно установить «подлинный», «авторский» или «первоначальный» текст. Записи текста восходят к разным сказителям, а каждое исполнение являлось творческим процессом, при котором неизбежны вариации изложения (вариации по определенным правилам и с помощью более или менее устойчивых, «формульных» оборотов).

В связи с этим невозможно определить и дату составления поэмы, но правомерно говорить лишь о широких хронологических пределах ее оформления и записи. Упоминания отдельных эпизодов поэм или их названий встречаются в памятниках индийской литературы примерно с середины I тысячелетия до н. э. Древнейший список названий книг «Махабхараты» относится к началу новой эры. Текст ее уже был записан, но еще не в той форме, в какой она дошла до нас. Некоторые детали (например, упоминание гуннов) свидетельствуют о том, что доступный нам

текст мог быть записан не ранее середины I тысячелетия н. э. С гуптской эпохи появляются многочисленные изображения героев и сюжетов эпоса. В целом время оформления обеих поэм условно определяется в границах середины I тысячелетия до н. э. — середины I тысячелетия н. э. Относительная хронология поэм неясна. Обычно считается, что основной сюжет «Рамаяны» мог быть несколько более древним, но окончательное оформление ее произошло позже, чем «Махабхараты».

Разным временем должны датироваться отдельные книги «Махабхараты» и «Рамаяны». Из семи книг «Рамаяны», например, первая и последняя считаются наиболее поздними. Отдельные эпизоды внутри книг могли представлять самостоятельные произведения, существовавшие задолго до создания поэмы в целом, а некоторые сюжеты мифов и легенд могут восходить к глубочайшей древности, притом не только арийской (или индоевропейской), но и местной (доарийской).

«Махабхарата» и «Рамаяна» многослойны не только в аспекте «чистой» хронологии. По содержанию и по форме они представляют конгломерат самых разных элементов: архаичных мифов и военных сказаний, легенд и притч, трактатов и басен, обширных перечней имен богов, народов, городов, генеалогий, мест паломничества и т. п. Они принадлежат не только разному времени и разным народам Индии, но и создавались в разной социальной среде. Первоначальная героико-эпическая поэзия была связана конечно с военной аристократией — кшатриями, она развивалась параллельно с жреческой, ведийской литературой. Однако дошедшие до нас своды несомненно отражают позднейшую брахманскую редакцию эпоса. Как во всяком эпическом произведении, отражение действительности в «Махабхарате» и «Рамаяне» весьма сложное и следует постоянно учитывать то, что история тесно сплетается с мифом. Археологические материалы показывают, что города, являющиеся основным местом действия «Махабхараты», были связаны единой материальной культурой (серая расписная керамика, сменяющаяся затем северной чернолощеиой) и переживали расцвет (прежде всего Хастиианура) в XI—X вв. до н. э. По-видимому, к этому времени и относится ядро эпического повествования. Сказания «Махабхараты» часто отражают социальную и политическую обстановку, очень близкую той, которую можно восстановить по ведийским источникам, — войны племенных союзов, сопровождаемые угоном коров, и т. д. В ведийской литера-

туре упоминаются и некоторые из персонажей эпоса, которые могли иметь исторические или полуисторические прототипы (Джанамеджая, Парикшит). Однако материальная культура и «Махабхараты», и «Рамаяны» (цветущие города, пышные дворцы) должна быть отнесена к концу I тысячелетия до н. э. и началу новой эры. Эпос изобилует анахронизмами (например, упоминания о Риме, Антиохии и городе греков — Александрии, якобы покоренных Пандавами, должны относиться к первым векам новой эры). В области духовной культуры происходит такое же смешение разных напластований, и если на политической карте «Махабхараты» племена куру и панчала соседствуют с греками и гуннами, то в религиозной ее картине культы древних ведийских богов уживаются с индуистской триадой, Скандой и Дургой.

В историографии неоправданно большое место занимает проблема историчности основного сюжета «Махабхараты», битвы между Пандавами и Кауравами на поле Куру (Курукшетре). Поскольку в ведийской литературе есть упоминания об эпических героях и о поле Куру, но нет еще сведений о великой битве на этом поле, можно предполагать, что битва эта во всяком случае не имела ни масштабов, ни значения, придаваемых ей эпосом. Эпические поэмы важны прежде всего как собрание памятников древней устной литературы (причем разных племен и народов Индии), как воспроизведение преимущественно кшатрийских военных сказаний, освещающих индийское общество, государство, культуру и религию иначе, чем ведийские, брахманские источники. Обширный, хотя и крайне сложный для интерпретации материал содержат поэмы о географии, этнографии и политической истории Индии. Но не менее важно изучение эпоса как единого целого, независимо от его многослойности. «Махабхарата» и «Рамаяна» на рубеже древности и средневековья становятся важнейшими священными книгами индуизма, во многом заменяя древние веды. Они отражают основные черты традиционной культуры Индии и в этом качестве также заслуживают самого пристального изучения.

Во многих отношениях с «Махабхаратой» и «Рамаяной» сходны так называемые пураны. Сама индийская традиция признает это сходство, иногда причисляя эпические поэмы (прежде всего «Махабхарату») к пуранам. Пураны — также обширные произведения, включившие в себя весьма разнородный материал и ставшие священными книгами индуизма. Обычно называют восемнадцать больших пуран

(из которых наиболее важны «Вишну», «Ваю», «Матсья», «Бхагавата», «Агни») и несколько десятков малых (упапуран). Некоторые пураны вишнуистские, другие шиваистские. Оформление их проходило в основном в I тысячелетии н. э., но отдельные части пуран могут выходить за эти хронологические рамки и относиться как к последним векам до новой эры, так и к первой половине II тысячелетия. Основными частями пуран, с точки зрения самой индийской традиции, являются космогония, теогония и генеалогии царей. Огромное количество индуистских мифов известно именно из пуран. Значительная часть мифологии пуран неарийского происхождения. Не все пураны единообразны по содержанию. Некоторые включают чисто литературный материал, иногда пересказы или дословную передачу самостоятельных произведений (например, «Двадцать пять рассказов Веталы» в «Агнипуране») либо специальные трактаты по эстетике, музыке, изобразительным искусствам, астрономии и т. д. Значительная часть пуран посвящена изложению религиозных обетов и перечислениям мест паломничества.

С исторической точки зрения особенно важны содержащиеся в нескольких пуранах («Матсья», «Вишну», «Ваю») царские генеалогии, династийные списки с указанием продолжительности правления (правда, списки эти не полностью совпадают в разных версиях). Хотя политическая история излагается в пуранах очень кратко и в свете общих мифологических и космогонических представлений о смене мировых периодов, исследование показывает, что пураническая хронология содержит много достоверных сведений о государствах Магадхи, Андхры, Гуптов.

§ 4. Буддийские и джайнские источники

Помимо литературы, так или иначе связанной с ведийской религией, брахманизмом, индуизмом, до нас дошла обширная литература буддийская и менее значительная джайнская. Буддийский канон на языке пали «Типитака» («Три корзины») был записан на Цейлоне в царствование Ваттагамани около 80 г. до н. э. (хотя отдельные тексты были включены в него позднее). Он принадлежит школе буддизма тхеравада (или хинаяна). Первая часть канона — «Виная-питака» содержит правила поведения буддийского монаха. Важнейшими частями ее служит «Пратимокша» — своего рода дисциплинарный кодекс, являющийся важнейшим источником по изучению буддийской общины,

и «Кхандхаки». В «Махавагге» и «Чуллавагге», входящих в состав «Кхандхак», содержатся рассказы, иллюстрирующие правила поведения и сообщающие легенды о поводах к произнесению Буддой того или иного правила. Эти разделы являются одной из древнейших частей канона и включают сведения, интересные с исторической точки зрения (не только по истории общины, но и об отношениях ее с мирянами, о землевладении, ремесле, рабстве и т. п.). Есть предположения об использовании составителем какой-то древней хроники.

Еще более важные источники входят во вторую часть канона — «Сутта-питаку» («Книга поучений»). Она состоит из пяти сборников поучений: «Дигха-Никая», «Маджхима-никая», «Самьютта-никая», «Ангуттара-никая» и «Кхуддака-никая». В произведениях, вошедших в состав «Сутта-питаки», разъясняются, часто в диалогической форме, буддийское учение — дхарма и взгляды Будды на различные проблемы религиозной философии и этики и социальных отношений. «Сутта-питака» включает в себя множество легенд и преданий о жизни и нирване Будды, его ближайших учениках и сподвижниках, о ранней истории буддийской общины, а в связи с этим и о правителях государств Индии, бывших современниками Будды. Наиболее поздняя по времени оформления и пестрая по составу часть «Сутта-питаки» — «Кхуддака-никая» («Собрание малых книг»). В качестве исторического источника особенно важен входящий в «Кхуддака-никаю» сборник джатак. Джатаки — рассказы о перерождениях Будды. В палийском каноне их 547. Обычная структура джатаки такова — она начинается с рассказа о современном событии, обычно о поступке того или иного монаха, затем Будда излагает рассказ о прошлом, когда произошло нечто сходное, и наконец связывает прошлое и настоящее, отождествляя персонажи рассказов (один из которых и объявляется Буддой в прежнем рождении). Все джатаки заканчиваются гатхами — стихотворной частью, иногда более, иногда менее обширной, и содержащей либо мораль истории, либо ее краткое переложение. Порой гатхи джатак совпадают со стихами из других частей канона. Нередко они стилистически и по содержанию мало связаны с прозаическим текстом (причем в некоторых случаях мораль стихов не является специфически буддийской и напоминает скорее брахманские афоризмы). Принято считать, что гатхи являются наиболее древней частью джатак. Строго говоря, только они и входят в канон, а проза рассматривается

лишь в качестве комментария, поясняющего, по какому поводу стихи были произнесены. Если гатхи датируются III—I веками до н. э., то прозаический текст относится к первым векам новой эры. В прозаической части «рассказ о прошлом» обычно является более древним, чем «рассказ о настоящем». Рассказы джатак весьма различны как по жанру (это басни о животных, притчи, бытовые новеллы, волшебные сказки и т. д.), так и по происхождению. Сюжеты некоторых джатак представляются весьма древними и находят близкие параллели в ведийской и эпической литературе. Некоторые вошедшие в джатаки рассказы явно не буддийского происхождения, часто это популярные фольклорные сюжеты, обработанные и приспособленные для буддийской аудитории. В то же время ряд джатак несомненно был создан в монастыре. В отличие от других частей канона «Сутта-питака» обращена не только к монахам, но и к светским почитателям буддизма. Прежде всего в джатаках буддийское учение излагается в той форме, в какой оно воспринималось не учеными монахами, а широкими, иногда простонародными кругами.

Третья книга палийского канона — «Абхидхамма-питака» посвящена буддийской метафизике и психологии. В качестве исторического источника представляет интерес входящий в нее текст «Катхаваттху», содержащий изложение учений разных буддийских школ.

«Типитака» складывалась в течение веков. Традиция приписывает важную роль в сложении канона III буддийскому собору, происходившему в Паталипутре в правление Ашоки. В Байратской надписи Ашоки перечисляется ряд рекомендуемых буддийских сочинений, которые исследователи отождествляют с частями дошедшего до нас канона. Несомненно существование значительной буддийской литературы во времена Ашоки, но трудно сказать, насколько ее произведения были тождественны с дошедшими до нас. Изображение буддийских сюжетов в памятниках искусства II—I вв. до н. э. (главным образом, в рельефах Бхархута) обнаруживает ряд отличий от известных нам письменных вариантов. В настоящее время можно считать доказанным, что для изучения первоначального буддизма (и буддийской литературы в том числе) необходимо использовать не только палийский канон тхеравады, но и памятники, связанные с так называемым северным буддизмом.

Из неканонических текстов следует отметить «Милинда-паньху» («Вопросы Милинды») — текст, построенный в форме диалогов между буддийским монахом Нагасеной и

царем греков Милиндой (т. е. Менандром). Блестящие ответы Нагасены на все вопросы царя в конце концов убеждают Милинду в мудрости буддийского учения. Памятник был составлен примерно в I в. до н. э. на санскрите в Северной Индии, но известен лишь в переводе на пали, выполненном в I в. н. э. на Цейлоне. Он представляет интерес не только как выдающееся произведение буддийской философской литературы и свидетельство взаимосвязи индийской и эллинской культур, но и как источник по социальной и отчасти политической истории.

В первые века новой эры в Северной Индии был составлен целый ряд санскритских памятников, принадлежавших разным школам северного буддизма. Многие из них дошли фрагментарно или известны лишь в китайских и тибетских переводах. Эти тексты важны как с точки зрения истории буддизма (в частности, развития махаяны), так и потому, что содержат ряд преданий о первоначальной истории буддизма, отсутствующих в палийском каноне. Особо надо упомянуть памятники буддийской поэтической агиографии — поэму Ашвагхоши «Жизнь Будды» (I—II вв.), целиком дошедшую лишь в китайском и тибетском переводах, и «Лалитавистару», также содержащую жизнеописание Будды.

К началу новой эры относятся также сборники буддийских легенд — авадан, отчасти сходных с джатаками («Дивьявадана», «Аваданашатака»). Особый интерес представляет часть «Дивьяваданы», посвященная легендам об Ашоке («Ашокавадана»), и хотя многие из легенд имеют явно фольклорный характер, в них могут содержаться исторически достоверные предания. Информация средневековых авторов и комментаторов (Кшемендры, например) нередко восходит именно к сборникам авадан. Махаянистская «Манджушримулакальпа» является как бы хроникой индийских династий VII в. до н. э. — VIII в. н. э., и высказываются предположения о том, что при ее составлении помимо легенд могли быть использованы и документальные материалы.

Буддийские монастыри с их преемственностью поколений учителей имели благоприятные возможности для сохранения и передачи исторического предания. Также и в палийской литературе Цейлона следует прежде всего отметить стихотворные буддийские хроники. Самая ранняя из них — Дипавамса («Островная») — относится к рубежу IV—V вв. Наиболее богатую информацию содержит Махавамса («Великая»), датируемая V—VI веками. Она служи-

ла в известной мере образцом для более поздних хроник — Махабодхивамсы, повествующей о перенесении ветки священного дерева бодхи из Индии на Ланку во II в. до н. э., Даттхавамсы, представляющей историю важной буддийской реликвии — зуба Будды и т. д. Традиция составления хроник не прерывалась до нового времени. Чулавамса, например, доводит изложение до XVIII в. Как все ранние исторические повествования, хроники представляют соединение истории с мифом. Изложение хроник неравномерно, отдельные части их составлялись не одновременно и на основе разных источников. Махавамса охватывает историю Индии от Бимбисары (конец VI в. до н. э.) до Ашоки, а историю Ланки – от Виджаи (V в. до н. э.) до Махасены (IV в.). Они сообщают хронологическую канву индийской истории, несколько отличную от пуранической. Сведения цейлонских хроник об истории Индии восходят в конечном счете к индийской легендарной традиции, но дополненной собственно цейлонскими легендами о Будде. Кроме того, все повествование проникнуто идеей об избранничестве Ланки как Острова дхармы. В центре внимания составителей находятся акты покровительства царей буддийской сангхе, дарения монастырям, устройство религиозных празднеств и строительство. Большое место уделяется и внутренней истории буддийской общины — спорам между представителями различных течений и школ, соперничеству крупных монастырей.

Непосредственными источниками палийских хроник помимо устной традиции послужили «книги заслуг» (пуняпоттхака), т. е. записи о благочестивых деяниях, хранившиеся в царском дворце и знатных семьях, и не дошедшие до нашего времени более ранние палийские («Аттхакатха Махавамса») и, может быть, сингальские хроники. Те же источники, частично независимо от «Махавамсы», были, по-видимому, использованы в позднейших средневековых хрониках и комментариях к ним, как палийских («Махавамса тика» VIII—IX вв., «Махабодхивамса» и др.), так и сингальсках («Пуджавалия», «Никаясанграха»). В некоторых деталях они дополняют изложение «Махавамсы» и «Дипавамсы».

К IV—V вв. относится и огромная комментаторская работа над текстом канона. Важнейшие комментарии связываются с именем жившего на Цейлоне в это время выдающегося буддийского ученого Буддхагхоши. Комментарии представляют значительный интерес не только потому, что позволяют интерпретировать трудные места текста, но и по-

тому, что содержат предания и легенды, восходящие к утерянной письменной литературе или к устной традиции. Обилием рассказов и легенд выделяется комментарий Буддхагхоши к «Дхаммападе», а его предисловие к «Саматапасадике» (комментарию к «Виная-питаке») об истории буддизма по содержанию близко к хроникам.

Большое значение могут иметь и источники, связанные с джайнизмом, но они значительно хуже изучены, чем буддийские. Джайнский канон секты шветамбаров, называемый «Сиддханта» или «Агама», окончательно был составлен поздно, лишь в начале VI в., на соборе в Валабхи. Он записан на одном из среднеиндийских диалектов — ардхамагадхи. Джайнская традиция возводит значительную его часть ко времени самого основателя религии Махавиры, и, возможно, некоторые канонические тексты относятся по крайней мере к маурийской эпохе. В состав канона входит около 50 различных произведений. Анги, составляющие важнейшую часть его, содержат в основном правила поведения джайнских монахов и мирян, изложение основ веры и полемику с брахманизмом, легенды о Махавире и других учителях. Второстепенные части канона (упанги) представляют собой трактаты по разным областям знания (зодчество и музыка, математика и астрономия и т. д.). В джайнский канон входит значительное количество литературных произведений повествовательного характера, как прозаических, так и стихотворных. Некоторые из них являются пересказом известных сюжетов, другие вполне оригинальны. Джайнская литература, как правило, более назидательна и аллегорична, чем буддийская. Джайнские исторические предания ценны в первую очередь для установления истории самого джайнизма. Описания взаимоотношений джайнской общины с различными правителями древнеиндийских государств содержат иногда уникальные сведения о политической и религиозной истории Индии. Особенно интересны сведения джайнских текстов о древнеиндийских немонархических объединениях (республиках), их истории и внутренней структуре.

Заслуживают внимания генеалогические и хронологические перечни, содержащиеся в джайнских сочинениях. Наставления о поведении монахов позволяют представить структуру джайнской общины. Поскольку значительная часть предписаний регулирует взаимоотношения монахов, собирающих милостыню, с домохозяевами, затрагивается и повседневная жизнь мирян, преимущественно деревенских жителей. Джайнские тексты, как и буддийские, с

которыми их приходится постоянно сравнивать, позволяют внести существенные коррективы в ту картину социальных отношений, которая вырисовывается на основе источников брахманско-индуистского круга.

Известна значительная неканоническая джайнская литература средневековья на пракритах и гибридном санскрите. Интерес могут представлять жития джайнских патриархов, выдающихся монахов и мирян, в частности «Стхавираваличарита», а так же «Паришиштапарван» Хемачандры XII в., доносящие иногда отголоски древней исторической традиции.

§ 5. Лирика, драма, проза поздней древности и средневековья

В начале новой эры появляются первые литературные источники на южноиндийских языках. Это главным образом тамильская поэзия. Стихотворные антологии («Паттупатты», «Еттутохей») на древнетамильском языке были составлены не ранее середины I тысячелетия н. э., но сами вошедшие в них поэтические произведения могут датироваться первыми веками новой эры — временем, когда под покровительством царей Пандья процветало поэтическое общество так называемой третьей санги (I—III вв.). Основой классической тамильской поэзии являлось устно-песенное творчество, истоки которого могут восходить к глубокой древности. Первой половиной I тысячелетия может датироваться и сборник афоризмов «Курал» Тируваллувара, часто обнаруживающий сходство с индийскими шастрами о дхарме, артхе и каме. К середине I тысячелетия относится грамматический трактат «Толькаппиям» и поэма «Шилаппадикарам» («Повесть о браслете»). Памятники тамильской литературы содержат описание земель могущественных царей, городов, обрядов, семейного быта и традиций. Они помогают понять мировоззрение древних тамилов и дают богатую информацию об их культах и религии. Однако описания эти обычно традиционны и часто изобилуют гиперболами. Реалистические картины (например, изображение столкновений местных царей с яванами — очевидно, римскими купцами) переплетаются с мифологическими образами. Памятники средневековой тамильской литературы, например пураны XII—XVI вв., содержат изложение преданий о древности.

В качестве исторических источников можно использовать такие произведения древнеиндийской литературы, как

драмы, поэзия на санскрите и пракритах, сборники басен и новелл.

Среди драм гуптского и послегуптского периодов особо следует упомянуть о драме Вишакхадатты «Мудраракшаса» (VI в.), повествующей о воцарении Чандрагупты Маурья и хитроумных политических интригах его советника Чанакьи. Драма основана на исторических преданиях (так называемой «Чанакья-Чандрагупта-катха») и часто используется в качестве источника по истории ранних Маурьев. Яркие картины городского быта содержит драма Шудраки «Глиняная повозка» (IV в.). Нередко и на основе драм крупнейшего из индийских писателей Калидасы (V в.) делались попытки восстановить картину истории Индии гуптской эпохи. При работе с подобными источниками необходимо постоянно учитывать специфику жанра и каноны драматургии и театрального искусства, изложенные в специальном трактате «Бхаратия Натьяшастра» (который и сам по себе является интересным историческим источником).

В первые века новой эры существовала, по-видимому, обширная повествовательная литература как на санскрите, так и на пракритах. Многие произведения ее не сохранились или дошли до нас в позднейших версиях и пересказах. Средневековые авторы Сомадева и Кшемендра, например, создавали свои поэтические сказания на основе обширного пракритского прозаического сочинения «Великий сказ» Гунадхьи (III—IV вв.), содержавшего не только богатый бытовой материал, но и множество исторических легенд. Сборник басен и новелл «Панчатантра» сложился в своей первоначальной форме («Тантракхьяика») примерно в то же время, но дошедшие до нас варианты датируются XII и даже XVII веками. «Панчатантра», как и другие сочинения этого жанра, состоит из прозаического текста со стихотворными вставками, обычно резюмирующими или вводящими рассказ. Сопоставление версий показывает, что особенно большие изменения со временем появляются в стихотворной части в результате заимствования из других источников, как устных, так и письменных. Фольклорные в основе своей произведения, вошедшие в состав сборника, помогают несколько сгладить односторонность информации религиозной литературы дхармашастр о семейном и общественном укладе Древней Индии. В то же время необходимо учитывать как чрезвычайную многослойность подобных сочинений (не только в хронологическом плане), так и то, что отражение действительности в них носит весьма специфический характер.

В качестве источников по древности могут быть использованы средневековые поэтические хроники или исторические поэмы подобно кашмирской «Раджатарангини» Кальханы (XII в.) и «Гаудавахо» Вакпати, словари синонимов (в особенности «Амаракоша», составленная Амарасимхой в V—VI вв.), философские трактаты и комментарии к ним (главным образом сочинения мимансаков, например «Мимансасутра» Джаймини IV—V вв.), сочинения по эротике («Камасутра» III—IV вв.), медицине и астрономии.

Глава XXI

ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ДАННЫЕ ЭПИГРАФИКИ (СЕРЕДИНА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. — СЕРЕДИНА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.). ИНОЗЕМНЫЕ ИСТОЧНИКИ

§ 1. Археологические источники (вторая половина I тысячелетия до н. э.)

В середине I тысячелетия до н. э. происходит некоторая унификация материальной культуры в долине Ганга. Распространяется железная индустрия. Для археологических комплексов этого времени характерна так называемая северная чернолощеная керамика. Укрепленные поселения городского типа появились уже в конце ведийского периода, а к середине I тысячелетия до н. э. относится основание важнейших городских центров Древней Индии. Особо надо отметить крупнейшие в Индии крепостные сооружения и остатки буддийских монастырей в Каушамби (столице государства Ватса в VI—V вв. до н. э.), цитадель и стены древней столицы Магадхи Раджагрихи, раскопки в Рупаре и Уджаяни (экспедиции Дж. Р. Шармы, Б. Б. Лала и др.). Раскопки индийских городов дают сравнительно мало информации, очевидно, прежде всего потому, что основным строительным материалом почти до рубежа новой эры оставалось дерево. Однако в некоторых случаях остатки деревянных строений сохранились (Шишупалгарх в Ориссе, дворец Ашоки в маурийской столице Паталипутре). Лучше сохранились и изучены города северо-запада (например, Таксила), возникшие и развивавшиеся при известном влиянии ахеменидского Ирана, подчинившего эти территории в конце VI в. до н. э. Раскопки Дж. Маршалла в Таксиле (1913—1934) всесторонне показывают историю города на

протяжении нескольких веков (градостроительство, хозяйство, быт, религию и культуру), они имеют первостепенное значение для изучения проблемы эллинистического влияния в Индии.

Монументальные каменные сооружения в Индии датируются в основном маурийским и послемаурийским периодом. Это знаменитые колонны Ашоки, обширные буддийские комплексы в Бхархуте, Санчи, Бодхгае, пещерный храм в Карле. Они свидетельствуют о распространении буддизма, развитии искусств и ремесел. Скульптурные изображения на колоннах Ашоки по манере исполнения обнаруживают близость к официальному искусству Ахеменидов, а их содержание и символика выражают определенную религиозно-политическую доктрину. Многочисленные рельефы сооружений, окружающих ступы, в основном иллюстрируют сюжеты буддийских легенд. Они являются ценнейшим источником по истории формирования буддийской литературы. Многие изображения наглядно показывают повседневную жизнь города, деревни, дворца. Важные сведения можно получить анализируя памятники изобразительного искусства как источник для изучения индийской мифологии и народных верований.

§ 2. Нумизматические источники второй половины I тысячелетия до н. э.

В середине I тысячелетия до н. э. в Индии появились монеты. В VI—V вв. до н. э. они представляли собой медные бруски, в IV—III вв. до н. э. распространились так называемые клейменые монеты — кусочки серебра (реже меди) разного веса, формы и размера с символами, толкование которых до сих пор вызывает споры. Крупнейшие клады клейменых монет найдены в Эране (около 3 тыс. монет) и в Амаравати (около 8 тыс. монет). Появление и распространение монеты является свидетельством развитого товарного обращения. Благодаря строгой классификации находки их нередко позволяют датировать целые археологические комплексы. Появление изображений и легенд на монетах, по-видимому, связано с эллинистическим влиянием. Первостепенное значение имеют монеты для восстановления политической истории индо-греческих и индоскифских государств (последовательность царствований, примерные границы государств, титулатура правителей и т. д.). Легенды монет помогают датировать другие эпиграфические источники.

§ 3. Эпиграфические источники второй половины I тысячелетия до н. э.

Письменность в Индии распространяется с середины I тысячелетия до н. э. Около VI в. до н. э. был разработан древнеиндийский алфавит брахми, однако древнейшие памятники индийской эпиграфики относятся лишь к маурийской эпохе. Наиболее обширными и важными из них являются надписи Ашоки (268—231 гг. до н. э.). К настоящему времени найдено более 150 надписей Ашоки, но многие из них являются лишь версиями одного и того же текста. Наличие нескольких параллельных версий позволяет восстанавливать лакуны в отдельных надписях. Текст надписей составляли в царской канцелярии в Паталипутре и затем рассылали по провинциям, где делались переводы на местные языки и наречия. Почти все надписи Ашоки сделаны на так называемых среднеиндийских языках (пракритах). На территории Северо-Западной Индии и Афганистана найдено несколько надписей на арамейском и греческом языках (в том числе арамейско-греческая и индо-арамейская билингвы из района Кандагара). Шрифт подавляющего большинства надписей — древняя разновидность письма брахми, несколько надписей из Северо-Западной Индии (из Шахбазгархи и Мансехра) выполнены шрифтом кхароштхи, греческие и арамейские надписи — соответственно греческим и арамейским письмом.

Надписи Ашоки принято классифицировать по трем основным группам. К первой принадлежат наскальные эдикты: четырнадцать больших наскальных эдиктов, малые наскальные эдикты, два особых эдикта из Калинги (в версиях из Дхаули и Джаугады), а также эдикт из Байрата, высеченный на каменной плите. Следующую группу составляют надписи на колоннах: семь колонных эдиктов, надписи из Лумбини и Нигалисагара и так называемый эдикт о расколе. Последняя группа представлена тремя надписями из Барабара о дарении пещер общинам адживиков. Многие эдикты датированы годом со времени коронации «царя Пиядаси, любимого богами» (т. е. Ашоки), датировка остальных с большей или меньшей степенью точности устанавливается путем их сопоставительного анализа. Все большие наскальные эдикты, оба особых калингских и две пещерные надписи были составлены на двенадцатом-тринадцатом году после коронации. Малые наскальные эдикты, по-видимому, были созданы несколькими годами ранее. Двадцатым годом датируется надпись из Лумбини, и ве-

роятно, также надпись из Нигалисагара. Третья пещерная надпись сделана годом раньше. Большие колонные эдикты датированы двадцать шестым и двадцать седьмым годами после коронации. Можно предполагать, что к последнему периоду царствования Ашоки относятся также Байратский эдикт, «эдикт о расколе» и нак называемый эдикт царицы.

Принятая характеристика надписей Ашоки как «эдиктов» не вполне отвечает их содержанию. Большая часть их посвящена религиозным и моральным увещеваниям. Надписи Ашоки созданы с целью распространения дхармы (религиозных и нравственных правил) и для того, чтобы засвидетельствовать перед подданными и во веки веков приверженность царя принципам дхармы. Надписи, таким образом, являются прежде всего текстами религиозного характера. Часто они обращены к главам провинций и местным чиновникам, которые должны были сами выполнять изложенные в них предписания дхармы и регулярно зачитывать их при стечении народа.

Значение надписей Ашоки как исторического источника чрезвычайно велико. Места находки надписей позволяют установить примерные границы державы Ашоки, исследование надписей с лингвистической точки зрения и племенных названий, упоминаемых в эдиктах, дает возможность судить о локализации отдельных племен, распространении языков и диалектов. Таким образом, надписи Ашоки способствуют определению основ не только индийской хронологии, но также исторической географии. В нескольких надписях (прежде всего в 13 и 2 больших наскальных эдиктах) речь идет о миссиях, направленных в соседние страны с целью распространения дхармы. Перечисляются правители столь отдаленных эллинистических государств, как Эпир и Кирена, что свидетельствует о широте международных связей Индии. Ряд эдиктов содержит рассказ о завоевании Ашокой государства Калинга на восьмом году после коронации. Большое место занимают описание деятельности царя по управлению государством и наставления отдельным чиновникам. Это позволяет представить административную структуру как державы в целом, так и отдельных провинций. В надписях содержится материал об отправлении правосудия, строительстве дорог, налоговой системе (надпись из Лумбини). Большое значение имеют надписи Ашоки как источник по истории буддизма. Ряд их свидетельствует о поклонении царя буддийским святыням (освобождение от налогов деревни Лумбини, где родился Будда, обновление ступы будды Конакамани в Нигалисагара) и взаимоотноше-

нии его с сангхой. Специальный эдикт, известный в нескольких версиях (из Сарнатха, Санчи, Каушамби), призван воспрепятствовать расколу сангхи. В Байратском эдикте перечисляются рекомендуемые буддийские тексты.

Несмотря на огромную научную литературу, посвященную надписям Ашоки, не все термины их удается убедительно истолковать. В ряде случаев могли быть и прямые ошибки или искажения по вине местных переводчиков или резчиков (о чем упоминается уже самим Ашокой в 14 наскальном эдикте). Эдикты Ашоки принадлежат к официальным царским надписям и разделяют все особенности этого вида источников. Кроме того, как уже было сказано, внешняя и внутренняя политика, юридическая, строительная и прочая деятельность царя освещаются в них лишь с точки зрения религиозной значимости. Однако именно надписи Ашоки позволяют представить маурийский период индийской истории по синхронным, документальным источникам. Сопоставление с надписями Ашоки является важным методом исследования трудно датируемых литературных памятников.

Маурийским периодом датируются три надписи внука Ашоки Дашаратхи (около 220 г. до н. э.) о дарении пещер адживикам. Надпись на каменной плите из Махастхана и надпись на бронзе из Сонхгаура рассказывают об устройстве зернохранилищ для помощи голодающим во время стихийных бедствий. По палеографическим данным они также датируются III веком до н. э.

Эпиграфический материал послемаурийской эпохи (II—I вв. до н. э.) довольно немногочислен. Главным образом это небольшие дарственные и посвятительные надписи, подписи к скульптурным изображениям (например, в Бхархуте), легенды на монетах. Из отдельных эпиграфических памятников следует упомянуть известную надпись конца II в. до н. э. из Беснагара (древняя Видиша). Она повествует о том, что колонна с изображением Гаруды была воздвигнута таксильцем Гелиодором, сыном Диона, вишнуитом (бхагаватом), греческим посланником, прибывшим от царя Антиалкида ко двору царя Бхагабхадры на 14-м году правления последнего. Надпись важна не только содержащимся в ней сообщением о дипломатических связях двух государств, но главным образом как свидетельство проникновения индийских культов в греческую среду. Надпись является и одним из древнейших памятников по истории вишнуизма.

Из эпиграфических находок с территории Декана следует упомянуть несколько надписей Сатаваханов I в. до н. э. и большую надпись царя Калинги Кхаравелы. Последняя была высечена в Хатхигумпхе (в районе Бхубанешвара), по палеографическим признакам она датируется I веком до н. э. Надпись Кхаравелы, написанная в высоком поэтическом стиле, довольно подробно рассказывает о жизни царя: его детстве, успехах в изучении различных наук, посвящении в наследники престола и на двадцать пятом году жизни — о коронации. События царствования Кхаравелы излагаются по годам, речь идет о строительстве храмов и стен, создании прудов и парков, об устройстве празднеств и организации военных походов. Прославляются победы Кхаравелы над правителями Севериой Индии и его благочестие по отношению к монахам и отшельникам. Изложение доводится до тринадцатого года правления и заканчивается обширным панегириком царю. Надпись Кхаравелы представляет большую ценность как обилием содержащихся в ней исторических сведений, так и в качестве раннего образца официальных панегириков, в значительном количестве дошедших до нас от следующей эпохи.

Почти все надписи рассматриваемого времени созданы на среднеиндийских языках, санскритская эпиграфика появляется лишь к концу I в. до н. э.

С конца III — начала II в. до н. э. появляются и эпиграфические памятники на Цейлоне. В основном это посвятительные надписи на древнесингальском языке, высеченные у входа в пещеру. Они очень кратки и сообщают обычно, кому посвящена пещера, а также имя дарителя (в редких случаях упоминается его положение или титул). Более пространны наскальные надписи о дарении буддийской сангхе искусственных каналов или водоемов.

§ 4. Археологические источники и памятники искусства первой половины I тысячелетия н. э.

В первые века новой эры на территории Северо-Западной Индии, Афганистана, Восточного Ирана и юга Средней Азии располагалась Кушанская держава — одно из крупнейших и наименее изученных государств древности. Письменные источники по истории Кушан весьма скудны, и основной материал предоставляет исследователю археология. Между тем раскопана эта территория еще слабо и весьма неравномерно. Ее археологическое изучение началось в основном лишь в 20—30-е годы усилиями Археологической

службы Индии и Французской археологической миссии в Афганистане. Исследованием кушанской культуры занимались также археологи Италии, Франции, Германии. В последние десятилетия сложились самостоятельные археологические школы в странах региона (Индия, Пакистан, Афганистан, Иран). Большое значение придается изучению кушанской проблемы в Советском Союзе.

Внимание большей части археологов до сих пор сосредоточивалось на памятниках искусства кушанской эпохи. Плохо известна политическая история Кушан, даже хронологическая канва ее устанавливается лишь в самых общих чертах и до сих пор не удается согласовать сведения различных источников для установления абсолютной хронологии Кушан. В частности, время расцвета державы при Канишке исследователи относят к различным датам в пределах I—III вв.

Археологический материал по истории Кушан довольно разнообразен. Это архитектурные сооружения, скульптура, терракота, керамика, живопись, ювелирные изделия, монеты и надписи. Антропологический материал позволяет делать выводы о сложной и запутанной этнической истории Центральной Азии на рубеже и в начале новой эры. Для кушанского периода характерно бурное развитие городов и городских ремесел, широкая внешняя торговля, взаимодействие самых разных художественных и культурных традиций.

Из крупных городских центров кушанского времеии следует особо отметить такие, как Пурушапура (Пешавар) и Таксила (городище Сирсукх), Пушкалавати (Чарсада) и Матхура, Капиша (Беграм) и Бактры (Балх). В Пешаваре, где, согласно традиции, находилась столица Кушан, раскопано буддийское святилище и ступа. О системе фортификации свидетельствуют остатки крепостных стен кушанского городища Таксилы. В окрестностях Таксилы раскопками вскрыт буддийский монастырь. Династийное святилище кушанских царей находилось в Матхуре. Здесь найдены замечательные образцы дворцовой скульптуры, в частности знаменитая статуя Канишки. Из района Матхуры происходят и многочисленные памятники буддийской скульптуры.

Французская экспедиция Д. Шлюмберже в 50—60-е годы исследовала династийное святилище Кушан в Сурх-Котале, в Северном Афганистане (по дороге из Кабула в Мазари-Шариф). Сурх-Котал представляет собой значительный архитектурный ансамбль. Центром его служил большой храм, расположенный на вершине холма и окруженный стенами с

башнями. Склон холма расчленен уступами, представляя парадную лестницу для религиозных церемоний. В находящемся неподалеку малом храме сохранился алтарь огня. Скульптурная галерея обожествленных кушанских царей весьма сходна с изображением Канишки из Матхуры. Фрагменты архитектурного убранства показывают значительное эллинистическое влияние. Знаменитая надпись из Сурх-Котала свидетельствует о работах в святилище в правлении Канишки и Хувишки.

Центром области Паропамисад являлась древняя Каписа. Мощная городская стена из сырцового кирпича окружала прямоугольное пространство площадью около 25 га. Крепость была обведена двумя параллельными рвами. Город кушанского времени имел регулярную планировку. Огромный интерес представляют произведения искусства, найденные во дворце. Чернолаковые коробочки из Китая, стеклянные изделия из восточных провинций Римской империи свидетельствуют о широких внешних связях Кушан. Мелкая пластика с изображением сцен из античной мифологии показывает значительное влияние эллинистического искусства. Особенно важна большая коллекция резной слоновой кости, служившей для украшения шкатулок и мебели. Стиль изображений на кости сходен с памятниками матхурской школы. Содержание также совершенно индийское: сцены придворной жизни, танцовщицы, мифологические существа — якши и макары, архитектурные детали. Коллекция резной кости из Беграма дает уникальную возможность судить об искусстве индийских мастеров, поскольку в самой Индии по климатическим условиям подобные памятники не сохранились.

В Шотараке возле Беграма раскопан буддийский монастырь, включающий четыре молельни и большую ступу. Здесь также найдены горельефы с изображениями на сюжеты буддийских легенд — авадан и статуи из шифера в гандхарском стиле.

Важное значение имеют раскопки в Хадде, в 8 км от Джелалабада. Расположенный здесь буддийский монастырь представляет собой прямоугольный двор, окруженный по периметру монашескими кельями. Сохранились остатки многочисленных ступ, украшенных фигурками амуров и атлантов. Встречаются типично гандхарские изображения варваров, воинов, монахов и аскетов и т. д. Найдены остатки живописи. Скульптуры будд и бодисатв из Хадды являются яркими образцами греко-буддийского искусства.

Между Джелалабадом и Бактрами находится знамеиитый пещерный монастырь в Бамиане, основанный, по традиции, Канишкой. Сохранившиеся помещения с остатками фресок и многометровые статуи Будды относятся к III—V вв.

Сенсационные результаты принесла советско-афганская экспедиция под руководством В. И. Сарианиди в 1978 г. В Тилля-тепе возле города Шибаргана в Северном Афганистане были найдены шесть богатейших царских погребений, относящихся, по-видимому, к периоду возникновения Кушанской державы. В могильниках обнаружены тысячи ювелирных изделий. Большая часть их выполнена в эллинистических традициях, некоторые обнаруживают сходство с памятниками так называемого скифского золота. Привозные вещи и монеты демонстрируют связи с Римом, Индией и Китаем примерно в I в. н. э.

Интересные памятники кушанского времени найдены на территории советской Средней Азии, такие, как Халчаян, Дальверзин-тепе, Кара-тепе и др. В Халчаяне в Южном Узбекистане раскопан дворец местного правителя. В парадных помещениях дворца располагались глиняные раскрашенные скульптуры, изображавшие, возможно, лиц царского рода. Одежда и головные уборы напоминают матхурскую скульптуру кушанских царей. Декоративное убранство дворца включает фриз с музыкантами, вакханками и сатирами, а также сценами с всадниками, стреляющими из лука. Скульптура Халчаяна представляет яркий образец бактрийского дворцового стиля. Раскопанный неподалеку Дальверзин-тепе — укрепленный город первых веков н. э. Здесь вскрыты жилые кварталы ремесленников и административные здания, буддийский храм со ступой и многочисленными фрагментами глиняной скульптуры. В Дальверзин-тепе найдены привозные ювелирные украшения, золотые предметы с надписями индийским шрифтом кхароштхи, изделия из слоновой кости.

В Кара-тепе в районе Термеза обнаружен буддийский пещерный монастырь. В комплексе монастырских сооружений можно назвать храм, окруженный коридором, кельи монахов, ступу. Сохранились фрагменты росписей и рельефов. Особенно важны находки предметов с надписями индийским и бактрийским шрифтом.

Распространение буддизма и индийской культуры в Средней Азии может быть прослежено также по таким памятникам, как святилище в Айртаме (знаменитый фриз I—II вв. и найденная недавно бактрийская надпись Ху-

вишки), храм и ступа в Фаяз-тепе, скульптура из Топрак-кала (Хорезм, IV в.). Индийские сюжеты в искусстве Средней Азии раннего средневековья (Пенджикент, Варахша и др.) являются свидетельством активных связей Средней Азии с Индией, укрепившихся именно в кушанскую эпоху.

Из памятников искусства на территории Индии, не связанных с Кушанами, следует упомянуть рельефы Амаравати, Гуптскую скульптуру (как буддийскую, так и индуистскую). Ценным историческим источником являются настенные росписи в пещерах Аджанты. Они могут быть довольно точно датированы. Древнейшие фрагменты относятся примерно к I в. до н. э. и могут быть сопоставлены с рельефами ступы в Санчи. Самые поздние росписи были созданы в VII или VIII в. Основная часть живописи датируется гуптской эпохой. Росписи покрывали стены и потолки храмовых помещений (чайтья) и залов для собрания монахов (вихара). Основными сюжетами их являются эпизоды буддийских легенд. Иллюстрируя легенды, росписи Аджанты широко показывают быт горожан, придворной знати и царей. Изображения позволяют представить внешний вид городских улиц, садов, внутренность дворца, предметы быта, реконструировать несохранившуюся городскую архитектуру. Плодотворными могут быть сопоставления изображений с данными литературных источников (в особенности если учесть довольно надежную датировку живописи Аджанты). Живопись Аджанты наглядно демонстрирует эволюцию религиозных представлений (развитие идей махаяны, культа бодхисаттв, обожествление Будды).

От первых веков новой эры дошло значительное количество памятников архитектуры и каменной скульптуры на Шри Ланке. Архитектура представлена главным образом ступами и буддийскими храмами, скульптура — статуями Будды. В хрониках часто упоминаются статуи Будды, но вызывает затруднение их отождествление с сохранившимися памятниками. Удается обнаружить связь цейлонской иконографии и стиля изображений Будды с индийскими школами — Гандхарой, Матхурой, Амаравати. Изображались и светские персонажи, прежде всего лица царской фамилии. Наиболее замечательным образцом древней живописи Шри Ланки являются фрески Сигирии (V в.), на которых изображены, по-видимому, знатные дамы и служанки.

§ 5. Нумизматические источники первой половины I тысячелетия н. э.

Для изучения истории Индии и Центральной Азии на рубеже и в начале новой эры первостепенное значение имеет нумизматика. Политическая история этого времени, последовательность правлений индо-сакских, индо-парфянских и кушанских царей восстанавливается главным образом благодаря монетам. Не меньшее значение имеют нумизматические данные и для решения проблем истории Центральной и Восточной Индии, государства Сатаваханов и др. Монеты первого известного кушанского царя Герая чеканились в подражание последним греко-бактрийским царям. Прослеживается возвышение Кушан при Куджуле Кадфизе. Выпущенные им монеты часто встречаются в Гандхаре (только в Таксиле найдено около 2,5 тыс.) Наименование правителя — ябгу — сменяется титулом «царя царей». Распространение власти царя на индийские земли отражается в появлении на монетах надписи «Великий спаситель» не только греческим шрифтом, но и индийским — кхароштхи. При Виме Кадфизе была проведена денежная реформа. Основой монетной системы Кушан стала золотая монета, выпущенная в подражание ауреусу Августа. Это может свидетельствовать как об экономическом положении государства, так и о его внешних связях. Подтверждением активной торговли с Римской империей являются находки кладов римских монет на территории Кушанского царства.

На реверсе монет Вимы Кадфиза изображался обычно индийский бог Шива со священным быком Нанди. Это может свидетельствовать о религиозной политике царя. Чрезвычайно разнообразен реверс монет Канишки и Хувишки, встречается около 30 изображений — целая галерея богов различных религий. Наиболее часто помещались на монетах зороастрийские божества — Митра и Анахита, эллинистические — Гелиос, Гефест, иногда Серапис, индийские, в том числе Будда. На монетах последнего Великого Кушана Васудевы вновь наряду с изображением местных иранских божеств Ардохшо и Наны важное место занимает индийский Шива.

Надписи на кушанских монетах чаще всего двуязычные — греческая и кхароштхи, а при Канишке — бактрийские надписи. Монеты не имеют датировок, и вследствие этого возникают сложности и в определении последовательности правлений, и в установлении абсолютной хронологии.

Приходится учитывать и возможность того, что несколько кушанских царей носили одно и то же имя.

География монетных находок свидетельствует о направлении, характере и степени развития торговых связей. Могут они быть полезны и при определении границ государства. Характерно, например, обилие кладов кушанских монет в центральной части долины Ганга, входившей в состав державы, и появление имитаций кушанских монет в Бихаре, по-видимому, поддерживавшем связи с Кушанами. Изображения на монетах дают представление о кушанском изобразительном искусстве. Нередко они повторяют монументальные статуи. О характере царской власти свидетельствует стиль изображения царя и наличие нимба вокруг его головы.

Кушано-сасанидские монеты Пероза, выполненные в подражание чекану Васудевы, но с легендой на среднеперсидском языке, помогают восстановить политическую историю и хронологию конца Кушанской державы.

§ 6. Эпиграфические источники первой половины I тысячелетия н. э.

В первые века новой эры неуклонно увеличивается число эпиграфических памятников. Возрастает и значение этого вида источников для восстановления древнеиндийской истории. Наряду с государственными появляется значительное число частных надписей. В большинстве своем это тоже записи о пожертвованиях храмам или монастырям. Надписи такого рода обычно очень кратки и содержат лишь упоминания имени дарителя, самого дара и того, кому приносится дар. Иногда упоминается также, при каком правителе произошло дарение, и эти имена царей и даты правления имеют первостепенное значение для установления политической истории и хронологии. С точки зрения социально-экономической истории особый интерес представляют надписи о дарениях деревень брахманам, а также пещерные тексты II в. из Насика и Карле о пожертвованиях, оказанных общине буддийских монахов Ушабхадаттой, зятем шакского кшатрапа Нахапаны. Некоторые надписи сообщают о передаче денежных сумм ремесленным или торговым корпорациям, с тем чтобы проценты с них шли на нужды буддийской общины. Общине может быть преподнесено также поле, купленное прежде у другого лица, причем в этом случае указываются цена и размеры поля. Подобного рода эпиграфические тексты частично компенсируют отсутствие в

Индии образцов собственно деловой документации. В большой наскальной надписи царя Рудрадамана I из Джунагадха середины II в. рассказывается об ирригационных работах, проведенных этим царем, и в связи с этим дается исторический обзор о создании водоема во времена Чандрагупты Маурья и проведении ирригационного канала по указанию Ашоки Яванараджей Тушаспой.

Кушанская эпиграфика представлена надписями на статуях, рельефах, реликвариях и резных геммах-печатях, наконец, легендами монет. Большая часть надписей — посвятительные или дарственные. Почти все они крайне лаконичны. Встречаются надписи греческие, индийские—шрифтами кхароштхи и брахми, бактрийские. Из числа последних важнейшей является большая надпись (25 строк) из Сурх-Котала, повествующая о ремонте храма при Хувишке. Сама смена языка или шрифта дает ценную информацию о культурных влияниях или ориентации правителей на те или иные области и народности. Лингвистические данные, в частности ономастика надписей, имеют важное значение для решения сложной проблемы этнической принадлежности Кушан. Упоминаемые в эпиграфике титулы позволяют судить о политической и административной структуре государства. Надписи свидетельствуют о религиозной политике Кушан, о покровительстве буддизму (строительство святилищ и монастырей, дарения, заказы на возведение статуй Будды и т. д.). Распространенные культы отражаются в упоминаниях отдельных божеств. Находки надписей иногда помогают судить о границах государства. Например, ряд надписей из Каушамби, датированных по эре Канишки, свидетельствует о том, что данный город входил в состав Кушанского царства. Большое количество надписей из Матхуры подтверждает сведения о значении этого города в кушанский период. Царская титулатура указывает как на внутреннюю структуру государства, так и на его состояние при том или ином правителе. Надписи с упоминанием имени царя или с датировкой по эре Канишки позволяют дать хотя бы относительную датировку архитектурных сооружений и памятников искусства.

Важное значение имеют надписи и фрагменты буддийских рукописей из Центральной Азии на санскрите, пракритах, бактрийском, согдийском, уйгурском языках (в том числе найденные на территории советской Средней Азии). Будучи остатками древнейших списков, они бывают полезны для решения текстологических проблем буддийской литературы. Само наличие подобных текстов демонстрирует

распространение буддизма и индийского культурного влияния в этом районе, иногда фрагменты рукописей позволяют судить об истории отдельных школ и сект. Несмотря на отрывочность и лаконичность, эти источники дают возможность проверить сведения, передаваемые позднейшей буддийской традицией.

С III—IV вв. в Индии появляются дарственные грамоты на землю, обычно выполненные на медных пластинках. В качестве дара может выступать отдельный участок, деревня или несколько деревень. Во вступлении занимающем нередко основную часть грамоты, в витиеватом поэтическом стиле (кавья) перечисляется царская генеалогия (иногда мифическая). Грамоты содержат обращения к местным правителям, чиновникам и представителям общин и перечень прав нового землевладельца. Они являются важным источником не только по социально-экономической истории, но и по изучению политической структуры государства. Официальные надписи Гуптов, как, например, знаменитая Аллахабадская надпись Самудрагупты IV — пышный стихотворный панегирик, составленный сановником Харишеной, — рассказывают о военных походах и иных деяниях царей. Имеющие надежные датировки надписи в стиле кавья чрезвычайно важны для установления хронологии произведений индийской литературы.

Цейлонская эпиграфика по характеру мало отличается от индийской. В основном это дарственные надписи, пещерные и наскальные. Появляются надписи также на литых таблицах и колоннах. Начиная с IV в. встречаются эпиграфические тексты о натуральных или денежных вкладах торговым корпорациям, с тем чтобы проценты шли на нужды буддийских монастырей или на устройство буддийских религиозных праздников. Большая часть надписей выполнена на сингальском языке, но есть и некоторое количество санскритских текстов. Шрифт их до IV в. похож на брахми времен Ашоки. Позже появляется собственно сингальский шрифт.

В первой половине I тысячелетия в Южной Индии появляются тамильские надписи шрифтом дравиди.

§ 7. Иноземные источники

В свете того, что уже сказано о специфике местных литературных источников, ясно, почему особое значение приобретают сочинения иноземцев об Индии, и прежде всего античных писателей: эти источники имеют достаточно твердую

датировку, описывают конкретную историческую действительность, обычно определенную местность Индии. Существенно и то, что индийское общество оценивается со стороны, глазами представителей иной культуры. Античные источники позволяют представить индийское общество и государство в их исторической реальности и могут иногда исправить сведения индийских литературных текстов.

Народы Средиземноморья вступили в более или менее регулярные контакты со странами Южной Азии после создания державы Ахеменидов и подчинения ряда областей Северо-Западной Индии Дарием I в конце VI в. до н. э. В надписях Дария появляются названия сатрапии Гандхары, а затем и Хинду, имена индийцев встречаются в вавилонских и эламских документах персидского времени. Для исследования района долины Индии Дарием была отправлена специальная экспедиция во главе с ионийским греком Скилаком из Карианды. По-видимому, в основном к «Периплу» Скилака восходит описание Индии в «Истории» Геродота. Геродот рассказывает о природе Индии и обычаях населяющих ее племен. Характерно, что известна ему только северо-западная часть Индии и восточной границей Индии для него служит великая пустыня (т. е. пустыня Тар).

Наиболее важным источником сведений об Индии в начале IV в. до н. э. являлось сочинение Ктесия «Описание Индии». Труд Ктесия дошел до нас лишь в отрывках у более поздних писателей (в основном византийского времени). Судя по этим фрагментам, описание Индии было посвящено главным образом чудесам (диковинным животным, баснословным народам и др.) и изобиловало фантастическими рассказами. Ктесий ссылается, впрочем, на бактрийцев и индийцев, бывших при дворе великого царя. У Ктесия уже вырабатывается определенная концепция Индии, в известной мере повлиявшая на ее восприятие последующими писателями.

Настоящее открытие Индии греками произошло во время похода Александра Македонского. Некоторые из спутников Александра создали описания похода и местностей, по которым проходила греко-македонская армия. События индийского похода нашли отражение в записках Птолемея, Аристобула, Онесикрита, Неарха. После распада державы Александра между государством его преемника диадоха Селевка Никатора и индийской державой Маурьев установились дипломатические связи. При дворе Чандрагупты Маурья и его сына Биндусары находились греческие посланники Мегасфен и Даимах, написавшие специальные сочине-

ния об Индии. Ни записки участников похода Александра, ни сочинения греческих посланников не сохранились. Однако писатели более позднего времени активно использовали эти труды, и в известной мере можно представить характер утерянных книг. Важнейшими трудами, содержащими обширный пересказ сведений об Индии, являются «Индика» Арриана, «География» Страбона, «Историческая библиотека» Диодора. Более мелкие и часто не содержащие ссылок отрывки сохранились у множества писателей (Плутарх, Элиан, Курций Руф, Солин, Плиний, Афиней, Климент Александрийский и многие другие).

Флавий Арриан был учеником Эпиктета. Его философские интересы, возможно, отразились и в сочинениях об Индии. «Описание Индии» («Индика») является продолжением основного труда Арриана «Поход Александра» и написано, видимо, после него, около 166—168 гг. «Индика» делится на две части: собственно описание Индии (главы 1—17) составляет первую часть, а вторая, бóльшая часть посвящена морскому плаванию Неарха от Инда до Тигра и менее интересна с точки зрения индологии. Арриан сам называет свои источники. Описание индийского похода составлено им в основном по Птолемею и Аристобулу, а «Индика» — по Мегасфену и Неарху с использованием также географического труда Эратосфена (который, в свою очередь, пользовался Даимахом).

Сведения об Индии Страбона почерпнуты также из литературных источников, главным образом из Мегасфена и других авторов начала эллинистической эпохи (Неарх, Онесикрит, Аристобул), а кроме того, из труда Эратосфена.

В отличие от Страбона и Арриана, сопоставлявших источники и относившихся к ним критически, автор «Исторической библиотеки» Диодор Сицилийский (80—23 гг. до н. э.) был в основном компилятором. Ценность его труда зависит прежде всего от того, какие им были использованы источники. Сопоставление его описания Индии с текстами Арриана и Страбона показывает, что Диодор пользовался трудом Мегасфена. По-видимому, изложение Диодора близко следует построению «Индики» Мегасфена и является лишь ее сокращенной версией, эпитомой.

Из тех, кто описывал поход Александра, видимо, наиболее достоверными авторами были Птолемей и Неарх. Весьма интересны сведения Онесикрита, особенно о религии и философии брахманов. Но основным сочинением античности об Индии был труд Мегасфена. Посольство Мегасфена относится к 90-м годам III в. до н. э. До этого он был пос-

лом у Сибиртия, сатрапа Арахосии, изучал труды историков Александра, в частности Онесикрита. Возможно сам немного знал индийский язык или имел квалифицированных переводчиков.

«Индика» состояла из четырех частей, посвященных: 1) географии, флоре и фауне, 2) описанию обычаев, городов и государственного строя, 3) общественному устройству и философам, 4) преданиям о древности Индии. Оценивая сведения Мегасфена, необходимо ясно различать то, о чем он пишет как очевидец, и то, что излагается им со слов туземных информаторов, главным образом брахманов. Соответственно «Индика» должна рассматриваться как изложение, с одной стороны, индийской действительности, с другой — индийских представлений об этой действительности. В некоторых случаях можно предполагать, что на изложении автора сказываются чисто греческие представления, поскольку «Индика» написана греком и для греческого читателя, но нет оснований говорить о сознательной идеализации Индии у Мегасфена. (Идеализирующие черты, впрочем, в некоторых случаях могут быть приданы тексту Мегасфена теми авторами, через посредство которых он дошел до нас.) Сведения Мегасфена, конечно, ограничиваются преимущественно тем, что он мог наблюдать по пути в Паталипутру и в самой столице, но то, о чем он свидетельствует как очевидец, заслуживает большого доверия. В ряде случаев правильно интерпретируемые фрагменты Мегасфена находят прямое подтверждение в индийских источниках и в целом его труд имеет первостепенное значение для восстановления политического и социального строя Индии маурийской эпохи.

Историки и географы конца республики и начала империи не случайно ограничились практически только источниками раннего эллинизма. После выделения в середине III в. до н. э. Парфянского и Греко-Бактрийского царств Средиземноморье имело слабые связи с Южной Азией и получало о ней мало информации. Некоторые довольно фрагментарные известия связаны в основном с историей Греко-Бактрийского царства. Положение в Центральной Азии вкратце описывает Страбон, основывавшийся на труде Аполлодора из Артемиты. Интересно, что Помпей Трог в своей «Истории», дошедшей до нас в сокращении Юстина, рассказывает не только о правлении греко-бактрийских царей и их походах в Индию, но также передает исторические предания об Индии, несомненно восходящие к индийскому оригиналу. Предание, сохранившееся у Плутарха, о похоронах

Менандра по буддийскому ритуалу, вероятно, также восходит к индийскому источнику.

Ко времени ранней империи относится расцвет морской торговли Рима с Индией через Александрию Египетскую. Страбон сообщает, что ежегодно 120 кораблей отплывали в Индию из гавани Миосгормоса. Античные авторы сообщают о ряде индийских посольств в Рим в первые века новой эры. О широкой торговле Индии со Средиземноморьем свидетельствуют находки римского стекла и монет в Южной Индии и на Цейлоне, керамики (подражание римской) в Тамлуке и других городах в устье Ганга, а также предметов индийского происхождения на территории Римской империи (например, знаменитая статуэтка из слоновой кости в Помпеях). В Юго-Восточной Индии, в Арикамеду, найдены остатки римской фактории I—II вв. В связи с этим в произведения римских авторов проникала новая значительная информация об Индии. Это в основном географическая информация, и дошла она до нас в составе научной литературы: «Естественная история» Плиния (23/24 — 79 г.), «География» Птолемея (90—168 гг.), «Перипл Эритрейского моря». Географический горизонт этих произведений простирается в области Южной и Восточной Индии, а также Цейлона. Они имеют огромное значение для определения исторической географии Индии и содержат существенные сведения об экономике разных областей, о городах и торговле Индии, а в некоторых случаях упоминается и политическая ситуация в том или ином регионе.

Наконец, в эпоху поздней античности и раннего средневековья Индия упоминается неоднократно, в основном у христианских авторов. Сведения об Индии у писателей этого времени чрезвычайно пестры. Они восходят частично к более древним сочинениям, от Ктесия до Мегасфена и Арриана, но в некоторой части отражают и непосредственные связи Римской империи и Византии с Индией (как «Христианская топография» монаха Космы Индикоплова середины VI в.). Сведения об Индии и Кушанах содержатся в таких сирийских текстах II—III вв., как апокрифические «Деяния святого Фомы», будто бы обратившего в христианство индопарфянского царя Гондофара, «Книга законов страны», сохранившиеся отрывки из сочинения Бар Дайсана о законах брахманов. Кое-какую информацию можно найти в «Жизни Аполлония Тианского» Флавия Филострата и в манихейских сочинениях. Для христианских авторов, писавших об Индии (Амвросий Медиоланский, Аврелий Августин, Климент Александрийский и многие другие), характерно преимуще-

ственное внимание к религии, обычаям и нравам брахманов. Амвросию приписывалось специальное сочинение на эту тему, в значительной мере совпадающее с книгой Палладия «О нравах брахманов», сохранившейся в «Романе об Александре» Псевдо-Каллисфена. Полагают, что труд Палладия был создан в IV в. частично на основе литературных источников, частично по рассказам некоего фиванца, бывшего на Малабаре. У авторов поздней античности появляется интерес и к буддизму и буддийскому монашеству. Китайские хроники ханьского времени в нескольких словах обрисовывают этнополитическую ситуацию в Центральной Азии в последней трети II в. до н. э. «Хоуханьшу» рассказывает о пяти княжествах юэджей, включая Гуйшуан (Кушан). Удается отождествить упоминаемого в китайском тексте правителя с Куджулой Кадфизом, известным по нумизматическим данным. Сведения о Центральной Азии содержит и рассказ о походе Бань Чао на запад, однако неясно, с каким кушанским правителем столкнулись китайцы. Более тесные связи с Индией устанавливаются лишь с распространением в Китае буддизма, и основные китайские источники об Индии относятся к середине I тысячелетия. В начале V в. китайский паломник Фа Сянь совершил многолетнее путешествие по Индии и Цейлону в поисках рукописей и с целью посещения святых мест буддизма. Его сочинение называется «Заметки о буддийских странах». В 629—645 гг. состоялось путешествие по Индии Сюань Цзана, а в конце VII в. — И Цзина. Обширные записки китайских паломников (а также «Жизнеописание Сюань Цзана») содержат множество сведений по исторической географии и политической истории прежде всего современных им Индии и Цейлона. Осведомленность, наблюдательность, знание индийских языков и тщательность описания делают их источниками первостепенной важности. Сведения китайских паломников подтверждаются археологическими данными. Путешественники особенно подробно рассказывают о буддийских памятниках Индии и Цейлона, истории буддизма, состоянии монастырей и жизни монахов, учениях отдельных буддийских школ, о системе образования. Проявляли они большой интерес и к более мирским предметам.

Официальные сассанидские надписи (надпись Шапура I на «Каабе Зороастра» и др.) сообщают о покорении «Кушаншахра». Сведения о борьбе Сассанидов с кушанами содержатся у арабских (Табари) и армянских историков IV—VI вв. (Фавст Бузанд, Егише, Моисей Хоренский). Отрывочная информация о кушанах имеется в буддийской

исторической традиции (китайской, тибетской, цейлонской). В основном это предания о распространении буддизма и о покровительстве буддизму со стороны Канишки, который считался чакравартином — властителем огромной империи.

Наиболее важным произведением средневековья об Индии является сочинение хорезмийца Абурейхана Бируни (XI в.). Бируни отличается огромной осведомленностью и удивительной беспристрастностью изложения. Многое он описывает как очевидец, живший в Индии после походов Махмуда Газневи. Бируни изучал санскрит, читал индийские тексты и передавал их содержание в своем труде. Некоторые из использованных им сочинений в настоящее время неизвестны или известны в иных вариантах.

История Индии в связи с общей историей буддизма затрагивается и в трудах тибетских средневековых ученых, из которых следует назвать «Историю буддизма» Будона (XIV в.) и «Историю буддизма в Индии» Таранаты (начало XVII в.). Их сведения в ряде случаев воспроизводят индийские исторические предания, хотя в целом для периода древности мало достоверны.

В настоящее время в государствах Южной Азии, и прежде всего в Республике Индии, ведется большая работа по изучению древних источников, главным образом публикации критических изданий основных памятников санскритской литературы, и широкие археологические изыскания. Благодаря последним не только выясняется хронологическая канва индийской истории и материальная сторона жизни древних индийцев, но может быть определена и специфика развития отдельных районов огромного субконтинента. Существенного расширения количества доступных литературных источников ожидать, по-видимому, невозможно, и основная задача состоит в более строгом отборе их и тщательном источниковедческом анализе.

Раздел пятый

КИТАЙ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Глава XXII

КИТАЙ. ЭПОХИ СЯ, ИНЬ, ЗАПАДНОЕ ЧЖОУ (II—I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.)

§ 1. Общая характеристика

На протяжении более двух тысячелетий Древний Китай развивался в условиях изолированности от других ранних центров цивилизации. Это объясняет нам, почему исследователь истории древнекитайского общества практически не располагает иноязычными источниками. Это обстоятельство, впрочем, с избытком компенсируется за счет «внутренних ресурсов»: собственные древнекитайские исторические источники не только чрезвычайно многочисленны, но и весьма разнообразны и к тому же, как правило, достаточно хорошо датированы. Это создает надежную базу для изучения разнообразных аспектов истории древнекитайского общества.

«Знающего древность, но не разбирающегося в современности уподоблю тонущему на суше»,— сказал некогда древнекитайский философ Ван Чун. Смысл этого афоризма отнюдь не в отрицании важности изучения древней истории, а в утверждении тезиса, чрезвычайно характерного для всей общественной мысли Китая: знание далекого прошлого необходимо для того, чтобы лучше понять происходящее в наши дни. Подобно римлянам, древние китайцы ценили историю как наставницу жизни. Этим объясняется их глубокий интерес к собиранию свидетельств о прошлом, будь то древние песни, предания, летописи или предметы материальной культуры.

К числу исторических источников, важность которых была по достоинству оценена лишь в последние десятилетия, относятся, например, палеоантропологические данные — костные остатки древних людей. Эти материалы изучаются специалистами-антропологами, но полученные ими выводы чрезвычайно важны для реконструкции истории формирования этнического состава населения Китая в древности. Сегодня проблема этногенеза древних китайцев и соседних с ними народов не может рассматриваться без учета этих ценных источников.

Очень существенны для историка фольклорные данные, в частности древнекитайские мифы. В мифологическом творчестве древних китайцев, как и других народов древности, в искаженном и переосмысленном виде нашли отражение существенные социально-экономические процессы, происходившие в обществе на ранних этапах его развития. Сумев препарировать миф, найти его рациональную основу, историк получает в свое распоряжение дополнительную информацию, зачастую отсутствующую в иных видах источников.

Немаловажным историческим источником является сама древнекитайская письменность. Будучи идеографической по своей сущности, возникшая в Древнем Китае система письма зафиксировала и донесла до нас немало исторических реалий. Поскольку древнекитайские иероглифы в течение длительного времени сохраняли непосредственную связь с рисунком, мы сегодня можем судить об особенностях орудий труда, оружия, домашней утвари, употреблявшейся древними китайцами во II тысячелетии до н. э. Анализ начертания иероглифа нередко может пролить дополнительный свет на этимологию социальных терминов, встречающихся в письменных источниках.

Можно указать и на такой специфический вид источников по истории Древнего Китая, каким является топонимика. Древние географические названия, сохраняющиеся по традиции на одной и той же территории, несут в себе отзвук языка первоначального населения этих мест и тем самым помогают историку восстановить направления миграций и тенденции этнических процессов древности.

И все же наиболее важную группу источников по истории Древнего Китая несомненно составляют письменные памятники. Среди них можно выделить три основные категории: древние сочинения, дошедшие до нашего времени в виде книг; тексты, впервые обнаруженные в средние века; рукописи древних произведений, находимые в наши дни при археологических раскопках.

Ценность письменных памятников первой категории заключается в том, что это значительные по своему объему источники, содержащие систематизированную информацию. Но они обладают и серьезным недостатком: их современный облик значительно отличается от первоначального. Это объясняется тем, что китайская письменность на протяжении тысячелетий своего существования претерпела существенную эволюцию, затронувшую не только внешний вид иероглифов, но и их структурную характеристику.

Тексты древних сочинений, таким образом, неоднократно переписывались знаками письменности, отличавшимися от оригинала. Отсюда многочисленные ошибки, описки и искажения, которые присутствуют в любом современном тексте древнекитайских книг. Но дело не ограничивалось только этим. В Древнем Китае не существовало понятия «плагиат», и поэтому каждый автор, как правило, использовал в своем произведении более или менее обширные извлечения из трудов своих предшественников, не оговаривая источника этих цитат. Не менее часто, также без каких-либо специальных помет текст более древнего сочинения дополнялся или расширялся. Все это ставит перед современным исследователем сложные проблемы «внешней критики» древнекитайских письменных памятников.

Определенные трудности связаны также с тем, что наиболее древние сочинения впоследствии получали распространение в нескольких различных списках, порой заметно отличавшихся друг от друга. Начиная с I в. н. э. особую остроту приобрели разногласия между сторонниками «новой» и «старой» школ толкования текстов древних книг. Первая из них основывалась на той версии этих сочинений, которая была записана общеупотребительными иероглифами ханьского времени. Вторая школа отдавала приоритет более древним, оригинальным спискам, время от времени обнаруживавшимся специалистами и зачастую не совпадавшим с «новой» версией. К сожалению, среди «старых» списков были и прямые фальсификации, использовавшиеся нередко в политических целях.

Иначе дело обстоит со второй большой категорией письменных памятников. Они не были известны в древности и впервые оказывались в поле зрения исследователей в результате случайных находок, главным образом в погребениях. После того как они были обнаружены, такие сочинения переписывались иероглифами, использовавшимися в то время, и в дальнейшем в принципе мало отличались от других древних письменных источников. Однако ко многим из них ученые относились скептически, ставя под сомнение их подлинность.

В этом смысле исключительную ценность представляют древние письменные памятники третьей категории — их находят уже в наше время, причем главным образом в ходе научных археологических раскопок. Такие рукописи обладают всеми преимуществами письменных источников, но лишены их недостатков. Так, в отношении этих текстов обычно не возникает проблемы подлинности и датировки. По

своему характеру рукописи древних сочинений (в настоящее время большинство из них относится к эпохе Хань) занимают промежуточное положение между письменными и эпиграфическими источниками.

Достоинство эпиграфических памятников — в их достоверности. Они, как правило, сохраняют свой первоначальный облик и доходят до современного исследователя в том самом виде, в каком они были созданы. Изучение эпиграфики имеет давние традиции в Китае — еще в XII—XIII вв. были заложены основы «науки о металле и камне», объектом которой были древние надписи на твердых материалах.

Эпиграфические источники (если не относить к их числу рукописи древних сочинений) обладают тем недостатком, что в большинстве своем и надписи, и документы обычно невелики по объему, написаны лапидарным языком и вообще не предназначались для того, чтобы поведать о чем бы то ни было потомкам. Но их достоинство заключается в массовости материала, а также в том, что они зачастую способны пролить свет на такие стороны общественной жизни прошлого, которые не нашли детального отражения в древних письменных памятниках.

Третью большую группу источников по истории древнекитайского общества составляют археологические данные. Остатки сооружений, предметы материальной культуры, произведения изобразительного искусства дают нам конкретное представление о многих сторонах деятельности древних китайцев. Особенно ценны материалы раскопок погребений, сообщающие важные сведения об имущественной и социальной дифференциации, а также отражающие представления и верования.

Письменные памятники, эпиграфика и археология имеют неодинаковое значение применительно к отдельным эпохам истории Древнего Китая. Однако при изучении любого периода древнекитайской истории наибольшие результаты дает перекрестное использование источников различных категорий и видов. Комплексный анализ исторических памятников — наиболее надежный метод «внутренней» и «внешней» критики источников.

Источниковедческая база исследования истории Древнего Китая непрерывно расширяется. Особенно интенсивно происходит накопление нового археологического материала: каждый год приносит нам важные находки, позволяющие по-новому взглянуть на многие проблемы. Медленнее увеличивается в объеме корпус эпиграфических источ-

ников. Совсем редки, но поэтому и особенно ценны находки рукописей древних сочинений.

И все же исследователь постоянно испытывает дефицит исторического факта. Свои надежды в этом отношении он возлагает не только на появление новых, ранее неизвестных источников, но главным образом на совершенствование методов анализа, позволяющих извлечь принципиально иные виды информации из уже давно изученных и, казалось бы, исчерпавших свои возможности текстов и памятников материальной культуры.

§ 2. Письменные памятники

К числу наиболее ранних из дошедших до нас древнекитайских письменных источников принадлежит «Шаншу» («Книга истории»), которая впоследствии была включена в состав официального конфуцианского канона и известна также под названием «Шуцзин». В текстологическом отношении это один из наиболее сложных памятников Древнего Китая. После сожжения книг Цинь Шихуаном текст этого сочинения был утрачен и восстановлен в начале II в. до н. э. (так называемая современная версия). Однако позднее была обнаружена другая («древняя») редакция, существенно отличавшаяся от первой. В своем современном виде «Шаншу» состоит из 58 глав, содержащих исторические данные о периоде начиная с легендарного правителя Яо вплоть до VII в. до н. э. и разбитых на пять разделов по хронологическому принципу. Современные исследования показывают, что лишь половина глав «Шаншу» может быть признана аутентичным источником.

Среди подлинных частей «Шаншу» наибольшее значение имеют главы, по своему содержанию связанные с периодом Западного Чжоу (XI—IX вв. до н. э.). В большинстве своем они представляют собой записи речей правителя (вана) или его приближенных. Сопоставление с эпиграфическими памятниками того же периода обнаружило значительное сходство стиля и языка источников этих двух различных категорий, что является основным аргументом в пользу подлинности этих глав «Шаншу». Все они принадлежат к «современной» версии.

Несколько глав этого сочинения отражают события второй половины эпохи Инь (XIV—XI вв. до н. э.). Однако доверия среди них заслуживает лишь глава «Пань-гэн», повествующая об обстоятельствах последнего перенесения

столицы государства Инь, причем составлен данный текст был, как полагают, уже после чжоуского завоевания.

Большие трудности в текстологическом отношении представляет и другой древнейший письменный памятник, получивший известность как «Чжушу цзинянь» («Бамбуковая летопись»). Согласно традиционной версии, эта книга, написанная на бамбуковых табличках, была обнаружена в III в. грабителями, проникнувшими в древнее захоронение. Позднее оригинал сочинения был утрачен, а в его копиях обнаружены значительные расхождения. В частности, распространенный в XVIII—XIX вв. текст «Бамбуковой летописи» существенно отличался от тех ее фрагментов, которые сохранились в виде цитат в сочинениях VII—X вв.

По своему содержанию «Бамбуковая летопись» существенно отличается от «Шаншу». Она представляет собой хронику, содержащую чрезвычайно краткое изложение важнейших событий, расположенных в хронологическом порядке и датированных определенным годом правления того или иного вана. Наиболее древние и крайне лапидарные сведеиия относятся к эпохе так называемых «пяти императоров», причем отмечается, что со времени Хуан-ди до Великого Юя «прошло тридцать поколений». Несколько более подробные данные сообщаются при изложении эпохи Ся, Шан (Инь) и Западного Чжоу (в целом летопись обрывается на событиях IV в. до н. э.).

К числу важнейших письменных памятников, содержащих сведения об исторических событиях XIV—IX вв. до н. э., следует отнести и первые главы «Шицзи» («Исторических записок») Сыма Цяня. Это сочинение написанное во II в. до н. э., разумеется, не является синхронным источником рассматриваемой эпохи. Однако Сыма Цянь при написании своего труда пользовался какими-то древними текстами, не сохранившимися до нашего времени. Изучение аутентичных эпиграфических текстов эпохи Инь показало, что приводимые Сыма Цянем сведения о генеалогическом древе иньских ванов вполне достоверны. Хотя сегодня мы не располагаем аналогичным сравнительным материалом для проверки надежности сообщаемых Сыма Цянем данных об эпохе Ся, весьма вероятно, что и в этом случае в распоряжении древнекитайского историка имелись утраченные ныне источники.

§ 3. Эпиграфические памятники

Поворотным пунктом в истории изучения древнейшего прошлого Китая стало сделанное китайскими учеными Лю Теюнем и Ван Ижуном в 1899 г. открытие эпиграфических текстов, получивших впоследствии название «иньских гадательных надписей».

Иньские надписи делались на панцирях черепах или коровьих лопатках — предметах, использовавшихся для гадания. Прижигая поверхность кости раскаленным металлическим острием, жрец затем по форме получившихся трещин определял ответ божества на заданные ему вопросы, после чего рядом с трещинами записывалось содержание вопросов. Иногда по истечению соответствующего времени фиксировалось также, сбылось ли предсказание. Поэтому в наиболее полном виде гадательная надпись состоит из четырех основных частей: 1) дата гадания и имя гадателя; 2) содержание вопроса; 3) ответ божества; 4) отметка о том, как позднее развивались события.

Важной особенностью иньских гадательных надписей является то, что вопросы в них задавались, как правило, по нескольку раз, причем зачастую в разной форме. Это дает в руки исследователей ключ для грамматического анализа текстов.

По своему содержанию иньские надписи связаны со многими сторонами жизни общества того времени. Наибольшее число текстов (в общей сложности в настоящее время введено в научный оборот около 50 тыс. отдельных надписей и их фрагментов) имеет отношение к жертвоприношениям предкам правителей, в том числе к принесению в жертву пленных врагов. Захват пленных был одной из важнейших целей военных походов против враждебных племен, взаимоотношения с которыми также подробно освещаются в надписях. Многочисленны вопросы о погоде (сильный дождь мог размыть дороги, преградить путь боевым колесницам и тем самым сорвать планируемую военную операцию), что позволяет нам судить об особенностях климата в конце II тысячелетия до н. э., значительно отличавшихся от современных. Внимание гадателей привлекали вопросы, связанные с земледельческими работами, — обработка полей, сбор урожая. Хотя охота уже утратила свое прежнее хозяйственное значение, ваны нередко отправлялись попытать счастья в лесах, занимавших огромные пространства Среднекитайской равнины, а охотничьи трофеи фиксировались в надписях столь же тщательно, как

и военная добыча. В гадательных текстах мы находим также сведения о характере взаимоотношений между ваном и подчиненными племенами, в частности о присылке дани и прибытии вождей в Великий Город Шан и т. д.

Иньские гадательные надписи относятся к последнему периоду существования государства Инь — XIV—XI вв. до н. э. В настоящее время практически каждая надпись может быть датирована временем правления того или иного вана, что значительно повышает ценность этого исторического источника.

До середины 70-х годов все известные науке надписи на черепашьих панцирях и костях животных были извлечены исключительно в районе Сяотуня. Большое значение имела поэтому находка в 1977 г. аналогичных надписей при раскопках раннечжоуского дворца близ Цишаня (провинция Шэньси на северо-западе Китая). Впервые были обнаружены гадательные тексты, относящиеся ко времени правления последних иньских ванов, но принадлежащие чжоусцам. Среди нескольких сотен найденных фрагментов, встречаются записи о религиозных церемониях, военных походах, охоте. В них упоминаются имена основателя иньского государства Чэн Тана, предпоследнего вана Ди И, а также «чжоуского вана» (имеется в виду, вероятно, Вэнь-ван). Публикация чжоуских гадательных надписей открывает новые возможности для изучения предыстории чжоуского завоевания и культуры чжоусцев на раннем этапе их существования.

Особую категорию эпиграфических памятников XIV—IX вв. составляют надписи на бронзовых ритуальных сосудах. Древнейшие из них относятся к иньскому времени, однако обычай помещать на стенках сосудов для жертвоприношений тексты мемориального характера получает наиболее широкое распространение в раннем Чжоу. Большинство чжоуских надписей на бронзовых сосудах было найдено в результате случайных раскопок и стало объектом изучения коллекционеров-антикваров начиная с XI в. (первый каталог бронзовых предметов с надписями был издан в 1092 г. Люй Далином). К середине нашего столетия было известно более 250 сосудов с чжоускими надписями, некоторые из них сохранились лишь в виде эстампажей или прорисовок. По мере развертывания широких археологических исследований на территории Китая в 50—70-х годах было найдено несколько десятков новых надписей.

Поводом для отливки бронзового сосуда в чжоуское время было обычно какое-либо важное событие в жизни

аристократа (удачный военный поход, назначение на должность, подарок или иная милость со стороны вана и т. д.). В память об этом и изготавливался этот предмет, предназначавшийся для принесения жертв предкам владельца. Надпись на сосуде должна была напоминать о заслугах этого лица, восхвалять его достоинства, удостоверять его преданность заветам предков. Иногда сосуд отливался для того, чтобы служить своего рода документом, удостоверяющим установление новых границ земельных участков или законность обмена какими-нибудь материальными ценностями и т. д.

Датировка чжоуских надписей на бронзовых сосудах затрудняется тем, что в Древнем Китае отсутствовала система единого летосчисления и время событий указывалось по годам правления вана, имя и титул которого, как правило, не упоминались. Однако по ряду косвенных данных (форма и орнамент сосуда, палеографические особенности знаков, упоминания известных исторических событий и пр.) оказывается возможным датировать надпись с точностью до ста лет, хотя отнесение каждого конкретного текста к периоду правления того или иного вана в ряде случаев остается проблематичным.

Размеры надписей весьма различны: они варьируют от 5—10 до 300 и более иероглифов. Наиболее длинные надписи по своим размерам сопоставимы с главами «Шаншу». При этом обнаруживается не только количественное сходство текстов двух различных категорий: в надписях на чжоуских сосудах, так же как и в «Книге истории», зафиксированы речи правителей и их приближенных, что позволяет осуществить сопоставительный анализ этих памятников.

Используя данные, сообщаемые надписями на бронзовых сосудах, необходимо помнить, что данная категория источников требует тщательной внутренней критики. В древнекитайском сочинении «Лицзи» мы находим следующую характеристику специфики текстов этого типа: «Надпись на сосуде для жертвоприношений служит для возвеличивания достоинств предков и передачи памяти о них последующим поколениям. У каждого предка были достоинства и недостатки. Но смысл надписи заключается в восхвалении достоинств и в умолчании о недостатках». Точно так же нельзя поэтому принимать на веру без дополнительной проверки данные о численности войск, принимавших участие в сражениях, о количестве захваченных пленных и другие сообщения такого рода, содержащиеся в чжоуских надписях на сосудах.

§ 4. Археологические памятники

До сих пор наука не располагает непосредственными доказательствами достоверности сообщений источников о том, что эпохе Инь в Китае предшествовал период правления династии Ся. Такими доказательствами могли бы быть лишь подлинные эпиграфические памятники этого времени, подобные иньским и чжоуским надписям, но они пока не обнаружены. Вместе с тем многие археологи склонны в настоящее время связывать с эпохой Ся целый ряд вещественных памятников, раскопанных в бассейне реки Хуанхэ и занимающих промежуточное положение между поздним неолитом и ранним Инь.

К числу их относятся остатки монументальных сооружений, обнаруженных близ города Яньши (провинция Хэнань). В 1960 г. там началось вскрытие развалин дворцового комплекса площадью около 10 тыс. кв. м. Центральную часть его занимало здание, возведенное на стилобате, основу которого составлял покоящийся на колоннах деревянный каркас. Поблизости были найдены бронзовые и яшмовые предметы, а также следы бронзолитейного и костерезного производства. Абсолютная датировка этого памятника методом радиокарбонного анализа дала даты в пределах 1500—1300 г. до н. э. Ряд исследователей высказали предположение о том, что городище в Яньши представляет собой последнюю столицу государства Ся; другие отстаивают ту точку зрения, что раскопанный дворец связан с периодом правления первого иньского вана Чэн Тана.

Наиболее ранние поселения, бесспорно относящиеся к эпохе Инь, изучены в районе города Чжэнчжоу (провинция Хэнань). Здесь в начале 50-х годов было открыто городище, окруженное глинобитной стеной с одиннадцатью проемами, по всей видимости соответствующими городским воротам. Здесь, так же как и в Яньши, прослежены остатки стилобатов, однако степень их сохранности такова, что судить о конструкции и размерах зданий крайне трудно. Гораздо лучше сохранились остатки мастерских — бронзолитейной, керамических и костерезных. Найдены керамические тигли и формы, использовавшиеся для литья бронзовых предметов, а также гончарные печи и образцы производившейся в них продукции. Абсолютная датировка этих находок — XIII век до н. э. Высказывалось предположение, что городище в Чжэнчжоу — это Ао, куда перенес свою столицу иньский ван Чжун-дин.

Этим же периодом датируются раскопанные в 1974 г. в Хуаппо (близ города Ухань) остатки иньского городища — самого южного из всех известных в настоящее время иньских поселений. Здесь были открыты основания двух дворцовых зданий размером 40×13 кв. м и 27,5×10,5 кв. м. Большее дворцовое помещение состояло из четырех залов и было окружено террасой. Двойная четырехскатная крыша поддерживалась расположенными по периметру здания колоннами.

Наибольшие результаты в изучении дворцовых комплексов иньского времени дали раскопки последней иньской столицы в Сяотуне, осуществлявшиеся в течение нескольких полевых сезонов в 1928—1936 гг. Городской стены в Сяотуне обнаружено не было (это объясняется, по всей видимости, тем, что раскопками была вскрыта лишь часть территории городища). Зато были расчищены и изучены многочисленные основания общественных зданий (дворцов и храмов), относящихся к XII—XI вв. до н. э.

Важным достижением китайской археологии последних лет были раскопки раннечжоуского поселения в Цишане, где находился один из ранних центров формирования чжоуской культуры. Здесь были раскопаны остатки дворца со сложной планировкой, в основных своих чертах совпадающей со свидетельствами более поздних письменных памятников. Традиционная каркасно-столбовая конструкция указывает на культурную преемственность с иньской эпохой; к числу важных нововведений следует отнести частичное использование черепицы.

Исключительно важным источником являются погребения XIV—IX вв., материалы которых важны для изучения как социальных отношений, так и особенностей культуры.

По размерам могильной ямы, характеру инвентаря и другим признакам иньские погребения можно разделить на четыре категории. К первой из них относятся наиболее крупные захоронения, обнаруженные главным образом в районе Сяотуня и датированные поздним Инь. Во время 10—12 сезона раскопок там было вскрыто более десяти погребений этого типа. Все они уже в древности были ограблены, что не позволило составить полного представления о составе сопогребенных в них вещей. В 1976 г. к северу от Сяотуня было открыто непотревоженное погребение № 5, принадлежавшее, судя по надписям на найденных в нем бронзовых сосудах, жене сына одного из иньских ванов (возможно, вана У-дина). В общей сложности из погребения № 5 было извлечено более 1500 предметов (в том чис-

ле около 440 бронзовых и 500 нефритовых) и почти 7000 раковин каури. В могильной яме было найдено 16 скелетов сопогребенных. Эта находка подтверждает предположение о том, что погребения первой категории принадлежали иньским ванам или их ближайшим родственникам.

Могилы второй категории отличаются от первой меньшими размерами и более скромным набором сопровождающего инвентаря. Большое число таких погребений раскопано близ Сяотуня, а также в Чжэнчжоу. Человеческие сопогребения встречаются в них сравнительно редко: 12 человек, обнаруженных в захоронении № 701 в Сяотуне, представляют скорее исключение из правила. Однако в погребениях этой категории всегда представлены бронзовые сосуды для жертвоприношений и оружие. Интересные наблюдения в этом отношении были сделаны в результате изучения инвентаря более 1000 погребений второй категории, раскопанных в 1969—1977 гг. близ Сяотуня. Оказалось, что эти могилы расположены несколькими компактными группами, причем в каждой из них встречаются сосуды с надписями, содержащими одно и то же наследственное имя. Археологи, производившие раскопки, видят в этом отражение того факта, что в жизни иньского общества существенную роль играли кровно-родственные группы, причем членов таких групп хоронили обычно в одном месте на «родовом» кладбище.

Погребения третьей категории явно принадлежат основным производителям материальных благ в иньском обществе: на это указывает отсутствие в этих захоронениях бронзовых сосудов и оружия; в их инвентаре представлены лишь глиняная посуда и иногда орудия труда.

Наконец, последнюю категорию иньских погребений составляют могилы людей, сопогребавшихся с умершим или приносившихся в жертву во время религиозных церемоний или закладки дворцов и храмов. Изучение антропологического типа погребенных обнаружило их отличия от тех иньцев, которым принадлежали могилы второй и третьей категорий: в последнем случае это представители северокитайского расового типа, тогда как в коллективных захоронениях восточные монголоиды представлены наряду с северными (континентальными) и южными. Эти данные хорошо согласуются со свидетельствами иньских гадательных надписей о принесении в жертву пленных.

В настоящее время изучено несколько сотен погребений начального периода Западного Чжоу. Среди них выделяются пять категорий, которые не вполне совпадают с инь-

скими. До сих пор не найдено ни одного захоронения чжоуских ванов. Судя по надписям на оружии, обнаруженном в самом крупном из всех известных чжоуских погребений первой категории, оно принадлежало наследственному владетелю в ранге чжухоу. В могилах 1, 2, 3 категорий находят бронзовые предметы, тогда как 4-я категория характеризуется наличием лишь глиняной посуды. 5-я категория принадлежит сопогребенным.

Во второй половине Западного Чжоу различия в инвентаре погребений приобретают черты последовательно выдержанной системы. Первые три из них четко противопоставляются по количеству положенных с усопшим бронзовых сосудов типа «дин», причем это соответствует предписаниям, дошедшим до нас в письменных памятниках более позднего времени, но восходящим к эпохе Западного Чжоу. Приведенные данные могут служить основанием для вывода о том, что иерархическая система социальных рангов чжоуского общества (ван, чжухоу, дафу, ши, шужэнь) в своем окончательном виде сложилась в X—IX вв. до н. э.

Предметы материальной культуры, находимые в поселениях и погребениях XIV—IX вв. до н. э., позволяют исследователю составить конкретное представление об уровне производительных сил, образе жизни и быте в эту эпоху.

Орудия труда, применявшиеся в основной сфере производства — земледелии, изготовлены преимущественно из камня. Это шлифованные каменные топоры, заступы, жатвенные ножи, не обнаруживающие принципиальных отличий от аналогичных изделий неолитической эпохи. Деревянные орудия труда (например, копательные приспособления лэй, известные нам по иньским пиктограммам и отпечаткам на стенах ям) не сохранились, а бронзовые орудия крайне редки и явно не имели широкого применения.

В отличие от орудий туда, оружие в эпохи Инь и Западного Чжоу изготовлялось преимущественно из бронзы. В погребениях аристократов находят полные комплекты наступательного оружия среднего и ближнего боя (наконечники клевцов и пик, части луков, наконечники стрел), а также бронзовые шлемы (щиты, применявшиеся в то время, делались из дерева и покрывались лаком, по остаткам которого можно судить об их форме). Бронзовые детали были необходимы для производства боевых колесниц.

Не все предметы утвари могли сохраниться до нашего времени, но недостаток наших знаний об их облике компенсируется таким специфическим видом археологических памятников, каким являются произведения изобразительно-

го искусства. Это относится в первую очередь к каменной и нефритовой скульптуре, получившей значительное развитие уже в иньское время. Так, в крупных погребениях позднего периода Инь нередки вырезанные из камня фигуры людей, по которым можно судить об одежде и прическах иньцев. В частности, они свидетельствуют о том, что иньцы носили длинные халаты из узорной (шелковой?) ткани, запахивая их направо (позднее древние китайцы стали придавать этой особенности исключительное значение, видя в ней одно из своих главных отличий от «варваров»).

Произведениями искусства являются и бронзовые ритуальные сосуды, рельефные украшения на которых дают материал о некоторых представлениях и верованиях иньцев и чжоусцев. Высказывалось мнение, что антропоморфная личина таоте, являющаяся важной составной частью декора бронзовых сосудов, представляет собой изображение высшего божества иньцев — Шанди. Геометрический орнамент на предметах обихода XIV—IX вв. до н. э. также может быть использован как источник сведений по этнической истории древних китайцев, потому что именно в орнаменте особенно устойчиво проявляются эстетические традиции этноса.

Глава XXIII
КИТАЙ. ЭПОХА ЧУНЬЦЮ — ЧЖАНЬГО (VIII—III ВВ. ДО Н. Э.)

§ 1. Письменные памятники

Эпоха Восточного Чжоу была временем формирования основ историографии в Древнем Китае. У ее истоков стояли писцы-хронисты, должности которых существовали уже при дворе западночжоуских правителей. В их обязанности входила запись важнейших событий, происходивших в период правления того или иного вана. Не случайно в надписях на чжоуских сосудах мы находим упоминания о том, что, например, награждая сановника, правитель повелевал «отдать приказ и занести его на скрижали». Аналогичная практика существовала и в VIII—III вв. до н. э. По свидетельству одного из древнекитайских авторов, во время съездов чжухоу велись «записи о добродетелях князей, о наказаниях, о ритуале, о справедливости».

На этой основе в различных царствах Древнего Китая в середине I тысячелетия до н. э. возникают первые летописи, по своему характеру уже непохожие на лапидарные

хроники типа «Чжушу цзинянь». До нашего времени дошла лишь одна из таких летописей — «Чуньцю», созданная в царстве Лу и зафиксировавшая события 722—480 гг. до н. э. (напомним, что название этой книги было перенесено и на соответствующий исторический период). В позднейшей конфуцианской традиции этот памятник был канонизирован, что несомненно сыграло свою роль в его исторических судьбах.

«Чуньцю» представляет собой погодную запись событий, происходивших в царстве Лу. Сведения о том, что происходило за его пределами, приводятся в летописи главным образом в связи с деятельностью правителя этого царства. События датируются обычно месяцем, реже — днем, например: «Шестой год (правления Хуань-гуна) летом, в четвертом месяце, Хуань-гун встретился с правителем царства Цзи в местности Чэн». Большой интерес представляет структурный анализ содержания летописи, показывающий общие тенденции ослабления традиционных связей между чжоуским ваном и чжухоу, усиления роли отдельных крупных царств, борьбы их за гегемонию на Среднекитайской равнине.

С летописью «Чуньцю» тесно связан другой памятник, рассматриваемый обычно как комментарий к ней. Это «Цзочжуань» («Комментарий Цзо»), авторство которого приписывается ученику Конфуция Цзо Цюмину. «Цзочжуань» освещает события, имевшие место в Древнем Китае с 722 по 448 г. до н. э. Анализ содержания и языка этого сочинения показал, что оно могло быть составлено не ранее IV в. до н. э.

Давая несравненно более подробное описание событий, кратко изложенных в «Чуньцю», летопись «Цзочжуань» содержит весьма обильный фактический материал, относящийся к различным сторонам жизни древнекитайского общества VIII—V вв. до н. э.

В связи с «Чуньцю» и «Цзочжуань» следует упомянуть и о таком источнике, как «Гоюй» («Речи царств»), хотя он не может быть в полной мере отнесен к категории летописей. В отличие от первых двух сочинений «Гоюй» содержит исторический материал, сгруппированный прежде всего по государственно-географическому принципу. Эта книга состоит из 21 главы, первые три из которых посвящены Чжоу, четвертая и пятая — Лу, шестая — Ци, с седьмой по пятнадцатую — Цзинь, шестнадцатая — Чжэн, семнадцатая и восемнадцатая — Чу, девятнадцатая — У, двадцатая и двадцать первая — Юэ. Подобно «Цзочжуань», в «Гоюй»

включены многочисленные речи разных исторических деятелей, совершенно отсутствующие в «Чуньцю».

Особое место среди исторических сочинений позднечжоуского времени занимает «Чжаньгоцэ» («Планы сражающихся царств»). В своем современном виде эта книга состоит из десяти разделов, в которых поочередно излагаются события в отдельных царствах Древнего Китая. В каждом из разделов события излагаются в хронологической последовательности, причем текст состоит из отдельных самостоятельных эпизодов, общее число которых в книге составляет 482. Большинство из них связано со встречами различных государственных деятелей V—III вв. до н. э., обсуждавших военные, дипломатические и иные проблемы.

Известно, что свой нынешний облик это сочинение обрело во второй половине I в. до н. э., когда видный ученый того времени Лю Сян «взял за основу повествования об отдельных княжествах и расположил [их материалы] во временной последовательности, затем разделил по отдельным княжествам [материал], находившийся в беспорядке, чтобы дополнить предыдущее». Лю Сяну же принадлежит и нынешнее название «Чжаньгоцэ». Однако спорным остается вопрос о том, каковы же были первоначальные материалы, упорядоченные Лю Сяном. Несмотря на то что памятник содержит вымышленные речи с упоминанием фактов и названий, противоречащих политической географии Древнего Китая V—III вв. до н. э., а также многочисленные анахронизмы, в современном тексте «Чжаньгоцэ» несомненно представлены реликты летописных сочинений, создававшихся в отдельных царствах.

Новые возможности для текстологического исследования «Чжаньгоцэ» появились в 70-х годах, когда в датированном 168 годом до н. э. ханьском погребении был найден текст не известного ранее сочинения, по своему содержанию и стилю чрезвычайно близкий «Планам сражающихся царств». Он состоит из 27 разделов; в некоторых из них переписчик подсчитал даже общее количество знаков.

Помимо сочинений собственно исторических к числу важнейших письменных источников по истории древнекитайского общества I тысячелетия до н. э. относится «Шицзин» («Книга песен») — древнейшая поэтическая антология.

Нынешний текст «Шицзина» содержит 305 стихотворных произведений, сгруппированных в четыре раздела — «Нравы царств», «Малые оды», «Большие оды» и «Гимны».

Однако в некоторых ранних письменных источниках (например, в «Цзочжуань» и «Гоюй») цитируются песни «Шицзина», не вошедшие в современный текст. Объясняется это тем, что вместе с другими литературными памятниками «Книга песен» была уничтожена по приказу Цинь Шихуана в 213 г. до н. э. После создания империи Хань получают хождение различные списки «Шицзина», один из которых (он принадлежал ученому по фамилии Мао) лег в основу современной версии. Во всяком случае несомненно, что уже в середине VI в. до н. э. «Шицзин» существовал как самостоятельный единый свод.

Произведения, вошедшие в «Книгу песен», имеют различное происхождение. Так называемые «Нравы царств» восходят к устной фольклорной традиции, тогда как «оды» и «гимны» представляют собой стихотворения ритуального характера. Этим объясняются стилистические различия, прослеживаемые в четырех разделах «Книги».

«Шицзин» по праву может быть назван «энциклопедией древнекитайской жизни» второй четверти I тысячелетия до н. э. Знакомство с «Книгой песен» невольно заставляет вспомнить слова А. С. Пушкина: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу». «Шицзин» является неоценимым по своему значению источником наших знаний об обычаях, представлениях, реалиях материальной культуры древних китайцев.

Особое место среди древнекитайских письменных источников занимают сочинения философов V—III вв. до н. э. Возникновение различных философских школ и направлений было предопределено в Древнем Китае кризисом социально-экономической системы, сложившейся в Западном Чжоу. Стремясь найти выход из противоречий современного им общества, древнекитайские философы зачастую не ограничивались постулированием своей точки зрения, но и обращались к событиям прошлого в поисках доказательств своей правоты. Благодаря этому философские сочинения эпохи Чуньцю — Чжаньго сохранили для нас немало исторических свидетельств, в том числе и тех, которые отсутствуют в других источниках.

Главным сочинением раннего конфуцианства является «Луньюй» («Рассуждения и беседы»). Эта книга представляет собой собрание отдельных высказываний Конфуция (551—479 гг. до н. э.) в его дискуссиях со своими ученика-

ми и другими государственными деятелями. Она состоит из 20 разделов, названия которых совпадают с первыми иероглифами текста («Учиться», «Излагать») или с именами действующих лиц («Тай-бо», «Цзы-лу»). Чаще всего отдельные отрывки внутри каждого из разделов начинаются словами: «Учитель сказал...»

Другим произведением, позволяющим судить о философском кредо ранних конфуцианцев, является трактат «Мэн-цзы». В нем изложены взгляды Мэн Кэ, выдающегося мыслителя второй половины эпохи Чжаньго (372—289 гг. до н. э.). Подобно «Рассуждениям и беседам», эта книга была, по всей вероятности, составлена уже после смерти того, чьи идеи она выражает. Трактат «Мэн-цзы» состоит из 7 глав, каждая из которых делится на две части. Блестящий полемист, Мэн-цзы постоянно ссылался на исторические примеры, поэтому эта книга содержит очень богатый фактический материал по истории Древнего Китая с мифических времен вплоть до III в. до н. э. Высказывает Мэн-цзы и некоторые общие суждения о закономерностях общественного развития. Он излагает свою теорию цикличности истории: «От Яо и Шуня до Чэн Тана прошло пятьсот с лишним лет.., от Чэн Тана до Вэнь-вана прошло пятьсот с лишним лет...», а это означает, что «каждые пятьсот лет непременно появляется мудрый правитель» и т. д.

К числу конфуцианцев относят обычно и Сюнь-цзы (313—238 гг. до н. э.), автора одноименного философского трактата. Несомненно, однако, что в учении этого мыслителя нашли отражение не только собственно конфуцианские идеи, но и некоторые положения противников ранних конфуцианцев. Так, выступая против взглядов Конфуция и Мэн-цзы, этот философ утверждал, что не только сама человеческая природа, но и общественные институты не меняются на протяжении человеческой истории. Для того чтобы доказать это, Сюнь-цзы ссылался на факты древней истории, но в целом специальные исследования прошлого он считал излишними: «Если хочешь знать о предшествующих поколениях, то смотри на ныне существующие». Принято считать, что 23-я и 32-я главы трактата «Сюнь-цзы» написаны самим философом, 3-я — вместе со своими учениками, а 6-я — учениками уже после смерти учителя.

Главным оппонентом непосредственных учеников Конфуция в V в. до н. э. был Мо Ди (479—400 гг. до н. э.) — основоположник философии моизма. Школа моистов существовала сравнительно недолго — до III в. до н. э. Ее усилиями был создан трактат «Мо-цзы», имевший первона-

чально 71 главу. 18 из них были впоследствии утрачены, а оставшиеся представляют собой многослойный текст, включающий как ранние (V—IV вв. до н. э.), так и поздние (IV—III в. до н. э.) части. Для исследователя истории Древнего Китая наибольшую ценность представляют главы, написанные ближайшими учениками Мо Ди. В них последовательно излагается концепция, согласно которой общественные порядки Западного Чжоу отжили свой век и должны быть отброшены. В этом смысле ранних моистов можно считать идейными предшественниками философии легизма.

Одним из основоположников легистской школы был Гунсунь Ян, известный также под именем Шан Ян (390—338 гг. до н. э.). Шан Яну приписывается трактат «Шанцзюнь шу» («Книга правителя области Шан»), хотя современные исследователи сходятся на том, что из 26 глав этого сочинения лишь две были написаны самим философом. Трактат содержит изложение основных легистских идей, которые стали теоретическим обоснованием движения за социально-политические реформы, охватившего Древний Китай в IV в. до н. э. Сам Шан Ян, как известно, осуществил такие реформы в царстве Цинь, где ему пришлось предварительно преодолеть сопротивление чиновников-конфуцианцев. «Книга правителя области Шан» служит одним из основных источников для изучения сущности этих реформ.

Другой видный легист — Хань Фэй жил почти на сто лет позже Шан Яна (ум. в 233 г. до н. э.), когда фундаментальные сдвиги в социально-экономическом строе древнекитайского общества отчетливо проявлялись во всех сферах социальной жизни. Хань Фэй явился создателем принципиально новой для того времени концепции исторического развития человечества, согласно которой общество не стоит на месте, а непрерывно движется вперед. Поэтому, утверждал он, в древности люди жили не так, как сейчас, и нет никаких оснований отождествлять древнюю эпоху с современной. Основное сочинение этого философа — «Хань Фэй-цзы» — содержит немало отрывков, где автор излагает свое представление о том периоде человеческой истории, который назван им «далекой древностью».

Гораздо меньше сведений собственно исторических содержат сочинения даоской школы. Трактат «Даодэцзин» («Книга о дао и дэ») представляет в этом смысле редкое исключение среди других философских произведений Древнего Китая: в нем практически отсутствуют какие-либо

исторические реалии и изложение носит чисто теоретический характер. Что касается книги Чжуан Чжоу (369—286 гг. до н. э.), известной под наименованием «Чжуан-цзы», то она представляет собой собрание притч, сюжет которых служил автору средством доказательства правильности своих философских тезисов.

Следует упомянуть также о трактате «Гуань-цзы», приписываемом известному государственному деятелю VII в. до н. э. Гуань Чжуну, но включающий, как и большинство древнекитайских философских сочинений, разновременные слои. Эта книга, которую трудно отнести к какой-либо определенной школе, содержит большое количество ценных сведений по социально-экономической и политической истории Древнего Китая. Окончательно текст «Гуань-цзы» был оформлен, вероятно, лишь на грани нашей эры.

Отдельную группу письменных источников эпохи Чжаньго представляют военные трактаты. В Древнем Китае теория военного искусства получила в V—III вв. до н. э. значительное развитие, что привело к появлению большого числа специальных сочинений, многие из которых не сохранились до нашего времени.

Два из них уже в древности считались наиболее важными — «Сунь-цзы» и «У-цзы». Но если об авторе второго трактата мы имеем представление благодаря Сыма Цяню, поместившему его биографию в своих «Исторических записках», то вопрос о том, кто такой Сунь-цзы, далеко не ясен. Дело в том, что в V—IV вв. до н. э. в Древнем Китае было по крайней мере два знаменитых полководца по фамилии Сунь. Один из них — Сунь У — служил в царстве У при Холюе, правившем в 514—495 гг. до н. э.; другой — Сунь Бинь, дальний потомок первого, жил спустя сто с лишним лет в царстве Ци. Традиция считала автором книги «Сунь-цзы» Сунь У, хотя анализ исторических реалий позволял некоторым исследователям сделать вывод о более вероятной принадлежности трактата Сунь Биню.

В 1972 г. в датируемом второй половиной II в. до н. э. ханьском погребении в Линьи были найдены рукописи нескольких военных трактатов, в том числе «Сунь-цзы», а также «Сунь Бинь бинфа» («Трактат о военном искусстве Сунь Биня»), «Лю тао» и «Вэй Ляо-цзы».

Наконец, несомненный интерес для всякого, кто изучает историю Древнего Китая, представляет еще одна группа письменных памятников, непосредственно примыкающая к философским трактатам, но к ним как таковая не относящаяся. Речь идет о «сочинениях цикла ли», в которых из-

лагается широкий круг явлений общественной жизни, связанный с конфуцианским понятием «ли», т. е. традиционных норм взаимоотношений между людьми. Все эти сочинения были составлены в разное время, но не раньше V—IV вв. до н. э. Тем не менее в них нашли отражение, хотя зачастую и в трансформированном виде, санкционированные обычным правом правила поведения людей в системе отношений общества Западного Чжоу.

В наибольшей мере позднейшая обработка коснулась такого памятника, как «Чжоули» («Чжоуские установления»). Первоначальная основа его облечена в форму идеализированных схем, что неизменно настораживало историков, побуждая их относиться к этому трактату с сугубой подозрительностью. Как показали специальные исследования, «Чжоуские установления» окончательно сформировались в виде отдельной книги в III в. до н. э.

В меньшей степени унифицирующей переделке был подвергнут материал, легший в основу двух других сочинений того же цикла — «Лицзи», («Записки об установлениях») и «Или» («Ритуалы и установления»). Сопоставление с данными археологических находок позволило выдвинуть предположение о том, что текст этих памятников сложился в V—IV вв. до н. э. Содержание их охватывает широкий круг проблем, характеризующих особенности общественного быта Древнего Китая. Находка в ханьском погребении трех различных копий нескольких глав «Или», сделанная в 1959 г., дает в руки специалистов средство выявления наиболее ранних слоев в тексте этого сочинения. Она имела особое значение потому, что трактат «Или», как и многие другие древнекитайские письменные памятники, был известен в двух различных версиях — «древней» и «современной».

§ 2. Эпиграфические источники

Подобно своим предкам раннечжоуского времени, древние китайцы VIII—V вв. до н. э. по-прежнему имели обыкновение помещать на стенках ритуальных сосудов мемориальные тексты. Но как общее количество этих надписей на бронзовых предметах, так и их размеры в эпоху Чуньцю резко сокращаются.

Особенность этих надписей заключается в том, что они, как правило, создавались не при дворе чжоуского Сына Неба, как это обычно бывало раньше, а в различных владениях чжухоу, постепенно превращавшихся в независимые

царства. Наряду с сохранением некоторых традиционных черт в формуляре надписей на бронзе VIII—V вв. до н. э. обнаруживаются и инновации, знаменующие победу новых общественных вкусов и привычек. К счастью для современных исследователей, в этих текстах часто упоминаются теперь имена и титулы чжухоу, известные по письменным памятникам. Это намного облегчает датировку надписей.

В свою очередь, некоторые недавно открытые надписи позволяют уточнить многое из того, что сообщают нам летописи и хроники. Например, набор колоколов, принадлежавший правителю царства Цинь, был украшен надписями с упоминанием имен его предков, о последовательности царствования которых в иных источниках содержались противоречивые сведения. Эта находка подвела основательную фактическую базу под исследование ранней истории царства Цинь, сыгравшего впоследствии столь важную роль в судьбе Древнего Китая.

Еще более малочисленны надписи на бронзовых предметах, датируемые эпохой Чжаньго. И здесь недавние раскопки дали новый ценный материал. В 1978 г. в уезде Пиньшань (провинция Хэбэй), например, были раскопаны богатые погребения с бронзовыми вещами, на некоторых из них имелись пространные надписи. Из этих текстов стало ясно, что археологи открыли захоронения правителей царства Чжуншань, принадлежавшего одно время к числу наиболее сильных на Среднекитайской равнине.

В эпоху Чуньцю и Чжаньго появляются многочисленные новые категории эпиграфических памятников, неизвестные в раннечжоуское время. Для исследователя истории древнекитайского ремесла несомненный интерес представляют клейма, оттискивавшиеся на поверхности керамических изделий. В них фиксируются сведения о месте жительства и именах мастеров, а также чиновников, контролировавших их работу.

Близки им по своему характеру надписи на оружии, в которых указывается дата изготовления, имя мастера и название склада для хранения этих предметов. Особая ценность этих кратких текстов в упоминании о различных категориях несвободного населения, использовавшегося на подсобных работах в казенных оружейных мастерских. Среди них встречаются люди, именуемые, в частности, «гуйсинь». Комментаторы, толковавшие этот термин, исходили из этимологии составляющих иероглифов, объясняя его в значении «лица, осужденные на сбор хвороста для храма предков». Но, как показывают надписи на оружии

III в. до н. э., в это время подневольные работники гуйсинь эксплуатировались уже более эффективным способом. Дешифровка этих надписей дает возможность проследить эволюцию терминов, обозначавших осужденных за преступления, и помогают установить истоки значения этих терминов, широко употреблявшихся позднее, в эпоху Хань.

Совершенно новая категория надписей, появившаяся в конце Чуньцю — начале Чжаньго, связана с нумизматикой. Распространение металлической монеты было отражением высокого уровня развития товарно-денежных отношений в древнекитайском обществе. В «Цзочжуань» под 26-м годом правления луского Чжао-гуна (515 г. до н. э.) упоминается о монете в виде заступа, именуемой «бу»; одна из песен «Шицзина» сообщает о человеке, покупавшем шелковую пряжу и расплачивавшемся такой монетой. Наиболее ранние монеты этого типа, происходящие из случайных находок, отличаются значительными размерами (один экземпляр имеет общую длину 22,3 см при ширине лезвия 8,0 см) и еще не несут на себе надписей. Но уже в V в. до н. э. в царстве Вэй лили монету «бу», в надписях на которой упоминается место производства и номинал, обозначавшийся в единицах веса. Аналогичные надписи на монете из других царств дают нам сведения об основных центрах изготовления металлических денег на территории Чжао, Вэй, Хань, Цинь и Янь. В Ци примерно в то же время получила распространение монета в виде ножа («дао»). Надписи именуют ее «узаконенной монетой» и указывают названия городов, где она производилась, — Цзимо, Аньян, Тань и др. Эти сведения дают представление о появлении все новых и новых городов — ремесленно-торговых центров наиболее развитых в экономическом отношении царств Древнего Китая. Вплоть до реформы Шан Яна металлические деньги не имели широкого хождения на территории царства Цинь. Позднее круглая монета циньского типа с надписями, фиксирующими ее вес в циньских единицах (шу и лян), вытесняет все прочие виды металлических денег и после объединения Китая Цинь Шихуаном становится единой денежной единицей.

Развитие товарно-денежных отношений, стимулировавших распространение частной собственности на средства производства, косвенным образом способствовало появлению и другой новой категории исторических источников — сфрагистики. Употребление печатей входило в моду по мере того, как имущие начинали ощущать потребность продемонстрировать право собственности на свое богатство.

Среди полутора тысяч печатей V—III вв. до н. э., хранящихся сейчас в различных частных коллекциях и время от времени находимых в раскопках, можно выделить три основные группы. Первая из них имеет надписи с наименованием должности владельца, позволяющие составить более конкретное представление о номенклатуре административной системы эпохи Чжаньго. Вторая содержит упоминание имени владельца. Такого рода личные печати дают материал для ономастического исследования (изучения системы фамилий и имен в Древнем Китае). Наконец, третья группа — печати с благопожелательными надписями, представляющими собой интереснейший и еще малоизученный источник для реконструкции особенностей социальной психологии древних китайцев в эпоху Чжаньго.

Пожелания, выгравированные на печатях третьей группы, показывают, к какого рода жизненным благам стремились состоятельные люди того времени. Помимо традиционных формул долголетия и обильного потомства эти надписи содержат совершенно новый элемент, отражавший изменения в социально-экономической структуре общества. Пожелания «богатства» и «служебной карьеры» могли получить распространение только в тех условиях, когда на смену наследственным привилегиям аристократии и чиновничьим должностям, передававшимся по наследству, пришло богатство, полученное на основе частной собственности, а административная система, предусматривавшая назначение на посты и смещение с них по воле правителя.

К периоду Чуньцю относится также новый тип эпиграфических текстов, которые могут рассматриваться как документы. Материал, на котором они написаны, в данном случае не имеет существенного значения (в отличие от собственно надписей, выполняющих сопутствующую функцию в связи с предметами, на которые они нанесены). Примером такого рода эпиграфических памятников могут служить тексты клятвенных договоров из Хоума.

Клятвенные договоры были основной формой, закреплявшей в VIII—VI вв. до н. э. взаимоотношения между отдельными чжухоу, деятельность которых уже в значительной мере вышла из-под контроля чжоуского вана. Таким договором оформлялось признание одного из правителей гегемоном: собравшиеся на съезд чжухоу клялись ему в верности и в знак своей решимости не нарушать данного слова писали кровью жертвенного животного ритуальную формулу торжественного обещания. По данным «Чуньцю» и «Цзочжуань», за период с 722 по 468 г. до н. э. было

заключено не менее двух сотен договоров между отдельными правителями царств. Эта же форма фиксации взаимных прав и обязанностей использовалась и на уровне кланов, возглавлявшихся дафу. В 1965 г. близ Хоума (провинция Шаньси), где в VI в. до н. э. находилась столица царства Цзинь, было найдено более 5000 фрагментов клятвенных договоров, содержание которых отражало борьбу между аристократическими группировками этого царства.

Иной характер имеют документы, обнаруженные в 1957 г. в Шоусяне (провинция Аньхой). На бронзовых пластинках, имитирующих расщепленное коленце бамбука, вырезаны тексты, датированные 323 годом до н. э., состоящие из 150—165 иероглифов. Это своего рода «проезжие грамоты», освобождавшие предъявителя — владетеля области Э — от обложения пошлиной во время передвижения по территории царства Чу. Одна грамота устанавливает соответствующие льготы в случае, если путешествие совершается по суше: тогда в течение года можно везти с собой пятьдесят повозок (или гнать лошадей и коров, считая десять голов за одну повозку, или иметь с собой носильщиков, приравнивая двадцать человек к одной повозке), причем транспортировать металл, кожу и бамбуковые стволы запрещалось. Другой документ устанавливает, что в случае передвижения по воде разрешается иметь при себе пятьдесят больших лодок (считая три маленькие лодки за одну большую); если лодки будут нагружены скотом, то, будучи освобожден от уплаты пошлин в таможне, предъявитель обязан уплатить таковую в Великую сокровищницу, т. е. непосредственно в казну правителя.

Проезжие грамоты владетеля области Э свидетельствуют, что крупные аристократы царства Чу пользовались в IV в. до н. э. определенными привилегиями, освобождавшими их от обложения таможенными пошлинами. Насколько можно судить по этим документам, на территории Чу существовала сеть застав, где не только взималась пошлина за провоз товаров, но и осуществлялся контроль за соблюдением запрета на транспортировку оружия и материалов, использовавшихся для его изготовления.

Новым видом эпиграфических памятников, наиболее ранние образцы которых относятся к IV в. до н. э., являются стихотворные надписи на камне. В VII в. на территории современной провинции Шэньси было обнаружено десять каменных тумб с вырезанными на них поэтическими текстами. Они были названы «надписями на каменных барабанах».

Эти стихотворные надписи заполняют хронологический разрыв между «Шицзином» и более поздними поэтическими произведениями эпохи Чжаньго («Чуские строфы» Цюй Юаня). Оды на «каменных барабанах» обнаруживают значительное сходство с песнями «Шицзина»: четырехсложная строка, рифмическая структура строфы, группировка по десяткам, близость лексических особенностей. Для изучающего историю Древнего Китая VIII—III вв. до н. э. надписи на каменных барабанах представляют ценность примерно в том плане, что их сопоставление с текстом «Шицзина» дает отправные точки для внешней критики этого важного письменного источника. Сопоставительный анализ письменных памятников, дошедших до нас в виде книг и претерпевших поэтому неизбежную трансформацию, с близкими им по содержанию эпиграфическими источниками, сохранившими первоначальный облик оригинала, всегда оказывается чрезвычайно плодотворным. Значение надписей на каменных барабанах тем более велико, что они являются практически единственными памятниками, написанными стандартным почерком IV в. до н. э., характерным для северо-западных царств Древнего Китая (вплоть до объединения страны Цинь Шихуаном существовали большие региональные различия в начертании иероглифов — следствие социально-экономической и политической разобщенности древнекитайских царств).

С древнейших времен дерево и бамбук были основным материалом для письма в Древнем Китае. Но тексты на деревянных табличках, составлявшиеся в эпоху Инь и раннего Чжоу, до нас не дошли. Наиболее ранние находки текстов на дереве и бамбуке датируются эпохой Чуньцю — Чжаньго. К ним относится прежде всего «Бамбуковая летопись», которая, будучи обнаружена в III в. в качестве эпиграфического памятника, затем получила распространение как собственно письменный источник, причем подлинные таблички с текстом были утеряны. В 1953 г. в Шанша (провинция Хунань) в погребении эпохи Чжаньго были открыты 43 бамбуковые планки с надписями, а в 1954 г. аналогичная находка была сделана при раскопках погребений того же времени около Чанша. Спустя три года там же было найдено более 200 бамбуковых табличек с текстами, датируемыми VI в. до н. э.

Большинство из этих текстов является образцом эпиграфических источников нового типа, неизвестных в более раннее время. Это реестры имущества, клавшегося в погребение для сопровождения усопшего в загробном мире.

Все они происходят из Чу и написаны почерком, свойственным именно этому южному царству, чтение которого в ряде случаев оказывается затруднительным. С другой стороны, названия упоминаемых в перечне предметов могут быть сопоставлены с реальными вещами, найденными в том же захоронении. Некоторые из названий встречаются также и в письменных источниках — «Или», «Чжоули», а также в «Чуских строфах».

§ 3. Археологические памятники

Рост городов, население которых было уже в значительной мере оторвано от сельскохозяйственного производства, составляет одну из примечательных черт социально-экономического развития Древнего Китая VIII—III вв. до н. э. Анализу этого процесса помогает изучение материальных остатков городов, большинство из которых сохранилось на поверхности земли.

Столица Ци город Линьцзы был в IV в. до н. э. самым крупным из 70 с лишним городов, существовавших на территории этого царства. По некоторым данным, население его насчитывало 70 тыс. дворов, что соответствует примерно 250—300 тыс. человек. Раскопки показали, что Линьцзы состоял из двух частей — большого города, окруженного стеной с периметром в 14 км, и малого, площадь которого была в два раза меньше. Главная городская стена имела основание более 20 м, а в отдельных местах достигала даже 43 м. По всей видимости, малый город, расположенный в юго-западной части большого, был резиденцией правителя. В пределах городской стены вскрыты остатки многочисленных ремесленных мастерских — железоделательных (4 в большом городе и 2 в малом), бронзолитейных. Найдены следы существования там монетного двора. В западной части малого города сохранились остатки пока еще не раскопанного дворца.

Другим примером крупного города эпохи Чжаньго может служить Нижняя столица царства Янь близ Пекина. Прямоугольная городская стена ее имеет периметр длиной 24 км и толщину основания около 40 м. В северо-восточной части города были расположены дворцовые строения, а на некотором расстоянии от них находились мастерские (железоделательные, костерезные, керамические и пр.). С внешней стороны к городской стене примыкал защитный ров шириной около 20 м. По-видимому, не случайно полководец Сунь У вообще считал осаду городов вынужденной ме-

рой, а Сунь Бинь предлагал избегать ее в тех случаях, когда она представлялась бесперспективной.

Раскопки остатков мастерских дают нам представление об организации ремесла и масштабах производства, а также его технологии. На территории городища в Хоума были обследованы развалины бронзолитейной мастерской, где на площади около 3000 кв. м найдено более 30 000 керамических форм для отливки ритуальных сосудов, колоколов, оружия, деталей колесниц и некоторых бытовых предметов. Четыре круглые плавильные печи имели по 70 см в диаметре. В специальном хранилище было уложено 110 медных слитков общим весом более 95 кг (самый большой из них весит 4 кг).

Там же были раскопаны остатки гончарной мастерской. На пространстве площадью 0,5 кв. км открыто большое количество печей для обжига керамических изделий. Их конструкция и размеры заметно отличаются от подобных приспособлений, имевших распространение в конце II — начале I тысячелетия до н. э.

Особо следует упомянуть о находках и исследовании рудных разработок рассматриваемой эпохи. В 1973 г. близ Дае (провинция Хубэй) были обнаружены заброшенные копи, которые могут быть датированы по типологическим признакам оставшихся в них орудий VI—IV вв. до н. э. Здесь использовались штреки двух видов — вертикальные и наклонные. Глубина наиболее длинных из них достигала 40 м. Добытую руду сортировали в деревянных корытах.

Как и для более раннего времени, ценным источником по социально-экономической и культурной истории этого периода являются погребения. Сохраняя в своей конструкции и особенностях инвентаря немало общего с памятниками эпохи Западного Чжоу (погребальный ритуал обладает исключительной устойчивостью), они вместе с тем наглядно демонстрируют кардинальные изменения, происшедшие в древнекитайском обществе в середине I тысячелетия до н. э.

Важным показателем социального положения усопшего, как и раньше, в этот период служит число ритуальных сосудов типа «дин», положенных в погребение. В могиле правителя маленького царства Цай (принадлежность ее определяется по надписям на сопогребенных предметах) найдено 9 сосудов «дин»; столько же их и в захоронении правителя царства Чжэн, что соответствует традиционным нормам. Однако в уезде Хойсянь (провинция Хэнань) были раскопаны три огромные по своим размерам могилы, в которых также находилось по 9 «дин». Они не могли принадлежать

правителям какого-то царства, так как в VII—VI вв. до н. э. столицы соседних царств находились за пределами этого района. Это означает, что в упомянутых могилах были погребены аристократы в ранге «дафу». Их похороны были, таким образом, обставлены с роскошью, превосходившей допустимые пределы.

Погребения с 7 и 5 сосудами «дин» в принципе принадлежат представителям социального слоя дафу. Но в захоронении № 1 близ Лючжицяо в Чанша (провинция Хунань), где было обнаружено 5 таких сосудов, все они изготовлены не из бронзы, как этого требует обычай, а из глины. Помимо этого, размеры могильной ямы здесь гораздо меньше общепринятой нормы. Можно предположить, что погребенный в этом захоронении дафу в конце своей жизни обеднел и его наследники не смогли соблюсти положенный по традиции ритуал.

Могилы с тремя сосудами «дин» обычно принадлежат низшей аристократии в ранге ши. В Хоума было расчищено одно захоронение с тремя такими сосудами, но размеры погребальной камеры превосходят даже среднюю норму, предписанную для захоронений дафу. Кроме того, там был найден еще один бронзовый «дин» с надписью, из которой явствует, что он принадлежал сыну правителя царства Сюй. Возможно, этот сосуд попал к данному ши как трофей или в качестве подарка, но и то и другое является нарушением правил социальной иерархии раннечжоуского времени.

Наконец, в VII—VI вв. до н. э. резко увеличивается количество погребений, в которых находят по одному керамическому сосуду типа «дин» (такие могилы составляют абсолютное большинство среди всех раскопанных захоронений). Это означает, что по крайней мере часть погребенных в них людей принадлежала к прослойке простолюдинов шужэнь, которым по обычаю запрещалось употреблять такие сосуды.

В целом хотя погребения позднего периода Чуньцю и сохраняют еще некоторые различия, предписывавшиеся традицией, но случаи нарушения общепринятых ранее норм становятся скорее правилом, чем исключением. Это было именно в то время, когда антиконфуцианец Мо Ди во всеуслышание требовал, чтобы «первоначально низкий человек был возвышен и стал знатным, а первоначально нищий был возвышен и стал богатым».

В VIII—III вв. до н. э. расширяется перечень тех предметов материальной культуры, которые сохранились в поселениях или могилах и могут быть использованы для изучения различных сторон общественной жизни той эпохи.

Революционные сдвиги в социальной структуре общества были подготовлены резкими изменениями в уровне производительных сил, чему способствовало распространение железных орудий труда. Наиболее ранние из известных в настоящее время железных орудий происходят из трех районов: Люхэ (провинция Цзянсу), Чанша (провинция Хунань) и Лоян (провинция Хэнань). Все они датируются VII—VI веками до н. э. Позднее железные орудия и приспособления очень быстро распространяются во всех царствах Чжаньго. Наибольшее значение среди этих предметов имели железные наконечники для пахотных орудий типа рала.

В рассматриваемую эпоху в быт богатых входят в моду предметы обихода, покрытые лаком. Центром производства их было царство Чу. Лакированная посуда становится своего рода «престижной маркой» каждого состоятельного члена общества.

Другим характерным типом предметов, появляющихся в быту древних китайцев в VI—V вв. до н. э., были бронзовые зеркала. Круглый диск, одна сторона которого была отполирована, а другая украшалась рельефным орнаментом, имел в центре утолщение с отверстием, куда пропускалась шелковая лента. Женщины хранили зеркала в лакированных шкатулках вместе с другими туалетными принадлежностями, но пользовались зеркалами и мужчины.

От эпохи Чжаньго дошли до нас и музыкальные инструменты — не только ударные (литофоны и колокола), но и струнные, особенно ценившиеся в то время. Цитра цинь и гусли сэ относились к категории щипковых струнных инструментов, использовавшихся для аккомпанемента певцу. Сейчас известно около полутора десятков гуслей из царства Чу — все они имеют по 25 струн и 4 колка. Резонатор их делался из наиболее ценных пород дерева («Орех и каштан насадил он кругом, и тисс, и сумах, и катальпу над рвом — на цитры и гусли их срубят потом», — говорится в «Шицзине»).

Немаловажное значение как источник сведений по истории древнекитайского общества VIII—III вв. до н. э. имеют произведения изобразительного искусства, среди которых появляются некоторые новые виды.

Это прежде всего картины на шелке с изображением людей и животных. В захоронениях эпохи Чжаньго на территории царства Чу сохранилось два экземпляра этого рода. Особенно интересна картина, на которой женщина в

длинном халате с широкими рукавами и с высокой прической выпускает из рук сказочного феникса. Несмотря на мифологический характер сюжета, здесь несомненно представлены черты реального костюма V—III вв. до н. э. Об одежде жителей царства Чу мы можем судить также по раскрашенным деревянным фигуркам, которые клали в погребения.

Глава XXIV
КИТАЙ. ЭПОХА ЦИНЬ-ХАНЬ (III В. ДО Н. Э. — III В. Н. Э.)

§ 1. Письменные памятники

Начальный период правления династии Хань акад. Н. И. Конрад называл эпохой синтеза культуры. Это было время, когда после бурных потрясений конца III в. до н. э. ученые обратились к поискам утраченных сочинений, занялись их комментированием и истолкованием. Появилась возможность критически оценить все, что было сделано прежде, чтобы, оглядываясь на пройденный путь, двинуться дальше. Такова была обстановка, в которой появилось одно из наиболее выдающихся произведений китайской историографии — «Исторические записки»» Сыма Цяня.

Занимая должность историка при дворе ханьского У-ди, Сыма Цянь (145—90 гг. до н. э.) писал свою книгу не по обязанности службы, а для того, чтобы выполнить предсмертную волю своего отца, начавшего и не успевшего закончить этот грандиозный труд. «Исторические записки» — всеобщая история Китая начиная с древнейшего периода мифических «пяти императоров» до последних веков до новой эры. Выполнить эту гигантскую задачу можно было лишь на основе систематизации и обобщения всех исторических источников предшествующего времени.

По упоминаниям в тексте «Исторических записок» названий использованных Сыма Цянем сочинений, а также по некоторым косвенным свидетельствам мы можем судить о том, что в его распоряжении были помимо всего прочего и такие исторические материалы, которые в своем первоначальном виде не сохранились до настоящего времени. Но при изучении источников, легших в основу книги Сыма Цяня, бросается в глаза одно важное обстоятельство: автор «Исторических записок» отнюдь не ограничивался только письменными памятниками. Он был, по-видимому,

первым китайским историком, в полной мере осознавшим значение того, что сегодня мы называем комплексным использованием источников. Сыма Цянь тщательно учитывал устную фольклорную традицию, во время путешествий по империи не упускал случая побывать на месте знаменитых битв, на развалинах некогда процветавших городов, расспрашивал старожилов, знакомился с бытом некитайских племен, населявших окраинные районы. Он изучал портреты исторических деятелей прошлого и сетовал на то, что облик многих из них остался неизвестным. О критическом подходе историка к собранным им материалам говорят, например, такие его слова: «Тщательно исследовав ход событий, я включил в таблицу документы, и хотя многое не может быть выяснено во всех деталях, я изложил достоверное и опустил сомнительное». Не будет преувеличением сказать, что «Исторические записки» подводят в этом смысле итог всему предшествующему развитию древнекитайской историографии.

Задача создания всеобщей истории страны не могла быть выполнена в рамках тех историографических жанров, которые ко времени эпохи Хань стали традиционными. Поэтому Сыма Цянь отказался от простого хронологического принципа, лежавшего в основе летописи, и разработал весьма своеобразную и сложную архитектонику своего сочинения, позволявшую ему сделать изложение фактов прошлого многоплановым и убедительным. «Исторические записки» состоят из пяти разделов: «Бэньцзи» («Основные записи»), «Бяо» («Хронологические таблицы»), «Шу» («Трактаты»), «Шицзя» («Истории наследственных домов») и «Лечжуань» («Жизнеописания»).

«Основные записи» содержат описание важнейших событий, происшедших в течение периода правления одной династии или одного императора. Стиль этого раздела лаконичен и строг; он в наибольшей степени близок к летописной манере.

«Хронологические таблицы» призваны, по мысли Сыма Цяня, синтезировать всю сумму основных фактов, сообщаемых в различных разделах книги, и унифицировать их хронологию. «Я обнаружил, — пишет автор, — что при сопоставлении дат различных поколений возникают расхождения и неясности, поэтому я и составил десять таблиц».

Третий раздел «Исторических записок» — «Трактаты» — существенно отличается от всех остальных тем, что изложение строится здесь по предметно-тематическому принципу. Сыма Цянь предпринял попытку обобщения истори-

ческого процесса по отдельным аспектам экономики и культуры, поставив своей целью рассмотреть «преобразования в ритуалах и музыке, усовершенствования в календаре, военное искусство, жертвоприношения духам гор и рек, взаимоотношения Неба и человека, ошибки (в экономической жизни), унаследованные от прошлого».

«Истории наследственных домов» посвящены изложению событий, связанных с различными наследственными владениями эпохи Чжоу и крупнейшими представителями наследственной знати более позднего времени.

Наконец, последний раздел «Исторических записок» — это «Жизнеописания». В нем Сыма Цянь практически воплотил совершенно новый для своего времени принцип исторического повествования — биографию. По своему стилю главы этого раздела резко контрастируют со всеми другими: автор создает в них яркие и запоминающиеся образы деятелей прошлого, каждый из которых по-своему заслужил свое право остаться в памяти потомков. Впрочем, данный раздел включал не только биографии отдельных лиц, но и описания сопредельных с Древним Китаем народов — сюнну (гуннов), древних корейцев и т. д.

«Я как тенетами весь мир Китая обнял со всеми старинными сказаньями, подверг суждению, набросал историю всех дел, связал с началами концы, вникая в суть вещей и дел, которые то завершались, то разрушались, то процветали, то упадали, и в верх веков считал от Сюань Юаня, и вниз дошел до нынешнего года. И у меня желанье есть: на этом протяженье исследовать все то, что среди неба и земли, проникнуть в сущность перемен, имевших место как сейчас, так и в дни древности далекой...» — так определил Сыма Цянь цель своего труда. Эта краткая, но удивительно точная характеристика касается самой сути того вклада, который был внесен автором «Исторических записок» в развитие историографической мысли. Сыма Цянь был одним из первых историков, поставивших своей задачей не только изложить события прошлого, но и осмыслить их внутреннюю логику, уяснить их закономерность, «проникнуть в сущность перемен».

Метод Сыма Цяня оказал решающее воздействие на последующее развитие древнекитайской историографии, в которой вскоре складывается новый жанр — так называемые династийные истории. Такая история писалась после падения очередной древнекитайской (а позднее и средневековой) династии и освещала ее «величие и падение». Автор такого сочинения ставил перед собой несколько иные

задачи, чем Сыма Цянь, однако в отношении метода изложения материала он полностью следовал за своим гениальным предшественником.

Первое произведение этого жанра — «Ханьшу» («Ханьская история») Бань Гу, освещающая события III в. до н. э. —I в. н. э. Бань Гу (32—92) родился в семье, давшей Древнему Китаю несколько выдающихся ученых и политических деятелей. Подобно тому как «Исторические записки» были начаты отцом Сыма Цяня, так и «Ханьская история» явилась осуществлением первоначального замысла отца Бань Гу.

«Ханьская история» лишь немногим уступает по своим размерам «Историческим запискам» — в ней 100 глав-цзюаней (но так как некоторые главы состоят из двух или трех частей, фактически количество цзюаней в этой книге равно 120). Бань Гу заимствовал у Сыма Цяня общую архитектонику своего труда (с той лишь разницей, что четвертый раздел в «Ханьской истории» отсутствует вовсе, а третий назван не «Трактатами», а «Обозрениями»). При составлении «Ханьской истории» Бань Гу использовал также и фактический материал «Исторических записок», относящийся к ханьскому времени. В ряде случаев он почти целиком включал в свою книгу текст соответствующих глав «Исторических записок». В то же время важно подчеркнуть, что позиции, с которых Сыма Цянь и Бань Гу подходили к оценке многих фактов истории, зачастую существенно различались. Поэтому при почти полном текстуальном совпадении некоторых глав в этих двух исторических сочинениях мы находим в них иногда прямо противоположные характеристики известных деятелей прошлого. Вот что писал Бань Гу по поводу труда своего предшественника: «Что касается фактов, выбранных им из классических книг и комментариев к ним, собранных из разрозненных сочинений отдельных авторов, то весьма многие из них изложены слишком кратко, а некоторые — противоречиво. Однако даже в слабых местах он блещет эрудицией, охватывает сплошь все классические книги и комментарии, молниеносно обозревает то древность, то современность, все предшествовавшие тысячелетия и все это с большим тщанием. Но его симпатии и антипатии очень ошибочны в сравнении с Совершенномудрым; когда он говорит о высоких принципах, он на первое место ставит Хуан-ди и Лао-цзы и лишь затем — «Шесть (конфуцианских) классических книг»; описывая странствующих героев, он отталкивает назад заслуженных чиновников, а продвигает вперед распущенных удальцов; сооб-

щая о богатых, он возвеличивает силу и выгоду и принижает скромность и бедность — в этом его недостатки». Основной недостаток «Исторических записок» Бань Гу видел, таким образом, в приверженности их автора к философскому даосизму («учению Хуан-ди и Лао-цзы»).

Сам Бань Гу принадлежал к числу ортодоксальных конфуцианцев ханьского времени. Поэтому, обращая большое внимание на особенности исторического быта соседних народов, он исходил из представления о врожденных и непреходящих различиях между «людьми Срединного государства» (древними китайцами) и «варварами четырех стран света». Поэтому, между прочим, историк выступал как против тех деятелей, которые призывали императора к расширению территории Хань за счет соседей, так и против сторонников заключения с ними договоров «о мире и родстве». Поскольку «варвары» не могут быть настоящими подданными Сына Неба, а их земли непригодны для занятия земледелием, лучшей политикой по отношению к иноземцам было бы, по мысли Бань Гу, воздерживаться от контактов с ними. Как бы то ни было, «Ханьшу» является очень ценным источником исторических сведений о тех соседних с империей Хань народах, которые не имели собственной письменности, — сюнну (гуннах), усунях и т. д.

Большую источниковедческую ценность представляет третий раздел «Ханьшу» — десять «Обозрений», посвященных проблемам календаря, церемониям и музыке, уголовному законодательству, экономике, географии, астрономии, религиозным верованиям. Одна из глав этого раздела специально посвящена библиографии письменных памятников, существовавших в I в. н. э. Особенно важны сведения, обобщенные Бань Гу в главе об экономике, где он подробно рассматривает проблемы истории развития поземельных отношений и денежного обращения (здесь автор, как, впрочем, и в большинстве других глав этого раздела, выходит за хронологические рамки династии Хань).

Значение первого раздела книги Бань Гу в значительной мере определяется тем, что в нем мы находим тексты подлинных документов эпохи Хань — доклады трону, императорские рескрипты и т. д. Наряду с «Историческими записками» сочинение Бань Гу несомненно является важнейшим источником по истории Древнего Китая III—I вв. до н. э.

Вторым по времени сочинением в жанре династийной истории является книга Фань Е «Хоуханьшу» («Поздняя ханьская история»). Она посвящена событиям Восточной

династии Хань (от реставрации Лю Сю до смерти императора Сянь-ди в 220 г.).

Фань Е (398—445) писал свой труд спустя более трех столетий после излагаемых им событий. Это отличает его книгу от «Ханьской истории» Бань Гу, созданной вскоре после падения Западной династии Хань. В «Хоуханьшу» 10 «Записей», 10 «Обозрений» и 80 «Жизнеописаний». Следуя этому традиционному делению династийной истории, Фань Е внес в него некоторые новые элементы. Так, он впервые включил в третий раздел своей книги «Жизнеописания выдающихся женщин» (последующие историки обычно следовали этому нововведению Фань Е). Он ввел также новые принципы группировки исторических личностей, биографии которых объединялись в рамках одиой главы.

Фань Е сформулировал цели своего труда более четко, чем это сделал Бань Гу; автор «Хоуханьшу» видел свою задачу в «определении заслуг и пороков одной династии». Однако, давая оценку историческим личностям ханьской эпохи, Фань Е в своих авторских заключениях к главам рассматривает деяния своих героев на фоне больших исторических периодов, стремясь, подобно Сыма Цяню, «проникнуть в сущность перемен». Этим заключениям сам Фань Е придавал особое значение и считал их наиболее ценными компонентами всего сочинения в целом.

Помимо этой стороны «Поздней ханьской истории», существенной для изучения развития историографической мысли, для современного исследователя Древнего Китая книга Фань Е важна своим обильным фактическим материалом. К сожалению, этот источник изучен в мировой синологии несравненно хуже трудов Сыма Цяня и Бань Гу.

Развитие идеологической борьбы в Древнем Китае III в. до н. э. — III в. н. э. привело к созданию большого числа философских сочинений, содержащих ценные сведения о различных аспектах общества того времени.

Своеобразным компендиумом общественно-политической и философской мысли III в. до н. э. стала книга, известная под названием «Люйши чуньцю» («Весна и осень господина Люя»). Она — результат коллективного творчества группы ученых, работавших по заданию первого советника молодого Цинь Шихуана — Люй Бувэя. Согласно преданию, это сочинение было закончено в 241 г. до н. э., однако фактически оно содержит материал, характеризующий общее состояние представлений о природе и обществе в эпоху Цинь. В

«Люйши чуньцю» представлены взгляды самых различных школ и направлений; очень широк и круг затрагиваемых проблем. Книга состоит из 26 глав, сгруппированных в три раздела — «Описания», «Обозрения», «Рассуждения». Наряду с обсуждением вопросов мироздания, основ управления обществом и принципов морали в «Люйши чуньцю» можно найти изложение конкретных приемов агротехники и навыков земледелия, соответствующих различным сезонам года.

На смену «борьбе ста школ» древнекитайской философии V—III вв. до н. э. после создания единой империи Цинь пришло кратковременное господство легистских идей, после чего в период правления первых ханьских императоров особую популярность приобрела даосская концепция. Стремясь найти идейное обоснование своим мероприятиям по централизации власти, У-ди избрал конфуцианство в качестве единой санкционированной государством системы, которая была призвана вытеснить «еретические» учения. Помимо сочинений крупнейшего конфуцианского ученого Дун Чжуншу (187—120 гг. до н. э.) наиболее авторитетным произведением, призванным канонизировать основы господствующей идеологии, стала «Байху тунъи» («Дискуссия в Зале Белого Тигра») — запись результатов происходившего в 79 г. н. э. официального обуждения конфуцианских классических сочинений. В споре сторонников «старой» и «новой» версий этих книг верх одержали ученые, отстаивавшие достоверность «новых» текстов.

Хотя ханьское конфуцианство уже заметно отличалось от того, что представляли собой основные идеи основоположников этого учения (Дун Чжуншу, например, придавал большое значение понятию «закон», категорически отвергавшемуся Конфуцием и Мэн-цзы), антагонизм конфуцианства и легизма не был преодолен. После смерти У-ди, признавшего в конце своей жизни ошибочность многих своих политических и военных мероприятий, споры о том, по какому пути нужно идти, вспыхнули с новой силой. В 86—81 гг. до н. э. при дворе императора Чжао-ди начались дебаты между конфуцианцами и легистами по поводу целесообразности введенной при У-ди монополии на добычу соли и производство изделий из железа. В ходе этих споров, зафиксированных Хуань Куанем в виде сочинения «Яньтелунь» («Дискуссия о соли и железе»), был затронут весьма широкий круг вопросов теории и практики государственного управления. Текст этой книги (60 глав, объединенных в 10 разделов) насыщен фактическим материалом, характери-

зующим состояние экономики империи Хань в I в. до н. э. и содержит многочисленные исторические экскурсы.

Среди антиконфуцианских сочинений ханьского времени выделяется «Хуайнань-цзы» («Книга хуайнаньского вана») — трактат даосского толка, написанный в середине II в. до н. э. Название его объясняется тем, что авторы книги — Су Фэй, Ли Шан и другие работали под эгидой Лю Аня, правителя наследственного владения Хуайнань. Трактат состоит из 21 главы; в нем рассматриваются разнообразные натурфилософские и естественно-научные проблемы. Последовательно выступая против конфуцианских идей, авторы сочинения обращаются и к социально-этическим темам, привлекая для доказательства ссылки на исторические персонажи и события. Так, в «Хуайнань-цзы» обосновывается мысль о развитии общества и его институтов, об отсутствии принципиальных различий между древними китайцами и «варварами» и т. д.

Своеобразное место в истории древнекитайской философии занимает Ван Чун (I в. н. э.) Его полемический трактат «Луньхэн» («Критические рассуждения») — выдающийся философский памятник, задуманный автором как антитеза различным «ложным учениям». Ван Чун писал о Конфуции: «Это был способнейший мыслитель с прекрасными идеями, с широкими взглядами и громадной памятью. На основании ничтожно малого он делал свои выводы и, оценивая современность, предвидел грядущие события на тысячелетия». В то же время Ван Чун решительно борется с современными ему конфуцианцами, опровергая многие основополагающие тезисы их учения. Но при этом автор «Луньхэна» не становится на позиции даосов с их мистическим объяснением мироздания. Материальная основа мира, человек и его место среди живых существ, проблема жизни и смерти — в этих вопросах Ван Чун выступает как оригинальный мыслитель, смело порывающий с господствующими в обществе представлениями. Много внимания уделяет Ван Чун философским проблемам истории. Хотя природа человека неизменна, утверждает он, общество находится в процессе непрерывного развития. Ван Чун обращает внимание даже на то, что «когда мы говорим о классических и исторических сочинениях и изречениях мудрых и совершенномудрых людей, надо учитывать, что язык древности неодинаков с языком нашего времени». Автор «Критических рассуждений» предложил свое собственное объяснение движущей силы исторического процесса, таковой была для него Судьба.

Эпоха Хань была временем, когда древнекитайские ученые добились значительных достижений в области изучения естественных наук. С потребностями сельскохозяйственного производства были связаны исследования в области календаря и астрономии. Эффективная система управления государством и контроля за хозяйственной деятельностью населения была неосуществима без разработки проблем прикладной математики. Так, взимание налогов требовало от чиновников на разных уровнях административного аппарата элементарных познаний в геометрии и арифметике. Недаром в стандартной служебной характеристике ханьского чиновника неизменно присутствовала фраза: «Умеет писать и считать». Для обучения основам математики в империи Хань использовались специальные пособия. Такова, например, «Цзючжан суаньшу» («Математика в девяти главах»), составленная во II в. до н. э. Это сборник различных задач с указанием способов их решения. Ценность его как исторического источника заключается в том, что в условиях этих задач использовались конкретные социально-экономические реалии того времени. Так, во второй главе учебника содержатся обильные указания цен на различные товары (например: «Затратили 2370 цяней на покупку 9 пи 2 чжанов 7 чи полотна. Спрашивается, сколько стоит 1 пи?»); в третьей — показатели производительности труда ремесленника, ставки обложения таможенными пошлинами, порядок сбора подушного налога; в шестой — условия оплаты труда наемного работника, средний размер арендной платы и т. д. Несколько задач специально посвящены ситуациям, связанным с введенными при У-ди «уравнительными перевозками» зерна — серией мероприятий, направленных на извлечение дополнительных средств для казны, и т. п.

Вопросам агротехники и организации сельскохозяйственного производства посвящены трактаты ханьских специалистов, обобщавших опыт в области рационального ведения земледельческого хозяйства. «Фань шэнчжи шу» («Книга Фань Шэнчжи») принадлежит кисти одного из них; она сохранилась в отрывках, которые были извлечены из различных сочинений более позднего времени. По свидетельству библиографической главы «Ханьшу», Фань Шэнчжи (I в. до н. э.) написал свою книгу в 18 главах, фрагменты которых могут быть сгруппированы сегодня в семь разделов: общие рекомендации, выбор времени посева, обработка семян, техника посева отдельных культур, уборка урожая, хранение зерна, метод грядковой обработки полей. Фрагменты, относимые к четвертому и седьмому разделам, со-

ставляют около $^2/_3$ всего объема; они по-видимому, являлись центральными темами сочинения Фань Шэнчжи.

Аналогичные вопросы затрагиваются и в сочинении «Сыминь юэлин» («Ежемесячные правила для четырех классов народа»), принадлежащем Цуй Ши (II в. н. э.). Современный читатель, знакомящийся с этой книгой, становится свидетелем жизни обитателей зажиточного имения, к которым, собственно, и обращены рекомендации ее автора. Большая часть «Правил» имеет отношение к земледельческим работам — когда и что сеять, как обрабатывать поля под те или иные культуры, каковы наилучшие сроки для уборки урожая. Наряду с этим автор дает подробные советы по организации домашнего ремесла и заготовкам продуктов впрок, а также отмечает, когда выгоднее всего реализовать на рынке часть собранного урожая. Очень интересны попутные замечания Цуй Ши о повседневном быте землевладельца, в особенности о семейных праздниках и правилах взаимоотношений между семьями родственников, входящими в одну патронимическую группу. Не забывает автор даже о том, чтобы порекомендовать самым младшим наиболее подходящие учебные пособия, а взрослых проинструктировать об организации обороны от возможного разбойного нападения.

В ханьскую эпоху были заложены основы традиционной китайской медицины. Чжан Чжунцзин (150—219) детально разработал методы диагностики, основанные на исследовании пульса; они до сих пор применяются врачами традиционной медицины в Китае. Чжан Чжунцзину принадлежит трактат «Шаньханьлунь» («О тифе»), в котором им был систематизирован опыт лечения эпидемических заболеваний. Медицинские сочинения эпохи Хань, как и другие письменные памятники, дошли до нас с комментариями и добавлениями позднейших интерпретаторов, и в них зачастую крайне трудно отделить авторский текст и интерполяции. Существенную помощь в этом могут оказать рукописи оригинальных медицинских трактатов ханьского времени, обнаруженные за последние годы.

В погребении, датируемом началом II в. до н. э., были найдены тексты медицинского содержания, в том числе трактат по диетологии, руководство по лечебной гимнастике и обширный рецептуарий. Он интересен не только для историков медицины, но и как источник для изучения народных верований эпохи Хань. Рекомендуемые в некоторых рецептах магические приемы, вероятно, могли вызывать определенный психотерапевтический эффект. Для лечения грыжи, например, следовало выбрать день синь-мао и,

встав лицом на восток, произнести, поддерживая больного: «Сегодня день синь-мао, а ты отныне будешь Юем». В день синь-цзы тот же недуг заговаривали иначе и т. д.

Изучение древних текстов и комментирование исторических сочинений доциньского времени способствовало в эпоху Хань развитию науки о языке, в особенности составлению разнообразных словарей. Наиболее ранним из них был «Эрья», появившийся в III—II вв. до н. э. Это был толковый словарь, предназначенный для интерпретации старых текстов. В I в. н. э. был составлен словарь «Шовэнь»; его автор Сюй Шэнь собрал в нем древние написания иероглифов, которые он сопоставил с формой современных ему знаков. «Шовэнь», таким образом, может быть охарактеризован как первый в Китае палеографический словарь. Заметим, что, собирая материал для своей работы, Сюй Шэнь использовал и некоторые надписи на древних бронзовых сосудах. Он поэтому может быть назван одним из первых ученых, обратившихся к изучению древнекитайской эпиграфики.

Наибольшее значение в качестве источника по истории общества в эпоху Хань имеет для нас «Шимин» — этимологический словарь, составленный во II в. н. э. Лю Си. «Название каждой вещи, — писал автор этого словаря,— может быть отнесено к определенному разряду значений. Простой народ каждодневно называет эти вещи их именами, но не знает, почему эти вещи называются именно так. Поэтому я расположил по разделам названия явлений неба и земли, светлого и темного начал, времен года, государств, городов, повозок, траурной одежды и т. д., вплоть до предметов, употребляемых простым народом, и изложил все это с указанием на происхождение названий». Для нас в данном случае представляют интерес не предложенные Лю Си этимологии, а сами перечни слов и их значений, являющиеся незаменимым подспорьем для изучения материальной культуры эпохи Хань. Так, в словаре «Шимин» приведены не только названия всех основных компонентов древнекитайского костюма, но указаны также особенности его покроя и т. д.

Ханьские словари помогают выявлению исторических реалий в произведениях художественной литературы той эпохи, прежде всего в поэтических. Многие ученые эпохи Хань писали стихи, в том числе Сыма Цянь, Бань Гу, специалист в области астрономии и календаря Чжан Хэн и др. Прославился своими одами поэт Сыма Сянжу. В их стихотворениях мы находим упоминания отдельных фактов, явлений общественной жизни и предметов материальной куль-

туры, позволяющие дополнить и обогатить наши представления об эпохе их создания.

Разумеется, использование в историческом исследовании фактов, содержащихся в поэтических произведениях, требует к себе особого отношения. Образность стихотворного языка, применение гипербол и иные чисто художественные особенности стиля накладывают свой отпечаток на встречающиеся в тексте реалии. В частности, характеризуя природно-климатические условия, в которых формировались специфические черты земледельческого производства эпохи Хань, вряд ли можно полагаться на утверждение Сыма Сянжу о том, что в императорском парке во II в. до н. э. плодоносили апельсины и личжи. Уже автор III в. н. э. Цзо Сы справедливо заметил, что это не более чем абстрактный поэтический образ, использованный Сыма Сянжу в качестве яркого мазка в создававшейся им картине процветания империи. В действительности же в III в. до н. э.— III в н. э. на территории Северного Китая происходил процесс понижения среднегодовых температур, и в этом отношении климатические условия эпохи Хань значительно отличались от середины I тысячелетия до н. э. и приближались к современным.

Заслуживает особого упоминания также одно из прозаических литературных произведений ханьской эпохи, относящееся к весьма необычному жанру. Это своего рода юмористический рассказ Ван Бао (первая половина I в. до н. э. «Тунъюэ» («Контракт о покупке раба»). В нем повествуется о том, как автор, зайдя как-то в гости к знакомой вдове, послал ее раба в лавку купить вина. Нерадивый раб был очень недоволен этим и стал вспоминать, что его покойный хозяин, покупая его, ничего не упоминал об обязанности ходить за вином для незнакомых мужчин. Тогда рассердился Ван Бао и тут же купил этого раба у вдовы, причем скрупулезно оговорил в контракте все виды работ, которые должен был впредь выполнять раб, и все то, что ему запрещалось делать. Когда текст контракта был зачитан, несчастный раб онемел, а затем стал биться головой о землю, приговаривая: «Если бы я знал все это раньше, я, конечно, купил бы вина господину Вану!»

§ 2. Эпиграфические памятники

Надписи на деревянных и бамбуковых табличках, не сохранившиеся в археологических памятниках эпохи Инь и Западного Чжоу и составляющие весьма незначительную

часть корпуса эпиграфических источников эпохи Чуньцю — Чжаньго, становятся важнейшей составной частью надписей III в. до н. э.— III в. н. э. Они не только многочисленны и разнообразны по содержанию, в них находят теперь отражение наиболее существенные проблемы истории древнекитайского общества той эпохи.

До сравнительно недавнего времени нам совершенно не были известны надписи на деревянных табличках, датируемые периодом империи Цинь. Первой и весьма обнадеживающей находкой такого рода стали обнаруженные в 1975 г. в Шуйхуди близ Юньмэна в провинции Хубэй (Центральный Китай) тексты юридического содержания, относящиеся к периоду объединения страны царством Цинь. Среди этих текстов (1150 табличек, около 40 000 иероглифов) помимо хронологических записей важнейших событий второй половины III в. до н. э. и двух документов, происходящих из канцелярии наместника области Нань, представлены уголовный кодекс и руководство по расследованию преступлений.

В распоряжении историка оказался текст законов царства Цинь, которые легли в основу единого законодательства империи Цинь Шихуана, а затем были заимствованы ханьскими правителями. Более 60 отдельных статей обнаруженного свода содержат определения 30 с лишним видов наказаний, начиная с устного порицания и кончая четвертованием. Система предусматриваемых этим кодексом наказаний отличается жестокостью, высокой степенью детализации наказуемых деяний и широтой круга лиц, привлекаемых к ответственности помимо виновного в совершении преступления.

Уникальным памятником являются инструкции, которыми руководствовались чиновники на местах в ходе расследования совершенных преступлений, и образцы составлявшихся в связи с этим документов — заявлений доносителей, отчетов следователя и т. д.

Благодаря раскопкам 1930—1931 и 1972—1974 гг. в Цзюйяне исследователи располагают представительным корпусом разнообразных официальных документов эпохи Хань, насчитывающим в общей сложности почти 30 000 фрагментов. Эти тексты имеют первостепенное значение для изучения системы управления империи и реального функционирования отдельных звеньев административного аппарата. Они могут быть подразделены на несколько различных категорий.

К нисходящим бумагам можно отнести все официальные

документы, направлявшиеся вышестоящими инстанциями для ознакомления и исполнения нижестоящим. На высшем государственном уровне таковыми были императорские рескрипты двух видов. Кто-либо из подданных мог подать доклад трону с каким-то конкретным предложением. После предварительного изучения текст такого доклада попадал к императору и тот в случае согласия накладывал резолюцию: «Быть по сему», после чего документ рассылался на места в качестве высочайшего повеления. Получив его, чиновник соответствующего уровня передавал его дальше по иерархии служебной лестницы, снабдив необходимым сопроводительным письмом. Примером такого документа может служить предложение совершить в день летнего солнцестояния обряд очищения колодцев и очагов, одобренное императором Сюань-ди, переданное главным цензором для исполнения первому советнику в день гуй-хай второго месяца пятого года Юань-кан (61 г. до н. э.) и через 39 дней доставленное в канцелярию округа Чжанъи. Второй вид рескриптов издавался непосредственно по инициативе самого императора, его текст начинался словами: «Императорский рескрипт главному цензору (первому советнику и т. д.)».

Восходящие деловые бумаги включали разнообразные документы, представлявшиеся в вышестоящие инстанции в качестве отчета о деятельности соответствующих чиновников. Сюда относились многочисленные реестры, описи, списки, предназначенные для учета населения, сбора налогов, отбывания трудовых повинностей и пр. Такого рода документы с приложением составленного по определенной форме сопроводительного письма регулярно представлялись в уезд из волости, затем пересылались в округ и т. д. Существовала система проверки содержания отчетов, и виновные в сообщении неверных сведений привлекались к ответственности.

Образцы официальных документов, составлявшихся в нижнем звене административного аппарата — в волостном управлении,— были найдены в 1973—1975 гг. в Цзянлине (провинция Хубэй). В погребение волостного чиновника после его смерти положили некоторые из составлявшихся им отчетных ведомостей — реестры распределения повинностей, поступления подушного налога, пересчета поземельного налога и т. д. Там же обнаружена ведомость выдачи казенной ссуды семенного зерна малоимущим — единственный известный нам документ, освещающий эти мероприятия правительства, которые были направлены на предотвраще-

ние усиливающейся дифференциации в среде мелких землевладельцев.

О том, как развивался этот процесс расслоения класса свободных собственников, можно судить также по описям домашнего имущества, в которых перечислялись стоимость усадьбы, земли, рабов (если они имелись) и основных категорий движимого имущества. Две такие описи были найдены в цзюйяньском архиве, одна — на каменной стеле в провинции Сычуань.

Ценные сведения по социально-экономической истории ханьской эпохи содержат частные юридические документы, закреплявшие сделки по купле-продаже земли и движимого имущества. Несколько таких купчих сохранилось среди официальных документов в Цзюйяне (по всей вероятности, они прикладывались к судебным делам в случае предъявления иска). Формуляр их полностью совпадает с эпиграфическими текстами особого типа, нередко находимыми в погребениях ханьского времени, — с купчими крепостями, легализовавшими покупку участка земли для могилы.

Примерно аналогичным образом оформлялся в эпоху Хань найм рабочей силы, но сами документы до нас не дошли. О них можно судить по косвенным данным, в частности по судебиым разбирательствам, производившимся в случае подачи жалобы на несоблюдение условий договора. Известно одно такое дело, полностью сохранившееся в цзюйяньском архиве: комендант пограничной крепости подал в суд на простолюдина, нанятого им для перевозки рыбы иа продажу. Подробные показания сторон дают представление о многих деталях заключенной между ними сделки — о размере заработной платы наемного работника, о его правах и обязанностях и т. д.

Говоря о документах, отражающих социальные связи между отдельными членами ханьского общества, следует упомянуть и о частной переписке, содержащей иногда штрихи для характеристики эпохи. Нам известны письма, написанные солдатами циньской армии в конце III в. до н. э. и адресованные их родственникам; в одном из них содержится настоятельная просьба срочно прислать летнюю одежду (это свидетельствует о том, что призывавшиеся в армию сами должны были обеспечивать себя обмундированием). Сохранились до нашего времени также и неотправленные письма военных поселенцев, отбывающих повинность в пограничных крепостях близ Цзюйяня.

На ремесленных изделиях, производившихся в казенных мастерских, в ханьское время делали надписи, являющиеся

для нас источником сведений о разделении труда и организации производственного процесса, а также о должностях чиновников, в обязанности которых входил контроль за количеством и качеством продукции. Большая серия лаковых изделий из округов Шу и Гуанхань (на территории нынешней провинции Сычуань) была открыта при раскопках погребений близ Пхеньяна (Корея). Надписи на бронзовых сосудах, отливавшихся в столичных мастерских, содержат указания на их объем, вес и т. д., что дает возможность установить, чему были равны основные меры эпохи Хань. Кроме того, упоминания о мастерах и подмастерьях позволяют судить о социальном статусе ремесленников.

На разнообразных предметах быта в ханьское время наносились надписи и совершенно иного характера. Зеркала, поясные пряжки, домашняя утварь и даже черепица украшались каллиграфически выполненными надписями-благопожеланиями. Эта категория эпиграфических текстов содержит исключительно интересный материал для характеристики социальной психологии ханьской эпохи, сопоставимый, например, с надписями на стенах домов в Помпеях. Он показывает, как эволюционировали в Древнем Китае некоторые представления, казалось бы, свойственные человеческой природе как таковой. Например, по мере развития частной собственности трансформировалось содержание, вкладывавшееся древними китайцами в понятие «человеческое счастье», воспринимавшееся принципиально по-разному, скажем, в начале эпохи Чжоу и на грани нашей эры. Лапидарные надписи ханьского времени, обычно не привлекающиеся для изучения социально-экономической истории, также способны сказать свое слово исторического свидетеля, важно лишь найти такой ракурс анализа, который помог бы раскрытию содержащейся в них потенциальной информации.

Еще один вид эпиграфических текстов, распространившихся в эпоху Хань, представлен надгробными надписями на камне. Это эпитафии, первая часть которых обычно излагает факты биографии усопшего, а вторая в поэтической форме воспевает его добродетели и заслуги. Ханьские эпитафии обнаруживают некоторое стилистическое сходство с жизнеописаниями из династийных историй; эти два источника целесообразно использовать методом перекрестного анализа.

Эпитафии на камне принадлежат, разумеется, представителям господствующего класса. Но одновременно с этим в ханьскую эпоху существовал обычай класть в погребения

лиц, осужденных за преступления, керамическую пластину или кирпич с текстом, в котором указывалось, когда умер заключенный, к какой категории он прииадлежал, откуда был родом и т. д. Это тоже своеобразные надгробные надписи, во многом проясняющие вопрос о положении каторжников ханьского времени. Они показывают ошибочность точки зрения, согласно которой каторжников следует отождествлять с государственными рабами. Большое количество таких надписей было найдено в 50-х годах близ Лояна — столицы империи Хань в I—III вв.

В эпоху Хань возрастает роль сфрагистики как исторического источника. Ханьские печати относятся к тем же категориям, что и в V—III вв. до н. э., — они фиксируют имя владельца, название должности или содержат надпись-благопожелание. Но общее количество известных сейчас ханьских печатей резко возрастает по сравнению с периодом Чжаньго. Поэтому именно сфрагистика становится наиболее важным источником для корректировки сведения о структуре чиновничьего аппарата, сообщаемых письменнымн источниками.

Нумизматика — главный источник наших знаний об особенностях денежного обращения в эпохи Цинь и Хань. Проблемы эмиссии металлической монеты волновали многих государственных деятелей империи, неоднократно вызывали жаркие споры сторонников регулирования валютной системы и их противников. Многочисленные находки циньских и ханьских монет, в том числе в виде кладов, иллюстрируют поворотные моменты в денежной политике государства. Дешифровка надписей на монетах — необходимый предварительный этап использования этих данных. Кроме того, монеты являются датирующим материалом, а более или менее точно установить время выпуска металлической монеты можно главным образом на основании палеографического анализа надписи на ней.

Особняком стоит еще одна категория надписей — легенды на картах ханьского времени. В погребении Мавандуй-3 близ Чанша (провинция Хунань) в середине 70-х годов были найдены две древнейшие в Китае географические карты, составленные в первой половине II в. до н. э. На одной из них нанесены особенности рельефа местности (горы, реки, дороги) и более 80 населенных пунктов на территории наследственного владения Чанша примерно между 111° и 112°30′ восточной долготы и 23° и 26° северной широты. Вторая карта помимо обозначения горных хребтов и водных артерий содержит сведения о местоположении около 50

пунктов, где были расквартированы войска и находились крепости. Обе эти карты снабжены обильными надписями, не только указывающими географические названия, но и содержащими дополнительную информацию о населенных пунктах: количество дворов в них, фактическую численность населения и т. д. Из 9 уездов, размещенных на этой территории, 6 названы «сянь», 3 — «дао» (в ханьское время первым термином обозначались обычные уезды, вторым — уезды, населенные преимущественно некитайскими народами). Таким образом, легенды на картах из Мавандуя дают нам некоторое представление и об этническом составе населения юга империи Хань.

§ 3. Археологические памятники

До начала 50-х годов археологические памятники эпохи Цинь-Хань оставались почти совершенно неизученными. За последние четверть века благодаря развертыванию широких полевых исследований историческая наука обогатилась новыми данными об этой эпохе, представленными как уникальными находками, способными соперничать с величайшими археологическим открытиями XX в., так и результатами обследований на больших территориях, обладающих ценностью массового материала.

За это время много сделано китайскими археологами в деле изучения городов III в. до н. э. — III в. н. э. Интенсивно изучались столицы империй Цинь и Хань — Сяньян, Чанъань, Лоян. Городские стены этих городов сохранились на поверхности земли до наших дней; вкупе с данными раскопок они дают достаточно полное представление о планировке и характере застройки циньского и ханьского города.

В 1957—1958 гг. проводились систематические разведки и раскопки ханьской Чанъани. Они показали, что строительство этого города, начавшееся с возведения императорских дворцов, учитывало окружающий рельеф и поэтому городская стена имеет не вполне правильную форму. Периметр ее равен 25 км, с каждой из четырех сторон было по трое ворот. Раскопки позволили установить, что каждые ворота имели по три проема шириной 6 м; улица, ведущая от ворот к центру города, также имела три проезжие части. Остатки дворцов расположены как в пределах городской черты, так и вне ее. По находкам черепицы и кирпичей с надписями «Чанлэ», «Шанлинь» (названия дворцов) и «Цзянь-цин», «Юань-шоу», «Цзюй-шэ» (обозначения эр

правления ханьских императоров) можно более или менее точно определить местонахождение и время строительства дворцовых комплексов. Отсутствие симметрии в планировке, столь характерной для средневековых китайских городов, прослеживается и в позднеханьской столице Лояне.

На территории современной провинции Хэнань производились раскопки железолитейных мастерских эпохи Хань. Частично сохранившиеся плавильные печи имели рабочий объем до 50 куб. м. Среди керамических литейных форм преобладали сельскохозяйственные орудия — наконечники плугов, лопаты, топоры и пр. Применялись также и железные формы литья некоторых изделий. Находки заготовок для лемехов дают возможность восстановить порядок основных операций производства этих орудий труда, от которых, по словам древних авторов, «зависела жизнь и смерть земледельца».

За последние десятилетия проделана большая работа по типологизации и датировке циньских и ханьских погребений. Грандиозные усыпальницы императоров династии Хань до сих пор возвышаются подобно огромиым холмам в окрестностях города Сиань, однако есть сведения о том, что они неодиократно подвергались ограблению, в связи с чем их раскопки представляются нецелесообразными. То же самое касается могилы Цинь Шихуана. Начиная с 1974 г. в иепосредственной близости от нее были выявлены подземные склепы с многочисленными керамическими статуями воинов и коней. Расположеиие их соответствует правилам построения войска: во главе отрядов находятся офицеры, а по вооружению и позам воинов можно различать всадников, ездовых, пеших солдат, арбалетчиков. Можно полагать, что помещенные в склепах фигуры символизируют императорскую гвардию, охраняющую могилу Цинь Шихуана.

Наиболее ценные находки были сделаны в трех погребениях ханьского времени (первая половина II в. до н. э.) близ Чаиша, получивших у местного населения наименование Мавандуй. В силу специфических условий, возникших в погребальных камерах, в них почти полностью сохранилось большинство вещей, положенных туда более 2000 лет назад, — ткани, одежда, лаковая посуда, плетенные из бамбука сундуки, деревянные фигурки слуг, музыкальные инструменты, книги на шелке и бамбуковых табличках и т. д. Погребения Мавандуй по праву могут быть названы подземным музеем культуры эпохи Хань.

Погребения знати и простолюдинов эпохи Хань раскапывались во всех провинциях, территория которых входила в

состав империи, за исключением Фуцзяни и большей части Гуанси. Отсутствие в этих районах ханьских погребений отнюдь не случайно. Оно указывает на незначительность древнекитайского населения в этих частях страны, заселенных главным образом некитайскими народностями. Картографирование ханьских поселений может быть надежным методом изучения вопроса о границах этнической территории древних китайцев.

Находимые в погребениях предметы материальной культуры в целом сохранились лучше и полнее, чем в предшествующие эпохи. К ханьскому времени относятся находки сельскохозяйственных орудий труда, одежды, многих видов домашней утвари, письменных принадлежностей, развлечений и игр.

Разнообразны памятники изобразительного искусства III в. до н. э. — III в. н. э. Наряду с живописью на шелке (картины на мифологические сюжеты, найденные в Мавандуе) в погребениях ханьского времени получают распространение полихромные фрески, существенно дополняющие сумму сведений о различных сторонах жизни общества. В Хорингоре (Внутренняя Монголия) в могильном склепе середины II в. н. э. сохранились настенные росписи, иллюстрирующие основные моменты служебной карьеры погребенного. Судя по сопутствующим надписям, этот человек занял свою первую должность, удовлетворив требования существовавшей в ханьское время системы «выдвижения почтительных и скромных», затем был чиновником в области Сихэ, исполнял обязанности начальника уезда Фаньян и скончался на посту наместника района, граничившего с территорией расселения племен ухуань близ Нинчэна. Помещенные на фресках подробные планы городов Фаньян и Нинчэн удачно дополняют результаты раскопок, а сцены торжественных выездов, пиров и уличной жизни позволяют ощутить дух эпохи и дают представление о чертах общественного быта. Примерно к тому же времени относятся и стенные росписи в погребении близ Ванду (провинция Хэбэй), где также изображаются сцены из жизни чиновника, а в подписях упоминаются названия должностей его подчиненных. Концом I в. до н. э. датируется фреска из Лояна (провинция Хэнань), воспроизводящая один из эпизодов борьбы за власть между Лю Баном и Сян Юем накануне создания империи Хань.

Исторические сюжеты широко представлены и в рельефах на камне, украшавших склепы семьи V, в Шаньдуне. На таких же рельефах и в Сычуане изображены полевые

работы, охота, пир, выезд на коляске, сцены на рынке и т. д.

Великолепными образцами погребальной пластики являются фигуры воинов из охраны Цинь Шихуана. Эти выполненные в человеческий рост керамические статуи не только воспроизводят детали одежды, головных уборов и прически воинов и офицеров конца III в. до н. э., но и передают индивидуальные черты лица, благодаря чему эти изображения могут даже быть использованы для изучения антропологического типа древних китайцев. В погребения знати эпохи Хань клали обычно небольшие деревянные или керамические фигурки слуг обоего пола, а также, вероятно, рабов.

После находок тканей и вышивок в погребении Мавандуй появилась возможность систематического анализа орнаментов, отвечавших моде ханьского времени как отражения эстетических представлений древних китайцев. В такого рода исследовании могут быть использованы также и ханьские ткани из Ноин-улы (Монголия), хранящиеся в Государственном Эрмитаже.

Глава XXV
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

§ 1. Источники местного происхождения

Юго-Восточная Азия — область с самыми молодыми на Древнем Востоке классовыми обществами. Это обусловило и специфику источников по их истории, относительно большую роль внешних источников (китайских, индийских, античных). В то же время тот факт, что большинство древних народов этой части Древнего Востока существует до сих пор, сохраняя до недавнего времени тот же тип хозяйства и частично исповедуя те же религии, существенно компенсирует малое количество письменных источников источниками этнографическими. В немалой степени этому способствует и этнографическое своеобразие области проживания аустрических народов (аустроазиатов — предков мон-кхмеров и родственных им вьетов, и аустронезийцев — предков малайцев, яванцев и других народов островной части Юго-Восточной Азии). Дело в том, что от большинства древних народов в прошлом «отслаивались» небольшие группы, обычно горные, остававшиеся на разных ранних уровнях социально-экономического развития и иллюстрирующих с определенными поправками на реликтовость разные этапы развития самих этих народов (включая сохранение доклас-

совых отношений, рабовладельческого уклада и пр.). Соответствующие данные тем более важны, что аустрический мир не знал массовых быстрых переселений, а до колониального периода — и господства чуждого культурно и экономически этноса (кроме вьетнамцев, чьи земли длительное время были включены в состав китайских империй). Смена религий здесь, как правило, не затрагивала основ народной культуры. Имевшие же место переселения земледельческих народов привели к ассимиляции части аустрического населения, но не привели к исчезновению ни одного древнего народа, большинство из которых сохранило государственность или автономию.

Письменных источников по истории Юго-Восточной Азии известно сравнительно мало, что объясняется несколькими причинами.

Во-первых, это были раннерабовладельческие общества, которые всегда производили мало текстов. Эти общества скорее всего не дошли до создания крупных архивов и длинных религиозных текстов к моменту, когда их развитие заметно ускорилось в связи с контактами с развитыми государствами Южной и Восточной Азии.

Во-вторых, пути самостоятельного развития были относительно короткими, всего несколько веков, по истечении которых начал активно восприниматься социальный опыт древних индийцев и древних китайцев, что сопровождалось изменениями в культуре и забвением значительной части собственной исторической традиции. Важно, что это происходило при относительно невысоком общем объеме текстов, типичном для ранних государств.

В-третьих, значительная часть аустрических народов восприняла древнеиндийскую культурную традицию с присущим ей отсутствием хроник и преобладанием религиозной литературы, мифа и эпоса.

В-четвертых, другая, меньшая часть «прото-Юго-Восточной Азии» (включавшей кроме современной Юго-Восточной Азии населенные древними вьетами прибрежные районы к северу от Южно-Китайского моря) постепенно попадала в орбиту политического влияния древнекитайских государств, чья историческая традиция с определенного времени отрицала культурную ценность исторического опыта «варваров» и не интересовалась их историей, тем более древней. Это привело к исчезновению соответствующей литературы, о существовании которой есть различные свидетельства.

Таким образом, развитая хроникальная традиция скорее всего не успела возникнуть, а ряд факторов способствовал

прекращению ее развития и исчезновению уже написанного. Тем не менее летописная традиция юэских (вьетских) государств в северо-восточной части Юго-Восточной Азии сохранилась в отрывках и пересказах в китайских сочинениях, таких как «У Юэ чуньцю» и «Саньгочжи». Сохранились ранние разделы монских хроник, но они практически не изучены; сохранились и куски лаквьетской (предков вьетнамцев) исторической традиции в виде полулегенд, вошедших в различные средневековые вьетнамские сочииения. Поскольку сравнение с более ранними внешними источниками подтверждает реальность описываемых в этих полулегендарных повествованиях событий, этой традиции можно верить, как и данным античных авторов, располагавших источниками, до нас не дошедшими.

Значительно больше дошло до нас эпиграфических материалов. Начиная с пока не прочитанных надписей с территории, где с VII в. до н. э. существовало государство Юэ (в устье Янцзы), и интереснейших хозяйственных документов (III—II вв. до н. э.) царства Диен (совр. провинция Юньнань), посвященных передаче рабов и скота, написанных полупиктографически и типологически близких к ранним письменностям Западной Азии и Египта, и кончая подробными кхмерскими документами, наиболее раиние из которых восходят к V—VI вв. н. э., практически все древние аустрические народы оставили нам то или иное количество документов на камне или металле. Примечательной особенностью эпиграфики этих веков является преимущественный интерес к личности владельца, к его движимому имуществу и рабам, в то время как в средние века основная часть эпиграфических документов трактует о земельном имуществе. Эта особенность документации также позволяет относить соответствующие классовые общества к дофеодальным. К сожалению, кроме «Надписей Камбоджи» Ж. Седеса и одноименной книги Р. Маджумдара, содержащих в числе прочих надписи эпохи древности, а также эпиграфического приложения в книге Р. Маджумдара «Королевство Тьямпа», где есть аналогичные документы по истории государства Тьямпа в современном Центральном Вьетнаме, остальные надписи опубликованы в журналах в разное время и не сведены в издания типа корпуса.

С середины I тысячелетия до н. э. в северо-восточной части «прото-Юго-Восточной Азии» распространяется китайская письменность и вэньянь постепенно становится официальным языком, вытеснившим ко II в. н. э. (насколько можно судить сейчас) местные ранние формы письменнос-

ти. С рубежа новой эры в ранних государствах остальных аустрических народов распространились письменности на базе различных индийских алфавитов и санскрит как язык религии и государства.

Даже в своем современном виде, практически на заре своего исследования, эпиграфика донесла до нас основные вехи исторического процесса, а у древних кхмеров и тьямов с IV—V вв. н. э.— и основные факты политической и культурной истории, династийные мифы и весьма важные сведения о социально-экономических отношениях. Для эпиграфики древности здесь характерно обобщенное описание экономических реалий, преимущественный интерес к религиозно-мифологическим сюжетам и династийной истории. Примечательно, что развитие эпиграфики шло у разных народов, воспринявших культурный опыт Индии, не единым путем, а в соответствии с их потребностями и особенностями социально-экономического устройства. У народов, «избравших» индуизм с его мощными храмовыми комплексами, быстро развивалась каменная «деловая» эпиграфика, но поздно возникли хроники, а там, где был распространен буддизм, рано появились хроники, но поздно — «деловая» эпиграфика, хотя иные ее виды были.

Надписи делались в основном на камнях (стенах, постаментах статуй, стенах храмов), кирпичах, металлических табличках, погребальных урнах, печатях и т. д. В более пространных обычно упоминались монарх, различные божества и перечислялись богоугодные дела монарха или высокопоставленных лиц. Реже встречались чисто религиозные надписи. Но все они относительно кратки, об исторических событиях в них почти не сообщается, кроме данных по генеалогии и сообщений о конкретном событии, вызвавшем создание надписи. Но поскольку собирание надписей только еще начинается, поскольку древних городов известно много, а раскопан пока только один (да и то частично), такие конкретные сообщения должны постепенно сложиться в общую историческую картину.

Археологические источники играют особо важную роль при изучении древней Юго-Восточной Азии в силу указанных выше особенностей письменных источников, и в первую очередь при изучении ранних этапов развития классового общества. Степень археологической изученности, резко возросшая за последние десятилетия, тем не менее ниже, чем для других обществ Древнего Востока, регулярные всесторонние планомерные исследования пока ведутся только в Социалистической Республике Вьетнам. Многие круп-

ные исторические области, длительные исторические периоды еще практически не изучены, по ним имеются лишь отрывочные сведения. Многое еще предстоит сделать и для выработки методики полевых исследований, в которой надо учитывать специфику культурного слоя поселений с деревянной, нередко столбовой архитектурой домов, что в сочетании с плохой сохранностью образует весьма своеобразные слои и др.

Возникнув в начале XX в. по преимуществу как археология первобытного общества, не располагавшая сколько-нибудь значительными кадрами и не знавшая крупных длительных экспедиций, археология древней Юго-Восточиой Азии лишь в 30-х годах начинает разрабатывать две свои основные темы: во-первых, материальная и духовная культура предклассовых и раннеклассовых обществ эпохи поздней бронзы (I тысячелетие до н. э.), и прежде всего древневьетского (лаквьетского) общества, оставившего знаменитую Донгшонскую культуру, и, во-вторых, древние города Юго-Восточной Азии, прежде всего древнекхмерские и древнемонские.

Необходимо отметить планомерные широкие раскопки памятников эпохи поздней бронзы, принадлежащих Донгшонской культуре (работы Ле Ван Лана, Фам Ван Киня, Нгуен Линя и др.), раскопки поселений в Таиланде и, несколько ранее — в Кампучии, исследования погребений правителей царства Диен в Шичжайшане, древией столицы вьетов Колоа, города Шрикшетра в Бирме и расположенного там же города близ современного Пейктано, иаконец, знаменитые раскопки в Окео, близ которого был раскопан один из древних городов империи Бапном.

Городская культура была в основных своих чертах самостоятельной, со своими храмовыми и дворцовыми комплексами, с тесной застройкой кирпичными и каменными здаииями. Исследования выявили системы древних каналов, ирригационных и транспортных и т. д. Тем самым в корне изменились сложившиеся в 30-е годы представления о Юго-Восточной Азии как области, где в первые века новой эры складывались лишь зачатки государствеиности, причем под сильиым индийским и китайским влиянием. Пока раскопана лишь часть одного города, не упоминающегося в письменных источниках, но и в нем помимо упоминавшихся архитектурных комплексов было найдено большое количество предметов европейского производства, не говоря уже об импорте из Индии, Ирана, Китая. Их во много раз больше, чем дали случайные находки и разведочные раскопки

во всей Юго-Восточной Азии за век археологических исследований. Эти раскопки показали, что внешние письменные источники, преобладающие по численности в древней истории области, не дают адекватного представлеиия об уровне социально-экономического и культурного развития аустрических народов.

§ 2. Источники чужеземные

Специфика внешиих источников применительно к истории Юго-Восточной Азии состоит, во-первых, в их односторонности, во-вторых, в изменчивости интереса, который вызывала одна страиа или группа стран у жителей другой страны на протяжении длительного времени, и, в-третьих, в культурной ограниченности авторов, часто не позволяющей адекватио понять те или иные реалии.

Индийские источники по истории Юго-Восточной Азии немногочисленны (отдельные упоминания в Рамаяне, пуранах, джатаках), к тому же они в значительной степени обесцениваются отсутствием привязки во времени, вообще присущим индийским текстам. Страны аустрического мира встречаются там как пример «далеких стран» в литературио-религиозных текстах и очень редко. Это могло бы показаться странным, если учесть обилие индийских вещей I—VI вв. н. э. в Юго-Восточной Азии и степень восприятия там индийской культуры. Но это же лишний раз подчеркивает неадекватность степени информированности народов Индии о странах на Востоке и той информации, которая сохранилась о них в источниках. Информация была значительной, но, во-первых, культурно незначимой, так как аустрический мир в это время не влиял на Индию, во-вторых, она относилась к той разновидности иинформации, которая плохо фиксировалась и применительно к самой Индии (описания стран и их истории). Индийская культура широко распространилась в аустрическом мире по сравнеиию с древнекитайской, но самое Индию это интересовало мало (в отличие от интереса, например, сингальских хроник Шри Ланки в средние века к делам в западной части Юго-Восточной Азии). Отсутствие соответствующих жанров привело к тому, что неизмеримо слабее влиявшее на древнюю Юго-Восточную Азию древнекитайское общество дало описания даже тех стран, где не обнаружено пока ни одного предмета китайского производства, не говоря уже о следах культурного влияния.

Характерный для античных источников интерес к реальностям окружающих стран привел к тому, что сведения о древних странах Юго-Восточной Азии попали в достаточно распространенные труды, которые дошли до нашего времени (сочинения Страбона, Помпония Мелы, автора «Перипла Эритрейского моря» и др.). И это при значительно меньшем объеме контактов по сравнению со странами Индии. Но к сожалению, эта информация весьма односторонняя. В рамках сложившейся традиции географических описаний дальних стран почти не было места для экономических и культурно-политических реалий. Географические точки, пути, названия, немного чудес (для совсем уже отдаленных районов), кое-что о торговле — вот все, что узнаем мы об этих странах. И это при высочайшей точности географических представлений, точности контуров побережья и расстояния (естественно, с известными искажениями, но с большей точностью, чем, например, в начале XVI в.), в основе которой лежало хорошее знакомство с этими районами европейских мореплавателей. Об этом же говорят сведения о посольствах в эти районы, находки римских изделий и др. Но дошедшие до нас упоминания содержатся в научных трудах со всеми вытекающими отсюда ограничениями на использование имеющегося материала. Нам известна лишь верхушка огромного айсберга сведений древних авторов о Юго-Восточной Азии. И вряд ли нам суждено узнать что-то большее.

Значительную часть имеющейся информации содержат древнекитайские источники. Их авторам присущ интерес к реалиям в самых различных сферах. Описаний чудес (кроме ранних описаний типа «Каталог гор и морей») мало, детальность описаний порой очень высока. Но в данной историко-культурной традиции исследователь сталкивается с другой особенностью внешних источников по сравнению с уже перечисленными — сменой интереса к одним сторонам жизни описываемых обществ интересом к другим ее сторонам. Это «беда» всех внешних источников описательного характера — односторонность и произвольность выбора аспекта преимущественного описания, «пульсация интереса» к данной стране. К этому необходимо добавить и искажения, имеющие пространственные причины, т. е. связанные с недостаточной информированностью о далеких странах и с падением степени информированности по мере удаления (это приводит к умалению значения и мощи далеких государств по сравнению с более слабыми, но близкими). Надо учитывать и искажения, имеющие концепту-

альные причины (враждебность к данному государству, уважение или неуважение по отношению к его культурным достижениям и т. п.). Все эти виды искажений особо важно учитывать в случаях, когда отсутствие своей подробной хроникальной или родственной ей традиции делает внешние источники основными, как это имеет место для северо-восточной части древней Юго-Восточной Азии.

В первой половине I тысячелетия до н. э. китайские источники кратки и содержат лишь описание политической истории. Эти описания даны в одинаковой форме и для древнекитайских государств, и для их соседей на юге — государств «прото-Юго-Восточной Азии». Рассмотрение древнекитайского общества как центра, а всего остального — как варварской периферии еще только складывается, и концептуальные аберрации минимальны для китайской исторической традиции этого времени, тогда как пространственные — о сильных и больших, но далеко расположенных государствах — велики. Описаний стран нет, есть лишь история, причем в основном наиболее близких к землям древних китайцев государств.

С середины I тысячелетия до н. э. информация становится более разносторонней, появляются описания, характеристики отдельных сторон жизни государства Вьет (Юэ) в сочинениях по военному искусству, в книге «Речи Царств» (Гоюй), в биографиях и т. п. С III—II вв. до н. э. появляется новый, важный для древней истории Юго-Восточной Азии вид источника — описание дел в соседнем государстве, его внутренней и внешней политики [наиболее характерны главы о Намвьете (Наньюэ) и других вьетских государствах у Сыма Цяня и соответствующие сведения, внесенные в «Ханьшу»]. Внимание к древним вьетским государствам, в том числе и к государству предков вьетнамцев — Аулаку — диктовалось как новой ситуацией (противостояние вьетских государств империям древних китайцев), так и изменением характера древнекитайских исторических источников в это время и общим ростом как созданного, так и дошедшего до нас объема текстов. Но после захвата этих государств в 111 г. до н. э. описания такого рода резко уменьшаются в числе на несколько веков, так как вьетские земли стали рассматриваться как провинции, описания которых появились лишь века́ спустя, включали гораздо меньше информации, в основном административного характера. Остальные же страны Юго-Восточной Азии мало интересовали империю Хань, и информация о них стала поступать позднее из сочинений, созданных по преимущест-

ву в южных царствах (У и др.). Заморские связи — основной источник информации древних китайцев о не-вьетских странах аустрического мира — были у империи Хань крайне незначительны. От этого времени дошли лишь краткие описания правлений части ханьских губернаторов, упоминания о восстаниях и их подавлении, части биографий крупных деятелей, если им приходилось служить во вьетских землях, сведения об изменении административного устройства и краткие налогово-статистические сведения.

Интерес к странам Юго-Восточной Азии усиливается в III в. н. э., но не в собственно китайских царствах, а в южном царстве У, возникшем на месте ряда вьетских государств. Унаследовав традиционные связи с другими государствами Юго-Восточной Азии, царство У продолжало поддерживать с ними оживленные и разнообразные контакты. Это привело к появлению целого ряда сочинений с описаниями этих стран и поездок туда официальных лиц. Интерес к югу был связан и с активными контактами с буддийскими центрами Индии и обусловлен распространением буддизма в III—V вв. в верхах китайского общества. Этот период «культурной открытости» сопровождался возросшим интересом к путешествиям и к географическим знаниям о сопредельных районах. Географические описания этого времени сообщают много интересного об экономике, культуре и политической истории многих стран Юго-Восточной Азии. Наиболее интересная подборка таких сведений (о Малаккском полуострове) содержится в книге П. Уитли «Золотой Херсонес». Но в начале средних веков подобные контакты ослабли, приток информации и ее воспроизведение в текстах сократились в объеме, сводясь во многом к сообщениям о прибытии купцов из этих стран, обычно рассматривавшимся как «принесение даров».

Как видно из этого краткого описания, у древнекитайских авторов имел место интерес то ко внутренней политике, то к географическим описаниям, то к административной деятельности, а порой не было практически никакого интереса. Все это имело следствием односторонность описаний, а то и их отсутствие. Помимо этого имеющиеся описания содержали в различной степени и искажения, обусловленные культурно-исторической традицией. На смену описанию государств Дальнего Востока и «прото-Юго-Восточной Азии» как одинаковых пришло противопоставление «культурного» центра и «варварской» периферии, из него вышла концепция цивилизаторской миссии по отношению к «варварам». Отсюда вытекало нежелание рассматривать куль-

турные достижения соседних государств (помимо связанных с буддизмом в III—V вв. н. э.), а порой — и откровенные выдумки (о распространении китайскими администраторами, а порой и послами, культурных достижений, таких, как одежда, умение пахать землю и т. д., в то время как не только археологические свидетельства, но и данные древнекитайских источников доказывают наличие соответствующих явлений до контакта с китайцами). В то же время географические описания содержат массу ценных сведений, поскольку имели целью предоставление администрации справочных данных, а не рассказ о «чудесах далеких стран». Реалии передавались достаточно точно, хотя из-за регулярной переписки старых трудов имеются заметные искажения (особый вид искажений, связанный со «скрытым цитированием» источников, порой удаленных на века).

Изучение источников по древней истории Юго-Восточной Азии еще только начинается. Большие задачи стоят перед археологией, так как из многого уже обнаруженного раскопана лишь небольшая часть. То немногое из эпиграфических памятников, что пока найдено, достаточно для констатации наличия здесь в прошлом развитой и многообразной эпиграфики, созданной на своих, заимствованных и переработанных уже в древности, письменностях. Исследованы еще не все известные памятники, такие, как хроники монов, только начато изучение исторической традиции вьетов, содержащейся как во вьетских, так и в китайских текстах. И наконец, из массы древних и раннесредневековых китайских текстов пока извлечено лишь то, что находится в разделах, так или иначе посвященных странам и народам Юго-Восточной Азии.

* * *

Общий обзор источниковедения Древнего Востока показывает, что дошедшие до нас источники дают обширную информацию об истории и культуре древневосточных народов. Нет необходимости преувеличивать трудности интерпретации древневосточных документов вплоть до того, чтобы объявить принципиальную невозможность понять ход исторического процесса и особенности древневосточных культур как совершенно оторванных от современного исследователя. И богатый опыт сохранения многих древних традиций в современных странах Южной Азии и Дальнего Востока, и совершенные методы исследования ученых показывают, что современная наука может составить себе адекватное представление об основных особенностях и сущности исторического процесса в древневосточном мире.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. МАРКСА, Ф. ЭНГЕЛЬСА, В. И. ЛЕНИНА

Маркс К. Британское владычество в Индии.—**Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд., т. 9.

Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии.— **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд., т. 9.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд., т. 21.

Ленин В. И. О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39.

ТРУДЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

История Африки. Хрестоматия. М., 1979.

Хрестоматия по истории Древнего Востока/Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина. М., 1980, ч. 1—2.

Хрестоматия по истории Древнего Востока/Под ред. В. В. Струве, Д. Г. Редера. М., 1963.

Хрестоматия по истории древнего мира/Под ред. В. В. Струве, М., 1950, ч. 1. Восток.

Античная география. М., 1953.

Бузескул В. П. Открытия XIX — начала XX в. в области истории древнего мира. Пг., 1922, ч. 1. Восток.

Гельб И. Е. Опыт изучения письма. Основы грамматологии. М., 1982.

Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.

Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

История древнего Востока/Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1983, ч. I. Месопотамия.

История древнего мира/Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М., 1982, т. 1—3.

История Древнего Востока/Под ред. В. И. Кузищина. М., 1979.

Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). М., 1976.

Мифы народов мира. М., 1980, т. 1—2.

Никитина В. Б., Паевская Е. В., Позднеева Л. Д., Редер Д. Г. Литература Древнего Востока. 2-е изд. М., 1972.

Памятники письменности и литературы Ближнего Востока/Под ред. Н. В. Пигулевской. М.— Л., 1965.

Постовская Н. М. Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959). М., 1961.

Поэзия и проза Древнего Востока.— Библиотека всемирной литературы. М., 1973.

Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки/Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1976.
Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961.
Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
Языки Азии и Африки. Индоевропейские языки. М., 1976.
Freydank H., Reineke W. F., Schetelich M., Thilo T. Der Alte Orient in Stichworten. Lpz., 1978.
Knudtzon J. A. Die El-Amarna Tafeln. Lpz., 1915.
Mercer S. A. B. Tell El-Amarna Tablets. Toronto, 1939.
Pritchard J. B. Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament. Princeton, 1950.
Rainey A. F. El Amarna Tablets 359—379. Kevelaer, Neukirchen-Vluyn, 1978.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Арриан. Поход Александра/Пер. М. Е. Сергеенко. М.— Л., 1962.
Гелиодор. Эфиопика/Ред., пер., вступ. статья и коммент. А. Егунова. М., 1965.
Геродот. История в девяти книгах/Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
Диодор Сицилийский. Историческая библиотека/Пер. И. Алексеева. Спб., 1774.
Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, пер., коммент. М., 1982.
Иосиф Флавий. Иудейские древности. Спб., 1900.
Иосиф Флавий. О древности иудейского народа. Против Апиона. Спб., 1898.
Квинт Курций Руф. История Александра Македонского/Пер. под ред. В. С. Соколова. М., 1963.
Ксенофонт. Анабасис. М.— Л., 1951.
Ксенофонт. Киропедия. М., 1976.
Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Спб., 1890—1900, т. 1. Греческие писатели. Спб., 1904—1906; т. 2. Латинские писатели.
Лукиан Самосатский. Избранное/Пер., вступ. ст. И. Нахова. М., 1962.
Материалы из греческих авторов по древней Индии.— Вестник древней истории (далее — ВДИ), 1940, № 2.
Николай Дамасский. История. — ВДИ, 1960, № 3—4.
Павсаний. Описание Эллады/Пер. С. П. Кондратьева. М.— Л., 1938—1940, т. 1—2.
Плутарх. Моралии. Об Исиде и Осирисе/Пер. Н. Н. **Трухиной.** — ВДИ, 1977, № 3—4.
Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.
Страбон. География в 17 книгах/Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.
Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога/Пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского. — ВДИ, 1954, № 2—4; 1955, № 1.
Baumgarten A. I. The «Phoenician History» of Philo of Byblos: A Comment. Leiden, Brill, 1981.
Diodorus Siculus. Works/With an English Translation by Oldfather C. H. 12 vol. Cambridge, L., 1967.

Herodotus./With an English Translation by A. Godley. 4 vol. Cambridge (Mass.), L., 1981.
Manetho. Ptolemy/With an English Translation by W. G. Waddel F. E. Robbins. Cambridge (Mass.), L., 1971.
Pliny. Natural History/With an English Translation by D. E. Eichholz. 10 vol. Cambridge (Mass.), L., 1962.
Ptolemais. Geographie. Ostiran und Zentralasien/Ed by I. Ronka Roma, 1971, v. 1.

Египет

Берлев О. Д. Один из способов датировки стел Среднего царства.— Кратькие сообщения Иисгитута народов Африки (далее — КСИНА), 1962, № 46.
Богословский Е. С. Памятники и документы из Дейр-эль-Медиие, хранящиеся в музеях СССР.— ВДИ, 1972, № 1—4; 1973, № 1—3.
Быстрикова М. Г. Неиздаиные папирусы и другие тексты Государственного Эрмитажа и ГМИИ имени А. С. Пушкииа.— ВДИ, 1969, № 4.
Древняя Нубия/Под ред. Б. Б. Пиотровского. М.— Л., 1964.
Кинк Х. А. Египет до фараонов. М., 1964.
Коростовцев М. А. Египетский иератический папирус № 126 Государственного Эрмитажа (пророчество Неферти). — КСИНА, 1961, № 44.
Коростовцев М. А. Иератический папирус № 127 из собрания ГМИИ. М., 1961.
Коростовцев М. А. Писцы Древнего Египта. М., 1962.
Коростовцев М. А. Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза. М., 1978.
Коростовцев М. А. Путешествие Ун-Амуна в Библ. М., 1960.
Лурье И. М. Источники по древнеегипетскому налоговому обложению времени Нового царства. — ВДИ, 1961, № 2—4.
Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI—X вв. до н. э. Л., 1960.
Максимов Е. Н. Папирус 1115 из собрания Государствениого Эрмитажа. — В кн.: Древний Египет и древияя Африка. М., 1967.
Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М., 1956.
Перепелкии Ю. Я. Переворот Амен-хотпа IV. М., 1967, ч. 1.
Пиотровский Б. Б. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. М., 1983.
Сказки и повести Древнего Египта/Пер. И. Г. Лившица. Л., 1979.
Тураев Б. А. Египетская литература. М., 1920, т. 1.
Тураев Б. А. Описание египетского собраиия. Статуи и статуэтки Голенищевского собрания. Пг., 1917.
Тураев Б. А. Рассказ египтянина Синухета и образцы египетской документальной автобиографии. М., 1915.
Allen T. G. The Book of the Dead. Chicago, 1960.
Barguet P. Le livre des morts des anciens égyptiens. P., 1967.
Breasted J. H. Ancient Records of Egypt. Chicago, 1927, vol. 1—5.
Buck A. de. Egyptian Coffin Texts. Chicago, 1933—1968, vol. 1—7.
Clére J. J., Vandier J. Les textes de la I-ére période intermédiaire et de la XI-e dynastie. Bruxelles, 1947.
Cerny J. et alii. Repertoire onomastique de Deir-el-Medineh. Le Caire, 1949.
Erman A. Die Literatur der Aegypter. B., 1923.
Faulkner R. O. The Ancient Egyptian Coffin Texts. Warminster, 1973 — 1978, vol. 1—3.

Faulkner R. O. The Ancient Egyptian Pyramid Texts. Oxford, 1969, vol. 1—2.

Frankfort H. Cylinder Seals. L., 1939.

Gardiner A. H. Ancient Egyptian Onomastica. Oxford, 1947, vol. 1—3.

Hornung E. Das Amduat. Wiesbaden, 1963, vol. 1—2.

Kaplony P. Die Rollsiegel des Alten Reiches. Bruxelles, 1977.

Kitchen K. A. Ramesside Inscriptions. Oxford, 1969.

Lepsius R. Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. B., 1849—1919.

Mercer S. A. B. The Pyramid Texts in Translation and Commentary N.-Y., L., Toronto, 1952, vol. 1—4.

Otto E. Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit. Leiden, 1954.

Porter B., Moss R. L. B. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. Oxford, 1927—1951, vol. 1—7.

Posener G. Catalogue des ostraca littéraires de Deir el-Médineh. Le Caire, 1938—1980.

Ranke H. Wörterbuch der ägyptischen Personennamen. Lpz.—Wiesbaden, 1925—1977.

Roeder G. Urkunden zur Religion des alten Ägypten. Jena, 1923.

Sethe K. Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten. Glückstadt, 1937, Bd. 1—3.

Vandier J. Manuel d'archéologie égyptienne. P., 1952—1978, vol. 1—6.

Передняя Азия

Арутюнян Н. В. Новые надписи Кармир-блура. Ереван, 1966.

Арутюнян Н. В. Хорхорская летопись Аргишти I, царя Урарту. — Эпиграфика Востока, 1953, вып. VII.

Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979.

Вайман А. А. Истолкование некоторых знаков в протошумерских списках рабов и рабынь. — ВДИ, 1981, № 4.

Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. Спб., 1909.

Волков И. М. Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине в VI в. до Р. Х. М., 1915.

Вулли Л. Ур халдеев. М., 1961.

Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981.

Гиоргадзе Г. Г. «Тексты Анитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов.— ВДИ, 1965, № 4.

Дандамаев М. А. Вавилонские писцы. М., 1983.

Древние языки Малой Азии. М., 1980.

Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту.— ВДИ, 1951, № 2—3.

Дьяконов И. М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства.— ВДИ, 1952, № 4.

Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М.— Л., 1963.

Дьяконов И. М. Эпос о Гильгамеше. М.— Л., 1959.

Канева И. Т. Шумерский героический эпос.— ВДИ, 1964, № 3—4.

Кинк Х. А. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху. М., 1978.

Коннова Н. И. Лидия в древнейшей греческой традиции.— В кн.: Норция. Воронеж, 1978, вып. 2.

Луна, упавшая с неба/Пер., вступ. ст., коммент. В. В. Иванова. М., 1977.

Лундин А. Г. О характере надписей из Джар ал-Лабба. — ВДИ, 1972, № 1.

Лундин А. Г. Социально-экономические данные сабейских посвятительных надписей периода мукаррибов Саба. — ВДИ, 1962, № 3.

Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.

Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. Открытия и публикации 1954—1970 гг. — ВДИ, 1971, № 3—4.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.

Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М., 1978.

Пиотровский М. Б. Предание о химйаритском царе Асаде ал-Камиле. М., 1977.

Рифтин А. П. Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М.— Л., 1937.

Тураев Б. А. Остатки финикийской литературы. Спб., 1903.

Шифман И. Ш. Арабы у Гомера и Геродота. — Палестинский сборник, 1962, № 9.

Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры/Под ред. Б. Б. Пиотровского. М., 1978, вып. 1.

Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР. М., 1960.

Янковская Н. Б. Юридические документы из Аррапхи в собраниях СССР.— Переднеазиатский сборник, 1961, вып. 1.

Я открою тебе сокровенное слово/Сост. И. М. Дьяконов, В. К. Афанасьева. М., 1981.

Aistleitner J. Die mythologischen und kultischen Texte aus Ras Shamra. Budapest, 1959 (1964).

Akurgal E. Die Kunst der Hethiter. Münich, 1961.

Akurgal E. Phrygische Kunst. Ankara, 1955.

Allbright W. F. The Archeology of Palestine. Harmondsworth, 1956

Barnett R. D. Assyrische Palastreliefs. Praga, s. d.

Berger P.-R. Die neubabylonischen Königsinschriften. Neukirchen-Vluyn, 1973.

Blegen K. Troya and the Trojans. N.-Y., 1964.

Borger R. Handbuch der Keilschriftliteratur. B. — N.-Y., 1967—1975, Bd. 1—3.

Driver G. R., Miles J. C. The Babylonian Laws. Oxford, 1952—1955, vol. 1—2.

Eissfeldt O. Einleitung in das Alte Testament. Tübingen, 1964.

Gordon C. H. Ugaritic Literature. Roma, 1949.

Gordon C. H. Sumerian Prowerbs. Philadelphia, 1959.

Grayson A. K. Assyrian and Babylonian chronicles. N.-Y., 1975.

Grayson A. K. Assyrian Royal Inscriptions. Wiesbaden, 1972—1976, vol. 1—2.

Hanfmann G. M. A. Letters from Sardis. Cambridge, 1972.

Knudtzon J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott. Lpz., 1893, Bd. 1—2.

Lambert W. G. Babylonian Wisdom Literature. Oxford, 1960.

Laroche E. Catalogue des textes Hittites. P., 1971.

Layard A. H. The Monuments of Nineveh. L., 1849.

Lloyd S. The Archaelogy of Mesopotamia. L., 1978.

Luckenbill D. D. Ancient Records of Assyria and Babylonia. Chicago, 1926—1927, vol. 1—2.

Mallowan M. E. L. Nimrud and its Remains. L., 1966, vol. 1—2.
Masson E. Le panthéon de Yazilikaya P., 1981.
Özgüc T. Ķültepe — Ķanis. Ankara, 1959.
Palais royal d'Ugarit. P., 1957—1970, vol. I—VI.
Pfeiffer R. State Letters of Assyria. New Haven, 1935.
«Sardis». The Excavations, 1910—1914. Leiden, 1922.
Ugaritica I—VII. P., 1939—1979.
Waterman L. Royal Correspondance of the Assyrian Empire. Michigan, 1930—1936, part I—IV.
Weidner E. F. Politische Documents aus Ķleinasien. Lpz., 1923.
Wiseman D. J. The Alalakh Tablets. L., 1953.

Иран и Средняя Азия

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.— Л., 1950—1953, т. 1—3.
Дандамаев М. А. Новые документы царского хозяйства в Персеполе. — ВДИ, 1972, № 1.
Зеймаль Е. В. Монеты великих кушан в Государственном Эрмитаже. — Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1967, т. 9.
Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968, 1973, вып. I—2.
Юсифов Ю. Б. Эламские хозяйственные документы из Суз. — ВДИ, 1963, № 2—3.
Bernard P., Frankfort H.-P. Études de Geographie historique sur la plaine d'Ai Ķhanoum (Afghanistan). P., 1978.
Cameron G. G. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.
Excavations in Iran. The British Contribution. Oxford, 1972.
Hallock R. T. Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969.
König F. W. Die elamischen Ķönigsinschriften. — Archiv für Orientforschung, 1965, Beiheft XVI, Graz.
Lahiri A. N. Corpus of Indo-Greek Coins. Calcutta, 1965.
Matheson S. A. Persia: an archaeological guide. L., 1972.
Prolegomena to the Sources on the History of Pre-islamic Central Asia. Budapest, 1979.
Schmidt E. F. Persepolis. Chicago, 1953—1970, vol. 1—3.
Tchoga Zanbil. P., 1967—1968, vol. 1—3.

Южная Азия

Артхашастра. М.— Л., 1959.
Атхарваведа. Избранное. М., 1976.
Бируни. Индия. Избранные произведения. Ташкент, 1963, т. 2.
Брихадараньяка упанишада. М., 1964.
Вигасин А. А. Источниковедческие проблемы изучения «Артхашастры» — ВДИ, 1972, № 1.
Джатаки. М., 1979.
Законы Ману. М., 1960.
Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М., 1959.
Ķара-тепе. М., 1964—1982, вып. 1—5.
Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.
Махабхарата. М.— Л., 1950—1983, т. 1—5.
Махабхарата и Рамаяна. — Библиотека всемирной литературы. М., 1974.

Минаев И. П. Буддизм. Исследования и материалы. Спб., 1887.
Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды. М., 1982.
Пратимокша-сутра. Буддийский служебник. Спб., 1869.
Ригведа. Избранные гимны. М., 1972.
Сиркар Д. Ч. Древние индийские надписи. — ВДИ, 1962, № 3.
Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. М., 1965, 1968, 1972, 1975.
Упанишады. М., 1967.
Чхандогья упанишада. М., 1965.
Щетенко А. Я. Первобытный Индостан. М., 1980.
Эрман Г. В. Очерк истории ведийской литературы. М., 1980.
Agrawala V. C. India as known to Pānini, Lucknow, 1953.
Allan J. Catalogue of the Coins of Ancient India in the British Museum. L., 1936.
Barua B. M. Bharhut. Calcutta, 1922, vol. 1—3.
Cowell E. B. Jataka Stories of the Buddha's Former Births. L., 1884, vol. 1—6.
Dandekar R. N. Vedic Bibliography (since 1930). Poona, 1946, 1964, vol. 1—2.
Dharmaśāstra's, «Sacred Books of the East». Vol. II, VII, XIV, XXV, XXXIII.
Geiger W., Bode M. H. The Mahavamsa of the Great Chronicle of Ceylon. L., 1912.
Geldner K. F. Der Rigveda. Cambridge, 1951—1957.
Gonda J. Vedic Literature. Wiesbaden, 1974.
Gonda J. The Ritual Sūtras. Wiesbaden, 1978.
Grihyasūtra's. «Sacred Books of the East». Vol. XXIX—XXX.
Jaina Sūtras. «Sacred Books of the East». Vol. XXII, XLV.
Jain J. Life in Ancient India as Depicted in the Jain Canon. L., 1947.
Kane P. V. History of Dharmaśāstra. Poona, 1930—1962, vol. I—V.
Kangle R. P. The Kautilīya Arthaśāstra. Bombay, 1960—1963, vol. 1—3.
Lal B. B. Indian Archeology since Independence. Delhi, 1964.
Macdonnell A., Keith A. B. Vedic Index of Names and Subjects. L., 1912, vol. 1—2.
Mahābhārata. Myth and Reality — differing Views. Delhi, 1976.
Marshall J. Mohenjo-Daro and the Indus Civilisation. L., 1931, vol. 1—3.
Rau W. Staat und Gesellschaft im Alten Indien. Wiesbaden, 1957.
Sternbach L. Bibliography of Dharma- and Artha-Literature. Delhi, 1975.
Vinaya Texts. «Sacred Books of the East», Vol. XIII, XVII, XX.
Jājñavalkya's Gesetzbuch. B., L., 1849.

Китай и Юго-Восточная Азия

Васильев К. В. Заметки по эпиграфике периода Чжаньго (V—III вв. до н. э.).— В кн.: Эпиграфика Восточной и Южной Азии. М., 1972.
Васильев К. В. Планы сражающихся царств. (Исследования и переводы). М., 1968.
Деопик Д. В. Опыт количественного анализа древней восточной летописи Чуньцю. — В кн.: Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.
Древнекитайская философия. М., 1972, т. 1—2.
Карапетьянц А. М. «Чуньцю» в свете древнейших китайских источников. — В кн.: Китай: государство и общество. М., 1977.

Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу)/Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л. С. Переломова. М., 1968.
Конрад Н. И. Сунь-цзы. У-цзы. Трактаты о военном искусстве. М., 1977.
Кроль Ю. Л. Сыма Цянь — историк. М., 1970.
Крюков М. В., Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык. М., 1978.
Кучера С. К вопросу о датировке и достоверности «Чжоули». — ВДИ, 1961, № 3.
Кучера С. Китайская археология. М., 1977.
Познер П. Б. Древний Вьетнам. Проблемы летописания. М., 1980.
Синицын Е. П. Бань Гу — историк Древнего Китая. М., 1975.
Сыма Цянь. Избранное. М., 1955.
Сыма Цянь. Исторические записки. (Ши цзи). М., 1972—1975, т. 1—2.
Феоктистов В. Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. М., 1976.
Шицзин. М., 1957.
Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. New Haven, L., 1968.
Chavannes E. Les mémoires historiques de Se-ma Ts'ien. P., 1895—1905, vol. 1—5.
Cheng Te-k'un. Archaeology of China. Cambridge, 1963, vol. 3. Chou China.
Dubs H. H. The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku. Baltimore, 1938—1955, vol. 1—3.
Legge J. The Chinese Classics. Peiping, 1940, vol. I—II.
Loewe M. Records of Han Administration. Cambridge, 1967, vol. 1—2.
Waley A. The Analects of Confucius. N.-Y., 1960.
Watson B. Records of the Grand Historian of China Translated from Shih Chi of Ssu-ma Ch'ien by B. Watson. N.-Y., L., 1961, vol. 1—2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Алексей Алексеевич Вигасин, Мухаммед Абдул-Кадырович Дандамаев, Михаил Васильевич Крюков и др.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Заведующая редакцией Т. Г. Липкина. Редактор Н. В. Павлова. Младшие редакторы О. Т. Ускова и Г. М. Фирсова. Художник А. Е. Коленков. Художественный редактор Т. А. Коленкова. Технический редактор З. А. Муслимова. Корректор М. М. Сапожникова

ИБ № 4480

Изд. № ИСТ-331. Сдано в набор 06.12.83. Подп. в печать 23.03.84. А-06035. Формат 84×108 1/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 20,58 усл. печ. л. 20,58 усл. кр.-отт. 23,19 уч.-изд. л. Тираж 17 000 экз. Зак. № 2091. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.